

Е. П. Матузкова

**ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЛИНГВОКУЛЬТУРА:
МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ**

Одесса - 2014

УДК 811.111'42.001.361 ББК 81.432.1 - 3 А 348

Рецензенты:

Бессонова О.Л., доктор филологических наук, профессор, Донецкий национальный университет

Селиванова Е.А., доктор филологических наук, профессор, Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого **Таранец В.Г.**, доктор филологических наук, профессор, Международный гуманитарный университет

Научный редактор:

Колегаева И.М., доктор филологических наук, профессор, Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова

Рекомендовано Ученым советом Одесского национального университета им. И.И.Мечникова (*Протокол № 10 от 24.06.2014 г.*)

Матузкова Е.П.

М 348 Идентичность и лингвокультура: методология изучения:

монография / Е.П.Матузкова. - Одесса: Издательство КП ОГТ, 2014. - 334 с.

ISBN 978-617-637-068-0

Монография посвящена актуальной проблеме исследования идентичности как междисциплинарной лингвистической когнитивно-дискуссионной категории. Рассматриваются хронологические этапы историко-понятийного становления идентичности, анализируются ее системно-структурные характеристики, освещается методология зарождающихся междисциплинарных подходов к ее изучению, обосновываются методологические принципы авторской теории лингвокультурной коллективной идентичности. Впервые в лингвистике конструируется лингвокультурный гиперконцепт «English Identity» и исследуется современный англоязычный дискурс идентичности как пространство его вербализации.

Для филологов и специалистов в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики, дискурсологии, лингво- страноведения Великобритании.

ISBN 978-617-637-068-0

УДК **811.111'42.001.361**
ББК 81.432.1 - 3

© Матузкова Е.П., 2014 © Одесский
национальный университет им.
И.И.Мечникова, 2014

Памяти моего папы

Посвящается моей семье

**С благодарностью
моим учителям**

Введение.....	6
Глава I. Идентичность в социогуманитарной парадигме	
XX-XXI веков.....	17
1.1. Идентичность в XX веке: становление понятия.....	19
1.1.1. Первый этап: артикуляция понятия	19
1.1.2. Второй этап: актуализация понятия.....	23
1.1.3. Третий этап: универсализация понятия.....	29
1.2. Идентичность в XXI веке: категоризация понятия	38
1.2.1. Идентичность как междисциплинарная категория.....	39
1.2.2. Основные междисциплинарные подходы к изучению идентичности.....	42
1.2.3. Идентичность как объект изучения гуманитарных наук.....	52
глава II. Идентичность: классификация и определение.....	64
2.1. Проблема классификации идентичности	64
2.2. Классификация идентичности по структурным параметрам.....	67
2.3. Классификация идентичности по системным параметрам	77
2.4. Отличительные черты идентичности.....	93
2.5. Идентификация и идентичность.....	98
глава III. Идентичность и язык	109
3.1. Идентичность и язык в социогуманитарном знании.....	109
3.2. Идентичность в лингвистике: проблематика и перспективы изучения	122
3.3. Идентичность как междисциплинарная лингвистическая категория	129
3.3.1. Идентичность как коммуникативно-функциональная категория	130
3.3.2. Идентичность как когнитивно-лингвистическая категория ..	146

глава IV. Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая категория	164
4.1. Актуальность лингвокультурологического ракурса рассмотрения идентичности	164
4.2. Лингвокультурология как научная дисциплина в языкознании XXI века	167
4.3. Культура как ключевое понятие лингвокультурологии	180
4.4. Культура и идентичность: культурная идентичность	187
4.5. Язык, культура и идентичность: лингвокультурная идентичность ..	196
глава V. Английская коллективная идентичность как ментальная категория и ее вербализация в современном англоязычном документальном дискурсе	216
5.1. Английская самобытность как объект исследования	216
5.2. Термины, обозначающие английскую самобытность	223
5.3. Английская коллективная идентичность как лингвокультурный гиперконцепт.	236
5.4. Английская коллективная идентичность и дискурс	247
5.4.1. Дискурс и дискурс идентичности: к определению понятий	249
5.4.2. Дискурс английской коллективной идентичности: типы и модификации	254
5.4.3. Конституенты документального дискурса английской коллективной идентичности	260
Заключение	274
список литературы	278

ВВЕДЕНИЕ

Идентичность - сложный и многогранный феномен, интегрирующий культурный, ментальный, социальный, коммуникативный и языковой аспекты. Все ее многочисленные и сегодня уже труднообозримые определения так или иначе сводятся к тому, что идентичность индивида или группы создается обществом, в котором они живут, культурой, к которой они принадлежат, языком, которым они пользуются в ходе своей мыслительной и коммуникативной деятельности.

В нашем веке проблема идентичности выходит по значимости на одно из первых мест. Эту ситуацию ещё в начале 70-х годов XX века прогнозировал К. Леви-Строс, который утверждал, что кризис идентичности станет новой бедой века, и предсказывал изменение статуса данной проблемы из социально-философского и психологического в междисциплинарный [Леви-Строс 1985]. Известный британский социолог польского происхождения Зигмунд Бауман в своей книге «Идентичность» (*Z. Bauman, Identity, 2010*) отмечает необыкновенную популярность этого понятия в современной общественной и научной жизни: «Обсуждение идентичности превратилось в социально необходимую конвенцию, норму... Всего ещё несколько десятилетий назад «идентичность» никак не претендовала на центральное место нашего мышления, а оставалась лишь объектом философских медитаций. Сегодня, однако, это слово - у всех на устах. Все то и дело обсуждают этот животрепещущий вопрос, вызывающий подчас горячую и острую полемику в современном обществе» [Bauman 2010, 16-17].

Обсуждение идентичности занимает центральное место в современной социальной и политической жизни, а также в многочисленных произведениях художественной, документальной и публицистической литературы, в которых поиски единственной или множественных идентичностей или же их потеря, а также кризис идентичности являются темами первостепенной важности. В 2008 году в Великобритании вводится новая тема экзамена по английской литературе по программе средней школы на повышенном уровне (*English Literature A-level Exam*): Поиски «идентичности» в современной литературе (*The Struggle for Identity in Modern Literature*) [Об этом см.: Leach 2008].

Ученикам предлагается выбрать по 3 произведения из каждого литературного жанра - художественной прозы, поэзии, драмы, документальной и научной прозы (*non-fiction*), написанные в период между 1800-1945 годами, а также в период после 1990-х годов. Проза представлена 14 произведениями, поэзия - шестнадцатью, драма - семнадцатью, документальная и научная проза - двадцатью. Все эти произведения затрагивают вопросы социальной, личной, расовой, гендерной (женской), этнической (*Welsh, Irish, Scottish*), национальной (*British, American, Indian, Canadian*), финансовой, культурной, географической, молодежной, религиозной, классовой идентичности. В них также отражены проблемы потерянной, контролируемой, скрываемой (*lost, concealed, controlled*) идентичностей и кризиса идентичности. А автор романа *Trumpet* Джеки Кей (*Jackie Kay, 1998*), чернокожая уроженка Шотландии, живущая в Англии, лесбиянка, приемная дочь своих родителей пишет о так называемой «запрещенной» *forbidden*) идентичности.

Обращение *научной парадигмы* XX века к теме идентичности и необычайная активность и многочисленность исследований в этом русле в XXI веке связаны, прежде всего, с так называемой потерей «кредитоспособности» традиционной терминологии и понятийности [Bauman 2010; Заковоротная 1999; Малахов 2011 и мн. др.].

Понятийный аппарат классической и (частично) неклассической философии характеризовал человека как устойчивую, данную, тождественную самому себе экзистенциальную целостность. В современных условиях постмодернистского глобализованного мира такой сугубо узкоспециальный экзистенциальный подход подвергается резкой критике, существенному пересмотру основных положений и понятий, а то и вовсе отторгается социальными науками. Например, Э. Эриксон, вводя понятие психосоциальной идентичности в научный обиход, в отличие от философских установок экзистенциализма, утверждает, что экзистенциальное тождество личности развивается в соответствии с групповой идентичностью, а не вне ее или в противовес ей. Как отмечает Е.В. Якимова, в концепции Э. Эриксона экзистенциальные параметры личности оказываются инвариантом социально-принятого способа бытия, в рамках которого индивид реализует свой личностный потенциал. И такая социально-историческая идентичность группы

расценивается ее членами как единственно подлинный способ существования, участие в котором приобщает индивида к высшей реальности и дает ему гарантии морального бессмертия [Якимова 2007, 727].

В общепсихологических и социально-психологических исследованиях актуализация проблематики идентичности была обусловлена не только кризисом экзистенциального подхода к понятию личности, самости, самосознания, но и существующими противоречиями между структурно-функционалистской и феноменологической традициями в исследовании личности, а также нерешенностью проблемы соотношения «индивидуальное - социальное» в личности [Антонова 1996].

Так, с точки зрения указанных научных подходов и традиций, личность рассматривается как объективно устоявшаяся, фиксированная совокупность персональных характеристик, функций, мотивов, что дает возможность выделять ее инварианты, сравнивать разные личности и т.д (структурно-функционалистская традиция), и как принципиально уникальная, ни на что не похожая и ни с чем не сравнимая сущность (феноменологическая традиция), ядро которой - реальное «Я» - целостно и постоянно в течение всей жизни человека (экзистенциальный подход).

Новый поворот в проблематике изучения личности, произошедший благодаря введению термина «идентичность», был, прежде всего, связан с психологизацией и социологизацией личности и ее самосознания, где «Я» рассматривалось как соотношение:

- субъективного, отраженного (зеркального) и ролевого «Я» в структурно-функциональных версиях социологии личности;
- структур «сверх-Я», «Оно» и «Я» во фрейдизме и неофрейдизме;
- структур «Я» (*I*) и «Другого» (*me*) в символическом интеракционизме;
- проблем «Я - Я» и «Я - Он» в концепции автокоммуникации и т.д.

В таком ракурсе человек как целостность оказывается не данным исключительно самому себе, он реализуется прежде всего в межсубъектном пространстве диалога-коммуникации. Личность проецирует себя в это пространство, получая подтверждение своей

идентичности от других. Соответственно, идентичность может быть относительно устойчивой лишь в том случае, если человек получает подобное подтверждение и как личность вообще, и как личность индивидуальная. Тем самым, происходит «аннигиляция тождественности, всегда принадлежащей и апеллирующей к прошлому, за счет открытости идентичности в будущее и принципиальной незавершенности человека» [Абушенко 1998, 403]. Поэтому актуальные в современной научной парадигме психоаналитический, социологический, когнитивный и конструкционистский подходы к изучению идентичности акцентируют внимание на *иллюзорном, неуловимом, вымышленном, конструируемом, множественном, динамичном и социальном* характере идентичности.

В итоге понятие идентичность не только разрушило традиционное представление о тождественности, но и послужило средством максимальной радикализации понятия самости и перевода проблематики классической и постклассической философии в пространство интерсубъективности. Именно такая перспектива позволила соотнести трактовки идентичности в философском и социогуманитарном знании, избежать нежелательных ассоциаций с «философией сознания» и в то же время не ограничить соответствующую проблематику рамками психоанализа. Благодаря этому появилась возможность тематизировать нерелексивные, «ускользающие от контроля самосознания» содержания и вместе с тем не прибегать к таким понятиям психоанализа как «подсознание» и «бессознательное» [Подробнее об этом см.: Абушенко 1998, 403; Малахов 1998, 201].

В свою очередь смена системы традиционных понятий в социогуманитарных и философских исследованиях отражает реакцию науки на резкое изменение социокультурных условий.

Раньше, в традиционных и индустриальных (капиталистических) обществах идентичность индивидов определялась их происхождением, родом занятий и принадлежностью к определенному социальному слою, и сами индивиды не могли что-либо изменить. Так, например, в Средние века человек однозначно привязывался к своей семье и сословию. Общество строго ограничивало рамки индивидуального самоопределения: род занятий, мировоззрение, даже мужа/ жену молодые люди выбирали не сами, за них это делали старшие. «Знать

себя» для средневекового человека означало, прежде всего, знать своё место. Иерархия самосознания отождествлялась с социальной иерархией [Кон, электронный ресурс]. Поэтому в обществах с простым разделением труда и минимальным распределением знаний идентификация происходила автоматически, идентичность была социально предопределена в сознании большинства людей и постоянно подтверждалась всем социально значимым взаимодействием. Вопрос идентичности, соответственно, не содержал проблемных моментов, подлежащих обсуждению и дискуссиям.

Со второй половины XX века начинается отсчет так называемой «постсовременной культуры» [Культурология: Учебник 2011; Прилуцкая, Кораблёва 2009], отражающей процессы глобализации, информатизации, рыночной экономики, атомизации, консумеризма в постмодернистском обществе. Для таких обществ характерно растущее общее осознание релятивности всех миров, включая и собственный, который теперь осознается как *один из многих*. Социальные характеристики, которые традиционно приписывались индивиду в качестве определения идентичности - раса, пол, класс, страна или место рождения, семья - становятся менее значимыми и изменчивыми в технологически и экономически развитых странах.

В 1994 на улицах Берлина появился плакат, высмеивающий верность стереотипам, которые уже не способны были совладать с существующим порядком вещей в мире. Надпись гласила - «Твой Христос - еврей. Твоя машина - японка. Твоя пицца - из Италии. Твоя демократия - греческая. Твой кофе - бразильский. Твой отпуск - в Турции. Твои цифры - арабские. Твои буквы - латинские. И только твой сосед-иностранец - чужак». Как пишет З. Бауман, ссылаясь на социологические исследования М. Костера, в период становления польской республики (XX век) в головы детей вдалбливались ответы на следующие вопросы: «Кто ты? - Я маленький поляк». «Каков твой знак? - Белый орел». В наше время ответы на эти вопросы звучат совершенно по-другому: «Кто ты?» - «Симпатичный мужчина лет сорока, с хорошим чувством юмора». «Каков твой знак?» - «Близнецы» [Bauman 2010, 27].

Берлинский плакат - это весьма показательный знак глобализации общества, в то время как изменившийся ответ на вопрос «кто ты?» указывает на радикальное изменение личной (истинной либо

навязанной) иерархии самоопределений. Эти два явления постмодернистского времени очень тесно между собой связаны, что и находит свое отражение в «постсовременной» культуре. В такого типа культуре формируется определенный тип личности, который принято называть «постмодернистским» [Бауман 2002; Культура «Пост» 2005; Культурология: Учебник 2011 и мн. другие]. Для мировосприятия такой личности характерны следующие ключевые черты:

- радикальный плюрализм как принципиальная ориентация на множественность, которая предостерегает от власти авторитета и традиции;
- негативное отношение к каким-либо иерархиям и центрациям; все получает статус самой по себе и самой для себя вещи, цели и ценности;
- разрушение и недоверие к каким-либо мировоззренческим концепциям, которые претендуют на универсальность (мифологические, религиозные, политические, исторические и т.п.); главное - самопостроение собственной картины мира, избавление от любого внешнего навязывания;
- реабилитация человеческой чувственности, телесности (сексуальная революция) и возвращение разуму статуса обычного человеческого свойства [Прилуцка, Корабльова 2009, 86-87].

Именно постсовременная культура, отражающая процессы глобализма, антиглобализма (локализации) общества конца XX века, привела к пониманию уникальности мировоззрения каждого человека, множественности субъективных социальных реальностей и, соответственно, поведенческих моделей и стратегий, среди которых нужно найти своё место, то есть сформировать свою идентичность. И не одну, а несколько, причем установленных и сберегающихся не раз и навсегда, а постоянно изменяющихся и пересматривающихся. Отсюда и разные образы «старой» и «новой» (постмодернистской) идентичности [Бауман 2002]; прежняя идентичность видится в образе фотоальбома с пожелтевшими фотографиями, который бережно хранится и пересматривается, новая идентичность ассоциируется с образом видеозаписи, которую можно стирать и перезаписывать.

С изменением социокультурной реальности в постмодернистских обществах второй половины XX века изменяются взаимоотношения человека с природой и социумом (нередко они принимают кризисный

характер), трансформируется ценностно-смысловое содержание культуры, вызванное расширением информационно-коммуникативного пространства. Соответственно, усиливаются нестабильность и нелинейность социокультурных и бытийных процессов, что, в свою очередь, существенно изменяет ракурсы рассмотрения многих философских, социопсихологических и культурологических вопросов.

В силу сложности и многоплановости таких вопросов затрудняется их анализ и объяснение с позиций отдельных наук, отдельных дисциплинарных методологий - требуется иная концептуализация, категоризация и переход к междисциплинарной методологии. Идентичность из узкодисциплинарного понятия постепенно превращается в междисциплинарную категорию, получая в XXI веке новый понятийный статус.

Идентичность сегодня является, пожалуй, самой «модной» темой в современной гуманитарной парадигме. Все говорят об идентичности, но никто, по большому счету, так и не знает, что это такое. Более того, на крайнем негативистском полюсе обсуждений находятся многочисленные утверждения о том, что идентичности нет, либо она потеряна, поскольку идентификационные характеристики, которые традиционно приписывались индивиду или группе при определении идентичности - территория, раса, этнос, пол, класс, семья - становятся менее значимыми и все больше изменяющимися в так называемой «постсовременной культуре». Однако, по нашему глубокому убеждению, «слухи о преждевременной утрате идентичности», несмотря на многочисленные «некрологи», особенно в отношении национальных/ этнических идентичностей, «оказались сильно преувеличенными». Более того, именно сегодня идентичность как результат осмысления тех культурно-ценностных доминант общества, которые оказываются функционально необходимыми на определенном этапе его развития, является тем «иммунитетом», который вырабатывает каждая культура в диалоге с другими культурами и с мегакультурой в целом. Проблема идентичности, таким образом, является актуальной, жизненно важной в современном обществе, выражает поиски возможных путей обеспечения безопасности и защиты, гармоничной принадлежности к определенной общности как со стороны отдельного индивида, так и со стороны группы: «Идентичность становится

призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются большинство важных черт современной жизни» [Бауман 2002, 182].

В предлагаемой монографии представлены размышления автора о когнитивно-дискурсивной и лингвокультурной сущности идентичности вообще и английской коллективной идентичности, в частности. Подобный подход позволяет рассмотреть особенности конструирования этого многогранного феномена субъективной реальности в современном англоязычном документальном дискурсе.

Первая глава монографии (*Идентичность в социогуманитарной парадигме XX-XXI веков*) представляет собой теоретико-методологический фундамент нашей работы. В ней излагаются взгляды исследователей, оказавших влияние на эволюцию общегуманитарной теории идентичности. Впервые в лингвистике выделяются хронологические этапы историко-понятийного становления идентичности как научного понятия; объединяются разрозненные теории, концепции, научные школы, модели и отдельные исследования в междисциплинарные научно-методологические подходы к изучению идентичности; унифицируется описание этих подходов по единой схеме: основные теории, направления исследования, объект исследования, функции, механизмы, доминирующие виды и векторные определения идентичности. В этой же главе рассматриваются характеристики идентичности как объекта изучения разных гуманитарных наук.

Во второй главе (*Идентичность: классификация и определение*) излагается наше понимание идентичности как феномена и научного понятия, описываются проблемы классификации идентичности, анализируются её структура и системные характеристики. Впервые предлагается авторская модель системно-структурной организации идентичности, на основании которой вводится комплексное определение идентичности. Здесь же рассматриваются основные черты современной идентичности и обосновывается разделение терминов «идентичность» и «идентификация».

Третья глава (*Идентичность и язык*) посвящена лингвистическим аспектам идентичности. Дается обзор проблематики соотношения идентичности и языка в социогуманитарном знании XX-XXI веков, а также рассматриваются основные вопросы и перспективы исследований

идентичности в лингвистике. Особое внимание уделяется важности изучения идентичности как *междисциплинарной* лингвистической категории. В этом аспекте впервые освещаются основные постулаты двух зарождающихся лингвистических междисциплинарных подходов к изучению идентичности: коммуникативно- функционального и когнитивно-лингвистического, а также обосновывается необходимость межпарадигмального изучения идентичности в рамках становления когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы.

В четвёртой главе (*Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая категория*) представлена разрабатываемая нами теория лингвокультурной идентичности как когнитивно-дискурсивной категории. Эта теория, надеемся, ляжет в основу нового межпарадигмального когнитивно-дискурсивного лингвистического подхода к изучению идентичности. Значимость исследования идентичности в подобном ключе несомненна и перспективна, поскольку позволяет представить это комплексное явление во всём многообразии его проявлений. Идентичность является не только когнитивно и коммуникативно конструируемой сущностью, но и, прежде всего, культурным феноменом, поэтому в нашей работе она исследуется как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая категория. Считаем такой подход методологически обоснованным, поскольку на текущем этапе становления междисциплинарной теории идентичности применение комплекса лингвистических подходов неизбежно предполагает доминирование одного или двух в рамках их тесной взаимосвязи. Данная глава характеризует концептуальный аппарат исследования, представляет авторское видение современной лингвокультурологии как области языкознания и уточняет её базовые понятия. Впервые в лингвистике на основе сопряжения языка, культуры, сознания и идентичности вводятся и описываются ключевые понятия нашей концепции: «индивидуально-личная культурная идентичность», «индивидуальная социокультурная идентичность», «коллективная культурная идентичность», «лингвокультурная индивидуальная идентичность» и «лингвокультурная коллективная идентичность».

Пятая глава (*Английская коллективная идентичность как ментальная категория и её вербализация в современном англоязычном документальном дискурсе*) представляет собой верификацию нашей

теории. Современная английская коллективная идентичность рассматривается как *лингвокультурная* идентичность, которая определяется как система ценностно-смысловых доминант лингвокультурного пространства английской общности, воплощённых в языке и создаваемых языком. Даётся обзор исследований английской самобытности и предлагается размежевание терминов, служащих для её обозначения. Впервые в лингвистике конструируется и анализируется лингвокультурный гиперконцепт *English identity*, который трактуется нами как единица лингвокультурологического описания английской идентичности, как многогранная, многоуровневая и открытая концептуальная система. В главе изучается дискурс идентичности как пространство вербализации данного гиперконцепта, выделяются типы, модификации и конститuenty документального дискурса английской коллективной идентичности.

Завершает монографию заключение, где подводятся основные итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Предлагаемый авторский труд, как и все наши научные поиски идентичности, был бы невозможен без вдохновляющей помощи, поддержки и терпения моих учителей, коллег, семьи и друзей. Сердечная благодарность научному консультанту и научному редактору монографии, доктору филологических наук, профессору Одесского национального университета имени И.И. Мечникова Ирине Михайловне Колегаевой - самому главному моему вдохновителю, критику и советчику. Тёплые слова благодарности адресую также доктору филологических наук, профессору Валерии Андреевне Кухаренко за неоценимое многолетнее общение и предложения по уточнению моей теории. Глубокая благодарность научным рецензентам доктору филологических наук, профессору Бессоновой Ольге Леонидовне (Донецкий национальный университет), доктору филологических наук, профессору Елене Александровне Селивановой (Черкасский национальный университет имени Б.Хмельницкого), доктору филологических наук, профессору Валентину Григорьевичу Таранцу (Международный гуманитарный университет, г.Одесса) за конструктивные замечания и ценные рекомендации. Особую признательность выражаю декану факультета романо-германской филологии, профессору Лидии Николаевне Голубенко за веру в мой профессиональный и научный

потенциал, кандидату филологических наук, доценту Кире Александровне Горшковой и всем преподавателям кафедры лексикологии и стилистики английского языка, давшим мне путёвку в научную жизнь, а также коллегам кафедры теории и практики перевода (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова), неизменно поддерживающим меня во всех начинаниях.

ГЛАВА I. ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЕ XX-XXI ВЕКОВ

В современном научном знании, в публицистике, в художественной прозе термин «идентичность» стал наиболее употребляемым, вытесняя традиционные и более обычные термины «самость», «самосознание», «Я», «Эго», «самоопределение» и другие. Между тем, анализ литературы свидетельствует о том, что смысл термина является не до конца установившимся и однозначным, иногда непонятным и неохватным, его интерпретации значительно отличаются между собой в зависимости от точки зрения отдельного ученого, научной концепции, теории, школы, подхода, дисциплины или просто личности, которая говорит об этом.

В связи с этим перед исследователями идентичности прежде всего стоят два основных задания:

1. Проследить пути возникновения и причины укоренения нового терминопонятия «идентичность», которое вытеснило предыдущие термины, т.е. проанализировать и описать проблематику идентичности в историческом аспекте.

2. Выяснить, чем обусловлено обращение к этому термину ученых в области гуманитарного знания XX века, а также, почему так много исследователей ведут речь об этом феномене и изучают его. По сути, речь идет о социокультурной и лингвокультурной проблематике феномена идентичности.

Остановимся на решении этих задач и попытаемся отобразить историю становления понятия «идентичность» в гуманитарном знании XX-XXI веков.

Проблематика, которая сегодня обозначается как «проблематика идентичности», занимала значительное место в работах многих

идентичности как научного понятия в течении большей половины XX века, происходило в трех направлениях: философском, психоаналитическом и социологическом. В *логике, неклассической и постклассической философии* формирование понятия «идентичность» неразрывно связано с проблематикой понятий «индивидуальность», «личность», «личностность», «тождество», «расхождение» и «другое» (Т. Адорно; М. Бахтин; Е. Гуссерль; Ж. Делез; Ж. Деррида; С. Кьеркегор; Э. Левинас; И. Скотт; И. Фихте; Ю. Хабермас; М. Хайдеггер; М. Шеллер; А.Шюц и многие другие).

В *психологии, социальной психологии, социологии и культурной антропологии*, которые длительное время оперируют понятием «идентичность» без какого-либо соотношения с философией и логикой, становление данного понятия проходит в русле эволюции традиционных понятий «Я», «личность», «самость», «самосознание», «несознательное», «личностное самоопределение» и др. (У. Джеймс; Дж. Келли; Ч. Кули; Ж. Лакан; Дж. Мид; З. Фрейд; Е. Фромм; Е. Эриксон и многие другие).

Теоретический обзор источников по проблеме исследования позволил нам с определенной мерой условности выделить четыре этапа эволюции понятия «идентичность» в социогуманитарном знании:

I этап: 1900-1950 - артикуляция понятия, возникновение «дискурса» идентичности;

II этап: 1960-1980 - актуализация понятия, введение его в междисциплинарное научное употребление, взаимопроникновение философской, социологической и психологической трактовок идентичности;

III этап: 1990-2000 - универсализация понятия, выход проблематики идентичности за рамки строгой монодисциплинарности;

IV этап: 2000-2012 - категоризация понятия, окончательное закрепление за ним междисциплинарного статуса.

Приведенная периодизация показывает, что первые три этапа отображают историю становления понятия «идентичность» в XX веке. Последний, современный этап связан с особенностями функционирования термина «идентичность» как междисциплинарной эпистемологической

18 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
категории в XXI веке. Рассмотрим детально каждый из этапов, объединяя
их хронологией столетий.

1.1. Идентичность в XX веке: становление понятия

1.1.1. Первый этап: артикуляция понятия

Как уже отмечалось, в начале XX столетия в социогуманитарном знании появляются теории и концепции, в которых все больше внимания уделяется вопросам, так или иначе связанным с проблематикой идентичности личности. Это прежде всего прагматическая теория самости¹ У. Джеймса (*pragmatic theory of the self*), концепция зеркальной самости или зеркального «Я» Ч. Кули (*the looking glass self*) и теория социальной интеракции Дж. Мида (*social interaction theory*). Сам термин «идентичность» эти ученые не употребляли, используя термин «самость» (*self*) и другие традиционные термины. Ч. Кули (*Ch. H. Cooley*), исследуя взаимоотношения индивида и общества в ракурсе истории, философии и социальной психологии, вводит в научный обиход понятие «зеркальной самости» (*the looking-glass self*). Человек видит себя таким, каким видят его другие, и потому самость как генерализированный, обобщенный Другой является прежде всего первичным социальным образованием (*Human Nature and the Social Order, 1902; Social Organization, 1909; Social Process, 1918*). Ч. Кули считал взаимодействие людей производным от их представлений друг о друге: общество как сумма личностных и групповых взаимодействий есть не социальная реальность, а совокупность представлений об этой реальности, т.е. представлений

о людях, их связях, предметах реального мира [Кули 2000; Cooley 1964].

Эта идея получила дальнейшее развитие в работах У. Джеймса и Дж. Г. Мида, которые пытались создать обобщенную теорию самости. Американский философ, брат известного писателя Генри Джеймса, Уильям Джеймс (*W. James*) разрабатывает концепцию осмысления личностью своего самотождества, своих границ и места в обществе [Джеймс 1991].

В этом же направлении работает известный американский философ-прагматист, один из основателей социологической школы, которая впоследствии получила название школы символического

¹ В некоторых исследованиях психологии личности название этой теории переводят как «прагматическая теория «Я», не в последнюю очередь из-за многозначности английского слова *self*, что в свою очередь, породило дискуссию о расхождении и подобии терминов «Я» и «самость», рассмотрение которой выходит за рамки нашей работы.

20
интеракционизма, Дж. Г. Мид (*J.H. Mead*). Ученые предлагают ряд ключевых положений, в которых подчеркиваются разные аспекты взаимоотношений между индивидом и обществом. Самость они рассматривают как процесс взаимодействия двух составляющих «Я» (*I*) и «Другого» (*Me*). «Я» - это собственные представления о себе, в то же время «Другой» - это отображение представлений обо мне других. Самость, таким образом, не свойственна человеку первично, а складывается в процессе социального взаимодействия (интеракции) и имеет субъектно-объектный характер. Самость - это динамичный, саморефлексирующий процесс, который проявляется в диалектике между «Я» и отображением оценок меня со стороны других (*Me*), которые создают единое целое [Джеймс 1991; Исаев 2008; Кравченко, Анурин 2006; Dictionary of Sociology 2009].

Научные взгляды Дж. Г. Мид, Ч. Кули и У. Джеймса стали основой социологического подхода к изучению идентичности, который зарождается в этот период. Именно этот подход (в зарубежной терминологии *form, tradition*) станет впоследствии одним из двух основных направлений изучения идентичности вместе с «психодинамическим» [Dictionary of Sociology, 331], либо «психоаналитическим» [Абушенко 2003, 348], который основывается на теории психоанализа.

В рамках этой теории в указанный период также начинает активно обсуждаться проблематика идентичности и идентификации в контексте описания механизмов социализации и интериоризации. Сам термин «**идентификация**» для обозначения бессознательного *процесса* имитации (наследования) ввел в научный обиход З. Фрейд [Фрейд 1991], рассматривая механизмы действия интериоризации во время формирования «Супер-Я» (в другой терминологии «Супер- Эго») в работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я» (*Group Psychology and the Analysis of the Ego*, 1921). При этом термин «идентичность» в психологии и психиатрии еще не используется. Хотя, с развитием теории психоанализа происходит поворот и в осмыслении феномена идентичности.

Если до З. Фрейда речь шла о том, как ее выявить, как отделить настоящее содержание личности от наносного (что изучает философия существования «Я», экзистенциально-феноменологическая герменевтика, марксистская борьба с «отчуждением» и «преобразованными формами» сознания), то в рамках психоанализа проблема

Идентичность в социокультурной парадигме XX-XXI веков²¹
рассматривается в другом аспекте, а именно - наше «настоящее «Я» не хочет быть выявленным и переходит в плоскость скрываемой идентичности, при этом не только от других, но и от самой себя [Малахов 1998, 47].

Изучение идентичности в русле неопрейдизма продолжает Э.Фромм (E. Fromm). Его первое обращение к этой проблематике было сделано в работе «Побег от свободы» (*Escape from Freedom*, 1941), где он, по сути, **вводит понятие идентичности**, а также описывает мотивы возникновения той или другой идентичности. Последняя, по мнению ученого, обозначает *ощущение* принадлежности индивида к какой-то целостной структуре, *осознание* того, что он есть частью этой структуры и занимает в ней определенное место. Идентичность помогает человеку реализовать основную потребность, а именно найти свою социальную нишу, что позволит ей избежать полного одиночества и сомнений. Персональная идентичность при этом определяется как результат индивидуализации человека и как следствие отдаления от сил природы и других людей [Фромм 2011, 4, 15]. В своих последующих работах, и особенно в работе «Пути больного общества» (*The Sane Society*, 1955), Э. Фромм показал сложную взаимосвязь феномена идентичности с конкретными историческими условиями, чувства свободы с чувством одиночества, определенный баланс между которыми устанавливается в процессе идентификации человека [Fromm 1991].

Особенное место в исследованиях психологии личности в это же время занимает и концепция Дж. Келли (*J. Kelly*), которая получила название «концепция конструктивного альтернативизма» (*conception of constructive alternativism*). На основании этой концепции Дж. Келли и его последователи разрабатывают теорию персональных конструктов (*personal construct theory*), которая впоследствии стала методологической базой **конструкционистского подхода** к изучению идентичности.

Дж. Келли впервые вводит термин «конструкт» в работе «Психология личностных конструктов» (*The Psychology Of Personal Constructs*, 1955), с целью разработки инструментария для последующего переосмысления «Я», а также интерпретации человеческого опыта. Противопоставляя свою концепцию основным положениям старой эпистемологии, в соответствии с которыми истина состоит из крох знания, ученый утверждает обратное. Ценность человеческого знания, по Дж. Келли, определяется не количеством накопленных знаний, а реконструкцией этих знаний. И

22
поэтому каждый человек всегда может предложить *альтернативные* трактовки ситуации либо понимание объектов. Восприятие мира человеком означает, что он определенным образом относится к нему, поэтому его поведение определяется не реальностью как таковой, а преломлением этой реальности сквозь призму собственного конструирования. Человек интерпретирует реальность с помощью системы конструкторов, и факты приобретают смысловую ценность в середине такой системы [Келли 2000, 13].

Таким образом, термин «конструирование» употребляется Дж. Келли как синоним интерпретации, толкования, а термин «конструкт» (заимствованный из физики) - как основная единица анализа личности. Конструкт, по Дж. Келли, - это «одновременная констатация *схожести* и *несхожести*, которую человек видит между двумя группами явлений» [Келли 2000, 139]. Конструкты образуют конструктивные системы, *уникальные* у каждого конкретного человека, поскольку разные люди выделяют в объектах разные признаки и анализируют реальность по-разному. Поэтому именно конструкт как фундаментальная категория, с которой происходят конкретные представления о механизмах психической деятельности [Иванова, Румянцева 2009, 54; Dictionary of Sociology 2009, 383], вызвал впоследствии особенных интерес у исследователей психологии личности вообще и идентичности, в частности.

Завершая обзор сравнительно немногочисленных, но, безусловно, фундаментальных исследований, которые положили начало обсуждению проблематики идентичности в научном дискурсе первой половины XX века, отметим, что возникновение дискурса идентичности связано с эволюцией таких традиционных понятий философии, логики, психологии и социологии, как «самость», «самоопределение», «самосознание», «Я», «личность», «тождество», «различие». Благодаря этому очерчиваются и формируются два **основополагающих подхода к изучению идентичности**: психоаналитический и социологический.

Кроме того, в этот период в психологии возникают и развиваются концепция конструктивного альтернативизма (Дж. Келли) и теория персональных конструкторов, которые впоследствии станут методологической базой конструкционистского подхода к изучению идентичности.

1.1.2. Второй этап: актуализация понятия

Второй этап в становлении теории идентичности, который мы условно обозначили рамками 60-70-х годов XX века, знаменуется широким использованием самого термина «идентичность» в психологии и социологии и постепенным введением его в *междисциплинарный* научный обиход. Понятие идентичности не только дополняет, уточняет, но и все чаще заменяет традиционные понятия «Я», «самость», «образ Я», «Я - концепции» и т.д. Проблема идентичности «выходит за рамки психологического контекста» [В. Бойко 2008, 148] и вскоре становится «центральным понятием большинства культуро- ориентированных дискурсов» [В.Л. Абушенко 1998, 400].

Широкое распространение самого термина «идентичность» в этот период связано прежде всего с именем американского психоаналитика Э. Эриксона (*E. Erikson*). В работе «Идентичность: юность и кризис» (*Identity, Youth and Crisis*, 1969) ученый определяет идентичность как длящееся внутреннее равенство с собой в непрерывности самопереживаний индивида, как чувство самотождества, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям [Цит. по: Шапар 2004, 170]. Связывая идентичность с переживанием индивидом себя как целого и исследуя динамическую адаптивную функцию идентичности, Э. Эриксон [Erikson 1969] вводит *понятие кризиса идентичности (identity crisis)*. Ученый выделяет в полном жизненном цикле человека восемь кризисов, знаменующих переход от одной стадии культурного становления личности к другой, и соответствующие им типы идентичности. При этом «кризис идентичности» исследуется во взаимосвязи психологического и социологического аспектов и рассматривается не только и не столько как возрастной феномен, сколько как социально-исторический, зависящий и от терминов социального обновления и от той ценности, которую данная культура придает индивидуальности [Erikson 1969; см. также: И. Кон: электр. ресурс; Dictionary of Sociology 2009, 331, 333].

На основании своих размышлений Э. Эриксон вводит в теоретический аппарат психоанализа и социальной психологии *понятие психосоциальной идентичности*, которое в наши дни является общепринятым в западном (в особенности американском) обществоведении и культурологии. Психосоциальная идентичность, по Э. Эриксону, - это «субъективное чувство и одновременно объективно наблюдаемое качество

самотождественности и целостности индивидуального Я, сопряженное с верой индивида в тождественность и целостность того или иного разделяемого с другими образа мира и человека» [Цит. по: Якимова 2007, 726].

Э. Эриксон отмечает двуплановость понятия «психосоциальная идентичность», которое, во-первых, означает *внутреннее тождество субъекта* в процессе восприятия им внешнего мира, ощущение устойчивости и непрерывности своего Я и, во-вторых, включенность этого Я в некоторую общность, *тождество личного и социально- принятого* типов мировоззрения. Ученый выделяет несколько аспектов такой идентичности: эго-идентичность, личностная, экзистенциальная и групповая/коллективная [Эриксон 1996; см. также: Якимова 2007].

Считается, что именно благодаря Э. Эриксону и его последователям произошло слияние психологического, социального и философского понимания идентичности, что, в свою очередь, дало импульс к универсализации проблематики идентичности и ее выходу за границы узконаучной дисциплинарности. Это позволило соотнести трактовки идентичности в философском и социогуманитарном знании и обнаружить их типологическую близость и взаимовлияние [Абушенко 1998; 2003; Малахов 1998].

Психологический аспект проблематики идентичности также разрабатывает и французский психоаналитик Ж. Лакан (*J. Lacan*), интерпретируя теорию З. Фрейда в свете структурной лингвистики Ф. де Соссюра (*Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*, 1979). Через изучение структур языка этот представитель европейского структурализма пытается выявить бессознательные структуры человеческой психики, определяющие социальное поведение людей. Благодаря его исследованиям становление идентичности окончательно стало рассматриваться как прежде всего *социально конструируемый*, а не *биологически обусловленный* процесс [Исаев 2008, 26; Baker 2003, 107-111; Dictionary of Sociology 2009, 403-404]. В психологии развивается отдельное направление, изучающее персональную (личную) идентичность. Таким образом, в описываемый период *психоаналитический подход*, с которым ассоциируется возникновение теории идентичности, продолжает играть ведущую роль в изучении идентичности личности.

Не менее интенсивно исследуется идентичность и как категория социального знания в рамках *социологического подхода*. В 60-70-е годы XX века активно разрабатываются старые и появляются новые теории, школы, концепции, а также исследования отдельных ученых, посвященные социологическим аспектам проблематики идентичности.

Так, в теории *символического интеракционизма*, основанной на трудах Ч. Кули и Дж. Мида, идентичность рассматривается как результат социальной интеракции, и одновременно как фактор, ее обуславливающий. Идентичность, таким образом, трактуется как социализированная часть «Я» (англ. - *me*) в ее соотнесенности с самостью (*self*), как видение себя со стороны. В этом плане формирование идентичности происходит в процессе принятия, формулирования позиции и роли Другого. Благодаря этому проясняется точка зрения и позиция Другого относительно нас. Идентичность и интерпретация постоянно переходят одна в другую (E. Banfield; H. Blumes; E. Hughes; L. Warner и др.).

В теории ролей П. Бергера (*P. Berger, Invitation to Sociology, 1966*) утверждается, что у индивида не одна, а несколько идентичностей, поскольку индивид, или «Я», представляет собой совокупность определенных ролей. Таким образом, поиски идентичности подразумевают исполнение индивидом различных ролей. Тем самым идентичность уравнивается с удачно «играемой» ролью, а идентификация, вернее, переидентификация трактуется как смена ролей. Неумение справиться с различными ролями-идентичностями вызывает ролевой конфликт, который трактуется как кризис идентичности [Бергер, 1996; см. также: Абушенко 2003].

Э. Гофман в своей «*драматической модели социального взаимодействия*» синтезирует теорию символического интеракционизма и теорию ролей (*E. Goffman, The Presentation of Self in Everyday Life 1959, Stigma 1964, Frame Analysis 1974*). Основная идея его подхода, который иногда называют *драматургическим интеракционизмом*, состоит в том, что в процессе взаимодействия люди обычно разыгрывают друг перед другом своеобразные «шоу», режиссируя впечатления других о себе. Люди проектируют собственные имиджи, собственные социальные роли, причем обычно таким способом, который служит их собственным интересам. Исходя из этого, ученый определяет идентичность как сложное производное от процессов инсценирования, самопредставления,

«подчинения-командования», занятия ролевых позиций, стигматизации (навешивания социальных ярлыков) и маскирования (подражания) [Goffman 1959; Гоффман 2007].

Пионер американского структурализма Р.К. Мертон (*R.K. Merton*), обосновывая *теорию референтных групп (theory of reference groups)*, вводит в научный обиход понятие референтной группы, по отношению к которой и происходит идентификация индивида (*Social Theory and Social Structure*). Идентичность, согласно данной теории, складывается именно в результате самоотнесения индивида с коллективом и подтверждения (или не подтверждения) последним положения этого индивида в социальной структуре общества. Причем сам индивид далеко не всегда принадлежит к данной группе, более того эта группа может быть принципиально для него недоступна, выдумана, иллюзорна [см.: Абушенко 2003, 348; Исаев 2008, 27-29; Dictionary of Sociology, 465].

На стыке психоанализа и теории символического интеракционизма разрабатывается *реалистическая теория конфликтов (realistic conflict theory)*, основанная на работах Р. Дарендорфа, М. Шерифа, Дж. Рекса, Д. Локвуда, Д. Кемпбелла и др., посвященных анализу межгрупповых конфликтов. Идентичность здесь - это осознание человеком своей причастности к какой-то группе, что происходит под влиянием реальных межгрупповых действий. Межгрупповое поведение как психологический феномен возникает тогда, когда индивиды, принадлежащие к одной группе, взаимодействуют с членами другой группы (индивидуально или коллективно) в терминах их групповых идентичностей [см.: Иванова, Румянцева 2009, 26-29].

Теория конфликтов М. Шерифа, Д. Кемпбелла и их последователей (С. Шериф, М. Бруер) дала толчок изысканиям в этом направлении, называемом сегодня «ситуативным или бихевиористским подходом к исследованию идентичности» [Иванова, Румянцева 2009, 2627]. Его представители по-новому, по сравнению с психоанализом, отвечают на вопросы, касающиеся причин возникновения агрессии между группами или внутри группы. Однако, этот подход не получил ожидаемого развития в дальнейшем, поскольку в результате новых экспериментов появились факты, не вписывающиеся в данную теорию [Подробнее об этом см.: Иванова 2005].

Активно разрабатываемые в этот же период *теория когнитивного баланса (cognitive balance theory)* Ф. Хейдера (*F. Heider*) и *теория*

Идентичность в социокультурной парадигме XX-XXI веков 27
когнитивного диссонанса (*cognitive dissonance theory*), основанная на трудах Л. Фестингера (*L. Festinger*), также повлияли на представления о социальной природе идентичности. Именно они легли в основу последующих исследований и формирующегося в дальнейшем когнитивного подхода к исследованию идентичности (Д. Абрамс; Д. Тернер; Г. Тэджфел; М. Хог и другие).

В западноевропейской философии этого времени понятие «идентичность» также является фокусом пристального внимания многих исследователей. Теории франкфуртской школы, французский постструктурализм, Э. Левинас (однозначно идентифицировать его с тем или иным направлением невозможно по ряду причин) и другие критикуют философскую традицию в описании идентичности. Так, ведущий представитель франкфуртской школы социальных исследований Т. Адорно (*Th. W. Adorno*) оспаривает господствующее на протяжении многих лет «мышление идентичности», которое игнорирует «нетождественное». На критике идентичности как исключительно тождества построена и философия Иного (Другого) у французского философа Э. Левинаса. Реабилитации «различия» и, более того, демонстрации его первичности в идентичности личности посвящены работы французских постструктуралистов Ж. Делёза «Различие и повторение» (1968) и Ж. Деррида «Письмо и различие» (1967) [Делез 1998; Деррида 2000]. Разделяя представления теории символического интеракционизма об идентичности, эти исследователи акцентируют внимание на роли языка в формировании и развитии последней. В этом плане они основываются на идеях Ф. де Соссюра (*The Course in General Linguistics*, 1949) о знаковой природе языка, его структурной системности и социальной и культурной обусловленности всех его значений [Dictionary of Sociology 2009, 331].

Итак, приблизительно с середины 70-х годов XX столетия термин «идентичность» прочно входит в терминологический аппарат философских и социально-гуманитарных наук. В 1977 году во Франции выходит коллективная монография «Идентичность». Двумя годами позднее в Германии издается междисциплинарный сборник докладов и статей на ту же тему. Знаменательно, что в немецком переводе классического труда Дж. Г. Мида, опубликованном в 1977 году, слово *self* передано как *Identitat*, а в английских переводах немецких трактатов по «философии сознания» *Selfst*, передается как

28 identity [Об этом см.: Малахов 1998]. Идентичность и культура: методология изучения. Окончательно оформляются два основных подхода к изучению идентичности (психоаналитический и социологический) и зарождаются, формируются новые (бихевиористский и когнитивный).

Таким образом, в 60-70-е годы XX века проблема идентичности выходит за рамки узкой дисциплинарности, прежде всего, психологической, и идентичность вскоре становится одним из центральных понятий большинства социогуманитарных наук. В научном обиходе появляется и вскоре широко используется сам термин «идентичность», заменяя и окончательно вытесняя традиционные обозначения понятий.

Более того, благодаря глубокому анализу современных, отличающихся от прежних, особенностей взаимоотношения личности и общества понятие «идентичность» вводится в междисциплинарный научный обиход, происходит взаимопроникновение философской, социологической и психологической проблематики идентичности. В социогуманитарном знании окончательно оформляются два уже упомянутых основных подхода к исследованию идентичности: психоаналитический (в западной терминологии психодинамический) и социологический.

Психоанализ, символический интеракционизм и статусно-ролевые концепции ни в коем случае не исключают, но напротив, взаимодополняют друг друга в описании идентификационных механизмов, формирующихся на разных структурных уровнях личности. При этом психоанализ в основном описывает механизмы формирования идентичности, символический интеракционизм - механизмы подтверждения идентичности, а статусно-ролевые концепции - механизмы ее предъявления [Абушенко 2004].

Подчеркнем, что в большинстве этих исследований идентичность пока еще не фигурирует как отдельный предмет исследования, однако она гармонично вплетена в изучение процессов социализации личности.

В западноевропейской философии понятие идентичности также занимает центральное место в теориях франкфуртской школы (Т. Адорно), французского постструктурализма (Ж. Делёз; Ж. Деррида), отдельных ученых (Э. Левинас), благодаря чему пересматриваются и по-новому трактуются фундаментальные положения классической и (частично) неклассической философии.

1.1.3. Третий этап: универсализация понятия

Конец XX века отмечен небывалым интересом к феномену идентичности и интенсивным развитием социогуманитарного и философского знания, посвященного актуальным вопросам её проблематики. Исследования предыдущих лет дали мощный импульс к универсализации проблематики идентичности и её выходу за границы строгой дисциплинарности, что четко обозначилось к концу 80-х годов. Это позволяет условно выделить третий этап становления понятийной базы идентичности, хронологически маркируя его рамками 80 - 90-х годов XX века.

На основе предшествующего знания развиваются научные теории, концепции, школы, модели, о которых мы уже писали, и появляются, формируются новые, которые так или иначе обращаются к проблематике идентичности (школа социальных представлений С. Московичи и С. Скрибнера, концепция «философии всеединства» Вл. Соловьева и его последователей, статусная модель идентичности Дж. Марсиа и М. Фридмана, концепция ценностно-волевого аспекта развития идентичности А. Уотермана и др.). Отличительной чертой этого периода является стремительное развитие социогуманитарных *междисциплинарных* теорий, в которых идентичность выступает как *базовое* понятие. Перечислим лишь основные: теория глубинной психологии и психоанализа (Дж. Марсиа; А. Уотерман; З. Фрейд; Э. Фромм; Э. Эриксон, и др.); теория идентичности сознания и мозга (Ю. Плейс; Г. Фейгл); теория мотивации А. Маслоу; теория социального контекста идентичности Г. Брейкуэлл; теория идентичности как интериоризованной роли Ш. Страйкера; теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса; теория конфликтов (Д. Кэмпбелл; М. Шериф; С. Шериф и др.); теория социальной идентичности (Д. Абрамс; М. Аугастинос; Р. Браун; Г. Тэджфел; М. Хог; Н. Эллемерс); теория самокатегоризации Дж. Тернера и П. Оукса; теория социального сравнения (Б. Дэвид; В. Дойз; А. Квятковска; К. Макгартти; Р. Пенни; М. Уэдерел и др.).

Первые три из перечисленных теорий представляют *психоаналитический подход* к изучению идентичности. В 80 - 90-х годах XX века динамика исследований в рамках этого подхода связана с проверкой положений основателей теории психоанализа З. Фрейда, Э. Эриксона и других на эмпирическом уровне. Это позволило более строго определить идентичность, описать ее структуру, типы и этапы развития. Так, Дж.

30
Марсиа (J.E. Marcia, *Идентичность и лингвокультура: методология изучения Identity in Adolescence*, 1980) рассматривает идентичность не просто как совокупность знаний и представлений человека, но как определенную структуру, функционирующую в контексте решения социальных проблем. Поэтому идентичность, согласно ученому, есть динамическая иерархически упорядоченная организация потребностей, способностей, убеждений и собственной истории [Marcia 1980].

А.С. Уотерман (A.S. Waterman, *Identity in Adolescence: Process and Contents*, 1985), так же, как и Дж. Марсиа, описывает идентичность в контексте самоопределения и соответствующего процесса выбора целей, ценностей и убеждений, которые он называет элементами идентичности. Каждый элемент идентичности особым образом соотносится с определенной сферой жизни: профессией, религией, политикой и сферой социальных ролей [Waterman 1982; Waterman 1985; Иванова, Румянцева 2009].

Работы в рамках другого основного подхода к исследованию идентичности - *социологического* - также развивают и адаптируют положения «отцов-основателей», исходя из реалий современной жизни. Социологический подход обогащается междисциплинарными теориями, базирующимися на психологии личности, социальной и когнитивной психологии, социологии, истории и философии. Так, основываясь на теории символического интеракционизма и развивая её положения, Г. Брейкуэлл (G.W. Breakwell) интерпретирует идентичность как динамический социальный продукт, который может быть понят только в социальном контексте и в исторической перспективе [Breakwell 1986, 9]. Обобщая результаты многочисленных экспериментов, исследовательница утверждает, что формирование идентичности происходит посредством ассимиляции, аккомодации и оценки. При этом в результате ассимиляции происходит включение новых компонентов в структуру идентичности, а в результате аккомодации - её корректировка с целью поиска места для новых элементов. С помощью оценки определяется значимость, ценность содержания идентичности [там же, 22-23].

Социальное взаимодействие субъектов происходит в определенном социальном пространстве или, согласно теории Г. Брейкуэлл, социальном контексте (теория социального контекста идентичности). Последний описывается как структура и как процесс социального влияния. Структурно-социальный контекст идентичности представлен

разнообразными межличностными сообществами, групповым членством и межгрупповыми взаимоотношениями. Все они предписывают субъектам определенные роли и порождают специфические системы убеждений и ценностей [там же, 35-36].

Согласно теории идентичности Ш. Страйкера (S. Stryker), структурные черты личности запечатлеваются в «частичных» идентичностях и отражают понимание людьми своего участия в социальном взаимодействии. Отсюда идентичность - это интериоризированные роли, определяемые социальными позициями человека в общностях разного объема и значимости (этнос, класс, группа и т.д.). В процессе взаимодействия происходит концептуализация себя, или интериоризация определенных ролей, что и производит/продуцирует идентичность [Stryker 1986].

Ю. Хабермас (J. Habermas) в своей теории коммуникативного действия (*theory of communicative action*) пытается преодолеть противоречие между социальной и личностной идентичностями и рассматривает структуру идентичности как две пересекающихся оси координат: вертикальную - личностная идентичность и горизонтальную - социальная. В точке пересечения этих осей образуется Я-идентичность как баланс между личностной и социальной идентичностями [Ю. Хабермас 1999].

В описываемый период происходит четкое выделение *когнитивного подхода* к исследованию идентичности со своей системой социально-психологических теорий, многие из которых зародились в предшествовавшие периоды (теория когнитивного баланса Ф. Хейдера, теория когнитивного дисбаланса А. Фестингера, теория атрибуции). Главная идея этого подхода состоит в том, что впечатления человека о мире организуются в связные интерпретации - идеи, установки, стереотипы, которые выступают как регуляторы социального поведения. Идентичность при этом рассматривается в качестве когнитивной системы, которая выполняет роль регуляции поведения в соответствующих условиях [Об этом см.: Антонова 1996, 139].

Наиболее ярким примером сочетания различных направлений социальной, когнитивной психологии и социологии в исследовании идентичности в рамках когнитивного подхода является теория социальной идентичности (*theory of social identity*). Её основы закладываются именно в этот период благодаря работам Г. Тэджфела и его последователей,

32
Идентичность и личность: методология изучения
сыгравшим значительную роль в объяснении феномена социальной идентичности и давшим толчок дальнейшим исследованиям.

Научные воззрения Г. Тэджфела, в свою очередь, основывались на трудах уже упоминавшегося нами Л. Фестингера, который предположил, что люди оценивают себя по некоторым объективным и осознаваемым критериям. Но когда такие критерии недостижимы, запускается механизм социального сравнения с другими. Исследуя механизмы социального сравнения экспериментально, на примере малых групп, Г. Тэджфел пришел к ряду заключений, которые легли в основу теории социальной идентичности. В краткой и систематизированной форме их можно свести к следующим постулатам:

1. Человеку для ощущения собственной ценности и целостности необходимо чувство принадлежности к группе, параллельно с которым возникает межгрупповая дифференциация.

2. Социальное сравнение является основным механизмом, актуализирующим и развивающим социальную идентичность. Оно трактуется как определенные действия дифференциации собственной группы от чужой, путем оценивания членов своей группы сравнительно с чужими.

3. Социальная идентичность может быть позитивной или негативной, поскольку членство в группах связано с позитивной или негативной социальной оценкой. Соответственно, одна из основных закономерностей в динамике социальной идентичности - стремление человека к достижению или сохранению позитивной социальной идентичности на основе благоприятных, социально значимых отличий своей группы от другой.

4. Различные социальные миры влияют на индивидуальный способ видения мира и особенности поведения человека в них. В соответствии с этим существует межличностный - межгрупповой континуум поведения человека. В первом человек действует независимо, на основе собственных критериев. Во-втором - как член группы, выполняющий её требования.

5. Человек ассоциирует себя с социальными категориями, как широкими (класс, раса, этнос, пол, вероисповедание), так и узкими (профессиональные группы, группы по интересам и т.д.). Эти категории определяют его статус. Для любого человека каждая из категорий означает членство в группе. Но не все они образуют статус человека. Некоторые создаются и исчезают (напр., группы по интересам), играя незначительную

Идентичность в социокультурной парадигме XX-XXI веков 33
роль в содержании социальной идентичности [Антонова 1996; Иванова, Румянцева 2009; Катанова 2009; Tajfel 1981, 1982; Turner 1996].

Теория Г. Тэджфела находит своё развитие в трудах его последователей: Дж. Тернера, Д. Абрамса, М. Хогг, М. Аугастиноса, И. Уоллера, Н. Эллемерса, Р. Брауна, П. Оукса и др. [D. Abrams; M. Augustinos; R. Brown; N. Ellemers; M. Hogg; P. Oakes; J. Turner; I. Walker]. Так, в работах Дж. Тернера и П. Оукса появляется понятие самокатегоризации. Его описание на основании теории социальной идентичности привело, в свою очередь, к возникновению теории самокатегоризации (*self-categorization theory*) и её центрального понятия - «социальная категоризация». Последняя подразумевает категоризацию, распределение человеком социальных событий и объектов по группам в соответствии с определенными, существенными для каждого отдельного человека признаками, позволяющими ему систематизировать свой социальный опыт и устанавливать критерии для ориентации в своем социальном окружении [Turner, Oaks 1989; Turner and others 1987].

Следует отметить, что с конца 80-х годов теория социальной идентичности и теория самокатегоризации развиваются в тесной взаимосвязи и взаимном обогащении. Поэтому в научной литературе принято говорить о теории Тэджфела-Тернера. Теория самокатегоризации, по мнению исследователей, дала теории социальной идентичности социально-когнитивный базис для объяснения механизмов группового поведения. Кроме того, в ней доказывается, что групповое и индивидуальное поведение можно и нужно рассматривать в аспекте идентичности, но на разных уровнях ее абстрагирования [Иванова, Румянцева 2009; Тернер и др. 1994; Kawarami, Dion 1993; Wheeler 1991]. Различие между этими двумя теориями ученые видят в том, что теория социальной идентичности - это изначально мотивационная теория, отвечающая на вопрос, почему люди так или иначе определяют себя и почему возникает межгрупповая дифференциация. Теория самокатегоризации - это когнитивная теория, исследующая механизмы категоризации, природу социальных стереотипов, групповой поляризации и поведения толпы [Антонова 1996; Иванова, Румянцева 2009; Oakes и др. 1994; Turner и др. 1987].

Соединение двух теорий стало методологической базой для дальнейшего изучения идентичности в аспекте динамики группы, развития групповых ценностей и поведения человека в группе. Тесная

взаимосвязь процессов категоризации и социального сравнения и их роль в становлении идентичности интенсивно изучаются в зарубежной социальной и когнитивной психологии (В. Агеев; У. Дойз; А. Квятковска; Н. Лебедева; К. Макгартти; Р. Пенни; Г. Солдатова; В. Трусков; М. Ярумович и др.). Для этих исследований, базирующихся на межличностном и межгрупповом измерениях, центральными являются следующие вопросы:

- закономерности динамики идентичности,
- поддержание человеком своей позитивной социальной идентичности,
- формирование субъективного знания человека о своей принадлежности к определенной группе,
- поиск человеком причин и путей конструирования ситуаций как межличностных, так и межгрупповых или промежуточных.

В описываемый период особенно интенсивно развивается и *конструкционистское направление* когнитивного подхода к изучению идентичности. В нем основное внимание уделяется идентичности как области социального познания и в этом русле под влиянием идей когнитивной психологии разрабатывается конструкционистская (конструктивная) модель анализа идентичности. Эта модель базируется на признании социального конструирования реальности - общество, на самом деле, продуцируется (активно и творчески) людьми, поэтому окружающий нас мир является выдуманным, созданным, конструируемым, а не просто данным и принимаемым как должное. Социальные миры представляют собой сети-интерпретации, сплетаемые людьми и группами [Dictionary of Sociology 2009, 698].

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману (P Berger, T. Luckmann, *The Social Construction of Reality*, 1966), которые ввели термин «социальный конструкционизм» в социологический вокабуляр, идентичность - это особый компонент процесса социализации: люди контролируют социальную реальность и соответствующие модели социальных взаимоотношений, основываясь на собственных индивидуальных свойствах и свойствах других социальных субъектов, которые, в свою очередь, проявляются во взаимоотношениях с ними. Ученые-социологи вводят понятия «успешной/неуспешной социализации», которые трактуют как установление высокого уровня симметрии/асимметрии между объективной и субъективной реальностями и, следовательно, идентичностями [Бергер, Лукман 1995].

В 1990-х годах, в связи с актуализацией этнического и национального самосознания, как во всем мире, так и на постсоветском пространстве, появляются многочисленные исследования особенностей соответствующих групп, в которых достаточно широко и продуктивно используется данная модель.

Так, автор концепции *современной социальной идентичности* Т.Г. Стефаненко определяет этническую идентичность как один из ключевых конструктов, возникающих в процессе субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности. Идентификационный процесс самоопределения индивида в социальном пространстве рассматривается не только как осознание, понимание (когнитивная составляющая), но и как оценивание, переживание своей принадлежности к группе (эмоциональная составляющая) [Стефаненко 1999; 1999б].

Применяя структурный анализ личностной конструктивной системы, разработанный ещё Дж. Келли, современные последователи его теории описывают способы выявления конструктов, что позволяет более полно определить механизмы формирования идентичности.

Философское изучение идентичности в конце XX века окончательно разрушает традиционное представление о «тождественном», социологизирует феноменологическое понимание идентичности, в котором идентичность постоянно пытается «ускользнуть» от схватывания и не желает быть «обнаруженной» [Об этом см.: Абушенко 1998, 403]. Личность проецирует себя в интересубъективный горизонт жизненного мира, получая подтверждение своей идентичности от других. Только получая такое подтверждение и признание, такая идентичность может быть относительно устойчивой. Этот постоянный процесс конструирования своего «Я» из иллюзий относительно себя самого, предъявляемых на «опознание» в интерпространство, с точки зрения философов есть *повествование* о жизни, *рассказ* истории (М. Бахтин; Э. Гуссерль; П. Рикер; Д. Рисмен; Ю. Хабермас; А. Шюц). И поэтому идентичность рассматривается как «нарративная» идентичность: она описывает, повествует и переписывает, проявляясь лишь во времени. Нарратив, как подлинная история, подлежит чтению, интерпретации, которые постоянно исправляют предшествующую подлинную историю [П. Рикер, электронный ресурс].

Именно такая идентичность, которая не столько «сохраняет» целостность личности, сколько «поддерживает» ее в процессах постоянного «переименования» и позволила соотнести трактовки идентичности в философском и социогуманитарном знании [Абушенко 2003]. Идентичность как социально-философская проблема исследуется в этот период в ракурсе мироощущения человека и мировоззрения постмодернистского общества в условиях глобализации и динамичности современного мира (В. Бабаков; В.Бадмаев; Г. Гачев; М. Заковоротная; С. Къркегор; В. Махлин; В. Семенов; П. Сорокин; В.Спиро; Ю. Хабермас и мн. др.).

Описанные нами в этом разделе научные подходы, теории, концепции являются векторными, базисными в исследованиях идентичности того времени. И, конечно же, ими не ограничивается весь спектр и разнообразие научных исследований в этой области. В рамках указанных и других научных студий разрабатываются проблемы, связанные с отдельными видами и разновидностями идентичности: *личной, персональной* идентичности [Giddens 1991; Marcia 1980; Noonan 1989; Taylor 1989; Wilkes 1988; Антонова 1996; Заковоротная 1999; Маслоу 1999], *социальной* идентичности [Babad 1983; Breakwell 1986; Carbough 1996; Getten 1997; Raven 1976; Stryker 1986; Баклушинский; Белинская 1990; Гофман 2007, Заковоротная 1999; Павленко 1997; Тернер, Оукс 1994 и мн. др.], *культурной* идентичности [Baumeister 1986; Гозман, Эткинд 1989; Панарин 1987; Проблемы культурной идентичности 1998], *национальной, этнической* идентичности [Boerner 1986; Salazar 1998; Гройс 1992; Лебедева 1998; Скворцов 1997; Солдатова 1998; Стефаненко 1999; Хотинец 1999], *гендерной и половой* идентичности [Кон 1984, 1991; Кратохвил 1991].

В этот же период толкования понятия «идентичность» появляются в справочных и энциклопедических изданиях. Словари, энциклопедии и лексиконы по философии, социологии, психологии, истории посвящают идентичности (в основном национальной, этнической, культурной) отдельные статьи. Речь, однако, идет о европейских и американских источниках. В украинско-российской справочной литературе, согласно нашим наблюдениям, это понятие пока еще не встречается. В отличие от термина «идентификация», который в очень кратком изложении зафиксирован в некоторых изданиях 80 - 90-х годов: в психологических словарях и справочниках [Краткий Психологический Словарь 1985;

Идентичность в социокультурной парадигме XX-XXI веков 37
Современная психология 1990, Психологический словарь 1996] и философских [Философский энциклопедический словарь 1983, 1989; Философский словарь 1981, 1987, 1991].

Таким образом, последние два десятилетия XX века (третий этап) характеризуются универсализацией понятия «идентичность» и, соответственно, проблематики её исследования, которая окончательно выходит за рамки строгой дисциплинарности. Это выразилось, прежде всего, в интенсивном развитии социокультурных *междисциплинарных* теорий и междисциплинарных подходов, в которых идентичность выступает как *базовое* понятие.

В конце XX века «укрепляет свои позиции» и когнитивный подход к исследованию идентичности, объединяющий целую систему социально-психологических теорий, среди которых наиболее интенсивно разрабатываются теория социального сравнения, теория социальной идентичности и теория самокатегоризации.

В рамках этих теорий идентичность - когнитивная система, исполняющая роль регуляции поведения человека и группы, человека внутри группы, и включающая две подсистемы: личностную (личную, персональную) и социальную идентичности. В зависимости от мотивов, потребностей или ситуации актуализируется тот или другой аспект идентичности.

Кроме описанных векторных, «фундаментальных» теорий, в последние два десятилетия XX века появляются многочисленные исследования, в которых разрабатываются насущные проблемы, связанные с различными проявлениями идентичности (личная, социальная, этническая, национальная, культурная, гендерная, половая и др.).

В этот же период понятие «идентичность» появляется в европейских и американских справочно-энциклопедических изданиях. В российской философской и психологической литературе представлен только термин «идентификация», правда, в очень кратком изложении.

1.2. Идентичность в XXI веке: категоризация понятия

В научной парадигме XXI века термин «идентичность» получает новый статус. В прошлом веке, как мы уже писали, эволюция историко-понятийной проблематики идентичности прошла три условно выделенных нами этапа: **артикуляция понятия** (1900-1950), **актуализация понятия**, постепенное введение его в междисциплинарный

научный обиход (1960-1980) и **универсализация понятия**, выход проблематики идентичности за границы узкой дисциплинарности (1990-2000). Нынешнее десятилетие характеризуется **категоризацией понятия** «идентичность» в научном знании и окончательным закреплением за ним междисциплинарного статуса. Идентичность сегодня трактуется как **категория** социально-гуманитарных наук, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей [Малахов 2011, 78].

1.2.1. Идентичность как междисциплинарная категория

Важным в современном понимании идентичности является то, что она есть не свойство (то есть нечто присущее субъекту изначально) и не просто чувство (психоанализ, социальная психология), но соотношение, соотнесенность, соответствие, отношение (социология, социальная философия, культурная философия), которое закрепляется (или, наоборот, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия [Абушенко 2003; Антонова 1996; Бауман 2002; Малахов 2004 и др.].

В XXI веке, в отличие от предыдущих периодов, понятие «идентичность» все чаще включается в украинские и российские справочные издания социогуманитарного профиля. Причем, если в изданиях начала века (2000-2004 гг.) словарная статья по идентичности либо вообще отсутствует, либо ограничена небольшим абзацем, то в изданиях после 2004 года (хотя все ещё не во всех) эта статья подаётся в более расширенном изложении. Описываются также и некоторые виды и разновидности идентичности.

Так, в известных нам словарях и справочниках по психологии, опубликованных после 2004 года [Психологічна енциклопедія 2006; Большой психологический словарь 2007; Психологічний тлумачний словник 2004 и др.], отдельная словарная статья по идентичности представлена только в последнем издании. Во всех остальных изданиях проблематика идентичности описывается в словарных статьях «социальная идентичность» и «половая идентичность».

В некоторых философских словарях, справочниках и энциклопедиях начала 2000-х годов [Философский словарь 2000 и др.] идентичность все еще кратко толкуется как логическая категория. В других изданиях, особенно более поздних [Философский энциклопедический словарь 2000; Философия: Энциклопедический словарь 2004; Новая Философская

иногда на нескольких страницах, и не ограничивается исключительно логическими категориями. Например, в «Новой Философской энциклопедии» 2011 года также описываются геополитическая и цивилизационная идентичности.

Большинство доступных нам авторитетных социологических словарей, энциклопедий и справочников также включают описание идентичности как научного понятия. В «Соціологічній енциклопедії», кроме этого, описываются тендерная и социальная идентичности [Соціологічна енциклопедія 2008, 148-149], а в издании «Социология: Энциклопедия» - гражданская и этническая [Социология: Энциклопедия 2003, 349-352]. «Политическая энциклопедия», изданная в 2000 году, содержит словарные статьи по «идентификации» и «политической идентичности» [Политическая энциклопедия 2000].

В отличие от термина «идентичность», дефиниция термина «идентификация» представлена ещё в словарно-энциклопедических изданиях 80-90-х годов. Следует отметить, что в изданиях начала 2000-х годов словарная статья по идентификации включает 1-2 значения этого термина, а в словарях 2004-2011-х годов «идентификация» представлена более подробно и включает от четырех до девяти значений.

В XXI веке поток научных исследований, посвященных идентичности, становится практически необозримым и многовекторным. Четко обозначившиеся «магистральные» направления в изучении идентичности связаны с разработкой проблематики: *идентичности и идентификации* (Е. Белинская; И. Киселев; И. Нойман; Э. Олсон; О. Павлова; Н. Полежаева; Т. Румянцева; Дж. Сمارт; А. Смирнова; Л. Шнейдер и мн. др.); *идентичности и социума (социальная идентичность)* (Т. Баранова; З. Бауман; В. Гекас; Т. Гуллберг; Н. Иванова; Ю. Качанов; Г. Раагма; Д. Сноу; В. Ядов и мн. др.); *идентичности и группы (групповая идентичность)* (Я. Ассман; В. Бойко; Т. Водолаж- ская; Л. Королева; В. Морозов; С. Шнейдер и мн. др.); *идентичности и нации (национальная идентичность)* (В. Бадмаев; А. Балыкова; Т. Гуллберг; Л. Королева; Ю. Мариненко; Т. Спицына; И. Татарен- ко и мн. др.); *идентичности и этноса (этническая идентичность)* (А. Балыкова; А. Баронин; Л. Дробижева; Н. Лебедева; Г. Солдато- ва; Т. Стефаненко; М. Сонг; В. Хотинец и мн. др.); *идентичности и культуры (культурная идентичность)* (А. Алавердян; К. Баркер; Т. Грушевицкая; Л. Гришаева; М. Мацейки; Д. Мацумото; В. Савченко; А.

идентичности и пола (половая, гендерная идентичность) (Ш. Берн; М. Галустян; И. Кон; И. Остапенко; Л. Ожегова и мн. др.); *идентичности и виртуального пространства* (Е. Белинская; А. Жичкина; О. Леонтович; И. Остапенко; Дж. Салер; М. Школова и мн. др.); *идентичности и языка* (Ю. Бовкунова; Т. Бородина; С. Гарагуля; Дж. Джозеф; Л. Енина; Е. Катанова; Е. Селиванова; Н. Черныш; М. Школова и мн. др.).

Следует особо отметить небывалую активизацию исследований идентичности в украинском научном пространстве нашего времени. Здесь изучаются общие проблемы *идентичности и идентификации* (Т. Булавина; П. Игнатенко; В. Павленко; И. Середняцкая), *личной и социальной* идентичностей (А. Алексеева; Т. Воропай; А. Зубенко; К. Коростелина; Н. Пилат; А. Ручная; Е. Симончук и мн. др.), *гендерной* идентичности (Ю. Беликова; И. Найдовская; Н. Терещенко), *региональной и политической* идентичностей (В. Зеленок; Т. Стародуб). Особую актуальность приобретают многочисленные работы по *национальной* (С. Брижицкая; В. Горлова; Н. Ковтуни; М. Козловец; И. Лимборский; Ю. Мариненко; Л. Нагорная; Г. Палий; О. Пахлевская; М. Скрипник; Б. Черкес и мн. др.); *этнической* идентичности (И. Вильчинская; М. Головатый; О. Грищенко; Ю. Дингес; М. Осушный и мн. др.).

Эти проблемы, наряду с особо актуальными в последнее время вопросами классификации идентичности, ее структуры, видов и подвидов разрабатываются как в рамках зародившихся и сформировавшихся в XX веке узкоспециальных и одноаспектных теорий идентичности, так и в русле междисциплинарных научных подходов к изучению идентичности (психоаналитический, социологический, когнитивный, конструкционистский). В следующем пункте представлены описание и систематизация основных особенностей исследований идентичности в XXI веке в рамках указанных подходов.

1.2.2. Основные междисциплинарные подходы к изучению идентичности

В научной парадигме XXI века актуальные вопросы идентичности разрабатываются не столько в рамках узкоспециальных теорий и концепций, сколько в рамках междисциплинарных научных теорий и подходов, зародившихся и формировавшихся в XX веке. Доминирующими в социогуманитарной научной парадигме XXI века научными подходами к

Идентичность в социогуманитарной парадигме XX-XXI веков 41
изучению идентичности являются психоаналитический, социологический, когнитивный и конструкционистский.

В данной части работы **впервые** в научном дискурсе идентичности делается попытка систематизации многочисленных концепций, теорий, школ, исследований отдельных ученых с целью отнесения их к указанным подходам, а также дается унифицированное описание каждого из подходов по схеме: объект исследования, направления исследования, векторные определения идентичности, ее функций, видов и механизмов.

Психоаналитический подход

Именно с психоаналитическим подходом (в западной терминологии «психодинамический» [Dictionary of Sociology 2009, 330]) связано введение терминов «идентичность» и «идентификация» в широкий научный обиход, возникновение дискурса идентичности в социогуманитарном знании XX века (З. Фрейд; Э. Фромм; Э. Эриксон) и его становление на основе теории глубинной психологии и психоанализа (Ж. Лакан; Дж. Марсиа; А. Уотерман; З. Фрейд; А. Фрейд; Э. Фромм; Э. Эриксон и мн. др.), теории идентичности сознания и мозга Ю. Плейса и Г. Фейгла, теории человеческой мотивации А. Маслоу и др.

В рамках психоаналитического подхода к изучению идентичности в XXI веке продолжается разработка проблематики идентичности с точки зрения её структурно-динамических характеристик и особенностей взаимосвязи с понятиями «Я-концепция», «самость», «самосознание», «самоопределение», «Я-реальное», «Я-идеальное», «бессознательное» и т.д (Е. Белинская; Ш. Берн; Е. Вахромов; Д. Зиммер; А. Ивашенко; Э. Олсон; Ж.М. Робин; Дж. Сمارт; В. Соснин; Л. Хьелл и мн. др.).

Главным **объектом** исследований является личность как автономная сущность, наделенная мыслями, чувствами, желаниями, способностью к действию, и идентичность здесь рассматривается как одна из составляющих структуры личности и её самосознания.

Процессуальная сторона идентичности - процесс формирования и существования идентичности - и её содержательная сторона - специфика целей, ценностей, убеждений - изучаются в тесной взаимосвязи представителями соответствующих направлений - процессуального и содержательного.

Идентичность как процесс является частью процесса формирования феноменологического «Я». Формирование идентичности в свою очередь

42
происходит через осознание самости, которая в отличие от Я-концепции (результат личностного развития человека) включает уровень бессознательного, предшествующего становлению личности [Ивашенко, Агапов, Барышникова 2002, 24]. Различные самости одного человека вступают во взаимодействие, помогая ответить на вопросы «Кто Я?», «Кем я себя вижу?», то есть в роли «Других» могут выступать отдельные самости одного человека. Результатом такого взаимодействия становится *персональная идентичность*. Следует отметить, что в этом теоретическом подходе персональная идентичность занимает доминирующее положение по отношению к *социальной* - социальные характеристики человека преломляются через призму динамичной организации потребностей, убеждений и индивидуальной истории [Иванова, Румянцева 2009, 20].

Основной *функцией* идентичности в психоанализе признается адаптация. Идентичность в этом понимании, основанном еще на идеях Э. Эриксона, призвана сохранить целостность и индивидуальность опыта человека, помогать ему предвидеть внутренние и внешние опасности и соизмерять свои способности с возможностями, которые даёт ему общество. Основным *механизмом* идентичности считается страх утраты своего «Я» и ущемление личностных потребностей [Робин 2010].

В свете основных положений психоаналитического подхода идентичность в наиболее общем виде трактуется как отношение индивида к себе; чувство тождественности (самотождественности) и непрерывности, истинности, полноценности собственной личности при восприятии других людей, признающих это тождество и непрерывность; чувство адекватности и стабильного осознания личностью собственного «Я», независимо от изменений последнего и ситуации [Белинская 2003; Иванова, Румянцева 2009; Робин 2010; Шапар 2004 и др.].

социологический подход

Активно разрабатываются теории и концепции предшествующего периода и в социологическом подходе к исследованию идентичности. Этот подход опирается на идеи символического интеракционизма (прагматическая теория самости У Джеймса, концепция зеркальной самости Ч. Кули, теория социальной интеракции Дж. Мида), статусно-ролевые концепции (теория ролей П. Бергера, драматическая модель социального взаимодействия И. Гоффмана, теория референтных групп Р. Мертон и др.), теорию конфликтов М. Шериф и Д. Кэмпбелла, теорию социального контекста идентичности Г. Брейкуэлл, теорию идентичности

как *Идентичность в социокультурной парадигме XX-XXI веков* 43
интериоризованной роли Ш. Страйкера и др. В рамках
социологического подхода «идентичность» анализируется сквозь призму
символических аспектов социальных взаимодействий и социального
происхождения «Я». В нем акцентируется внимание на изучении
социальных категорий в аспекте множественности идентичности, влияния
идентификации с несколькими группами на отношение к членам своей и
чужой групп, иерархической структуры социальной идентичности,
динамики идентичности в ходе межкультурной адаптации и
межгрупповых и межличностных отношений и многих других вопросов
(В. Агеев; В. Гекас; Л. Дробизева; О. Павлова; Д. Сноу; А. Толмасова; В.
Хотинец; Л. Шнейдер; В. Ядов и мн. др.).

Главным *объектом* исследований, выполненных в ключе социологического подхода, являются личность как представитель группы и сама группа. Идентичность, соответственно, рассматривается, прежде всего, как *социальная идентичность* и как один из базовых феноменов индивидуального и группового самосознания. Если в психоаналитическом подходе «идентичность» рассматривается в свете процесса формирования феноменологического «Я», то в социологическом подходе идентичность является частью процесса формирования интеракционного «Я» и имеет дело с самоопределением человека в социуме, формированием социальной идентичности через взаимодействие с другими индивидами, исполнение «ролей» и сравнения себя с «Другими» [Школова 2005, 19]. В этом плане уточняется контекст применения таких понятий как «развитие», «формирование» и «динамика» идентичности, которые раньше использовались (и продолжают использоваться) как синонимы.

Развитие, или *динамика*, идентичности характеризуется как закономерное качественное изменение представлений о своем месте в социальном мире в течение жизни под влиянием различных факторов. Процесс *формирования* идентичности в социологическом подходе рассматривается шире, чем в психоаналитическом (возрастная и педагогическая психологии), как процесс преобразования идентичности на разных этапах социализации, связанный с влиянием различных факторов, результатом которого является качественное изменение идентичности. Процессы развития и формирования сопровождают друг друга, но, говоря о формировании, подчеркивается именно целенаправленность влияния социума на личность в процессе социализации. В определенном смысле, согласно точке зрения ученых,

44 можно говорить о развитии *Идентичность и лингвокультура: методология изучения* персональной и формировании социальной идентичности. Но, учитывая сложную взаимосвязь между видами идентичности, применительно к социальной идентичности можно использовать оба термина, имея в виду, что развитие больше связано с влиянием природных, а формирование - со всей совокупностью различных целенаправленных факторов [Дробижева 2006; Иванова, Румянцева 2009; Мухина 2000; Шнейдер 2004; Ядов 2000 и др.].

Основными *функциями* идентичности в социологическом подходе считаются регуляция межгрупповых и межличностных отношений и организация, а также выбор направления поведения. Главными *механизмами* развития и формирования идентичности называются подражание (индивид, независимо от уровня осознания копирует формы, эталоны, стереотипы поведения, ценности других представителей той общности, с которой он себя идентифицирует), необходимое принятие (индивид под влиянием групповых норм, правил, традиций и ценностей неосознанно, автоматически принимает формы поведения, свойственные его группе) и осознанное, ответственное принятие идентификационных характеристик.

Преломляясь сквозь призму этих и других основных положений социологического подхода, идентичность (прежде всего социальная) определяется как: результат формирования многообразия социального «Я» индивида [Киселев, Смирнова 2001]; результат отождествления индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды [Малахов 2011, 79]; результат процесса социальной идентификации, который заключается в установлении в середине группы стойких деперсонализированных отношений, при которых индивидуальные особенности психологически менее важны, чем групповые [Психологическая Энциклопедия 2006, 149]; чувство, осознание индивидом своей принадлежности к определенному сообществу, группе людей [Галушко 2008, 147]; идеальная представленность интерперсонального отождествления Я- позиций в социальном пространстве [Качанов 2000].

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Изучение социальной идентичности продолжается и в русле междисциплинарного когнитивного подхода, который изначально зародился в рамках социологического подхода и ядро которого составляют теория когнитивного баланса Ф. Хейдера, теория когнитивного

Идентичность в социокультурной парадигме XX-XXI веков 45
дисбаланса А. Фестингера, теория социальной идентичности Г. Тэджфела, теории социального сравнения и самокатегоризации Дж. Тернера и П. Оукса. В последние годы эти теории претерпели большие изменения, связанные прежде всего с результатами многочисленных экспериментальных исследований *социальной* идентичности, которые проводились в группах с различными социальными статусами (прежде всего, низшим) и структурами. Это позволило расширить и по-новому истолковать значительную часть положений теории социальной идентичности, которая формировалась в предшествующие периоды на основе экспериментов в пределах малых групп, что затрудняло её перенос на объяснение межгрупповых конфликтов.

На сегодняшний день наиболее разработанными положениями в когнитивном подходе считаются: объяснение самокатегоризации как основы социальной идентичности; исследование мотивационных процессов, связанных с социальными идентификациями; объяснение связи индивида с теми группами, членом которых он является; обоснование корреляции между персональными характеристиками и содержанием социальной идентичности, между внутригрупповым и межгрупповым поведением; анализ макросоциальных и идеологических аспектов социальной идентичности и др. [Иванова, Румянцева 2001, 44-45].

В XXI веке исследования идентичности в рамках когнитивного подхода направлены на решение векторных проблем психологии личности, социальной и когнитивной психологии: взаимосвязи между индивидуальным и коллективным, между персональной и социальной идентичностями, между категоризацией (самокатегоризацией) и социальным сравнением, обеспечивающими процесс формирования социальной идентичности. Значительное внимание уделяется выявлению закономерностей динамики социальной идентичности в аспекте внутригрупповой и межгрупповой дифференциации и т.д. [Андреева 2000; Шихирев 2000].

Как и в социологическом подходе, в когнитивном подходе главными **объектами** исследований являются социальная группа и личность как представитель группы. Изучение социальной идентичности основывается на идее о том, что каждый индивид имеет определенные социальные характеристики, которые демонстрируют его/ её членство в группе, и

46
персональные или индивидуальные характеристики, которые более специфичны и уникальны. *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*

Однако, в отличие от социологического подхода, в когнитивном акцент делается на том, что социальная идентичность представляет собой те аспекты «Я» концепции индивида, которые связаны с *восприятием* себя как члена определенных социальных групп. Формируется она в процессе включения в те или иные группы и *осознания* своего места в них.

Определение группы с точки зрения данного подхода также носит когнитивный характер. Группа рассматривается как совокупность индивидов, которые *воспринимают* себя как членов одной и той же социальной категории, *разделяют* эмоциональные последствия самоопределения и достигают некоторой степени социальной согласованности *по оценке* собственно группы и их членства в ней [Tajfel, Turner 1986, 15]. Во всех группах членство мотивировано достижением и сохранением позитивной социальной идентичности через межгрупповую дифференциацию. Отсюда вытекают и основные **функции** идентичности - адаптация к социальному пространству с целью построения и прогнозирования модели поведения как отдельного индивида, так и группы как целостности.

Основными **механизмами** идентичности называются социальная категоризация и концептуализация, социальное сравнение с другими, результатами которых являются межгрупповая дифференциация и внутригрупповой фаворитизм.

В трактовках идентичности с позиций когнитивного подхода сегодня наблюдается «разнобой» и неопределенность. Идентичность определяется как: принятая в той или иной степени социальным субъектом *социальная категория*, связанная с частью социальных идентификационных категорий, выбираемых в соответствии с определенным социальным контекстом [Иванова, Румянцева 2009]. Ее также рассматривают как *результат* процесса идентификации, *результат* осмысления человеком самого себя, связанный со стремлением к построению целостного мира субъективно-значимых смыслов [Герман 2009, 52]; *результат* эмоционально-когнитивного процесса осознания групповой принадлежности, отождествления индивидом себя с представителями своей группы/групп и обособления от других групп, а также глубоко личностное значимое переживание своей групповой принадлежности [Науменко 2003, 351]. В некоторых концепциях идентичность предстает

как феномен индивидуального сознания, предполагающий осознание 47 принадлежности к определенной общности, имеющий для индивида значимый смысл, и феномен надиндивидуального сознания, признак (качество) общности, характеризующее её как коллективного субъекта [Водолажская 2003, 349];

Однако, по нашему глубокому убеждению, многочисленные определения идентичности (прежде всего социальной) в рамках когнитивного подхода основываются на ставшем сегодня классическом определении Г. Тэджфела, согласно которому социальная идентичность - это та часть индивидуальной «Я-концепции», которая включает как осознание принадлежности к социальной группе/группам, так и *оценку и эмоциональное отношение* к этому групповому членству [Tajfel 1982].

Идентичность в когнитивном подходе, таким образом, в наиболее обобщенном виде можно рассматривать как феномен индивидуального и надиндивидуального сознания, представляющий в первом случае результат эмоционально-когнитивного процесса осознания индивидом своей групповой принадлежности, и, во-втором, результат самосознания общности, её качество, характеризующее её как коллективную целостность.

конструкционистский подход

В XXI веке большинство исследований идентичности связаны с чрезвычайно актуальными проблемами межгрупповых отношений. Поэтому развивающееся в предшествующее столетие в *рамках когнитивного подхода* конструкционистское направление, в котором основное внимание уделяется именно этому аспекту идентичности и которое базируется на концепции конструктивного альтернати- визма Дж. Келли и теории персональных конструктов (В. Брушлин- ский; Е. Головаха; М. Дуглас; Дж. Келли; И. Козлова; В. Похилько; Ф. Франселла и др.), получает всё более широкое распространение. Это способствует тому, что в современной науке конструкционист- ская (конструктивная) модель анализа идентичности получает статус самостоятельного (хотя и тесно связанного с когнитивным) междисциплинарного подхода к исследованию идентичности. Данный подход, по мнению ученых, позволяет более полно выявить механизмы формирования и трансформации идентичности в условиях современного общества, роль самой личности в создании определенных иден- тичностей, а также точнее описать социальный

уровень определения идентичности, поскольку понятие «личностный конструкт» отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми ценностями и тем самым помогает процессу категоризации «Я» [Белинская, Тихомандрицкая 2001; Иванова, Румянцева 2009; Стефаненко 2003 и др.].

В работах данного подхода изучаются механизмы самоопределения личности через принадлежность к социальной категории; сущность, механизмы формирования и структура социальной идентичности как производной процесса конструирования социального мира; этническая идентичность как один из ключевых социальных конструктов и многие другие вопросы (Г. Андреева; Н. Иванова;

И. Киселев; Т. Мищенко; Т. Румянцева; А. Смирнова; Т. Стефаненко).

Главными *объектами* этих исследований являются социальная группа и личность как представитель этой группы, но в отличие от других подходов проблематика идентичности рассматривается в несколько ином ракурсе. Во-первых, анализируются возможности *конструирования* различных видов социальной идентичности (профессиональной, семейной, этнической и т.д.) для анализа *социально-культурного* становления личности. Во-вторых, идентичность объясняется с точки зрения развития самого индивида в результате конструирования системы ценностей на основе понимания своего места в социальном мире. Социальная идентичность выступает здесь не только как одна из форм отражения социальной реальности, но и как производная процесса конструирования социального мира. Под конструированием понимается систематизация информации о мире, организация этой информации в связные структуры с целью постижения ее смысла. Таким образом, подчеркивается «*активность познавательной деятельности субъекта в ходе построения идентификационной структуры*» [Андреева 2001].

В этом контексте идентичность (социальная прежде всего) рассматривается как важный компонент самосознания, образа-Я, как *динамическая система конструктов*, составляющая ядро личности и отражающая смысловые и оценочные представления человека о самом себе как члене социальных общностей. Формирование и функционирование идентичности обеспечивается двумя взаимосвязанными процессами: познанием группы и познанием самого себя [Андреева 2000; Иванова 2003; Румянцева 2005; Иванова, Румянцева 2009].

Основными **функциями** идентичности при этом являются не только адаптация к социальному пространству, но и структурирование опыта, конструирование реальности - индивид строит гипотезы, взвешивает, оценивает данные опыта и несовпадение индивидуальных мнений, систематизирует факты, то есть интерпретирует, конструирует реальность, создавая свои системы конструкторов. Все это необходимо ему для успешной ориентировки в социальном пространстве, особенно в современных условиях подвижных и стремительных изменений, когда приходится быстро сопоставлять индивидуальные качества с требованиями новой группы/групп.

В конструкционистском подходе все чаще, наряду с терминами «развитие», «формирование», «конструирование» идентичности используется более современный термин - «трансформация» идентичности, который включает все предыдущие, поскольку означает преобразование, превращение, изменение структуры идентичности под влиянием различных факторов, как возрастных, так и социальных. В большей степени, чем остальные, он применяется по отношению к быстрому изменению и конструированию идентичности под влиянием социальных факторов нестабильности и неопределенности, социокультурных перемен и смены политического устройства общества [Стефаненко 2003] и межнациональных конфликтов и национальных революций («оранжевая», «революция тюльпанов», «революция роз», «арабская весна» и т.д.).

Как и в когнитивном подходе, основными **механизмами** идентичности в конструкционистском подходе считаются сопоставление, сравнение с другими, социальная категоризация.

Идентичность, таким образом, определяется как центральный смыслообразующий элемент личности, имеющий когнитивно-аффективную природу и оказывающий влияние на ценностно-смысловую сферу мышления и поведения человека. Социальная идентичность при этом выступает как целостная динамическая система ключевых социальных конструкторов личности, создаваемая (конструируемая) субъектом при пересмотре своего места в социальной среде, в ходе взаимодействия, социального сравнения и являющаяся когнитивно-мотивационным основанием восприятия индивидом новых социальных ценностей [Андреева 2000; Иванова, Румянцев 2009; Стефаненко 2001, 2003]. По нашим наблюдениям, в относительно

унифицированных определениях идентичности в рамках конструкционистского подхода синтезируется эволюция основных положений всех рассмотренных выше подходов к изучению идентичности. Это позволяет рассматривать конструкционистский подход как ведущий методологический вектор современной теории идентичности.

Закljučая краткий теоретический обзор ведущих междисциплинарных подходов к изучению идентичности, отметим, что идентичность как сложный и многогранный феномен получает многочисленные и разнообразные интерпретации в каждом из этих подходов. Это иллюстрирует до сих пор нерешенную, «глобальную» проблему общей теории идентичности, связанную с выработкой унифицированного, терминологически четкого, схематически выверенного и ясного определения идентичности в рамках каждого из описанных подходов.

1.2.3. Идентичность как объект изучения гуманитарных наук

Научная парадигма XXI века характеризуется необычайным интересом к проблематике идентичности личности и группы. Идентичность как многоаспектное, многогранное явление изучается на стыке исследовательских подходов и направлений различных наук социогуманитарного профиля: *психологии* (психоанализ, социальная психология, этнопсихология, когнитивная психология, культурная психология, кросскультурная психология); *социологии* (этносоциология); *философии* (социальная философия, философия культуры); *политологии*; *культурологии* (историческая культурология, прикладная культурология, культурная компаративистика, «культурные исследования»), *межкультурной коммуникации*; *антропологии* (социальная антропология, культурная антропология, психологическая антропология); *этнологии* и *этнографии*; *языкознании* (социолингвистика, психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология, теория языка, этнолингвистика, когнитивная лингвистика).

Междисциплинарный характер идентичности не исключает специфического для каждой отдельной науки фокуса рассмотрения и трактования идентичности. В предлагаемой части работы излагаются основные особенности научной категории «идентичность» как объекта изучения психологии, философии, социологии, политологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

В рамках **философии** проблема идентичности в косвенном виде разрабатывалась издавна и получила осмысление уже в рамках античной философии, средневековой схоластики, а впоследствии оставалась важной темой в исследованиях Б. Спинозы, Ф. Шеллинга, Вл. Соловьева и его последователей в рамках «философии всеединства», М. Хайдеггера и др. Гносеологический, феноменологический и аксиологический аспекты этой проблемы получили разработку в исследованиях Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, Р. Декарта, И. Канта, Э.

Кондильяка, Дж. Локка, К. Маркса, Л. Фейербаха, Ф. Энгельса, Д. Юма, Х. Ортега-и-Гассета, И.Д. Скотта, М.М. Бахтина и др. В неклассической философии XX века акцент в осмыслении феномена идентичности был перенесен на проблему индивидуализации личности, что нашло свое отражение в экзистенциальной философии

А. Камю, М. Шелера, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса; важность и роль понятия «различие» в формировании идентичности рассматривались в постмодернистских концепциях Ю. Хабермаса, В. Адорно, Ж. Делёза, Ж. Деррида, П. Рикера, М. Хоркхмайера и др. [Абушенко 1998; Малахов 2004; Савченко 2009].

Идентичность как объект современной философии трактуется как «всеобщность бытия» [Хайдеггер 2003], как соотнесенность чего-либо, имеющего бытие, с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве «наблюдателем», рассказывающим о ней себе и другим с целью подтверждения ее саморавности [Абушенко 1998, 345]. Идентичность - это прежде всего отношение, вернее, характеристика отношения индивида к себе самому и к коллективу [Малахов 2004, 300]. Как социально-философская проблема идентичность сегодня рассматривается в плане отражения мироощущения человека, мировоззрения общества, системы идей и взглядов на мир и место в нем человека. Особое внимание уделяется социально-философским аспектам национальной, этнической, цивилизационной, гендерной и т.п. идентичностей (А. Алавердян; В. Бабаков; В. Бадмаев; А. Балыкова; Н. Бердяев; Г. Гачев; М. Заковоротная; Л. Королева; Ю. Малахова; И. Остапенко; Т. Спицына; В. Татаренко; Ю. Хабермас; М. Хайдеггер и мн. др.).

В **психологии** XXI века идентичность, при всей необъятности многочисленных трактовок, рассматривается главным образом как психологическая категория, как чувство, переживание, осознание

личностью своей тождественности, собственной истинности, полноценности, принадлежности к определенной общности (Е. Белинская; Ш. Берн; Е. Вахромов; Д. Зимер; И. Мнацаканян; В. Мухина; Э. Ол-сон; Ж. Робин; Дж. Сمارт; В. Соснин; Л. Хьелл; М. Щербаков и мн. др.).

Социальная идентичность как объект изучения социальной и когнитивной психологии рассматривается как сложнейший личностный феномен, отражающий индивидуальное представление человека о самом себе как члене социальных общностей, сопровождающееся и смысловыми оценочными проявлениями (В. Агеев; Г. Андреева; М. Бруэр; У. Дойз; Н. Иванова; Ю. Качанов; К. Коростелина; В. Новиков; Н. Пилат; А. Толмасова; П. Шихирев и мн. др.).

В этнопсихологии, междисциплинарной области знаний, развивающейся на стыке психологии, психологической антропологии, культурантропологии и социологии, чрезвычайно актуальными в последние десятилетия становятся исследования этнической идентичности, определяемой как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других [Стефаненко 1999].

Большое внимание в психологии уделяется и вопросам половой идентичности, которая объясняется как переживание и осознание человеком своей половой принадлежности, физиологических, психологических и социальных особенностей своего пола (А. Алексеева; З. Бауман; Ш. Берн; И. Кон; М. Ожигова; В. Шапар и др.).

Идентичность как объект изучения **социологии**, представляет собой процесс [Бауман 2001] и/или результат процесса отождествления индивидом себя с социальной группой, помогающей ему эффективно овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать и преобразовывать социальные нормы и ценности, принимать социальные роли. Идентичность исследуется как продукт взаимодействия самоидентификации и идентификации. Именно признание со стороны окружающих обладания человеком тем или иным социальным статусом (идентификация) рассматривается в современной социологии как неотъемлемый и важный аспект идентичности (В. Анурин; З. Бауман; Т. Голенкова; Б. Исаев; А. Кравченко; О. Павлова; Е. Симончук и мн. др.).

Социальная идентичность в социологии, в отличие от психологии, рассматривается не столько как чувство или переживание, сколько как результат самоотождествления индивида с теми группами и сообществами, которые он воспринимает как «свои», относительно

Идентичность в социокультурной парадигме XX-XXI веков 53
которых он в большей степени способен сказать «мы» (гендер, семья, религия, этнос, профессия, класс и т.п.) [Бойко 2008].

Наиболее распространенным проявлением и формой социальной идентичности является этническая идентичность, которая в социологии рассматривается как одна из форм коллективной солидарности, базирующаяся на системе культурно-символических признаков, осознанных в процессе этнической идентификации и самоидентификации (осознание индивидом принадлежности к определенной этнической общности) (К. Галушко; Л. Дробыжева; В. Савченко; Г. Солдатов; В. Хотинец; В. Ядов и др.).

В социологии также изучаются другие разновидности социальной идентичности (национальная, гражданская, конфессиональная, региональная, классовая и т.п.) как феномены индивидуального и надиндивидуального (коллективного) сознания (Я. Ассман; Т. Водолажская; П. Ингэм; П. Корфилд; Д. Лотон; В.Середа и мн. др.).

Если психология фокусирует внимание на половой идентичности как разновидности личной идентичности, то в социологии больше внимания уделяется гендерной идентичности (В. Беликова; И. Найдовская; Н. Терещенко), под которой понимается осознание индивидом социокультурных форм существования мужского или женского пола, степень его отождествления с определенным полом, обусловленная действующими в обществе общекультурными представлениями о мужском и женском поведении [Галустян 2008, 148].

Объектом исследования современной **политологии** выступает, главным образом, политическая идентичность, которая определяется как общность ориентаций и установок политических субъектов и совпадение форм и методов достижения политических целей.

Политическая идентичность складывается из отдельных идентичностей и определяется их принадлежностью к политической группе/идеологии. Как феномен коллективного сознания, она представляет собой итоговый показатель самоопределения и политического выбора социального субъекта. В этом качестве политическая идентичность служит важным регулятором солидарного сознания и поведения личности, социальных групп, классов, властных элит (В. Иванов; В. Землюк; В. Морозов; И. Нойманн; Г. Раагма и мн. др.).

В политологии существуют два основных подхода к анализу природы политической идентичности: 1) в рамках марксистских, неомарксистских

54
концепций и 2) в рамках *Идентичность и лингвокультура: методология изучения* структурно-функционального анализа. В первом подходе подчеркивается объективная природа политической идентичности и её обусловленность конкретно-историческими условиями, материальными и духовными факторами жизнедеятельности. Во втором подходе политическая идентичность рассматривается как совокупность субъективных позиций, разделяемых людьми в политической жизни общества, как субъективная форма интеграции в различные формы политической структуры общества [Иванова 2008, 416].

Большое внимание в политологии как, впрочем, и в социологии, уделяется и гражданской идентичности, анализ которой проводится в двух аспектах: индивидуальном и коллективном (Т.В. Водолажская; Л. Дробижева; Е. Головаха и др.). Гражданская идентичность изучается и как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл, и как признак гражданской общности, характеризующий её как коллективного субъекта [Водолажская 2003].

Актуализация идентификационных процессов на уровнях гражданской и политической общностей вследствие образования новых постсоветских государств, европейской интеграции и мировых глобализационных процессов способствовали активизации исследований, посвященных не только гражданской и политической, но и геополитической и цивилизационной идентичностям в конце XX - начале XXI веков (Б. Глотов; З. Жаде; Л. Королева; И. Нойманн; В. Цымбурский и др.).

Изменения в социальной структуре общества и тенденция к его глобализации обострили также проблему культурной идентичности и идентификации. Идентичность с 90-х годов прошлого века становится центральным понятием *культурологии*, межкультурной коммуникации, культурной психологии и целого комплекса наук западной гуманитарной традиции, объединяемых общими названиями *Cultural Studies* (изучение культуры)², *Multicultural Studies* (изучение культурного многообразия) и *Cross-Cultural Studies* (изучение межкультурного взаимодействия).

² «Изучение культуры» или «культурные исследования», «культурная критика», «критика культуры»-область современных междисциплинарных исследований, которые осуществляют связь между постструктурализмом, деконструктивизмом и другими направлениями левого неомарксистского постмодерна, фокусируясь в основном на социально-историческом анализе культуры в ее разных проявлениях в диахронном и синхронном измерениях [Тлостанова 2007 Т.1, 1065].

Понятие идентичности используется в современных «науках о культуре» [Уайт 2004, 18] как способ, процесс обретения духовной и эмоциональной устойчивости личности, выработки общих культурных ценностей, осознания своей причастности к группе, обществу, нации, государству, позволяющей ей определить своё место в социокультурном пространстве. Идентичность выступает в роли индикатора своего в противоположность чужому, основания для национального и культурного тождества и необходимого условия консолидации общества (К. Баркер; В. Большаков; Н. Герман; Л. Гозман; Т. Грушевицкая; В. Зинченко; С. Иконникова; Р. Коллинз; Д. Мацумото; А. Панарин; В. Попков и мн. др.).

В культурологии различают две основные модели идентичности: модернистскую и постмодернистскую [Прилуцкая 2009]. В модернистской модели идентичность является результатом выбора группы, чьи ценности человек стремится разделить и частью которой он хочет стать (семья, профессиональная группа, класс, нация, государство и т.п.). Главная цель - создание постоянной идентичности и ее сохранение в течение жизни.

Постмодернистская модель идентичности является фрагментарной, множественной, принципиально не фиксируемой. Главное для личности - сохранить свободу в выборе идентичности, иметь наиболее широкий репертуар идентичностей для того, чтобы ситуативно их менять. Постмодернистская идентичность - это нарратив, рассказ о себе, «регуляторные дискурсы», «то, как мы описываем себя один другому» [Barker 2003, 245]. Когда мы представляемся другим (незнакомым или тем, с кем давно не виделись) людям, мы кратко или довольно подробно составляем рассказ о своей жизни, подбирая, организуя (*regulate*) факты по своему усмотрению (как, например, на разных Интернет-форумах, социальных сетях). Подбор фактов и фотографий, как правило, представляет не объективную ситуацию, а авторский рассказ о себе, своей жизни, что характеризует собственную идентичность [Баркер 2003; Прилуцкая 2009].

Открытость и многообразие постмодернистского мира с его увеличивающимися возможностями социальной мобильности и новых контактов, смены мест проживания означают, что сегодня человек осваивает новые «культурные пространства» и «примеряет на себя» различные идентичности, сохраняя или разрушая уже имеющиеся, прежние. В культурологических студиях поэтому особенно актуальны вопросы, связанные с культурной или мультикультурной иден-

тичностью/идентичностями (А. Алавердян, К. Баркер, Ю. Бовкунова, Л. Гришаева; О. Зернецкая; Д. Келлер; Н. Костенко; К. Мерсер; Проблемы культурной идентичности; С. Холл; Дж. Фридман и мн. др.).

Определения культурной идентичности в рамках этих наук многократно варьируются в зависимости от научной дисциплины, подхода, теории и воззрений отдельных исследователей. В наиболее общем виде суть культурной идентичности, как правило, сводится к самоотождествлению себя с культурными образцами определенной общности, к осознанному принятию соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, пониманию своего «Я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном коллективе (В. Большаков; Е. Борзова; Т. Грушевицкая; В. Зинченко; В. Зусман; С. Иконникова; В. Попков; А. Садохин; Г. Скотникова и др.).

Следует отметить, что в некоторых культурологических описаниях идентичность в определенной степени толкуется с позиций экзистенциализма (*essentialism*), которые сегодня подвергаются справедливой критике, прежде всего, со стороны так называемого «анти-экзистенциализма».

Представители «экзистенциализма» рассматривают субъекта как личность, наделенную устойчивым самосознанием, определенной и зафиксированной идентичностью, которую они называют «коллективным истинным Я» (*collective true self*). Оно формируется на основе общей истории, культурного наследия и символических ресурсов. С этой точки зрения «британская идентичность», например, конструируется такими составляющими как флаг «Юнион Джек», общая историческая память о Второй мировой войне, общественные церемонии открытия парламента, выноса знамени у Букингемского дворца, Кубок Англии по футболу или ежедневные программы ве-

³ В русском переводе это направление, как правило, терминологически называется «экзистенциализмом» или «эссенциализмом» (редко). Отметим, что слово 'essentialism' как философский термин переводится как «реализм, материализм» [Апресян 2001], и поэтому его транслитерированный аналог «эссенциализм» будет слишком неоднозначным в контексте теории идентичности.

черных новостей *Nightly News*. Основной посыл этой теории состоит в том, что коллективная идентичность существует как некая целостность, выражаемая посредством символических репрезентаций [Barker 2003].

Но сегодня значительную часть населения Великобритании составляют обладатели темной кожи, азиаты, евреи, китайцы, индусы,

Идентичность в социокультурной парадигме XX-XXI веков 57
поляки и т.д. А британская идентичность обычно ассоциируется с белокожими англосаксами. И поэтому совмещение понятий *British* и *black*, например, ставит под сомнение аргументы «экзистенциалистов», ведь быть британцем может означать и быть темнокожим, родом из Африки. Можно, говорят «антиэкзистенциалисты», рассуждать о культурных идентификациях, которые в этом контексте определяют темнокожее население Африки, Америки и Великобритании. Но так же целесообразно выделять и их отличительные черты. Иными словами, быть темнокожим британцем - совсем не то же самое, что быть темнокожим африканцем или американцем.

В этом плане западное изучение культуры (*Cultural Studies*) базируется на концепции идентичности Стюарта Холла (*S. Hall*). Согласно этой концепции, самость состоит из множественных и изменчивых идентичностей, которые формируются не только на принципах сходства, но и на принципах различия. Культурная идентичность видится не как отражение постоянного естественного состояния бытия «целостного» субъекта (*unified subject*), а как процесс становления (*becoming*) децентрализованного субъекта. Сущность культурной идентичности неуловима, ее невозможно обнаружить, она постоянно продуцируется векторами сходства и/или различия [Hall 1990; 1992].

Тем самым С. Холл и его последователи определяют культурную идентичность не как сущность (*essence*), а как непрерывно изменяющуюся систему дискурсивных позиций, точек зрения субъекта. Культурная самоидентичность - это описание себя, рассказ о себе. Культурная социальная идентичность - это то, как другие описывают нас, рассказывают о нас. Культурная идентичность связана с «центральными узлами культурного значения», такими как класс, пол, раса, этнос, нация и возраст, и каждая из этих «дискурсивных позиций» сама по себе нестабильна и изменчива. Смысл «американства», «британства», принадлежности к темнокожим, к мужскому полу и т.д. постоянно подвергается проверке и изменениям. И этот смысл никогда не будет «определенным до конца», «законченным». Идентичность, образно говоря, это «срез», «монтажный кадр» (*cut*) или «моментальный снимок раскрывающихся значений» (а *snapshot of unfolding meanings*) [Barker, Hall 1985; Hall 1996; Hall 1981]. Такой «антиэкзистенциалистский» подход отнюдь не отрицает существование самой идентичности вообще, он, скорее, подчеркивает существование

58
разнообразных, изменяющихся и фрагментарных идентичностей, которые могут проявляться и выражаться в своем единстве различными способами.

Подобная точка зрения на культурную идентичность характерна и для активно развивающейся в последние десятилетия, особенно в США, культурной психологии и ее ответвления - кросскультурной психологии. В этих научных дисциплинах культурная идентичность изучается в контексте психологического членства индивидов в определенной культуре. Поскольку человек является одновременно членом нескольких групп, он обладает сразу несколькими идентичностями. Эти мультикультурные идентичности становятся все более характерными для современного, постмодернистского типа личности, поскольку границы между культурными группами все больше стираются, расширяются коммуникация и интеграция между представителями различных культурных групп.

Культура в этих науках является макроуровневым социопсихологическим конструктом, идентифицирующим характеристики и атрибуты, которые мы разделяем с другими людьми. Существование мультикультурных идентичностей предполагает наличие множественных психокультурных систем представлений в умах мультикультурных индивидов. Идентичность признается ключевым аспектом нашего фундаментального ощущения «Я» наряду с двумя другими: «Я-концепцией» и «Я-конструктами» (Дж. Алтариба; Дж. Берри; П. Дасен; Н. Лебедева; Д. Мацумото и др.).

Феномен идентичности представляет безусловный интерес и для лингвистического анализа. На современном этапе в отечественной и зарубежной *лингвистике* изучается круг проблем, связанных с языковой репрезентацией идентичности. Следует отметить немногочисленность (по сравнению с другими гуманитарными науками) таких исследований, заслуга которых в основном заключается в постановке и очерчивании некоторых конкретных проблем отражения идентичности в языке и описании возможных способов их решения. Проблемы определения идентичности, ее структуры и сущности, а также различных проявлений (лингвокультурная, этнокультурная, социолингвистическая и т.п.) все еще ждут своего решения и, тем самым, задают актуальные и перспективные направления исследований

Таким образом, понятие идентичности, хотя признается базовым термином многих современных гуманитарных наук, все еще пребывает в стадии уточнения, корректировки и обсуждения. В каждой из наук существует множество как теоретико-методологических концепций, так и практических исследований, посвященных проблематике идентичности. При этом феномен идентичности и представляющее его понятие до сих пор так и не получили однозначной трактовки. Также вызывают дискуссии и вопросы классификации идентичности, описания ее структурно-системных характеристик, видов и разновидностей. В следующей главе мы подробно остановимся на анализе и путях решения таких вопросов.

выводы по главе I

В становлении идентичности как научного понятия на протяжении XX-XXI веков можно выделить четыре этапа: I этап: 1900-1950 - артикуляция понятия; II этап: 1960-1980 - актуализация понятия; III этап: 1990-2000 - универсализация понятия; IV этап: 2000 - по настоящее время - категоризация понятия.

Возникновение научного дискурса идентичности на первом этапе связано с эволюцией и пересмотром традиционных понятий философии, логики, психологии и социологии («самость», «самоопределение», «самосознание», «Я», «личность», «тождество», «различие»), которые в той или иной степени соотносятся с понятием «идентичность».

Благодаря этому начинают формироваться два основополагающих подхода к изучению идентичности: психоаналитический, основанный на теории психоанализа (З. Фрейд; Э. Фромм), и социологический, основанный на прагматичной теории самости У. Джеймса, концепции зеркальной самости Ч. Кули и теории социальной интеракции Дж. Мида. В первом подходе традиционные термины осмысливаются в контексте индивидуализации личности, и вводится понятие «идентичность» для обозначения результата такой индивидуализации, для обозначения чувства осознания принадлежности индивида к какой-то целостной структуре (Э. Фромм). Во втором подходе в контексте описания механизмов социализации и интериоризации обсуждается социальная,

60 субъектно-объектная природа идентичности, ее динамичный и саморефлексирующий характер.

На протяжении второго этапа проблематика идентичности выходит за рамки узкой дисциплинарности. «Идентичность» становится одним из базовых понятий многих социогуманитарных наук и постепенно вводится в междисциплинарный научный обиход. В социогуманитарном знании окончательно оформляются два основных подхода к исследованию идентичности: психоаналитический и социологический. Последний развивается наиболее интенсивно в этот период, объединяя теорию символического интеракционизма, статусно-ролевые концепции социализации личности, теорию ролей П. Бергнера, драматическую модель социального взаимодействия Э. Гофмана, теорию референтных групп Р.К. Мертона, теорию конфликтов М. Шерифа и Д. Кэмпбелла и другие исследования.

В этот период наряду с психологическим и социологическим подходами к исследованию идентичности зарождаются и новые - бихевиористский, основанный на теории конфликтов М. Шерифа и Д. Кэмпбелла, и когнитивный, основанный на теории когнитивного баланса Ф. Хейдера и теории когнитивного диссонанса Я. Фестингера.

Третий этап характеризуется интенсивным развитием социогуманитарных междисциплинарных теорий, в каждой из которых идентичность выступает как базовое понятие. Доминирующими в исследовании идентичности продолжают оставаться два научных подхода: психоаналитический и социологический, которые в этот период также получают статус междисциплинарных. В психоаналитической традиции идентичность рассматривается как чувство непрерывной самотождественности, достигаемое через смену кризисов и идентификацию в процессе социальных взаимоотношений, а также как динамический диалектический процесс самоопределения и выбора соответствующих целей, ценностей, потребностей и убеждений. В рамках социологического подхода изучение идентичности обогащается анализом влияния социального окружения на представления человека о себе, благодаря чему идентичность интерпретируется и как динамический социальный продукт взаимодействия субъектов в структурно-социальном контексте, и как результат концептуализации себя и интериоризации ролей, определяемых социальными позициями человека в разных общностях.

Идентичность: классификация и определение 61

На этом этапе интенсивно развивается когнитивный подход к изучению идентичности, в рамках которого идентичность трактуется как когнитивная система, регулирующая поведение человека внутри группы, поведение человека и группы в целом, включающая две подсистемы: личностную (личную, персональную) и социальную идентичности.

Четвертый этап характеризуется категоризацией понятия «идентичность» в научном знании и окончательным закреплением за ним междисциплинарного статуса. Четко обозначившиеся «магистральные» направления в изучении идентичности связаны с разработкой ряда проблем: идентичность и идентификация, идентичность и социум (социальная идентичность), идентичность и группа (коллективная, групповая идентичность), идентичность и нация (национальная идентичность), идентичность и этнос (этническая идентичность), идентичность и культура (культурная идентичность), идентичность и пол (половая, гендерная идентичность), идентичность и виртуальное пространство, идентичность и язык. Данные проблемы, наряду с особо актуальными на этом этапе вопросами классификации идентичности по структурно-системным параметрам, разрабатываются в русле *ведущих* междисциплинарных научных подходов к изучению идентичности: психоаналитического, социологического, когнитивного и конструкционистского. Идентичность как сложный и многогранный феномен получает многочисленные и разнообразные интерпретации в каждом из подходов. Это иллюстрирует до сих пор нерешенную, глобальную проблему общей теории идентичности, проблему, связанную с необходимостью выработки унифицированного и ясного определения идентичности как в рамках каждого из междисциплинарных подходов, так и в рамках отдельных социогуманитарных дисциплин, в которых идентичность сегодня является базовым понятием.

ГЛАВА II. ИДЕНТИЧНОСТЬ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Вопрос о видах, типах, структуре идентичности является, пожалуй, одним из определяющих вопросов в проблематике идентичности. Но это также и один из самых слабо разработанных и дискуссионных вопросов, несмотря на его чрезвычайную актуальность в современных условиях жизнедеятельности человека и общества.

62.1. *Идентичность и лингвокультура: методология изучения* 2.1. Проблема классификации идентичности

Трудность классификации многообразных проявлений идентичности вполне объяснима сущностью самого явления и непостижимостью самой личности и коллектива вообще. Чаще всего в основе предлагаемых классификаций лежит деление на аспекты, грани, типы, виды, уровни, компоненты идентичности, субидентичности. Например, учеными выделяются: *уровни идентичности*: индивидуальный и групповой [Breakwell 1986; Brewer 2000; Snow 2000]; индивидуальный и социальный [Малахов 2011]; индивидуально-психологический и социально-культурный [Малахов 1998]; суперординатный, промежуточный и субординатный [Oakes, Haskam 1994; Turner, Oakes 1989]; уровень базовой идентичности, уровень социокультурных идентичностей, уровень глобальной идентичности [Нагорная 2002]; *типы идентичности*: личностный и социальный [Грушевицкая и др. 2003; Катанова 2009]; профессиональный, этнический, религиозный, классовый и т.д. [Иванова, Румянцева 2005; Малахов 2011]; личностный и коллективный [Brewer 2000; Snow 2000]; *аспекты идентичности*: личный (личностный) и социальный (ролевой) [Катанова 2009; Селиванова 2008]; *виды идентичности*: личная и социальная [Грушевицкая и др. 2003; Иванова, Румянцева 2009]; *субидентичности*: возрастная, гендерная, политическая, этническая, религиозная, классовая и т.д. [Gullberg 2000; Шнейдер 2004; Щербакова 2001].

Отдельные ученые описывают также *модальности* (психофизиологическая, социальная, личная), *проекции* (ретроспективная, оперативная, проспективная), *оси* (личная и горизонтальная), *формы* (этническая, религиозная, национальная, политическая), *категории* (гражданская, половая, этническая, возрастная, религиозная), *контексты* (индивидуальная, социальная, социокультурная), кластеры (этническая, национальная, гендерная, возрастная, статусно-профессиональная, культурная, политическая) и т.д. идентичности (Т. Водолажская; К. Галушко; И. Кон; Ю. Малахов; Ю. Хабермас; Н. Черныш).

Такое многообразие приводит к противоречивости, путанице и неясности, поскольку одно и то же проявление идентичности может толковаться и как тип, и как вид, и как аспект, и как грань и т.д. идентичности.

Таким образом, личная идентичность (в некоторых классификациях личностная или персональная), например, рассматривается как аспект,

Идентичность: классификация и определение 63
границ, уровень, тип, вид, контекст, модальность идентичности, а этническая определяется как тип, субидентичность, вид, форма, категория, компонент, кластер идентичности. Подобная путаница наблюдается не только в классификациях разных исследователей, но и в теоретических работах одного ученого. Так, В. Малахов пишет об индивидуально-психологическом и социально-культурном уровнях идентичности [Малахов 1999], в другой работе ученый описывает индивидуальный и социальный контексты идентичности [Малахов 2004, 300], а в третьей выделяет социальный и индивидуальный уровни идентичности [Малахов 2011]. Авторы учебника по культурной коммуникации, выделяя личную (личностную) и социальную идентичности, определяют их и как *типы*, и как *виды* идентичности [Грушевицкая и др. 2003, 58, 132]. В работе Е.Н. Катановой, посвященной функциональному анализу самоидентифицирующих высказываний, сначала описываются *типы*, или *аспекты*, или *границы* идентичности: личностная и социальная. Затем на стр. 42 читаем: «Целесообразно подразделять описанные *типы* идентичности на отдельные *аспекты*: профессиональная, политическая, возрастная и т.д. идентичности и выделять определенный *характер* идентичности: личностный или коллективный» (курсив наш - Е.М.) [Катанова 2008, 42, 44].

Сложность классификации идентичности можно объяснить следующими основными причинами, которые, в свою очередь, являются актуальными векторами изучения проблем идентичности во втором десятилетии XXI века:

- 1) недостаточная дифференциация понятий «индивид», «личность», «индивидуальность» и их взаимосвязи;
- 2) взаимовлияние и взаимосвязь различных проявлений идентичности и их иерархия;
- 3) выделение субъекта идентичности;
- 4) отнесение характеристик идентичности к системным или структурным параметрам;
- 5) амбивалентность понятий «система» и «структура» и их взаимоотношения.

В русле описываемой в данной работе проблематики классификации идентичности считаем необходимым уточнить, что в нашем исследовании выбор слова «классификация» не случаен. Нередко в научных исследованиях можно встретить слова «классификация», «типология»,

64 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
«таксономия» в абсолютно синонимическом употреблении. Несмотря на то, что некоторые словари действительно подают их как однопорядковые понятия (ср.: *Typology or taxonomy is a classification* [Dictionary of Sociology 2009, 758]), разница между ними все-таки существует. Под «классификацией» в нашем исследовании мы понимаем многоступенчатое, разветвленное деление объема определенного понятия (родового), результатом которого выступает *система* соподчиненных понятий (видов, подвидов) [Философский энциклопедический словарь 2000, 212; Философия: Энциклопедический словарь 2004, 375]. Целями нашей классификации идентичности, как и любой правильной, «ценной» [Философский словарь, 1987, 156] классификации являются: а) познание и установление связей между родовым и видовыми понятиями, перехода от одного (видового) понятия к другому; б) ориентирование в многообразии понятий; в) систематизация результатов предшествующего знания и одновременное выявление перспектив дальнейших исследований.

Типология, по нашему мнению, понятие несколько более узкое, чем классификация. Типология (таксономия) - это «классификация по существенным признакам», основанная на понятии «типа» как «единицы расчленения изучаемой реальности, конкретной идеальной модели исторически развивающихся объектов (биологические, языковые, культурологические и т.п. типологии) [Философский словарь 1987, 156].

Следует также уточнить, что наша классификация, как и всякая другая, является результатом безусловного упрощения, «огрубления» действительных сущностей и взаимосвязей между видами и подвидами, поскольку последние всегда условны и относительны.

Классификация любого явления также неизбежно предполагает обращение к понятию *системы*, что, в свою очередь, требует анализа его *структуры*. Это всегда усложняет подобное изучение и описание объекта или явления, поскольку в различных науках, подходах и направлениях существуют свои толкования понятий «система» и «структура». В нашей работе, говоря о системно-структурных характеристиках идентичности, мы рассматриваем последнюю как систему, не сводимую к сумме своих элементов, обладающую структурой, где свойства элемента определяются его местом в структуре. Конфигурация и характер связей внутри системы являются её структурой, остающейся неизменной при всех изменениях системы. Определяя, таким образом, основные уровни структуры

Идентичность, классификация и определение их специфику можно прийти к 65
идентичности и соответствующую их базисному определению идентичности.

2.2. Классификация идентичности по структурным параметрам

Проблема описания структуры идентичности связана, прежде всего, с решением более глобальной проблемы унифицирования и описания структуры личности вообще. Трудности при изучении структуры идентичности вызваны также и тем, что для многих исследователей этот вопрос был производным от вопроса о её развитии и конкретные решения его не выходили за рамки Эриксоновского деления идентичности на персональную и социальную [Белинская, Ти-хомандрицкая, 2000]. С развитием дискурса идентичности в социогуманитарном знании возникли и широко обсуждаются новые «проблемы» структурирования идентичности. Перечислим лишь основные: иерархическая соподчиненность уровней и подуровней в структуре идентичности, выделение ядерной и периферийной зон [Гришаева 2007; Иванова 2003; Gardly 1987; Chaute 1996; Waterman 1985; Stryker 2000]; субъектно-объектная ориентированность в структурировании идентичности; упорядочение социальных категорий в аспекте множественности идентичностей [Рузенский 1997; Anderson, Klatzky 1987; Brown 1990]; влияние идентификации личности с несколькими группами на отношение к членам своей и чужой группы [Brown, Turner 1979; Commings, Lookwood 1978; Deschamps, Doise 1978]; размытость идентификаций и тенденций к внутригрупповой дифференциации [Augostinos, Walker 1995; Brewer 1998; Oaks 1987]; трудность конструирования идентичности с большой социальной группой.

Кроме того, вопрос о структуре идентичности неразрывно связан с общими методологическими позициями её исследователей, которые, как показывает обзор, достаточно противоречивы. Единственным общепризнанным и несомненным является заключение о том, что идентичность имеет иерархически организованную структуру, включающую ряд взаимосвязанных, некоторым образом пересекающихся гетерогенных, гетерохронных и гетеросубстратных уровней и компонентов. Структура эта сложная и многомерная и поэтому изучение её должно быть, прежде всего, направлено на выявление базисных уровней и компонентов, значимых связей между ними и их иерархию

[Антонова 1996; Белинская 2001; Гофман 2000; Гришаева 2007; Иванова, Румянцева 2009; Фогельсон, Шнейдер 2004; Brewer; Turner 1987; Doise 1998; Stryker 1986 и мн. др.].

Возможны различные варианты структурирования идентичности в зависимости от особенностей: **самокатегоризации** [Brewer 1991; Turner 1987]; **множественного группового членства** [Brewer 1991; Shneider 2005]; **статусно-ролевых принципов** [Гофман 2000; Stryker 1986]; **элементов «Я - концепции»** [Doise 1988]; **функциональных компонентов** [Водолажская 2003; Иванова 2004; Мищенко 2005; Румянцева 2007; Стефаненко 1998]; **временных компонентов** [Антонова 2000; Белинская 2003]; **формирования, подтверждения и предъявления личности** [Абушенко 2003] и т.п.

Так, по уровням *самокатегоризации* выделяются суперординатный высший уровень - определение себя как человеческого существа, промежуточный средний уровень - определение себя в терминах группового членства и субординатный, подчиненный уровень - определение себя как уникального индивида [Turner 1987].

М. Бруэр выделяет уровни социальной идентичности и идентификации при *изучении* проблем социального выбора в условиях *множественного группового членства* и допускает, что группа категоризуется на трех уровнях: просто как группа индивидов; как простая группа в контакте с независимыми группами на том же уровне; как коллектив, включающий несколько подгрупп [Brewer 1991].

Согласно *статусно-ролевым концепциям* структура социальной идентичности, по мнению Ш. Страйкера, включает в себя ряд уровней - набор ролей, в которых концентрируются внутренние представления о себе в отношении к другим. Именно на основе этих ролей и образуется внутренняя схема «социального Я», позволяющая индивиду делать поведенческие и жизненные выборы [Stryker 1986].

У. Дойз, рассматривая структуру социальной идентичности по аналогии с основными элементами «Я - концепции», описывает наиболее надежную, или «якорную» идентичность. Она связана с тремя характеристиками или уровнями: общими убеждениями и ценностями; представлениями, которые поддерживают взаимосвязь между социальными группами; индивидуальным влиянием на такие представления [Doise 1998].

Идентичность: классификация и определение 67

В современных эмпирических исследованиях социальной и этнической идентичности [Иванова 2003; Мищенко 2004; Румянцева 2005 и др.] и когнитивным и конструкционистским подходами, структура идентичности рассматривается как совокупность устойчивых связей между функциональными компонентами идентичности, которые обеспечивают её целостность и тождественность. В структуру идентичности включаются когнитивные (осознание себя и своей принадлежности к социальным общностям) и мотивационно-ценностные [Водолажская 2003; Иванова, Румянцева 2001] или аффективные [Наumenко 2003; Солдатова 1998; Стефаненко 1999] компоненты.

В соответствии с наличием временных компонентов в структуре идентичности выделяют три её проекции: ретроспективную, оперативную и проспективную [Антонова 1996; Белинская 2004]. Оперативная идентичность - это самоотчет индивида о себе, его самоописание «Я сегодня». Ретроспективная идентичность включает те признаки идентичности субъекта, которые отнесены в прошлое. Проспективная идентичность рассматривается как образ «Я» в будущем.

При всем многообразии точек зрения на структуру идентичности все исследователи отмечают, что выделение уровней весьма относительно, поскольку они тесно переплетаются друг с другом, но методологически необходимо. В нашей работе, на основании анализа и систематизации соответствующей проблематики, мы выделяем три базисных уровня идентичности: индивидуально-коллективный, субъектно-объектный и когнитивно-эмоциональный.

Индивидуально-коллективный уровень

Сегодня все больше исследователей склоняются к тому, что идентичность в первую очередь должна быть разведена как понятие в двух измерениях: индивидуальном и групповом [Ассман 2000; Бруер 2000; Гекас 2000; Гришаева 2007; Сноу 2000 и др.], или индивидуально-психологическом (личностно-индивидуальном) и социально-культурном (социально-структурном) [Малахов 1996], или индивидуальном и надиндивидуальном [Водолажская 2003].

Так, Я. Ассман различает Я-идентичность и Мы-идентичность. Я-идентичность рассматривается на уровне отдельно взятой личности и включает индивидуальную идентичность (сложившийся в сознании

68 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
индивида образ, отличающий его от других индивидов) и личностную идентичность (воплощение всех ролей, свойств и компетенций, приобретенных индивидом в ходе социализации (т.е. в привычной терминологии - социальная идентичность)). Мы-идентичность, согласно ученому, следует рассматривать на уровне группы, коллектива. Такая идентичность предполагает, что все члены данной группы обладают общим набором свойств и признаков, которые формируются во времени и пространстве. Это совокупное представление о себе, которое складывается у некоторой группы, и с которым идентифицируют себя все ее члены [Assman 2000].

В. Малахов также считает такое разведение необходимым и первостепенным, несмотря на то, что индивидуальное и наиндивидуальное тесно взаимосвязаны. И тем не менее методологически они должны быть друг от друга отделены, что далеко не всегда наблюдается в научных исследованиях. Так, некритический переход от одного понятия к другому, смещение «понятий» систематически практикуется некоторыми сторонниками «социального психоанализа» и «этнопсихоанализа». Данная методика, утверждает ученый, игнорирует такой феномен как социальная структура, ибо в качестве модели исследования общества здесь выступает отдельный индивид. В результате социальные связи и отношения сводятся к психологическим, межиндивидуальным связям: «Общества и коллективы описываются так, как если бы у них, как у индивидов, были свои родители и, соответственно, как если бы они переживали собственную биографию, определенную отношениями с матерью, отягощенную неразрешимым конфликтом с отцом и т.д.»[Малахов 1998].

В связи с вышесказанным идентичность рассматривается нами как феномен *индивидуального* (на уровне отдельно взятого индивида) и *наиндивидуального* (на уровне группы) сознания. Соответственно, выделяется **индивидуально-коллективный уровень**, который представлен двумя «одноположенными» структурными компонентами - индивидуальной идентичностью и коллективной идентичностью.

Индивидуальная идентичность касается специфики осознания себя как уникальной личности и как члена группы, имеющей значимый смысл для индивида. Коллективная идентичность - результат осознания общности как целостности является, по сути, ее «качеством», «формой коллективной солидарности» [Водолажская 2003, 350], характеризующими субъектность наряду с такими качествами как

Идентичность, классификация и определение 69
взаимозависимость, взаимосвязанность, способность проявлять различные формы совместной активности.

Если упрощенно определять идентичность как ответ на вопрос «Кто Я?» или «Кто Мы?» [Macmillan; Barker 2003], то индивидуальная идентичность - это ответ на вопрос «Кто Я?», а коллективная, соответственно - «Кто Мы?».

Субъектно-объектный уровень

Идентичность неизбежно предполагает взаимосвязь и взаимопроникновение субъектно-объектных характеристик как личности, так и группы. Субъектом идентичности выступает индивид или группа (Я/Мы как субъект), но при этом они же, одновременно, являются и объектами идентификации т.е. их идентификация это еще и результат идентификации со стороны других личностей или групп (Я/Мы как объект идентификации). В этом смысле говорят о *самоидентичности* и *идентичности* (или внутренней и внешней идентичности).

Так, социологи (В. Анурин; В. Исаев, А. Кравченко и др.) утверждают, что независимо от того, получена ли идентичность от рождения или же достигнута в результате затраченных усилий, она в любом случае формируется и усваивается индивидом и группой через процесс взаимодействия с другими людьми или группами, окружающими его. Именно другие идентифицируют нас особым образом. И только если идентичность подтверждена другими, она становится реальной, цельной для самого индивида или группы, считающего/ей, что он/она обладает ею [Кравченко, Анурин 2006; Исаев 2008].

Например, трансвеститы идентифицируются окружающими как мужчины, но сами они предпочли бы быть женщинами (или наоборот). Они прибегают к разного рода приемам, в том числе к хирургическим вмешательствам, чтобы «реконструировать» свой организм и «обрести» новую, желаемую идентичность. Цель, к которой они тем самым стремятся, состоит в том, чтобы и другие приняли эту новую идентичность, т.е. идентифицировали их как женщин (приводится по [Кравченко, Анурин 2006, 82]). Невозможно очень долго быть кем-то только для себя, в один голос утверждают психологи и социологи, при нашей идентификации еще и другие должны сказать нам, кто мы есть,

70 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
подтвердить нам нашу идентичность³. Исходя из этого некоторые социологи определяют идентичность исключительно как признание окружающими того, что человеком обладает тем или иным статусом, как отождествление его личности с этим статусом [Кравченко, Анурин 2006, 82].

Возникает вопрос, как классифицировать это диалектическое единство субъектно-объектной направленности идентичности? Самоидентичность и идентичность трактуются и как виды идентичности и как её формы, проявления, аспекты и т.д. Мы считаем их составными компонентами структуры идентичности. Наша точка зрения восходит к концепции зеркальной самости Ч. Кули [Cooley 1964], который считал, что представления человека о себе, формирующиеся только в процессе взаимодействия с другими людьми, и есть *структура* личности. Человек познает себя (самопознание), представляя, что о нем думают другие. С этой точки зрения структура личности включает 3 элемента:

- 1) представление о том, как другие видят меня;
- 2) представление о том, как другие оценивают меня;
- 3) ощущение самости, своего «Я» как мой ответ на представления и оценки меня другими.

Исходя из этого, в структуру идентичности мы включаем наряду с индивидуально-коллективным уровнем и *субъектно-объектный уровень*. Идентичность на этом уровне будет определяться как ответ на вопрос «Кто Я/Мы с точки зрения себя (*самоидентичность* или *внутренняя идентичность*) и других (*внешняя идентичность*). Идентичность, таким образом, это результат взаимодействия самоидентичности и внешней идентичности, это осознание себя как обладающего определенными индивидуальными и социальными характеристиками и признание, подтверждение (или отрицание) со стороны окружающих этого «обладания».

Когнитивно-эмоциональный уровень

В структуре идентичности также выделяется еще одно структурное измерение. При этом основания такого выделения либо не указываются

³ Конечно бывают случаи когда индивиды отрицают подтверждение своей идентичности со стороны других. Таких индивидов называют «психотипами», считая, что они представляют собой «маргинальные случаи самоидентичности» [Berger P., Berger B. 1981; Кравченко, Анурин 2006].

Идентичность: классификация и определение 71
Вопросы (чаще всего), либо оговариваются как зависимые от «когнитивной природы идентичности» [Катанова 2009, 4344] или её «функционального значения» [Иванова, Румянцева 2009, 84; Стефаненко 1999, 211]. В разных концепциях варьируется как число структурных компонентов (два-три), так и их названия: когнитивный и аффективный (Л. Науменко; Т. Стефаненко); когнитивный и эмоционально-оценочный/мотивационно-ценностный/ аффективный (Н. Иванова, Т. Румянцева); когнитивный, ценностный, эмоциональный (Т. Водолажская); содержательный, ценностный, мотивационный (Г. Солдатова; Е. Катанова).

Рассмотрев эти и другие точки зрения, отражающие сложность и противоречивость данного вопроса, делаем вывод о том, что структура идентичности, наряду с индивидуально-коллективным и субъектно-объектным уровнями, включает еще и определенные смысловые, оценочные и ценностные элементы, во взаимодействии которых проявляется функциональная целостность как индивида, так и групп. Поэтому согласно такому функциональному измерению идентичности, в её структуре мы выделяем **когнитивно-эмоциональный уровень**. Остановимся более детально на анализе особенностей каждого из компонентов этого уровня.

Когнитивный компонент (или в некоторых концепциях «уровень») характеризует содержательное наполнение идентичности и включает определенные *составные части*, число которых варьируется в разных исследованиях в зависимости от вида идентичности и точки зрения автора [Водолажская 2003; Иванова, Румянцева 2009; Науменко 2003; Стефаненко 1999, 2006; Zavalloni 1971]. Но самыми важными составными частями единодушно признаются *осведомленность* (этническая, гражданская, классовая и т.п.) и *самоназвание* (например, этноним, если это - этническая идентичность).

Осведомленность можно определить как объективные знания (на основе объективных признаков), формирующие субъективные *представления* о себе и своей групповой принадлежности, о своей и чужой группах, образующие в комплексе систему идентифицирующих (группоинтегрирующих и групподифференцирующих) *признаков*.

Идентичность, тем самым, выступает как *результат осведомленности*, достигаемой индивидом и группой в итоге конструирования

72 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
образа окружающего мира вообще и образа группы, в частности, и своего места в нем на основе значимых группоидентифицирующих признаков.

Но идентичность, как уже отмечалось выше, - это не только осмысление своей тождественности, но и её оценка, определенное отношение к такому знанию. Поэтому, наряду с когнитивным компонентом в структуре идентичности выделяют еще и *аффективный* [Науменко 2003; Солдатова 1999; Стефаненко 1999;] либо *эмоционально-оценочный* [Иванова, Румянцева 2009], мотивационно-ценностный [Иванова, Румянцева 2009], эмоционально-ценностный [Науменко, 2003]. Некоторые исследователи детализируют этот структурный компонент идентичности и отдельно рассматривают ценностный и эмоциональный компоненты [Водолажская 2003] либо ценностный и мотивационный компоненты идентичности [Катанова 2008].

Такое разделение строится на привлекающей в наше время все большее внимание исследователей идее о том, что идентичность содержит в себе, кроме поверхностного осознаваемого, более глубокий неосознаваемый слой [Иванова, Румянцева 2009; Нагорная 2002; Солдатова 1998 и др.]. Любая идентичность строится как на осознанных фактах и выводах, так и на каких-то априорно принимаемых и не осознаваемых явлениях. В формировании идентичности и сознательные, и бессознательные процессы играют важную роль. Поэтому высказываются гипотезы о том, что эмоциональный компонент идентичности больше связан с бессознательной обусловленностью, а когнитивный - с социальной.

Эмоционально-оценочный, или аффективный компонент идентичности представляет собой оценку качеств себя и собственной группы, отношение к членству в ней, а также значимость принадлежности к такой группе. При этом отношение к группе проявляется в групповых аттитюдах. Позитивные аттитюды предполагают удовлетворенность членством в общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения своей группы. Негативные аттитюды включают отрицание идентичности с группой, чувство стыда, униженности, предпочтение других групп в качестве референтных [Науменко 2003; Солдатова 1998; Стефаненко 1999].

Настаивая на разделении эмоционального и ценностного компонентов в структуре идентичности, Т. Водолажская отмечает, что наличие

Идентичность: классификация и определение 73
положительного или отрицательного отношения к принадлежности к группе, наличие или отсутствие для человека личного смысла идентифицирующих признаков, их значимость и включенность в систему ценностей отражает именно ценностный компонент в структуре идентичности. Важнейшими составляющими эмоционального компонента, по мнению автора, являются чувства гордости или стыда, вызванные принадлежностью к общности. Так, например, гордость за свою страну представляет собой важнейший «индикатор» отношения к гражданской принадлежности как к ценности. Ценностный и эмоциональный компоненты идентичности могут преобладать и оказывать существенное влияние на содержание когнитивного компонента [Водолажская 2003, 349].

Как бы ни разнились точки зрения на количество и названия компонентов описываемого уровня идентичности, очевидным во всех исследованиях является признание того, что идентичность, ее формирование и развитие фиксируются не только фактом осмысления групповой принадлежности (*когнитивный компонент*), но и в большей степени тем отношением, которое к ней проявлено, и принятием данного факта как значимого в жизнедеятельности человека и коллектива. Это отношение объединяет и *переживание* человеком своей тождественности с определенной общностью, и *удовлетворенность/неудовлетворенность* собственной групповой принадлежностью, и *оценку* её значимости, и *желание/нежелание* принадлежать к такой группе, а также целый комплекс *чувств* (гордости, любви, преданности, приверженности, солидарности, самоуважения, достоинства, обиды, стыда, вины, ущемлённости, униженности и мн. др.).

Все это находит свое отражение в идентичности, вернее в ее особом структурном компоненте, который, в отличие от когнитивного, назовем в нашей работе **эмоционально-ценностным**. Объединение всего многообразия эмоционального, ценностного, оценочного, мотивационного, поведенческого отношения в один эмоционально-ценностный структурный компонент идентичности считаем оправданным, поскольку, во-первых, структура идентичности как схематическое построение должна быть максимально упорядоченной и название ее компонентов не должно быть излишне расширенным; во-вторых, поскольку и эмоциональные, и ценностные, и оценочные компоненты идентичности находятся в тесной, зачастую неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости. Поэтому те исследователи, которые разделяют

74 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
эмоциональный, оценочный и ценностный «аспекты» идентичности, зачастую используют их в своих описаниях как взаимозаменяемые, ср.: «ценностное применение идентичности включает оценки элементов содержательного уровня» [Катанова 2008, 43] или «важнейшей составляющей эмоционального компонента является чувство гордости... - индикатор отношения к гражданской принадлежности как ценности» [Водолажская 2003, 349].

Мы не рассматриваем в данном контексте мотивационный компонент отдельно, поскольку 1) вопрос о мотивационной стороне идентификации изучен еще явно недостаточно; 2) мотивация самоуважения, самосохранения рассматриваются как базисные побудительные *причины* идентификационного поведения, а не как *отношения*; 3) мотивация самоуважения и сохранения тесно связаны с тем, что у человека есть желание *самооценивания*, позитивного отношения к себе, что является «мотивационной основой для дифференциации между группами» [Иванова, Румянцева 2009, 76-79]. Это в принципе приближает мотивацию к эмоционально-ценностному измерению идентичности.

Таким образом, структура идентичности включает *когнитивный* и *эмоционально-ценностный компоненты*, во взаимодействии которых проявляется функциональная целостность как индивида, так и коллектива. В нашей работе эти компоненты объединяются в *когнитивно-эмоциональный уровень* идентичности, который наряду с *индивидуально-коллективным* и *субъектно-объектным* являются базисными структурными уровнями идентичности.

Идентичность, тем самым, можно определить как результат осведомленности, осмысления и эмоционального оценивания (когнитивно-эмоциональный уровень) субъектом индивидуально-групповых и коллективных характеристик (индивидуально-коллективный уровень), подтвержденных (или нет) значимыми другими (субъектно-объектный уровень) в итоге конструирования образа окружающего мира, образа группы, себя и своего места в них (конструкционистский подход) на основе определенных идентифицирующих, в том числе группointегрирующих и групподифференцирующих признаков.

2.3. классификация идентичности по системным параметрам

Идентичность: классификация и определение 75
Идентичность, как было показано в предыдущем разделе, выступает в качестве иерархически организованной когнитивной структуры. В ней соединяются и взаимодействуют разнообразные характеристики, отношения, оценки, связи, структурирующие место данного субъекта в окружающем мире. Несмотря на разнородность таких характеристик, все они, по признанию многих исследователей, не могут не образовывать некоторым образом организованного в систему единства (З. Бауман; Н. Герман; Л. Гришаева; М. Козловец; Н. Ковтун и мн. др). Полагают, что каждое из различных проявлений идентичности, классифицируемых как виды, подвиды, типы, кластеры, субидентичности и т.п., выступает регулятором деятельности человека и общности, играя роль системообразующего элемента (Е. Горошко).

Поскольку субъект идентификации может устанавливать отношения идентификации с разными объектами по самым разным основаниям, очевидно, что отдельные проявления идентичности не являются однопорядковыми и тождественными друг другу (личная идентичность, к примеру, не тождественна этнической и т.д.), а образуют систему соподчиненных понятий (видов и подвидов). Целями нашей системно-структурной классификации идентичности, как уже отмечалось, являются познание и установление связей между родовым понятием (идентичность) и видовыми понятиями, характеризующими идентичность как системное образование с многоуровневым структурным «каркасом». Об особенностях теоретического конструирования идентичности как системы соподчиненных родо-видовых понятий и пойдет речь в этом разделе.

Как уже говорилось выше, в современной научной литературе наблюдается большое разнообразие точек зрения на виды идентичности и критерии их выделения. Ученые определяют различные виды идентичности в зависимости от выраженности личных или социальных аспектов «Я», осознаваемых или бессознательных признаков, полного или частичного включения в группу, непосредственного или опосредованного членства и т.д. [См. об этом, например, в: Иванова, Румянцева 2009, 59-73].

Обзор современной социально-психологической и социологической литературы позволил нам сделать вывод о том, что традиционным и наиболее часто встречающимся является выделение двух основных проявлений идентичности: *личной* (личностной, персональной, индивидуальной) и *социальной* (личностной) [Андреева 2000; Гришаева

2007;⁷⁶ *Идентичность и лингвокультура: методология изучения* [Джеймс 1991; Иванова, Румянцева 2009; Фрейд 1991; Фромм 1990; Эриксон 1996; Assman 2000; Brewer 1991; Brown 1986; Markus 1977; Stryker 1986; Tajfel 1972, 1982; Zurcher 1977 и мн. др.].

В первом случае речь идет о тех качествах, которые мы видим в себе и которые индивидуальны. Если определять идентичность как ответ на вопрос «Кто Я?» [Macmillan, Barker 2003], то утверждения типа «Я - красивый», «Я - умный», «Я болезненно воспринимаю окружающую действительность» относятся к личной идентичности.

Социальная (или в некоторых классификациях личностная) идентичность отражает знания индивида о собственной принадлежности (или не принадлежности) к социальным группам и связана с социальной ролью, позицией, статусом. Ответы типа «Я - украинец», «Я - либерал», «Я принадлежу к рабочему классу» относятся к социальной идентичности.

По нашим наблюдениям, путаница со словами «личная», «персональная», «индивидуальная», «личностная» при обозначении первого *вида* идентичности в различных гуманитарных исследованиях повсеместна. Кроме того, выражения «персональная идентичность», «личная идентичность», «индивидуальная идентичность», «личностная идентичность» нередко употребляются для обозначения сочетания первой и второй из описанных нами в предыдущем параграфе *видов идентичности*, когда говорят о самоопределении отдельного человека (индивида, личности) вообще, в отличие от самоопределения группы или общности (индивидуально-коллективный уровень в нашей классификации).

Все это значительно затрудняет определение, описание и научную ценность заключений о сущности и многообразии проявлений идентичности. Мы связываем эту терминологическую эклектичность с: 1) недобросовестностью отдельных исследователей, которые автоматически, не задумываясь оперируют этими терминами; 2) тонкостями и трудностями перевода «зарубежных» исследований идентичности, на которых базируются большинство российских и украинских исследований (в английском языке слова *personal*, *self*, *individual*, как известно, многозначны и могут переводиться как «личный», «персональный», «индивидуальный», «характерный для отдельного индивида», «характерный для данного лица» и т.д. [Новый большой англо-русский словарь 2001]); 3) неопределенностью и многозначностью трактовок в

Идентичность: классификация и определение 77
различных гуманитарных науках таких терминов как «индивид», «индивидуальность», «личность».

В наиболее обобщенном и упрощенном виде суть последних трех терминов в рамках нашей работы и в целях нашего исследования можно свести к следующему: **Индивид** - единичное *природное* (биологическое, не социальное) существо, носитель индивидуально-своеобразных черт с задатками психических свойств личности; **Личность** - индивид, включенный в систему общественных отношений, представитель общества, носитель *социальных* свойств; **Индивидуальность** - набор *всех* черт человека как индивида и личности, характеристика её *уникальности*, неповторимости, оригинальности [Исаев 2008; Кравченко и др. 2006; Dictionary of Sociology 2009; Большой психологический словарь 2007 и мн. другие].

Исходя из этих определений, а также из стремления снять синонимичность терминов «личная», «личностная», но в то же время принимая во внимание почти столетнюю традицию употребления производных от них прилагательных (личный, личностный) как атрибутов слову «идентичность» в гуманитарных исследованиях, приходим к следующему решению: самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных характеристик человека будем называть **«личная идентичность»**. Самоопределение в рамках отнесения себя к определенной социальной группе - **социальной идентичностью**. Личная и социальная идентичность относятся исключительно к индивидуальному структурному измерению идентичности и являются, тем самым, **видами индивидуальной идентичности**, а не коллективной.

Сложность выделения и описания видов индивидуальной идентичности заключается ещё и в том, что грань между ними очень тонка и трудноуловима. В исследованиях идентичности признается тот факт, что различие между личной и социальной идентичностью - ми условно [Фрейд 1991, 71], натянуто и произвольно [Bauman 2011; Stryker 1986; Zurcher 1977], поскольку социальное всегда и везде продуцируется вместе с личным [Иванова, Румянцева 2009, 64]. Поэтому до сих пор не утихают научные дискуссии, связанные с проблемой взаимоотношения, взаимовлияния и взаимопроникновения личной и социальной идентичностей.

Изучение этой проблематики восходит к уже упоминавшейся нами прагматической теории самости У. Джеймса, который еще в конце XIX

78. *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
века обозначил две стороны самости (*self*): личную и социальную. Согласно этой теории, человек думает о себе в двух плоскостях: в личной (Я) и тогда создается «личностная самотождественность», и в социальной (Me), где формируется многообразие социальных «Я» индивида [Джеймс 1991; Dictionary of Sociology 2009].

Эту идею в дальнейшем развивает Э. Фромм, который вводит понятия «персональной и социальной» идентичности, но утверждает, что между ними существует отношение противоречия. Персональная идентичность - это раскрытие индивидуальности, а социальная идентичность - это отказ от собственной идентичности в пользу принятых в обществе норм и стандартов [Фромм 1990].

Для Э. Эриксона персональная и социальная идентичности, напротив, выступают как некоторое единство, как два полюса одной дихотомии [Эриксон 1996]. Подобную позицию занимает и А. Тэджфел, хотя и признает, что эта дихотомия не является неким абсолютом, но должна рассматриваться как возможное соотношение двух видов идентичности с динамичным смещением акцентов рассмотрения поведения. Человек и в том и в другом случае действует как целостность, но в одном случае он более независим в выборе решений на основе собственных критериев, а во втором - действует как член группы, выполняющий её требования. Поэтому нет смысла говорить о различиях между «личностной» и социальной идентичностью, они представляют собой различные формы (уровни) самокатегоризации: личная - это социальная, а социальная - это личная [Tajfel 1981, 190].

Сегодня дискуссии о соотношении личной и социальной идентичностей в основном ведутся вокруг следующих гипотез:

1) личная и социальная идентичности являются двумя *полюсами одной дихотомической оси* и движение идентификационных процессов происходит от одного полюса к другому [Эриксон 1996; Tajfel 1982; Turner 1985].

2) личная и социальная идентичности представляют собой *оси идентичности*, вертикальная ось - это личная идентичность, а горизонтальная - социальная. В точке их пересечения образуется «Я - идентичность» как баланс между личной и социальной идентичностями [Хабермас 1999].

3) личная и социальная идентичности находятся в отношениях *соподчиненности*. Причем некоторые исследователи (в основном

Идентичность, классификация и определение
представители психоаналитического подхода) склоняются к тому,⁷⁹ что социальная идентичность подчинена личной [Эриксон 1996], а другие утверждают, что социальная идентичность включает в себя личную [Brewer 1991; Stryker 1986; Zurcher 1977]. Более того, в некоторых работах личная идентичность трактуется как «фикция», поскольку все формы самоопределения должны быть социальными [Augostinos, Walker 1995]. Социальная идентичность поэтому имеет намного более широкий статус, чем личная.

4) личная и социальная идентичности представляют собой *пересекающиеся круги* [Markus 1977; Markus, Kitayama 1991].

5) личная и социальная идентичности являются ортогональными, *не связанными* между собой элементами «Я», они *комплементарны* и расположены в одном ряду в качестве *равных* элементов, и в определенных случаях может наблюдаться также *противопоставление* идентичностей друг другу [Deschamps 1984; Deschamps, Devos 1998; Doise 1978; Stephenson 1981].

Существование этих и других гипотез, а также неутихающие споры вокруг них, лишний раз свидетельствуют о том, что различия между личным и социальным, между индивидом и группой являются одной из наиболее острых проблем современного социогуманитарного знания. Обзор доступной нам соответствующей научно-исследовательской литературы последних десятилетий позволил сделать вывод о том, что сегодня социальным аспектам «Я» отводится все большая роль в общей структуре «Я» [Бауман 2002; Влитап 2001; Иванова, Румянцева 2009; Кравченко/Анурин 2006; Стефаненко 1999 и мн. др].

Обнаруженная в ходе многочисленных экспериментов и описанная во многих работах зависимость индивидуальности от социального контекста еще раз доказывает, что «взрослый человек не может быть свободен от социального контекста и речь идет лишь о некотором смещении объекта актуализации того или иного уровня абстрагирования при самоопределении» [Иванова, Румянцева 2009, 71].

В нашем исследовании соглашаемся с теми авторами, которые считают, что у социализированного человека все идентификационные характеристики носят социальный характер. Личная и социальная идентичности взаимосвязаны и взаимозависимы и определяют индивидуальную идентичность как систему. Когда человек говорит «Я - умный», или «Я - красивый», он прежде всего соотносит свои

80 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
представления о себе с представлениями других людей или групп
(вспомним известное высказывание «Красота - в глазах смотрящего»).

Личную идентичность связываем с формированием феноменологического «Я», когда различные самости одного человека вступают во взаимодействие, помогая ответить на вопросы; «Кто Я?», «Кем я себя вижу?» При этом в роли «Других» могут выступать отдельные самости одного человека. Результатом такого взаимодействия и становится личная идентичность - знание того, кто я есть; «почти неосознанное ощущение факта собственного конкретного Бытия, психологическое представление человека о своем «Я», характеризующееся субъективным чувством своей самотождественности и целостности» [Якимова 2007, 725-726].

Социальная идентичность связана с формированием интеракционного «Я» и имеет дело с самоопределением человека в социуме. Социальную идентичность образно называют «резервуаром коллективной целостности», из которого индивид черпает свои социальные роли и который определяет содержание его социализации и поэтапное формирование его личности [Эриксон 1996; Якимова 2007]. Еще раз подчеркнем, что в нашей классификации, для того, чтобы избежать терминологической неясности, личную и социальную идентичности мы рассматриваем не как аспекты, грани, модальности, категории, оси, уровни и т.п. идентичности, а как *виды* индивидуальной идентичности и, следовательно, *разновидности* идентичности.

личная идентичность как вид индивидуальной идентичности является результатом конструирования индивидом своей индивидуальной тождественности и целостности, подтвержденной другими. социальная идентичность как еще один вид индивидуальной идентичности предстает в нашей классификации как результат когнитивно-эмоционального конструирования индивидом своей тождественности с группой/ общностью, на основе группоидентифицирующих признаков (помогающего ему воспринимать, усваивать и преобразовывать социальные нормы и ценности).

Личная и социальная идентичность в реальности неразрывно связаны, поскольку, как очень точно подмечает В.В. Якимова, индивид судит о себе, руководствуясь суждениями о нем значимых других и социально одобренной системой ценностей. Он также одновременно сопоставляет этот внешний способ суждения со своими собственными критериями

Благодаря такому непрерывному сравнению возникает (или не возникает) *тождество личной и социальной идентичности* как признак полноценной, социально адаптированной личности, принимающей общество, группу, класс, историческую эпоху в той мере, в какой общество принимает эту личность [Якимова 2007, 726]. **Взаимосвязь и взаимозависимость личной и социальной идентичностей определяют индивидуальную идентичность как систему.**

Кроме индивидуальной идентичности, где субъектом самоопределения выступает индивид, научное знание последних десятилетий все больше обращается к исследованию самоопределения различных общностей или групп как целостностей, как совокупных и коллективных субъектов. Идентичность коллектива рассматривается как феномен надиндивидуального сознания, тесно связанный с феноменом индивидуального, как результат саморефлексии общности/ группы, отражающий более высокий и сложный уровень развития ее субъектности. Целостность и единство общности/группы, ее идентичность невозможна без осознания принадлежности к ней отдельных граждан (социальная идентичность), и именно в нем она находит свое проявление. Таким образом, идентичность коллектива проявляется в идентичностях отдельных индивидов и складывается из этих идентичностей. Идентичность индивида, в свою очередь, является отражением идентичности коллектива.

В связи с этим, наряду с индивидуальной идентичностью, выделяют и **коллективную** идентичность общности или группы [Assman 2000; Bauman 2011; Barker 2003; Brewer 2000; Gecas 2000; Snow 2000; Водолажская 2003; Гришаева 2007; Малахов 1998, 2004, 2011; Цым-бурский 2000 и мн. др]. В нашей классификации мы также выделяем коллективную идентичность как **вид** идентичности, соотносимый с ее коллективным структурным измерением. Термин «коллективная идентичность», таким образом, употребляется в нашей работе для обозначения как структурной характеристики идентичности (индивидуально-коллективный уровень), так и системной (коллективная идентичность как вид). Признаем некую терминологическую тавтологию, однако считаем ее более оправданной, чем введение еще одного, нового термина в без того «терминологически раздутый» дискурс идентичности.

идентичности оказала концепция Я. Ассмана, о которой мы уже писали [Assman 2000]. Согласно этой концепции различаются Я- идентичность и Мы-идентичность. Последняя рассматривается как то представление о себе, которое складывается у некоторой группы и с которым идентифицируют себя ее члены. Такая коллективная идентичность неизбежно предполагает, что все члены данной группы обладают общим набором признаков, которые формируются в результате общественного развития во времени и пространстве. Коллективная идентичность основана на участии в общем знании и общей памяти, которые передаются через использование общей системы символов [Assmann 2000, 132-139]. Исследования коллективной идентичности особенно актуальны в современной социологии, политологии и этнологии (З. Бауман; Т. Водолажская; В. Иванов; В. Цымбурский). Так, например, З. Бауман отмечает, что идентичность - это «безнадежно неоднозначное» понятие - она может быть лозунгом как отдельных личностей, так и общностей, в которые эти личности объединяются. С одной стороны, идентичность отдельного индивида противостоит «коллективному давлению» со стороны общности. Особенно в тех ситуациях, когда человек не признает конформизма и дорожит своими убеждениями (хотя общность скорее назовет их предубеждениями) и своим стилем жизни (который группа посчитает отклонением или глупостью, непременно чем-нибудь из ряда вон выходящим, требующим лечения либо наказания). С другой стороны, сама группа может «ополчиться» на более крупную группу, которая якобы стремится поглотить или уничтожить её, подавить её уникальность, принудить отказаться от своих самобытных черт и просто исчезнуть. И в том, и в другом случае идентичность - это «боевой клич», «лозунг», используемый как отдельной личностью для защиты от посягательств общности, так и слабым и уязвимым меньшинством для защиты от более влиятельного, угрожающего большинства [Baumann 2010, 76].

Однако, как отмечает В. Малахов, приписывать идентичность группам позволительно лишь в переносном смысле. Общество, по мнению автора, в отличие от личности, не имеет качества субъективности, поэтому говорить применительно к коллективу о «сознании», «волении» или «чувствовании» можно разве что метафорически, поскольку ни «желанием», ни «чувством» коллектив не обладает [Малахов 1998, 2004, 2011].

Идентичность: классификация и определение 83

Эта точка зрения отражает существующую в современных исследованиях идентичности дискуссионность выделения субъекта идентичности и определения содержания термина «самосознание». Отсюда и повсеместное смешение понятий «личная», «социальная», «коллективная», «индивидуальная», «национальная» и т.д. идентичности. Речь, однако, не идет об отрицании существования самой коллективной идентичности как феномена и/или понятия. Речь идет об актуальной во всех науках и междисциплинарных подходах критической проверке словоупотреблений и строгом следовании её результатам. Следует методологически четко разделять понятия индивидуального и наиндивидуального уровней (об этом мы уже писали), хотя, бесспорно, они тесно взаимосвязаны. Тот же В. Малахов, положительно рассматривая во всех своих работах вопрос о возможности переноса термина с индивидуальной на наиндивидуальную сферу, на самом деле критикует повсеместное смешение терминов «индивидуальная идентичность» и «коллективная идентичность» сторонниками социального психоанализа и этнопсихоанализа. Ученый выступает против подмены проблематики индивидуальной идентичности риторикой коллективной и совершенно правомерно ратует за разделение этих терминов в научном дискурсе идентичности, предлагая не забывать, что выражение «коллективная идентичность» нуждается в дополнительных оговорках [Малахов 1998, 2004, 2011].

Проблематика коллективной идентичности является самым «молодым» и динамически развивающимся направлением изучения идентичности. Поэтому научное определение самого понятия «коллективная идентичность» находится на стадии разработки и обсуждения. Можно привести следующие основные определения этого термина:

- представление о себе, которое складывается у некоторой группы, включающее общий для ее членов набор свойств и признаков, общее знание и общую память [Гришаева 2007; Assmann 2000; Gecas 2000; Gullberg 2000];
- феномен (результат) наиндивидуального сознания, признак (качество) общности, характеризующее ее как коллективного субъекта наряду с такими признаками как взаимосвязанность, взаимозависимость членов общности [Водолажская 2003];
- общность, определяющая социально-психологическое состояние ориентаций членов коллектива (общности, группы) и совпадение

84 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
форм и методов достижения совместных целей, результат процесса
самоопределения [Иванов 2004];

- характеристика, обусловленная конкретно-историческими условиями, социальным, экономическим и политическим положением коллектива, материальными и духовными факторами его жизнедеятельности (марксистские и неомарксистские концепции в социологии и политологии);
- совокупность субъективных позиций, разделяемых людьми в социальной (групповой) жизни общества, субъективная форма интеграции в различные ячейки социальной структуры общества с целью воспроизводства и функционирования общественно-политических процессов посредством их регуляции типовыми моделями солидарного коллективного сознания и поведения (структурно-функциональные концепции в социологии и политологии).

В нашем исследовании коллективная идентичность в качестве теоретического конструкта рассматривается как один из видов идентичности, наряду с индивидуальной идентичностью. **коллективную идентичность мы рассматриваем как результат когнитивно-эмоционального конструирования коллективом своей тождественности на основе комплекса группоидентифицирующих признаков коллектива, обеспечивающих взаимозависимость и взаимосвязь членов такого коллектива и его целостность и единство. коллективная идентичность находит свое проявление в идентичностях отдельных индивидов и складывается из таких идентичностей. Последние, в свою очередь, формируются и отражают саму коллективную идентичность.**

Современный мир, как уже отмечалось, характеризуется многообразием различных коллективов, к которым принадлежит и с которыми идентифицирует себя отдельный индивид. Результатом такой идентификации являются множественные идентичности, актуальность и значимость которых меняется в пространственно-временном континууме бытия индивида и общности.

В научной литературе наблюдается значительная эклектичность по поводу классификации различных *проявлений личной, социальной и коллективной* идентичностей.

Идентичность: классификация и определение 85

Основными проявлениями личной идентичности традиционно называются половая, гендерная и возрастная идентичности [Берн 2001; Гаврилова 2007; Галустян 2008; Психологічна енциклопедія 2006; Психологічний енциклопедичний словник 2004]. Таксономически эти проявления обозначаются различными словами: «типы», «формы», «аспекты», «виды», и т.д. идентичности. То же самое происходит и с обозначениями различных проявлений социальной и коллективной идентичностей.

В социально-психологическом аспекте классификация социальной и коллективной идентичностей традиционно осуществляется по аналогии с *типом социальных групп*, членом которых воспринимает себя индивид и которые совокупно образуют социальную структуру общества. В социологии и социальной психологии сложилось понимание социальной группы как относительно устойчивой совокупности людей, находящихся в более или менее систематическом взаимодействии, исторически связанных общностью социальных, культурных, национальных ценностей, целей, норм поведения, средств либо условий жизнедеятельности [Грушевицкая и др. 2003; Донцов 1999; Исаев 2008; Кравченко, Анурин 2006; Крысько 2001; Стефаненко 1999; и др.].

Многоликость, динамичность и изменчивость реальных социальных групп, однако, не могут быть сведены только к этим неизменным сущностным свойствам устойчивости, историчности, общности жизнедеятельности группы. В рамках когнитивного и конструкционистского подходов к изучению идентичности классическим стало определение группы как «совокупности индивидов, которые *воспринимают* себя как членов одной и той же социальной категории, разделяют эмоциональные последствия самоопределения и достигают некоторой степени согласованности по оценке собственной группы и своего членства в ней» [Tajfel, Turner 1986, 15]. Исходя из этого, в последние десятилетия ученые всех областей гуманитарного знания все чаще включают в перечень главных отличительных признаков социальной группы и такие признаки, как *осознание* своего членства в группе; *самокатегоризация* в качестве ее представителей (самоидентификация); *признание* данного коллектива как группы её социальным окружением (идентификация) [Донцов 1999; Иванова, Румянцева 2009; Исаев 2008; Левин 2000; Brown 1986, 1988; Tajfel, Turner 1986].

Признание данной общности как социальной группы её окружением (другими) обусловлено участием группы в процессе межгрупповой дифференциации. Последняя способствует формированию и обособлению отдельных общностей, позволяет со стороны различать их в сложной социальной структуре и идентифицировать их представителей на основе разделяемых всем сообществом признаков. При этом стереотипизированность и эмоциональность таких межгрупповых представлений может вызывать сомнения в их истинности, но отнюдь не препятствует эффективной идентификации (опознанию и категоризации) как самих групп, так и их членов. Таким образом, во всех группах членство мотивировано достижением и сохранением позитивной социальной идентичности через межгрупповую дифференциацию.

Среди социальных групп различают *большие и малые социальные группы*. Малая группа представляет собой совокупность индивидов, вступающих в прямые, непосредственные взаимодействия и характеризующихся постоянством совместного пространственно-временного бытия [Кравченко, Анурин 2006, 427]. Большие социальные группы (классы, этносы, нации, политические и общественные организации, религиозные конфессии и т.д.) отличаются от малых групп наличием слабых постоянных контактов между всеми их представителями, но тем не менее сильной степенью сплоченности и объединения. Это позволяет таким группам оказывать существенное влияние на общественную жизнь [Крысько 2001, 38].

Практически все большие социальные группы неоднородны по составу и, в свою очередь, делятся на отдельные слои и подгруппы с их собственными экономическими, социальными, политическими, культурными и другими интересами. Такое расслоение является фокусом внимания распространенной в западной социологии и политологии теории стратификации, согласно которой общество делится на различные слои («страты») по самым разным основаниям [Avercrombie and Warde 2010; Dictionary of Sociology]. Под социальной стратификацией общества имеется в виду совокупность больших социальных групп, расположенных иерархически по критерию социального равенства [Об этом см.: Кравченко, Анурин 2006, 430].

Взаимосвязь существующих в обществе социальных групп - динамическая, она проявляется во взаимодействии этих групп с целью удовлетворения их потребностей и реализации их интересов. Важной

Чертой функционирования социальной структуры общества является также и социальная мобильность - возможный переход людей из одних социальных групп и слоев в другие. Кроме того, сам индивид принадлежит не к какой-либо одной группе, но, как правило, к большому числу малых и больших социальных групп. В силу этого возникает взаимовлияние тех систем, ценностей, норм и образцов поведения, которые приняты в каждой из этих групп. Иногда эти системы норм и ценностей приходят в противоречие друг с другом, и в результате индивид оказывается перед внутренним выбором, сталкиваясь с так называемым «кризисом идентичности».

В соответствии с типом таких множественных социальных групп выделяются и *виды социальной и коллективной идентичностей*: этническая, национальная, политическая, культурная, классовая, религиозная, гражданская, профессиональная и т.д. Они отражают разные аспекты социальной принадлежности личности и коллективной целостности социума и поэтому относятся к социальной и коллективной идентичностям (Л. Дробышева; Н. Иванова; И. Киселев; Н. Лебедева; Ю. Малахов; Т. Румянцева; А. Смирнова; С. Wilpert и мн. др.).

Социологические, политологические и культурологические исследования последних десятилетий все чаще обращаются и к таким «надгрупповым» разновидностям идентичности как геополитическая, цивилизационная, восточная, западная, европейская и т.д. идентичности. Под *геополитической* идентичностью понимают комплекс географических признаков государства, которыми, несмотря на исторические изменения его границ, определяются не только его место на карте, но и основные особенности его внутренних и внешних связей [Цымбурский 2011, 19]. Причем геополитическая идентичность государства не всегда соответствует, «гармонирует» с его актуальной геополитической ролью. Например, английские короли, которые боролись в Столетнюю войну за французский престол, видели свою страну не островной державой с особой «морской» судьбой, особым «островным» менталитетом и характером, а частью французского политического региона Европы, который всеми силами пытались сохранить, укрепить и подчинить своей власти. Другой пример связан с Британской империей, существовавшей в конце XIX - первой половине XX века, которая рядом геополитиков расценивалась как «империя Индийского океана», и английская метрополия у берегов Европы виделась чуть-ли не придатком

88 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
«индоокеанского большого пространства». Оба случая, по мнению исследователей, частично «затемняют» подлинную геополитическую идентичность Англии как острова, как «владычицы морей», сопротивляющуюся до сего дня любым попыткам паневропейской гегемонии [Е. Матузкова 2003, 2003б; В.Цымбурский 2011; G. Rahman 1999 и др.].

Так же часто в современных социо-гуманитарных трудах фигурирует и термин «*цивилизационная идентичность*», указывающий на принадлежность этноса или государства к определенной цивилизации. Это общности, по преимуществу привязанные к определенным географическим ареалам и выступающие носителями таких религий, идеологий, социальных практик и культурных стилей, которые в совокупности составляют особый «образ» человечества, но при этом претендуют на универсальную, всемирную значимость [Новая философская энциклопедия 2011]. В современных условиях мирового лидерства Евро-Атлантической цивилизации с ее «западной идентичностью» (*Western identity*) все более заметным и эффективным становится стремление «ядровых» сообществ старых цивилизаций (индийского, китайского, арабо-иранского, даже японского) защитить и отстоять в разных формах свою цивилизационную идентичность [там же, 80]. Начиная с середины 80-х годов субъекты международных отношений все чаще рассматриваются как конкурирующие друг с другом идентичности (исламская, христианская, западная, восточная, евразийская, евро-атлантическая и т.д.).

Евроидентичность, например, в таком социолого-политолого-культурологическом контексте определяется как «культурное и цивилизационное самосознание европейской нации, служащее основанием для конструирования и представления континентального единства Европы на основании общности ценностей и норм, идейных и нравственных принципов, жизненного уклада, взаимной толерантности и политкорректности [Кондаков 2007, 625-626]. Евроидентичность как «исторически меняющееся представление о единстве Европы» определяется сегодня кругом приоритетов и «ключевых концептов», формировавшихся в ходе многовекового исторического развития общеевропейской культуры, в том числе такими ценностями, «как демократия, плюрализм, толерантность, веротерпимость, политкорректность, мультикультурализм» [там же].

различным проявлениям идентичности, показал, что последние классифицируются как «типы», «виды», «формы», «аспекты», «категории», «кластеры» и т.д. как идентичности в целом, так и социальной идентичности. Исходя из определения «правильной» классификации и следуя вышеизложенным положениям, связанным со структуризацией и систематизацией идентичности в нашей работе, считаем необходимым придерживаться следующей терминологической ясности словоупотреблений: идентичность определяем как родовой термин, индивидуальную и коллективную идентичности - как ее виды. Личная и социальная идентичности будут, соответственно, видами индивидуальной идентичности и подвидами идентичности вообще.

Половую, возрастную и гендерную классифицируем как виды личной идентичности, подвиды индивидуальной и разновидности идентичности. Национальную, этническую, политическую, гражданскую, классовую, профессиональную, религиозную и т. д. идентичности относим к видам социальной либо коллективной идентичностей и разновидностям идентичности как родового термина.

Еще раз подчеркнем различие социальной и коллективной идентичностей: если групповая стратификация (национальная, классовая и т.д.) касается специфики включения отдельных индивидов в ту или иную группу через конструирование ими своей принадлежности к ней, то с этой точки зрения такая идентичность рассматривается как социальная. Если же речь идет о специфике существования и развития самой общности как коллективного субъекта в противопоставлении другому коллективному субъекту как совокупности людей, объединенных некоторыми другими признаками, то такая идентичность является коллективной.

2.4. отличительные черты идентичности

В сверхсложных социальных организациях, каковыми являются современные высокотехнологические общества, идентичность (как человека, так и группы), помимо системно-структурных характеристик имеет еще и ряд других отличительных особенностей. Исследователи называют их параметрами, качественными характеристиками, чертами идентичности. В этом разделе предлагается систематизация существующих представлений об отличительных чертах идентичности, а также высказываются наши предположения по этому поводу.

Как уже отмечалось, современные «постмодернистские» общества представляют своим субъектам бесконечное разнообразие поведенческих моделей и стратегий, среди которых субъекту необходимо найти свое место. В процессе социализации человек учится справляться с многими ролями и, соответственно, имеет множество идентичностей: «В нашем изменчивом мире связать себя на всю жизнь или даже на длительный промежуток времени с одной идентичностью - рискованное дело, ведь идентичности - это маски, которые нужны нам для того, чтобы носить и показывать, но не для того, чтобы их хранить» [Bauman 2010, 89].

Множественность, тем самым, является основной отличительной чертой идентичности современного человека и группы. При этом подчеркивается, что в постмодернистских обществах отсутствуют жестко структурированные уровни идентификации: человек представляет себя, находясь в постоянном поиске, «примеряя» те или иные идентичности. Поэтому все чаще современные исследователи говорят о «размытой», «коллажной», «мозаичной», «фрагментарной» идентичности (К. Баркер; З. Бауман; Е. Горошко; Ц. Жимбаева; А. Жичкина; Р. Хадсон; С. Холл и мн. др.). Идентичность представляется как пазл (*Identity is indeed a puzzle...* [Bauman 2010, 16]), ее можно собрать, разобрать, создать по-новому или воссоздать по-старому из множества фрагментов.

Кроме того, множественность всегда предполагает выбор, и сегодня люди *сознательно* ориентируются на определенные стили, нормы и установки общества, выбирая те, которые формируют свою идентичность, свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностями. Причем свобода и «скорость» изменения идентичности или выбора из множества уже имеющихся достигаются сразу же или в ближайшей перспективе, поскольку арсенал средств, необходимых для достижения альтернативной идентичности, не представляет проблемы. В магазинах продается множество вещей, которые быстро позволяют перевоплотиться в кого угодно, быть замеченным и узнаваемым. Так, например, после введения в центре Лондона платы за въезд в зону с перегруженным движением (*congestion charges*), все продвинутые лондонские автомобилисты-модники тут же обзавелись мотороллерами и соответствующим «прикидом», чтобы продемонстрировать публике свою новую идентичность - *scooter-rider identity* - принадлежность к стильным владельцам мотороллеров (хотя, конечно, и эта мода скоро прошла). Их новый образ включал кожаную куртку от *Dolce&Gabbana*, высокие

~~Идентичность, классификация и определение~~
красные кроссовки Adidas, серебристый шлем от Gucci и желтые⁹¹ солнцезащитные очки обтекаемой формы от Jill Sander. Такое стремление попробовать себя в разных, все новых и новых ролях определяется нами как «открытая», «альтернативная» идентичность. *Альтернативность*, таким образом, является характерной чертой идентичности, связанной как с социальным альтернативным выбором, так и с поиском альтернатив дальнейшего развития.

В то же время в ходе решения различных проблем (хозяйственного, политического, экономического и культурного плана) представления человека о себе и о своей группе подвергаются постоянной и непрерывной проверке. Интегрированность человека и группы в различные сферы социальной жизни и объективная противоречивость общественных отношений приводят к тому, что они не могут принять некоторые социальные и коллективные идентичности. Проверка старых и порождение новых идентичностей происходит в нелегком процессе социальной практики. Поэтому формирование идентичности оказывается «постоянной внутренней борьбой» [Качанов 2000], динамическим и непрекращающимся процессом «ре-определения себя, создания и воссоздания вновь и вновь своей собственной истории» [Bauman 2010, 84]. Отсюда - ещё одна характерная черта современной идентичности - её *динамичность*. Подчеркнем, что речь не идет о постоянной изменчивости и изменении самоидентичности индивида или общности: идентичность в таком случае невозможно было бы изучить и описать. Динамика идентичности проявляется в постоянном *переосмыслении*, проверке индивидом или общностью тех идентификационных *признаков*, с которыми отождествляют себя субъекты. Происходит своеобразная «перезагрузка» - процесс подтверждения или отрицания тех или иных признаков. Поэтому вернее было бы говорить о динамике актов идентификации, которые, в свою очередь, по «инерции» сообщают это качество идентичности. Идентичность в меру динамична, но все же более статична, чем идентификация, и коллективная идентичность является более фиксированной и менее динамичной, чем индивидуальная.

Идентичность открывается человеку только как нечто «вымышленное» (*invented*), нежели «обнаруженное» (*discovered*), как нечто, что необходимо выстроить с нуля или выбрать из альтернативных предложений, и затем бороться за ее сохранение, отстаивать и защищать путем опять-таки нескончаемых поисков. Идентичность, таким образом,

92 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
представляется её исследователям как нечто «бесконечное / незаконченное / незавершенное», а это нечто толкуется как «стремление / задание / цель / задача» (*unfulfilled/unfinished objective/aim/task/ target*). Именно так чаще всего характеризуется идентичность в современной зарубежной науке [Barker 2003; Bauman 2010], что позволяет выделить еще одну отличительную особенность идентичности, неразрывно связанную с предыдущими - её *незавершенность или незаконченность*.

В качестве характеристики постмодернистской личности, идентичность, согласно исследователям, *неуловима*. Она постоянно пытается «ускользнуть от схватывания», не желает быть «обнаруженной», она не «сокрыта», а «скрывается от себя и от других». Это не утрата самого смысла существования, влекущая за собой постоянный поиск постоянно утрачиваемой идентичности, а, скорее, постоянное «простраивание Я» из иллюзий относительно себя самого [Абушенко 1998, 406]. Такая характеристика идентичности говорит об её *иллюзорности и неуловимости*.

Рассмотренные выше отличительные черты современной идентичности неизбежно ведут к выделению таких её характеристик как *сложность и противоречивость*. В современных условиях социальной нестабильности человеку, с одной стороны, жизненно необходимо менять свое представление о себе в связи с новыми социальными условиями. С другой стороны, делать это очень сложно. Человек постоянно балансирует между ностальгией по прошлому с присущей ему чувством стабильной и однозначной принадлежности и стремлением к полному соответствию с постоянно меняющимся настоящим .

Кроме того, перед человеком каждый раз встает сложная проблема: которую из альтернативных идентичностей следует выбрать и как долго её сохранять? Формирование идентичностей превращается в бесконечный эксперимент. Человек не знает наверняка, является ли та идентичность, которую он сейчас «носит», лучшей для него и единственной, дающей ему чувство комфортности, удовлетворения и безопасности. Последнее очень важно, поскольку именно стремление к безопасности и уверенности в себе лежит в основе идентичности. Но безопасность - само по себе сложное и противоречивое чувство. Выбор новой идентичности и ее формирование - это всегда встреча с неизвестным, на которое трудно влиять и контролировать.

Идентичность, классификация и определение. 93

Таким образом, отход от однажды зафиксировавшейся идентичности и выбор новой/новых переживается человеком как эмоциональный кризис, сила которого зависит от многих факторов, в том числе от глубины прошлой идентичности в сознании человека [Иванова, Румянцева 2009; Климов 2001; Корич 1998; и др.]. Согласно американским социологам П. Бергеру и Т. Лукману, все люди в плане меняющейся социализации являются потенциальными «предателями себя» [Бергер, Лукман 1995], что отнюдь не способствует гармонизации их личности.

Противоречивость идентичности подчеркивается и существованием двух версий (*version*) идентичности: оптимистической и пессимистической [Dictionary of Sociology 2009, 333]. Ученые и писатели, отражающие тему поиска и потери идентичности в своих исследованиях и своем творчестве, так или иначе разделяются на 2 лагеря. Оптимисты утверждают, что в новом мире индивидуализации и свободы выбора среди множества альтернативных идентичностей у человека появляется больше возможностей для самореализации, которые не навязываются безоговорочно и искусственно традициями, культурой, религией и т.д. Человек сознательно стремится к личностному росту, подвижности, выражению собственной индивидуальности и отличности от других.

Пессимисты же, напротив, описывают «общество отчуждения» (*society of estrangement*) [Dictionary of Sociology 2009, 452]. Так, например, приверженцы психоаналитического подхода озабочены потерей границ между личностью и культурой и все растущим стремлением «постсовременного» человека к нарциссической персональности. Социологическая традиция в этом плане обращает внимание на тенденцию к расколотости общества на отдельные фрагменты (фрагментация, атомизация общества), а личности - на отдельные социальные роли. Социологов такжестораживают растущие бездомность, бессодержательность, бесцельность, потеря авторитета общественных институтов из-за замкнутости, заикленности на себе и своих интересах и эгоцентричности постсовременного человека [там же, 333].

Итак, идентичность имеет следующие **основные характерные черты: множественность, альтернативность, прерывность, динамичность, незаконченность, иллюзорность, неуловимость, сложность и противоречивость.** Этот перечень далеко не полный и данное разграничение носит условный характер, поскольку все перечисленные особенности, наряду со многими другими, функционируют и

94 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
проявляются в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. Совершенно не случайным, поэтому, является тот факт, что в научных рассуждениях об идентичности, наиболее частотными словами оказываются слова *ambivalence* и *ambiguity* в зарубежных источниках и «сложность» и «проблемность» в украинско-русских. З. Бауман оценивает идентичность как *elusive and ambivalent subject, hopelessly ambiguous idea* [Bauman 2010, 76], что, учитывая все словарные соответствия словам *ambivalent* и *ambiguity*, правомерно перевести как «безнадёжно сложная, противоречивая, проблемная, многогранная, многоаспектная идея, предмет».

Если в данном контексте, в частности, и в контексте описания идентичности вообще, каждое из этих английских слов переводить правильно, одним емким соответствием, то, по нашему глубокому убеждению, этим соответствием должно быть слово «многогранность», а не более привычные для русско-украинского дискурса идентичности слова «сложность» или «проблемность», которые значительно суживают специфику рассматриваемого феномена.

«Бесконечное множество граней» современной идентичности определяет тот факт, что в современной социогуманитарной парадигме нет общепринятого четкого и ясного определения идентичности. Есть множество разнообразных дефиниций в рамках отдельных теорий, концепций, подходов, наук, междисциплинарных «конгломератов», которые отражают и характеризуют отдельные грани идентичности. Объективно говоря, единое и однозначное определение идентичности - это, скорее всего, утопия, несбыточная мечта, никак не соответствующая реальности «бытия» идентичности. На это косвенно указывал еще в 1959 году Э. Гофман (*Presentation of Self in Everyday Life*), выдвигая ключевую проблему презентации себя другим (*identity management*), до сих пор нерешенную ни в одном научном «лагере», а именно: является ли то, что мы представляем другим, надевая различные маски, нашей реальной, настоящей идентичностью. Проблема несовпадения «человека для самого себя и человека в глазах других» [Бахтин 2000, 228-229] не случайно поэтому находит отражение во многих произведениях художественной литературы как острое личностное переживание.

Проблематика идентификации, неразрывно связанная с проблематикой идентичности также является одной из актуальных в научной мысли конца XX - начала XXI столетий. Количество исследований, так или иначе рассматривающих проблему идентификации, увеличивается с каждым годом, однако многие вопросы до сих пор остаются нерешенными, открытыми и дискуссионными, требующими нового теоретического осмысления.

Разработка вопросов, связанных с проблемой идентификации, становится все более актуальной в реалиях современности, о которых уже шла речь. Необходимость подобных исследований не вызывает сомнений и вызвана наблюдаемой в современном обществе разбалансировкой устойчивой системы идентификаций и самоидентификаций личности и, как следствие, неустойчивым характером идентичности индивида и группы. Так, разрушение стройности общественной системы России в 90-е годы XX столетия привело к непредсказуемому, хаотичному изменению структуры идентичности отдельного человека. В постсоветской России отчетливо наблюдается тенденция замены гражданской идентификации населения идентификацией личности по национальному или этническому признаку [Полежаева 2006].

Вместе с тем, в научно-исследовательской литературе термин «идентификация», все более часто используя, получил разносторонние интерпретации. Многозначность и множественность трактовок этого понятия обусловлены, по нашим наблюдениям, различными контекстами его употребления, среди которых выделим: 1) общенаучный; 2) гуманитарный; 3) междисциплинарный (например, в рамках гуманитарного контекста); 4) дисциплинарный (например, в психологии, социологии, философии, культурологии, этнологии и т.д. в рамках гуманитарного контекста); 5) узкоспециальный (например, в социальной, инженерной, юридической психологиях, психоанализе, психологии познавательных процессов, этнопсихологии, культурной психологии и т.д.); 6) узкотейоретический (в рамках теорий или исследований отдельных ученых).

Термин «идентификация» в *общенаучном* контексте употребления определяется словами «отождествление», «определение», «уподобление», «опознание», «установление», «совпадение», «выявление», «распознавание». Если проанализировать основные общенаучные

96 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
определения идентификаций, на самом деле, можно говорить о двух значениях, в которых используется это слово в общенаучном контексте: 1. опознание, распознавание чего-либо или кого-либо; 2. уподобление, отождествление с кем-либо или чем-либо [Бадмаев 2005; Полежаева 2006; Шапар 2004; Большой психологический словарь 2007; Новая Философская энциклопедия 2011 и мн. др.].

В первом значении термин «идентификация» в общенаучном плане понимается как процесс сопоставления одного объекта с другим на основании какого-то признака или свойства, в результате чего устанавливается их сходство или различие. Во втором значении (характерном в основном для гуманитарных наук) идентификация - это процесс неосознаваемого отождествления субъектом себя с другим субъектом, группой, образцом.

Фундаментальные разработки термина «идентификация» в *гуманитарном контексте* проходили и проходят в векторе развития философии, психологии, социологии и социальной психологии, культурологии, культурной антропологии, этнологии, лингвистики и других наук. В эти науки описываемый термин входит через разработку традиционных категорий тождества и различия (Т. Адорно; Г. Гегель; Ж. Делёз; Ж. Деррида; М. Шеллер и мн. др.), проблематики идентичности (Ч. Кули; Р. Мертон; Дж. Мид; З. Фрейд; М. Хайдеггер; Э. Эриксон и мн. др.), диалектической пары «Свой - Чужой/Другой» (М. Бахтин; Д. Гачев; Л. Гришаева; В. Махлин; Л. Фейербах; И. Фихте и мн. др.).

Исследования последних десятилетий посвящены как общим проблемам теории идентификации, определения её значимости в изучении процессов становления и функционирования личности человека (З. Бауман; М. Губогло; В. Малахов; Н. Полежаева; В. Спиро и мн. др.), так и частным проблемам идентификации, самоидентификации и самосознания (Э. Александренков; П. Бычков; Н. Скворцов; В. Хотинец; М. Щербаков и др.), особенностям половой, гендерной, национальной, религиозной, профессиональной, культурной и др. идентификаций (Ю. Бовкунова; В. Иноземцев; В. Малахов; Е. Матвеева; С. Хантингтон; М. Щербаков; В. Ядов и др.), места и роли идентификации в современном мировом глобализационном пространстве (В. Бернацкий; В. Гребнер; М. Калужский; А. Панарин и др.).

Наиболее многочисленны и продуктивны исследования, связанные с этнической, национальной идентификацией и самоидентификацией (В. Бадмаев; Ю. Бромлей; Т. Стефаненко; И. Татаренко; В. Хотинец и мн. др.).

В социогуманитарной парадигме термин «идентификация» был впервые использован З. Фрейдом («Групповая психология и анализ, 1914») при интерпретации явлений патологической депрессии, а также с целью анализа сновидений и некоторых процессов, посредством которых маленький ребенок усваивает образцы поведения значимых других. Основатель психоанализа и его последователи рассматривали идентификацию как бессознательный процесс подражания, как самое раннее проявление эмоциональной привязанности ребенка к матери. В этом ключе они определяли идентификацию как один из механизмов формирования личностно-моральной инстанции Супер- Эго через отождествление ребенком себя с родителями или другими значимыми людьми [Бойко 2008, 147; Малахов 2004, 299; Науменко 1998, 400; Холл/Линдсей 1997].

Позднее в неортодоксальном психоанализе трактование идентификации обрело более широкое значение, как механизма психологической защиты «Я» от внешних угрожающих объектов, как центрального механизма формирования способности личности к саморазвитию. При этом между субъектом и объектом устанавливается некая эмоциональная связь, сутью которого является переживание субъектом своей схожести с объектом [Бойко 2008, 147; Науменко 1998, 400; Психологічний тлумачний словник 2004, 168169].

Э. Эриксон расширяет понятие идентификации и рассматривает её как механизм уподобления себя значимому другому, т.е. самооценки индивида с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии [Эриксон 1996, 31-32].

Эти основополагающие определения идентификации активно разрабатывались и продолжают разрабатываться в рамках *психоаналитического подхода* к изучению идентичности, о котором говорилось ранее.

Представители символического интеракционизма интерпретировали идентификацию как механизм и результат социального взаимодействия, через которое индивид в процессе социального общения сравнивает себя с другими людьми и начинает видеть себя со стороны, отражаясь в

98 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
соответствующих реакциях и поступках других. В этом случае он смотрит на себя уже как на социальный объект, который обладает определенными чертами и особенностями.

Точка зрения на идентификацию как на единство «внешних» и «внутренних» факторов становления и формирования личности оказала влияние на дальнейшие исследования социального начала в идентификации (Л. Выготский; Э. Гофман; Ч. Кули; С. Московичи; В. Мухина; Б. Поршнев; В. Ядов и многие другие). В этих исследованиях, объединяемых сегодня рамками *социологического подхода* к изучению идентичности, идентификация в наиболее обобщенном виде трактуется как важнейший механизм социализации личности, помогающий ей эффективно овладевать различными видами социальной деятельности.

В рамках *когнитивного* междисциплинарного подхода к изучению идентичности идентификация определяется как когнитивно-эмоциональный процесс отождествления субъектом себя с другим субъектом и группой, который помогает ему успешно усваивать социальные нормы и ценности, принимать различные социальные роли [Бойко 2008; Крысько 2001].

Если в более ранние периоды исследователи отмечали *исключительно* адаптивную функцию идентификации в становлении личности, то сегодня идентификация признается *эмоционально-рациональным* актом приписывания субъектом себе определенного признака, качества, действия, состояния или роли (Л. Гришаева; Е. Катанова; Н. Полежаева и др.).

В *конструкционистском* подходе идентификация трактуется как процесс распознавания необходимого в непрерывно конструируемой системе идентичности, включающий отождествление и дифференциацию как паритетные процедуры этого процесса. [Подробнее об этом см.: Полежаева, 2006].

Идентификация по своей природе является социокультурным феноменом, который формируется в процессе социальной активности личности и группы. Не случайно поэтому сегодня как никогда актуальны исследования, посвященные данному аспекту рассматриваемого нами явления. В таких работах идентификация характеризуется как один из механизмов, управляющих взаимосвязанными процессами социализации и инкультурации, которые, в свою очередь, формируют социальную

Идентичность: классификация и определение (Т.Т. Гришанова, Т.Т. Трушинецкая; Е. Катанова; В. Попков, А. Садохин; Е. Селиванова). 99

Таковы основные определения термина «идентификация» в гуманитарном контексте современного научного знания, связанные с междисциплинарными подходами к изучению идентичности.

Идентификация также является объектом *дисциплинарного* и *узкоспециального* изучения. В этом плане отметим, что ведущие позиции по количеству исследований и трактовок этого понятия занимают психология и социология. Поток работ по описываемой проблематике становится практически необозримым, актуализируя вопрос узкодисциплинарной унификации понятия идентификации. Рамки нашей работы не позволяют остановиться на полном обзоре таких исследований, ограничимся лишь наблюдением о том, что словарные статьи по идентификации в крупнейших авторитетных отраслевых словарях и энциклопедиях последних трех десятилетий со всей очевидностью иллюстрируют эту проблему.

Так, авторы Краткого Психологического словаря (1985 г.) предлагают пять определений термина «идентификация личности», относя их либо к узкоспециальной сфере употребления, либо к пересекающимся областям психической реальности [Об этом см.: Краткий психологический словарь 1985, 108-109]. Даже в одном из самых авторитетных словарей последнего десятилетия - Большом психологическом словаре под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко - идентификация получает, хотя и расширенную, но все же нечёткую интерпретацию [см.: Леонтьев 2007, 188]).

Подобный терминологический разнобой наблюдается также и в социологических источниках. Термин «идентификация» определяется и как *процесс отождествления* индивидом себя с социальной группой, и как *механизм социализации* личности через её отождествление с определенной группой, и как одновременно *процесс и итог отождествления* субъектом себя с социальной группой, и как *способ* усвоения индивидом социальных ценностей и норм, и как *признание* со стороны окружающих принадлежности индивида к группе (В. Анурин; В. Бойко; З. Голенкова; Б. Исаев; А. Кравченко и т.д.).

Критический анализ определений идентификации в современном дисциплинарном узкоспециальном контекстах позволил нам выделить наиболее упорядоченное и терминологически чёткое трактование этого

100 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
сложного и многоаспектного феномена, сформулированное Л.И. Науменко [Науменко 1998, Науменко 2003]. Указанный автор, используя общенаучные значения слова «идентификация» (отождествление, уподобление, опознание, установление совпадения), выделяет узкоспециальные (в рамках психологии) значения термина «идентификация», рассматривая последнюю как **механизм** проявления различных операций. Так, в *современной психологии* термин «идентификация» используется в следующих значениях: 1) *механизм* становления личности, формирования полиролевой идентичности, ценностных ориентаций, усвоения норм и образцов поведения путём уподобления субъектом себя иному лицу; 2) *механизм* психологической защиты, проявляющийся в имитации, бессознательном подражательном поведении, уподоблении объекту, вызывающему страх или тревогу; 3) *механизм* проекции, произвольного приписывания субъектом другому лицу своих вытесненных мыслей, мотивов, желаний, качеств, чувств и переживаний, которые вызывают у самого субъекта чувство вины или тревоги, а также восприятие субъектом другого человека как продолжения себя самого; 4) *механизм* постановки себя на место другого, проявляющийся в виде эмпатии и обеспечивающий более успешное понимание и взаимодействие; отождествления с персонажем художественного произведения [Науменко 2003, 400].

В социальной психологии, согласно Л.И. Науменко, идентификация - это *механизм* социализации личности, проявляющийся в отождествлении индивидом себя с определенной группой или общностью (социальная, групповая идентификация). В *инженерной и юридической психологии* идентификация - это механизм опознания, распознавания через сличение, сопоставление одного объекта с другим с целью установления их сходства или различия. В *этнической психологии* идентификация - один из механизмов формирования и сохранения этнического самосознания и такого его базового феномена, как этническая идентичность [там же].

В заключение нашего краткого обзора остановимся еще на одном теоретическом аспекте, связанном с соотносительностью терминов «идентификация» и «идентичность». В современном гуманитарном знании разграничение идентификации и идентичности все еще не является общепринятым фактом, и некоторые исследователи зачастую отождествляют эти понятия. Так, З.Т. Голенкова определяет идентичность как «процесс и итог отождествления индивидом себя с группой»

Идентичность как идентификация определена [Голенкова 2000, 415]. Е.В. Маргунов [Большой психологический словарь, 2007, 253] определяет социальную идентичность как один из процессов социальной идентификации. М.С. Школовая в диссертации посвященной лингвистическим аспектам конструирования идентичности в электронной коммуникации использует эти два понятия как взаимозаменяемые [Школовая 2005].

В нашем исследовании мы разграничиваем термины «идентичность» и «идентификация». **Идентификация служит основанием для формирования идентичности и соотносятся они как механизм, процесс и результат действия такого механизма (процесса) в самосознании определенного субъекта.** Так, В.С. Мухина справедливо отмечает, что, когда говорят «идентичность», акцент делают на некотором состоянии как *относительно* конечном результате отождествления, а идентификация - это процесс, специфика психологических и социальных механизмов, ведущих к этому состоянию [Мухина 2003].

Становление личности сопровождается постоянными идентификациями, которые дополняют, формируют и корректируют обобщенный образ человека о самом себе. Идентификация, тем самым, выступает как механизм формирования и сохранения идентичности в процессе формирования и функционирования личности. Она носит интеракционный характер и всегда выступает как единство личной и социальной идентификаций.

Идентификацию, таким образом, мы рассматриваем как когнитивно-эмоциональный механизм формирования идентичности, благодаря которому осуществляется конструирование субъектом своей тождественности.

выводы по главе II

Идентичность как система имеет определенную структуру, остающуюся неизменной при любых изменениях системы. Выделение основных структурных уровней идентичности весьма относительно в силу их тесной взаимосвязи, но методологически необходимо, поскольку позволяет сформировать базисное определение идентичности. В нашей работе предлагаются три структурных уровня идентичности: индивидуально-коллективный, субъектно-объектный и когнитивно-эмоциональный.

структурными компонентами: индивидуальной идентичностью и коллективной идентичностью. Индивидуальная идентичность - осознание себя как уникальной личности и как члена группы, которая значима для индивида. Коллективная идентичность касается специфики существования и развития общности как целостности.

Субъектно-объектный уровень включает два структурных компонента: самоидентичность и внешнюю идентичность. Осознание субъектом себя как того, кто обладает определенными идентифицирующими характеристиками, есть суть самоидентичности, подтверждение (или отрицание) этого «обладания» со стороны окружающих (значимых других) составляет суть внешней идентификации.

Когнитивно-эмоциональный структурный уровень идентичности является синтезом когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов, во взаимодействии которых проявляется функциональная целостность как индивида, так и коллектива.

Идентичность, тем самым, выступает как результат осведомленности и эмоционального оценивания индивидом и группой индивидуально-групповых и коллективных характеристик, подтвержденных значимыми другими, при конструировании образа себя, группы и окружающего мира на основе значимых группоидентифицирующих признаков.

Идентичность формируется в ходе когнитивно-эмоционального процесса осмысления субъектом (индивидом или группой) своей целостности, то есть индивидуальности личности и ее принадлежности к социальной группе или единства коллективной общности. Благодаря этому реализуется отождествление субъектом себя с другими объектами (другими «Я», группами) или коллективная целостность общности. В результате возникает тождественность индивида самому себе, его тождественность с группой и тождественность самого коллектива.

Идентичность выступает в качестве иерархически организованной структуры, в которой соединяются и взаимодействуют разнообразные характеристики, образующие систему видов, подвидов и разновидностей.

Индивидуальная идентичность условно подразделяется на два взаимосвязанных и взаимозависимых вида, определяющих ее как систему: личную идентичность и социальную идентичность.

Идентичность: классификация и определение 103

Личная идентичность является результатом когнитивно-эмоционального конструирования индивидом своей индивидуальной тождественности и целостности, подтвержденной другими. Социальная идентичность предстает в нашей классификации как результат когнитивно-эмоционального конструирования индивидом своей тождественности с группой/общностью.

Половую, возрастную и гендерную идентичности определяем как виды личной идентичности, подвиды индивидуальной идентичности и разновидности идентичности в целом. Национальную, этническую, политическую, гражданскую, классовую, профессиональную, религиозную и т.д. идентичности относим к видам социальной либо коллективной идентичностей и разновидностям идентичности как родового термина.

Коллективная идентичность рассматривается как результат когнитивно-эмоционального конструирования коллективом своей тождественности на основе комплекса группоидентифицирующих признаков, обеспечивающих взаимозависимость и взаимосвязь членов такого коллектива, его целостность и единство. Коллективная идентичность находит свое проявление в идентичностях отдельных индивидов и складывается из таких идентичностей.

Идентичность имеет следующие черты: множественность, альтернативность, прерывность, динамичность, незаконченность, иллюзорность, неуловимость, сложность и противоречивость. Феномен идентичности характеризуется как многогранное явление, толкование и научное определение которого задается соответствующими подходами и теориями, как узкоспециальными, так и междисциплинарными, а также концепциями отдельных ученых.

В нашем исследовании мы четко разграничиваем понятия «идентичность» и «идентификация».

Идентификация рассматривается как когнитивно-эмоциональный механизм формирования идентичности, благодаря которому осуществляется конструирование субъектом своей тождественности. Индивидуальная идентификация - это механизм формирования личной и социальной идентичностей в процессе социализации и инкультурации индивида в основе которого лежит уподобление и/ или отождествление (механизмы деятельности самосознания). Коллективная идентификация представляет собой механизм формирования и сохранения коллективного

104 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
самосознания и коллективной идентичности, в ходе которого осуществляется сопоставление и/или сравнение с другими коллективами и формируется тождественность (~ идентичность) коллектива.

ГЛАВА III. ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫК

Проблематика соотношения идентичности и языка рассматривалась еще при зарождении самой теории идентичности в социогуманитарном знании XX века. Впоследствии эти вопросы перешли в стадию активного обсуждения, результатом которого явилась убедительная констатация тесной взаимосвязи и взаимозависимости идентичности и языка. С тех пор представители различных научных дисциплин и направлений исследуют особенности и закономерности этой «сиамской неразрывности».

Собственно лингвистический поворот в изучении идентичности, связанный, прежде всего, со структуралистскими и постструктуралистскими теориями, окончательно утвердил невозможность «бытия» идентичности вне языка и наметил широкие перспективы исследований в этом направлении. Это способствовало активизации изучения идентичности в лингвистике и межкультурной коммуникации в последние два десятилетия.

Прежде чем перейти к детальному аналитическому обзору таких лингвистических исследований, остановимся вкратце на обзорном описании точек зрения ведущих представителей социогуманитарного знания XX-XXI веков на вопросы взаимоотношения языка и идентичности.

3.1. Идентичность и язык в социогуманитарном знании

На заре возникновения и становления общей теории идентичности в начале и середине XX века, проблематика взаимосвязи языка и идентичности затрагивалась в теориях психоанализа З. Фрейда и Э. Эриксона (психоаналитический подход к изучению идентичности) и в теории символического интеракционизма Дж. Г. Мида и его последователей (социологический подход к изучению идентичности).

Так, в трудах З. Фрейда, посвященных изучению идентификационных процессов, язык и языковое мышление рассматриваются как личностные качества человека, определяющие специфику его сознания и психики, поскольку именно в них объективируется самосознание личности, её самость. Самость (т.е. идентичность, по

З. Фрейду), осознается нами с помощью символической системы языка и культуры через процессы идентификации с другими. Таким образом, постулируется тесная связь идентификационных процессов с языком и сознанием.

В неопсихоаналитической концепции Э. Эриксона утверждается, что психосоциальная идентичность как совокупность базовых психологических, социально-исторических и экзистенциальных характеристик личности вырабатывается в сознании субъекта в процессе накопления им социального опыта и выражается через его речь. Поэтому при изучении психологических механизмов, обеспечивающих психосоциальное тождество индивида, автор особое внимание уделял автобиографиям, в которых отражается множественная природа идентичности как тождества личного и социально принятого типов мировоззрения.

Основоположник теории символического интеракционизма Дж. Г. Мид выдвинул ряд положений, которые впоследствии сыграли значительную роль как в рамках социологического подхода к изучению идентичности, так и в более широкой научной парадигме изучения идентичности. Среди этих положений можно выделить следующие, раскрывающие суть взаимосвязи идентичности и языка:

- личность относится к окружающим в зависимости от тех индивидуальных значений, которые она им присваивает;
- именно совокупность всех межиндивидуальных взаимодействий и создает общество. Начальной фазой такого взаимодействия выступает жест или слово. Потом, если есть опыт общения, жест или слово вызывают у всех, кто вступает во взаимодействие, одинаковый отклик. Иначе говоря, жест, слово становятся символами (= символический интеракционизм);
- мир, который создается воображением людей, и взаимодействие на основе символов носят субъективный характер. Социальное действие индивида полностью зависит от его *представлений* о реальном мире, а не от существующего состояния вещей;
- знания о собственной идентичности закрепляются в определенной символической форме, прежде всего в языке [Об этом см.: Иванова, Румянцева 2009, 21-22; Исаев 2008, 33; Кравченко, Анушин, 85].

В дальнейшем в работах представителей социологического подхода к исследованию идентичности также подчеркивалась роль языка и языкового общения в процессе самоидентификации: люди оперируют объектами, исходя из того значения и смысла, которые последние имеют для этих людей и которые вырабатываются, меняются и пересматриваются в ходе социальной интеракции под воздействием саморефлексий и рефлексий индивидов [Подробнее об этом см.: Макаров 2003; Исаев 2008, 33 и др.].

В социологическом подходе к изучению идентичности особое место занимают исследования известного британского социолога Э. Гидденса. В них значительное внимание уделяется рассмотрению роли языка в процессе формирования и конструирования идентичности: самоидентичность формируется благодаря способности поддерживать и подтверждать «нарратив» о себе, что, в свою очередь, предполагает последовательное формирование устойчивого чувства биографической целостности.

Э. Гидденс пишет о том, что индивид пытается выстроить целостный «нарратив идентичности» (*identity narrative*), в соответствии с которым «формирует траекторию развития от прошлого к ожидаемому будущему» [Giddens 1991, 75]. Таким образом, самоидентичность не является какой-то характерной чертой или совокупностью черт, присущих индивиду. Это - самость (*the self*), рефлексивно воспринимаемая личностью с помощью (*in terms of*) языка своей биографии [Giddens 1991, 53].

Важным в аргументах Э. Гидденса нам представляется то, что идентичность, с его точки зрения, - это не просто совокупность наших характеристик как таковых, не что-то, что у нас есть и на что мы можем прямо указать. Идентичность - это скорее то, что мы о себе *думаем* и как себя воспринимаем (*a mode of thinking about ourselves*) *с помощью языка*. Естественно, образ мышления может меняться в зависимости от обстоятельств во времени и пространстве, поэтому для Э. Гидденса идентичность - это «проект» (*project*), создаваемый нами самими, движение к чему-то, а не конечный пункт прибытия. Без языка само понятие индивидуальности и идентичности было бы бессмысленным для человека.

Изучение взаимосвязи языка и идентичности активизировалось в разрабатываемых с середины XX века антиэкзистенциалистских философско-методологических подходах: в структурализме и, в большей степени, постструктурализме и соответствующих теориях языка.

Возникновение структурализма как философско-методологической основы научных гуманитарных исследований⁴ на рубеже 50-60-х годов XX века базировалось на методологии структурного анализа. Эта методология применялась еще с 20-х годов XX века к разработке проблем лингвистики и литературоведения для выявления инвариантных структур языковой деятельности. Основой для структурализма также послужил и психоанализ З. Фрейда, из которого было заимствовано понятие бессознательного как универсального регулятора человеческого поведения. К структуралистам принято относить К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Лакана, Р. Барта, Ж. Деррида, Ф. де Соссюра и мн. других.

При всем многообразии теоретико-методологических воззрений этих исследователей, выделяют ряд общих для них, как и для всех представителей структурализма положений [Шейнин 2007, 595; A Dictionary of Sociology 2009, 738-740]. Из их числа считаем нужным упомянуть три, по нашему мнению, наиболее важных, сыгравших впоследствии значимую роль в понимании и объяснении сути взаимосвязи языка, культуры и идентичности:

- представление о культуре как совокупности знаковых систем и культурных текстов;
- представление о наличии универсальных инвариантных психических структур, скрытых от сознания, но определяющих механизм реакции человека на весь комплекс воздействий внешней среды (в том числе культурной);
- представление о возможности выявления и научного познания этих структур путем сравнительного структурного анализа знаковых систем и культурных текстов.

⁴ Структурализм в этом смысле следует отличать от структурной лингвистики, которая характеризуется как «особый этап в развитии лингвистической мысли, связанный с переходом от «атомистического» описания фактов языка к их системному осмыслению» [Виноградов 1990, 497].

Структурализм, как известно, оказал огромное влияние на решение вопросов, связанных с семантическими и семиотическими аспектами языка и культуры (и, опосредованно, идентичности). Несмотря на это, в конце 60-х годов это направление столкнулось с невозможностью решить свою главную задачу - «познание объективно-научным путем глубинных структур человеческой психики» [Шейнин 2007, 596]. Кризис структурализма привел к возникновению и последующему развитию ряда философско-методологических подходов к осмыслению культурной деятельности и интерпретации текстов культуры. В философском и научном познании эти подходы объединяются под обобщающим названием «постструктурализм», представителями которого считаются Ж. Деррида, Ж. Делёз, Р. Барт (в более поздний период их творчества), М. Фуко (работы периода «генеalogий власти») и другие.

Постструктурализм, возникший в 70-90-е годы XX века, хотя и отрицал многие положения структурализма, тем не менее, многое у него и заимствовал. Это касается прежде всего основополагающего, по нашему мнению, понимания культуры как языковой и текстуальной деятельности и стремления соотнести текст с сознанием и опытом его автора⁵. Однако, сам подход к тексту, как справедливо отмечается в энциклопедии «Культурология», радикально меняется. Объектом рассмотрения и анализа становится прежде всего контекст и та совокупность *динамических* индивидуальных явлений и черт, которая стоит за текстом и определяет его [Шейнин 2007, 596].

Таким образом, вместо структурной логической упорядоченности сознания постструктуралисты фиксируют свое внимание на не-системных, неструктурных, подверженных изменениям проявлениях субъективности и индивидуальных особенностей психики. Закономерности их репрезентации и/или конструирования знаково-символическими средствами все чаще становятся предметом пристального изучения. Это оказало значительное влияние на исследования иден-

⁵ Именно такое понимание культуры легло в основу антиэкзистенциалистской концепции идентичности, широко распространившейся впоследствии в зарубежном изучении культуры (Cultural Studies).

тичности как в рамках традиционных подходов (психоаналитический и социологический) так и в русле активно разрабатываемых в этот период когнитивного и конструкционистского подходов к изучению идентичности.

В структурализме и постструктурализме роль языка и языкового мышления в создании идентичности еще более усиливается. При этом многие исследователи базируются на идеях Ф. де Соссюра о знаковой природе языка, его структурной системности и социальной и культурной обусловленности всех его значений. Как известно, в своей работе «Курс общей лингвистики» ученый акцентировал внимание на том, что значение в языке образуется не из-за намерений говорящего или пишущего субъекта, а путем взаимодействия между знаками. Язык - структурированная система, в недрах которой образуется значение и именно язык заставляет субъекта говорить, подчиняя последнего своим правилам, а не наоборот.

На эту работу Ф. де Соссюра ссылались, в частности, Ж. Деррида и Ж. Делез, чтобы доказать, что все социальные и культурные категории концептуализируются в системе представлений с помощью языка, т.е. мир вокруг нас и наше место в этом мире созданы и наделены смыслом в рамках нашего представления о нем. Вследствие этого наше чувство идентичности создается значениями, которые неразрывно связаны с определенными атрибутами, возможностями и формами поведения [Делез 1998; Деррида 2000].

Французский философ и культуролог М.П. Фуко (*M.Foucault*), основываясь на аргументах Ф. де Соссюра, развивает подход к идентичности в своих работах, посвященных дискурсу или дискурсивным практикам и событиям («Археология знания» 1969, «Порядок дискурса» 1971, «Надзор и наказание» 1975). С помощью этих понятий (дискурс, дискурсивная практика), заменивших понятие «эпистема», используемое в его ранних структуралистских работах («Слова и вещи» 1966), Фуко разрабатывает новую методологию для исследования культуры вообще (теория «знания - власти») и идентичности, в частности.

Согласно М. Фуко [Foucault 1972; 1977; 1984], дискурс «объединяет» язык и практику, что подразумевает производство знаний через язык, который облекает значениями материальные объекты и социальные практики. Последние, приобретая значение посредством языка, таким образом, дискурсивно формируются. Суть дискурсивных событий, по М. Фуко, составляют связи и отношения между высказываниями, означающими совокупность неких объективных правил и закономерностей, которые образуют «архив». Последнее понятие трактуется М. Фуко не как собрание разного рода документов и текстов, но как «лежащие в их основе структуры и законы, управляющие появлением высказываний как единичных событий» [Силичев 2007, 860-861]. Так, например, в криминологии «уголовные дискурсы» создали определенные системы высказываний о преступности и мышлении преступников. Эти дискурсы М. Фуко считал «сырьем» для идентичности как по отношению к изучающему (эксперт-криминолог), так и к изучаемому (преступник).

Суть антиэкзистенциалистского по своей сути подхода М. Фуко к идентичности выражается в том, что язык не представляет уже существующее «Я», а скорее, язык и мышление создают это «Я», воплощают его в жизнь в процессе сигнификации. Человек создается языком, то есть серией дискурсов, поэтому он не может «обладать» устойчивым «Я», точно так же, как не может «обладать» устойчивой идентичностью. Идентичности - это дискурсивные конструкции, которые одновременно «нестабильны и временно стабилизированы» специальной практикой и обычным, предсказуемым поведением [The Foucault Reader 1984, 125].

В работах М. Фуко также впервые появляется утверждение, ставшее ключевым в современном изучении идентичности. Это утверждение о том, что личности обладают множественными идентичностями. Такая множественность имеет два основных измерения. *Первое* и, как считают, [Barker 2003; Dictionary of Sociology 2009 и др.] самое важное для М. Фуко, — это то, что различные дискурсы создают определенные и нередко различающиеся условия для деятельности индивида и определения/формирования его идентичности. В дискурсах,

связанных с религией, государством, спортом или потреблением, создаются соответствующие и порой противоречивые версии нашего «Я»: верующий, налогоплательщик, футбольный болельщик, гедонист и т.п. [Dictionary of Sociology 2009, 332]⁶.

Во-вторых, множественные идентичности, которые мы «приме-ряем» в различных социальных ситуациях, в свою очередь, связаны со структурами идентичности более высокого ранга: классом, этнической и расовой принадлежностью, полом и сексуальной ориентацией. Причем эти и другие «принадлежности» не обособлены, а тесно взаимодействуют друг с другом⁷.

Согласно современным авторитетным справочным изданиям по философии (Новейший философский словарь 1998, Новая философская энциклопедия 2010, Философский энциклопедический словарь 2000) постструктуралистская и более ранняя структуралистская критика оказали значительное влияние на перспективы исследования идентичности, вскрыв важную роль знаково-символических средств и, прежде всего, языка в формировании структур идентичности. В частности, в этом ключе исследовались возможности совмещения в «пространстве идентификаций» механизмов автономии (самодостаточность, автономность, независимость идентификационных параметров), синонимии (тождественность различных в иных горизонтах идентификационных параметров) и омонимии («накладывание», «маскирование» друг через друга идентификационных параметров). Тем самым открывались возможности как «социологизации» (пер-

⁶ Вместе с тем, в работах М. Фуко явно прослеживается альтернативный антропоцентризм «принцип дискурсоцентризма» [Селиванова 2008, 40], где человек предстает лишь как посредник между языком и социальным миром, который конструируется этим языком. В этом плане нельзя не согласиться с Е.А. Селивановой, которая отмечает, что хотя человек и есть определенным образом «невольник» языка, который навязывает ему свой взгляд на мир, категоризацию и концептуализацию опыта, все же человек является и «хозяином языка», способным управлять им как средством влияния на сознание и поведение другого человека или даже общности, обогащать язык, определять направления его функционирования и т.д.

⁷ Это положение впоследствии нашло подтверждение в исследованиях многих социологов, антропологов, культурологов и т.п. Так, например, К. Холл, изучая мужчин-представителей среднего класса в 19 веке, заметила, что их мужественность в значительной мере зависела не только от классовых характеристик, но и от этнической (англичане), а также расовой принадлежности (белокожие). Пол, этническая и расовая идентичности, в этом случае, не разделены, а тесно взаимосвязаны

спективы социолингвистики, социосемиотики, культурной семантики и т.п.), так и «психологизации» герменевтического анализа [В. Абушенко 1998; В. Малахов 2004; В. Малахов 2011].

В целом исследования идентичности в постструктуралистских теориях помогли преодолеть наследие классической и неклассической экзистенциалистской философии, а идентификация стала трактоваться как «практики означивания и самообозначения индивидуальности, конституирующей человека как «Я» в его отличности от «тела» и «личности» через ограничения выбора из многообразия (множественности) возможного» [Абушенко 1998, 403].

Именно антиэкзистенциалистская сущность постструктурализма и оказала, по нашему мнению, наиболее значительное влияние на изучение идентичности, языка и культуры. Экзистенциализм предполагает, что слова являются выражением устойчивых референтов, что социальные категории отражают универсальную и присущую всем идентичность. Исходя из этого, у каждой такой категории (женственность, маскулинность, подростковая идентичность, азиатская идентичность и т.п.) есть свои определенные, четко зафиксированные отличительные черты, которые и составляют истинную сущность, скажем, «женственности» или классовой идентичности. Однако для постструктурализма не существует идентичностей вне языка. И поскольку в самом языке (согласно эти постулатам) не существует устойчивых референтов (язык скорее «создает», чем «находит»), невозможно также найти или представить неизменную идентичность.

В этом смысле категории женственности или классовой идентичности не являются устойчивыми и универсальными, но являются языковыми описаниями (*descriptions in language* [Barker 2003, 221]) или дискурсивными конструкциями, чье значение меняется в зависимости от времени, места и применения (М. Фуко). Антиэкзистенциалистское понимание отнюдь не подразумевает того, что мы не можем говорить об истинной и устойчивой идентичности. Скорее, оно указывает на то, что идентичности не универсальны, а созданы определенной культурой в определенном месте и в определенное время. Идентичность — это не устойчивая истина или неизменная сущность человека, а регулируемый, упорядоченный (*regulated*) способ высказывания о мире или о нас самих, утверждают постструктуралисты (Ж. Делёз; Ж. Деррида; М. Фуко

и др.). В отличие от научной достоверности структурализма, как тонко подмечает К. Баркер, в постструктурализме присутствует некий элемент иронии (*irony*): осознание условного, сконструированного (*constructed*) характера наших убеждений и представлений, которым не хватает устойчивых универсальных оснований» [Barker 2003, 19].

Предположение, согласно которому идентичности - это дискурсивные конструкции, основывается на понимании того, что язык - это не просто зеркало, в котором отражается независимый материальный мир, а средство, помогающее «придать форму» (*lends form*) нам самим и нашему миру. Такой подход к языку базируется на общих для всех постструктуралистских теорий положениях, которые подробно анализируются Крисом Баркером. Суть их можно свести к следующим тезисам:

- означающее создает (*generate*) значение не по отношению к неизменным объектам, но по отношению к другим означающим. В соответствии с семиотической теорией, значение создается из отношений между различиями. То есть, понятие «хорошо» надделено смыслом только по отношению к понятию «плохо»;
- отношения между звуками и знаками языка, так же, как и отношения между означающими и означаемыми, нестабильны и непостоянны;
- невозможно размышлять о независимом материальном мире, не используя язык. Мы не можем напрямую оценивать окружающий нас мир. Мы также не можем принять такую позицию, с которой мы сможем оценить отношения между языком и миром;
- язык имеет относительный характер. Значение слов создается не путем референции к особой неотъемлемой характеристике объекта или качества. Скорее, значение возникает из сети отношений в языковой игре;
- любое слово содержит в себе отголоски и следы других значений родственных слов в различных контекстах. Значение, по сути, нестабильно и непрерывно меняется. Из этого вытекает понятие дифферанса, «различия и отсрочки» (Ж. Делёз), согласно которому образование значения накладывается и дополняется значениями других слов [Barker 2003, 228].

Еще раз отметим, что в целом исследования идентичности и ее взаимосвязи с языком в постструктуралистских теориях XX века формировались как определенная антитеза субъективистски ориентированной философии экзистенциализма.

Антиэкзистенциализм и сегодня, в XXI веке, является одним из главных методологических принципов исследования идентичности в современном западном изучении культуры (*Cultural Studies*)⁸, о чем мы уже писали в первой главе. Важнейшая черта этой области современных междисциплинарных исследований — акцентуация текстуальности, поскольку она (область) базируется, среди всего прочего, на взглядах Ф. де Соссюра и семиотических теориях культуры. Язык здесь рассматривается как «единственное средство, обеспечивающее доступ к реальности путем её организации, упорядочения и придания ей смысла» [Тлостанова 2007, 1066]. Эта тенденция к текстуализации мира и культуры характерна, как известно, для постструктуралистских теорий, закономерным продолжением которых является «культурная критика» [там же].

Наиболее распространенной и влиятельной в западном изучении культур является антиэкзистенциалистская концепция идентичности как дискурсивной модели. Она базируется на теории идентичности С. Холла и активно развивается его последователями (К. Баркер; Д. Келлнер; К. Мерсер и др.). В основе этой концепции — синтез экзистенциализма, марксизма, психоанализа, феминизма, современных теорий языка и постулатов М. Фуко.

Идентичность с этих позиций определяется не как неизменная сущность (*essence*), а как непрерывно изменяющаяся система дискурсивных описаний, истолкований, точек зрения субъекта. К. Баркер [Barker 2003] отмечает, что идентичность — это своеобразная временная «стабилизация значения» или описание нашей личности, с которым мы себя эмоционально отождествляем. При этом, подчер-

⁸ Термин *Cultural Studies* зачастую неточно переводится на русский язык как «культурология», хотя «культурные исследования / культурная критика / критика культуры / изучение культур» (более точные варианты перевода) в силу методологических установок являются более прикладными, текстуальными, «редко выходящими в онтологическую и философскую сферы». Существует и ряд других отличий. Более подробно об этом см.: [Тлостанова 2007 Т. II, 1066].

кивается, что идентичность — это скорее становление, чем фиксированное бытие, предполагающее объединение «внешнего дискурса» (*discursive outside*) и внутренних процессов установления субъективности. И без языка само понятие идентичности, как утверждается, оставалось бы неясным и непонятным для нас.

Эта дискурсивность, «языковость» идентичности, как и другие её основные характеристики (изменчивость, фрагментарность, коллажность, множественность и т.д.) находят свое отражение в определениях ключевых понятий описываемой концепции, таких как самоидентичность, социальная идентичность, культурная идентичность, национальная идентичность и др.

Так, *самоидентичность* трактуется как рефлексивное дискурсивное формирование своего «Я», то, как мы видим и описываем самих себя.

Социальная идентичность рассматривается как дискурсивно формируемые социальные ожидания, нормативные права и обязанности, приписываемые индивидам, идентифицирующим определенную социальную принадлежность.

Национальная идентичность описывается как форма воображаемого отождествления с определенным государственным строем посредством символов и дискурсов. При этом констатируется, что государства - это не только политические формирования, но также и системы культурного *описания/представления* (*cultural representation*), и национальная идентичность постоянно поддерживается множественными в пространстве и времени дискурсивными позициями.

Культурная идентичность в этой теории определяется как динамическая и изменяющаяся система дискурсивных позиций, связанных с с ключевыми «узлами культурного значения», в основном с классом, полом, расовой и этнической принадлежностью, национальностью и возрастом. В свою очередь, каждая из этих дискурсивных позиций сама по себе нестабильна и изменчива.

Антиэкзистенциалистская концепция идентичности, как это случается с любой серьезной и новаторской концепцией, тем не менее, подвергается критике и модификациям. Критики заявляют, что «дискурсивизация» общества и идентичностей сводит все социальное к дискурсу и получается, что материального мира не существует. Однако,

по нашему мнению, это не совсем точно. Когда С. Холл и его последователи утверждают, что мы можем познать окружающий нас материальный мир только через дискурс, это отнюдь не означает, что этого мира не существует. Важным в этом контексте является положение о том, что дискурс и материальность неразрывны.

Подвергается критике и положение антиэкзистенциалистов, согласно которому мы не *обладаем* множественными идентичностями, а скорее *являемся суммой* множества идентичностей. Такое понимание идентичности, по нашему убеждению, не отрицает существования самой идентичности вообще, как пишут оппоненты, а скорее подчеркивает взаимодействие разнообразных, изменчивых и фрагментарных идентичностей, которые проявляются и выражаются в своем единстве различными способами.

Критики этой концепции также отмечают, что такие дискурсивно-ориентированные теории не принимают во внимание «человека деятельного» — он и его действия просто-напросто сводятся к «следствию дискурса». Кроме того, утверждается, что антиэкзистенциалистская концепция идентичности не имеет практической ценности и нуждается в более конструктивном методологическом подходе. В качестве альтернативы предлагается так называемая «теория стратегического экзистенциализма» [Appia 1995]. Основное положение этой теории строится на признании того факта, что исключительно в политических и практических целях можно действовать так, как будто идентичности — это устойчивые сущности.

Теория стратегического экзистенциализма находит сегодня немало сторонников, даже среди антиэкзистенциалистов, поскольку представляет собою определенный вектор исследований идентичности в западном изучении культуры. Тем более, что, как отмечает сам С. Холл [Hall 1995], любое чувство принадлежности, идентичности, идентификации общностей — это выдумка (*fiction*), обозначающая временное, частично и условно укоренившееся значение. Некое упорядочение или временная «стабилизация значения» необходимы, чтобы совершать какие-либо действия или говорить о чём-либо.

Отметим, что критические замечания в адрес антиэкзистенциалистской концепции идентичности в какой-то степени не лишены оснований и чтобы их опровергнуть или доказать их истинность не-

обходимы дальнейшие серьезные исследования. Однако важная заслуга этой теории, с нашей точки зрения, состоит в не вызывающем никаких сомнений признании определяющей роли языка в формировании и функционировании идентичности как системы регуляционных дискурсов.

Описанные в этом разделе теории, концепции и подходы, не будучи единственными, несомненно являются наиболее важными, фундаментальными, оказавшими значительное влияние на эволюцию теоретических воззрений на идентичность. Более того, по нашему глубокому убеждению, они ознаменовали качественно новое, а именно «языковое» и текстуальное осмысление идентичности, что способствовало активизации исследований этого многогранного феномена в современной лингвистике. Далее остановимся на особенностях изучения идентичности в лингвистике последних десятилетий и рассмотрим хоть и немногочисленные, но все же весьма значительные достижения в этой области научного знания, задающие перспективы дальнейших изысканий.

3.2. Идентичность в лингвистике: проблематика и перспективы изучения

Безусловная антропоцентричность современного научного гуманитарного знания и развитие комплекса наук «о человеке» (психология, социология, культурная антропология и т.д.) привели к осознанию того факта, что основные выводы этих наук и, в значительной степени, используемые в них методы базируются на анализе языкового поведения людей или языковых особенностей созданных людьми текстов. Другими словами, исследователи больше не могут игнорировать язык в своих попытках определить закономерности социальной и духовной жизни [Яворська 2006, 47].

Идеи и предположения ученых, которых сегодня мы называем классиками, о неразрывной связи языка с «бытием» человека и, соответственно, о языкознании как о научной базе гуманитарных наук (М. Бахтин; Г. Лейбниц; А. Потебня и мн. др.)⁹, сегодня, как никогда,

⁹ В качестве иллюстрации приведем известное высказывание Г. Лейбница: «Язык - это лучшее зеркало человеческого духа, и путем тщательного анализа значения слов

актуальны и все чаще находят свое конкретное воплощение, особенно в исследовании таких междисциплинарных категорий как идентичность.

Сегодня изучение идентичности перестало быть прерогативой исключительно философии, социологии, психологии, культурологии и других социогуманитарных наук. Круг проблем, связанных с языковыми аспектами идентичности, находит свое отражение и в *лингвистике*, к сожалению, главным образом, в зарубежной, в том числе в российской. Украинские ученые уделяют этой проблеме очень мало внимания. Небывалый интерес к исследованию идентичности в мировой лингвистике последних десятилетий связан как с общим развитием современного общества и гуманитарного знания, так и самой лингвистической науки, в частности.

В последние десятилетия проводятся международные конференции и школы-семинары, посвященные актуальным проблемам идентичности: «Проблемы культурной идентичности» (Казань 1998); «Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации» (Воронеж 2001); «Проблема национальной идентичности в литературах Старого и Нового Света» (Минск, 2002), «Язык и идентичность» (Алматы, 2006), «Человек. Коммуникация. Культура. Восток-Запад: поиски культурной идентичности на постсоветском пространстве» (Москва, 2014) и многие другие.

Издаются научные сборники, отражающие ведущие тенденции изучения идентичности в лингвистике, например: «Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности» (Воронеж 2002), «Язык, коммуникация и социальная среда» (Воронеж 2004), *Discourse, the Body and Identity* (New York 2003), *Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes* (Cambridge 2010).

Ученые выпускают ряд монографий, в т.ч. коллективных, в которых рассматриваются общие и специальные вопросы идентичности и методологии её изучения: «Язык и национальная идентичность» (Дж. Джозеф), «Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании» (М. Попова 2004), «Лингвистическая идентификация личности» (В. Наумов 2010), *Handbook of Language and*

Ethnic Identity (G. Fishman 1999), *Autobiography and National Identity in the Americas* (S. Hunsaken 1999) и другие.

В современном российском научном сообществе сформировались или находятся в стадии становления несколько научных лингвистических школ изучения идентичности: Ярославская, Тверская, Уральская, Белгородская и Воронежская, занимающая ведущую позицию (Т. Бородина; Л. Гришаева; Е. Катанова; М. Попова; Л. Цурикова и др.). В Белгородском государственном университете разрабатывается новое научное направление на стыке психолингвистики, социоллингвистики, антропологической лингвистики и этнолингвистики «Теории и методы исследования языковой идентичности» (руководитель - Багана Жером, ведущий ученый А.П. Седых, подробнее об этом см.: [unid. bsu.edu.ru]).

Защищаются кандидатские и докторские диссертации, где идентичность выступает объектом лингвистического анализа, хотя число их невелико. Так, обзор доступных в Интернете ссылок на защищенные кандидатские и докторские исследования соответствующей тематики показал, что по данным на 2012 год в России были защищены 1 докторская (С. Гарагуля) и 5 кандидатских диссертаций (Т. Бородина; Н. Герман; Е. Катанова; Ю. Смирнова; М. Школовая), в том числе по германистике - 3 (Т. Бородина; С. Гарагуля; Е. Катанова).

К сожалению, аналогичный обзор по Украине обескураживает. Из перечня 39 диссертаций, защищенных в нашей стране с 1997 по 2010 гг. и посвященных проблематике идентичности в психологии, социологии, философии, политологии, филологии (в основном, украинское и сравнительное литературоведение), лингвистические аспекты идентичности рассматриваются только в двух кандидатских исследованиях по переводоведению (О. Бурда-Лассен; О. Сизова). Работы по германистике в данном перечне отсутствуют вообще.

Проблематика исследований идентичности и идентификации в лингвистических студиях разнообразна и многовекторна, что, конечно же, обусловлено многогранностью самого объекта изучения. Ученые обращаются к решению лингвистических проблем как самого феномена идентичности, так и её видов и разновидностей.

В первом из упомянутых аспектов рассматриваются общие вопросы соотношения языка и идентичности, соотношения идентичности

и дискурса, методологические подходы к изучению идентичности в лингвистике (Л. Енина; М. Макаров; K. Mendoza-Denton; Discourse, the body and identity; Language, Society and Power Reader) и т.д. Большая же часть исследований обращена к особенностям языкового отражения и формирования, конструирования различных видов и разновидностей идентичности.

Так, лингвистические особенности *индивидуальной* (личной и социальной) идентичности изучаются в контексте антропонимической прагматики и идентичности индивида (С. Гарагуля); лингвокультурной идентичности языковой личности как субъекта коммуникации (Н. Герман); дискурсивного конструирования социальной идентичности в условиях речевой коммуникации в малой группе (М. Макаров); лингвистических и семиотических аспектов конструирования идентичности в электронной коммуникации (М. Школова); функционального, когнитивного и семантико-структурного анализа самоидентифицирующих высказываний (Т. Бородина; Е. Катанова); лингвистического конструирования социальной и личной идентичности с помощью местоимений (R. Harré); особенностей отражения в англоязычных переводах с украинского языка гендерной идентичности субъекта женского поэтического дискурса (О. Сизова) и т.д.

Коллективная идентичность изучается в лингвистических исследованиях особенностей национальной, этнической, региональной, ментальной, гендерной, возрастной и профессиональной идентичностей. Рассматриваются общие проблемы взаимоотношения языка и национальной идентичности (Дж. Джозеф; K. Liebhart; M. Reisig; D. Washbrook; R. Wodak,), лингвистические проблемы национальной идентичности в их соотносительности с принципами межкультурной коммуникации (Проблемы национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации 2001, Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности 2002), национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании (М. Попова), топонимия как фактор региональной специфики национальной идентичности (С. Попов), перевод как процесс декодирования ментальной идентичности нации (Е. Бурда-Лассен) и т.д.

Региональная идентичность изучается в аспекте её вербальной реализации в культурном и идеологическом пространстве современного

региона (графства — в Великобритании) и города (Н. Купина; О. Михайлова; P. Corfield).

В лингвистических исследованиях *гендерной* (индивидуальной и коллективной) идентичности особое внимание уделяется её онтологическому аспекту (Ю. Смирнова), особенностям отражения и конструирования в языке больших и малых социальных гендерных групп (D. Cameron; P. Eckert), лингвистическим средствам идентификации пола автора по письменному тексту (Е. Грищенко; Е. Ощепкова; А. Ермолаев) и т.д.

Интенсификация контактов между представителями различных культур обусловили повышенный интерес лингвистов и к проблемам *культурной* идентичности (как индивидуальной, так и коллективной). В этом ключе исследуются особенности речевого поведения коммуникантов, культурной идентификации как языковой проблемы, репрезентации «нестабильной»/«подвижной» культурной идентичности в мультикультурном контексте литературы, культурной самоидентификации писателя-автора в эпоху «Культуры Пост» и другие проблемы (Ю. Бовкунова; П. Быков; Л. Гришаева; М. Попова; Л. Цурикова; P. McIlvenny и др.).

Отметим, что согласно нашему обзору теоретической литературы, посвященной лингвистическим аспектам индивидуальной и коллективной идентичности, самое пристальное внимание в работах уделяется проблемам *этнической* идентичности. Рассматриваются как общие языковые и культурные вопросы этнической идентичности и идентификации (И. Валуйцева; А. Донцов; Т. Стефаненко; Ж. Уталиева; Г. Хухуни; G. Fishman), основные составляющие этнокультурной идентичности и ее лингвокультурологическое поле (Е. Селиванова), так и особенности лингвистической идентичности больших и малых этнических групп (G. Jackson; R. Le Page; A. Tabouret-Keller; D. Washbrook). Значительное место также занимают исследования, связанные с особенностями репрезентации английскости - английской этничности/ этнической идентичности (М. Цветкова; Th. Turville-Petre; A. Wierzbicka).

Идентичность, ее виды/разновидности и ее основной механизм (идентификация) рассматриваются в лингвистике с различных дисциплинарных точек зрения. Современная *социолингвистика* исследует,

как тесная связь языка и идентичности отражает особенности индивидуального и коллективного мировосприятия различных общностей (Н. Черныш; R. Hudson; P. Ingham; J. Jackson; R. Le Page; J. Olsson; A. Tabouret-Keller), как с помощью этой связи можно объяснить особенности локализации себя и других в социуме, а также принципы конструирования больших и малых социальных групп (D. Cameron; P. Eckert; A. Gesser; D. Lawton; D. Washbrook).

С позиций *гендерной лингвистики* анализируются способы конструирования гендерной идентичности в устной речи и письменном тексте, идентификационные характеристики мужской и женской речи с целью установления пола автора по письменному анонимному или псевдоанонимному тексту (Ю. Вешнякова; Е. Грищенко; А. Кирилина; Л. Маслова; Н. Миронова).

В *психолингвистике* изучаются и верифицируются экспериментальные данные стратегии идентификации значения слов (фразеологизмов, неологизмов, прилагательных, широкозначных слов, прецедентных имен), которые используются человеком для вербализации самоидентификационного опыта и конструирования коммуникативной идентичности (М. Виноградова; Е. Горошко; Т. Сазонова; С. То-гоева; С. Хватова; О. Шумилина).

Психосемантика исследует «семантическое пространство идентичности» [Т. Баранова 2001], используя методику измерения социальной идентичности, которая заключается в психологической расшифровке чувства тождественности индивида с какой-либо социальной общностью с помощью метода семантического дифференциала Ч. Осгуда, психолингвистических методов ассоциативного эксперимента, свободных ассоциаций и т.д.

Изучение феномена идентичности в *когнитивно-лингвистическом* ключе позволяет выделить сущностные характеристики и установить закономерности взаимосвязи идентичности с ментальными процессами концептуализации, категоризации и идентификации. Проблематика идентичности затрагивается при обращении к теоретическим моделям языковой личности, к методологии интерпретации вербальных и невербальных средств коммуникации при идентификации языковой личности по ее речевым характеристикам, к изучению языковой картины мира как одному из способов постижения коллективной

идентичности. Теоретической базой таких исследований служат труды С. Воркачева, Л. Гришаевой, В. Карасика, Е. Кубряковой, В. Наумова, Г. Слышкина, Л. Цуриковой.

Лингвоконцептология обращается к исследованию концептов, принадлежащих национальному культурному коллективному пространству и создающих определенные условия для ощущения общности, осознания собственной и коллективной идентичности в коммуникации. Одним из наиболее перспективных направлений лингвоконцептологии в плане изучения идентичности представляется выделение и описание лингвокультурных типажей (Л. Васильева; О. Дмитриева; Е. Ермакова; В. Карасик) - «обобщенных узнаваемых образов представителей той или иной культуры» [Карасик 2010, 178].

Многогранность идентичности актуализирует соответствующий фокус ее рассмотрения с применением комплекса различных дисциплинарных подходов. Однако размытость дисциплинарных границ, недостаточная четкость определения предмета и объекта исследования самих дисциплин, а также неопределенность и слабая разработанность приемов и методов анализа конкретного языкового материала как следствие недостаточной эмпирической верификации требует новых глубоких исследований в этой области.

В этом направлении нам видится более широкая и пока еще неблизкая перспектива объединения разрозненных лингвистических исследований идентичности в русло единого социогуманитарного междисциплинарного научно-методологического подхода к изучению идентичности. Подобно уже существующим в научном дискурсе идентичности подходам - когнитивному конструкционистскому, психоаналитическому и социологическому - лингвистический подход должен развиваться по принципу решения одной проблемы средствами и методами различных научных дисциплин, как общегуманитарных, так и сугубо лингвистических. Отсюда следует необходимость постановки и решения теоретико-прикладных вопросов, связанных с проблемами изучения междисциплинарных объектов, видов междисциплинарного взаимодействия в лингвистике и гуманитарном знании, определения роли лингвистики в изучении междисциплинарных объектов и т.д.

Однако, как справедливо предупреждают некоторые ученые, быстрое и бездумное следование в сторону междисциплинарности

представляет собой угрозу размывания предметной сферы языкознания и может привести к нежелательному смешиванию методологических критериев исследования [Паршин 1996; Яворська 2000 и др.]. Таким образом, «дисциплинарная множественность» не только открывает новые возможности и перспективы, но и создает новые проблемы: онтологического статуса междисциплинарных объектов; принципов объединения методов и подходов различных наук в рамках одной исследовательской модели; ограничений в использовании тех или иных подходов и т.д. [Яворська 2006, 48].

Очерченные проблемы намечают перспективы исследования идентичности в лингвистических студиях будущих десятилетий и, соответственно, задают магистральные векторы общенаучного феномена изучения идентичности.

3.3. Идентичность как междисциплинарная лингвистическая категория

Идентичность как комплексное понятие и многогранный феномен сегодня все чаще становится объектом исследования различных лингвистических дисциплин (социолингвистики, психолингвистики, этнопсихолингвистики, лингвопрагматики, когнитивной лингвистики) и лингвистических направлений, дисциплинарный статус которых все еще вызывает дискуссии в научном сообществе (гендерная лингвистика / лингвистическая гендерология, лингвоконцептология, антропологическая лингвистика, межкультурная коммуникация, дискурсология, лингвокультурология). При этом, как показывает наш обзор таких лингвистических студий, в них прослеживается тенденция междисциплинарного рассмотрения феномена идентичности. Так, например, работы С.И. Гарагули [Гарагуля 2009; Гарагуля 2012], посвященные *антропонимической идентичности* языковой личности, выполнены в русле лингвистической прагматики, ономастики, интегрированных с лингвокультурологией. Исследования *коммуникативной идентичности* проводятся на стыке прагматики, гендерной лингвистики, дискурсологии, лингвокультурологии, лингвистики текста и психолингвистики (Е. Горошко; М. Макаров; М. Школовая; Г. Яворская и др.).

Лингвокультурная идентичность анализируется с позиций лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, дискурсологии и психолингвистики (Н. Герман; Л. Гришаева; Я. Цурикова, и др.).

Этнокультурная идентичность изучается в ракурсе этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, лингвоконцептологии, когнитивной лингвистики, дискурсологии и межкультурной коммуникации (Е. Селиванова).

Это позволяет говорить о том, что исследования идентичности в современной лингвистике междисциплинарны не только в рамках коммуникативно-функциональной (прагматической) и когнитивной парадигм, но и в рамках их (парадигм) тесной взаимосвязи. Такой синтез обуславливает, по нашему мнению, зарождение и становление *когнитивно-дискурсивного лингвистического подхода* к изучению идентичности в русле наблюдаемого в современной лингвистике становления новой когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Поэтому считаем целесообразным в нашей работе сделать обзор лингвистических исследований идентичности исходя из ее рассмотрения как коммуникативно-функциональной и когнитивной (когнитивно-дискурсивной) категории. Признавая некоторую условность этого разделения, тем не менее, считаем его методологически оправданным.

3.3.1. Идентичность как коммуникативно-функциональная категория

Становление коммуникативно-функциональной лингвистической парадигмы, происходившее во второй половине XX века, знаменовало переход от генетической (сравнительно-исторической) и таксономической (системно-структурной) парадигм к всестороннему анализу человеческого фактора в языке как адаптивной системе, регулирующей интерактивные отношения говорящих в коммуникативной ситуации и различных типах дискурса [Селиванова 2008]. Антропоцентризм становится доминирующим методологическим принципом парадигматического простора современной лингвистики [там же, 36], ведущей тенденцией лингвистического знания. Функциональная прагматика дала новый импульс социолингвистическим и психолингвистическим исследованиям и способствовала развитию новых областей языкознания: лингвокультурологии, лингвопрагма-

тики, лингвистики текста, межкультурной коммуникации (в её лингвистическом аспекте), теории речевых актов, этнопсихолингвистики и др.

Предпринятая нами попытка систематизировать уже имеющиеся на сегодняшний день знания об идентичности в рамках коммуникативно-функциональной лингвистической парадигмы показала, что ученые, исследующие связь идентичности и коммуникации, рассматривают коммуникацию как первичный социальный процесс, а идентичность — как коммуникативно (дискурсивно) конструируемую сущность. Таким образом, подтверждается, во-первых, ключевая роль языка в процессе идентификации, когда человек сознательно и неосознанно соотносит, сравнивает себя с другим/другими и окружающим его миром в целом (Е. Горошко; М. Макаров; М. Школова; Г. Яворская и др.) и, во-вторых, диалогичность самой коммуникации как «учет присутствия Другого» [Карасик 2008, 416].

При таком фокусе изучения феномена идентичности понятие коммуникации вводится как ключевое. В коммуникативной лингвистике в связи с этим, особенно подчеркивается, что идентичность возникает в результате многих коммуникативных процессов (интеракции, идентификации, интернализации¹⁰ и т.д.), всегда соотносится с чем-то или кем-то и имеет интересубъективную природу. Отсюда и обращение ученых к понятию «коммуникативная идентичность» (Е. Горошко; М. Школова; Б. Ярмахов) и введение его в научный лингвистический оборот.

Следует отметить, что работы по проблематике коммуникативной идентичности малочисленны, однако, несомненно, перспективны и актуальны. Так, Е. Горошко, обосновывая важность изучения коммуникативной виртуальной идентичности в гендерном аспекте, указывает на необходимость точного определения и описания процессов, связанных с формированием социальной идентичности в виртуальном пространстве, а также описания функционирования языка

¹⁰ Интернализация (от лат. *interims* — внутренний) — процесс освоения внешних структур, в результате которого они становятся внутренними регуляторами [Википедия, электрон. ресурс].

как основного средства конструирования коммуникативной виртуальной идентичности [Горошко 2009, 93].

Основными феноменологическими *признаками* коммуникативной идентичности автор считает: соотносительность идентичности с объектами коммуникации; достижение идентичности в ходе сознательных и бессознательных процессов идентификации; диалектику динамики и постоянства идентичности; идентичность как социальную форму переживания «Я» личностью. Таким образом, постулируется целесообразность рассмотрения идентичности как категории «соотносительной» с объектами коммуникации [там же, 95]. Соглашаясь с последним тезисом, все-таки отметим, что перечисленные признаки характеризуют идентичность вообще, и мало что говорят о сущностных характеристиках именно коммуникативной идентичности.

Коммуникативная виртуальная идентичность также является объектом лингвистического анализа в диссертационной работе М.Школовой. Исследовательница с помощью дискурс-анализа рассматривает типичные дискурсивные практики, ведущие к формированию основных видов (личной и социальной) идентичности в Интернете. Идентичность в электронной коммуникации (= коммуникативная виртуальная идентичность) определяется как коммуникативно конструируемая сущность, промежуточный результат непрерывного процесса идентификации, осуществляемой посредством сравнения желаемых аспектов своего «Я» с желаемыми аспектами «Я» других [Школова 2005, 129].

В работе выделяются 6 этапов такого конструирования социальной идентичности в чате, по мере прохождения которых осуществляется переход виртуальной личности из статуса «новичка» в «старожил». В языковом плане этот процесс характеризуется постепенным отказом от широкого употребления параграфемии (ярких цветов, шрифтов и т.д.), предпочтением кратких форм изложения мыслей, более мотивированным использованием эмотиконов, большей развитостью языковой личности в отношении к особому языку киберпространства.

Конструирование личной идентичности, согласно данным работы, наиболее полно представлено в жанре электронных дневников и имеет свои особенности. Самопрезентация виртуальной личности в блогах

осуществляется либо прямо (самоописание), либо косвенно (самовыражение).

Карнавалый характер общения в пространстве виртуальной коммуникации, как заключает М. Школовая, позволяет создавать ложные идентичности через множество виртуальных персонажей.

Идентичность в электронной коммуникации, таким образом, — это «сознательный творческий процесс», главная роль в котором отводится средствам репрезентации, т.е. умению человека порождать высказывания на языке киберпространства [Школовая, 129-132].

Как уже отмечалось, труды, выполненные в русле коммуникативно-функционального направления изучения идентичности, не очень многочисленны, но разнообразны. В некоторых из них идентичность является непосредственным объектом исследования (Н. Герман; Е. Горошко; М. Макаров; М. Школовая; Г. Яворская), в других — своеобразным углом зрения, под которым рассматривается определенное явление или предмет. Именно ко второй группе относится новаторское и интересное исследование С.И. Гарагули, выполненное в русле лингвистической прагматики, ономастики и лингвокультурологии [Гарагуля 2009, 2012]. В фокусе внимания автора — прагматические свойства антропонима, актуализируемые в коммуникативных процессах. Непосредственным объектом изучения является имя личное как компонент языковой национально-специфической антропонимической системы и коммуникативного пространства США. Поскольку имя является одним из основных параметров индивида как языковой личности, ученый выделяет в качестве отдельного вида антропонимическую языковую личность и определяет ее *антропонимическую идентичность*. Идентичность, таким образом, как один из основных прагматически обусловленных параметров языковой личности, анализируется через призму имени с опорой на язык, культуру, текст и дискурс.

В монографии исследуются прагматические функции идентификации и социализации, которые, по мнению автора, в наибольшей степени определяют имя как прагматический компонент коммуникации. При этом под идентификацией имеется в виду «психологическая корреляция между индивидом и определенной лингво- и этно-

культурой, социумом, религиозными воззрениями, семейными традициями» [Гарагуля 2012, 4].

Именно в результате такой корреляции формируется и реализуется антропонимическая идентичность индивида, определяемая как «психологическое соотнесение индивида со своим именем и восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур, что позволяет индивиду определить свое место в лингвосоциокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем, создавая определенную связь с обществом, в котором он живет» [Гарагуля, 2012, 13-14]. Имя человека, таким образом, трактуется как источник, знак, маркер, «ключевой символ» [Woodward 2002, IX], «носитель, текст» [Joseph 2004, 13, 176] идентичности.

С нашей точки зрения, весьма перспективными выглядят также и рассуждения об *антропонимической идентичности нации* как элементе «коллективной или групповой идентичности личности» [Гарагуля 2012, 22]. Следует, однако, отметить, что концепция антропонимической идентичности нации, предлагаемая С.И. Гарагулей, грешит неточностями и носит, скорее, декларативный характер. Прежде всего, в монографии отсутствует само определение этого понятия. Во-вторых, понятие «антропонимическая идентичность нации» [там же, 22, 143] отождествляется с понятием «антропонимической групповой идентичности индивида». И, наконец, понятие «коллективной идентичности» взаимозаменяется понятием «групповой идентичности» индивида, что вносит неясность в изложение. По сути речь идет, как нам представляется, о двух проявлениях индивидуальной идентичности - личном и групповом. Последнее воплощается в социальной идентичности индивида. Согласимся с автором монографии в том, что изучение антропонимической идентичности нации как вида коллективной национальной идентичности, безусловно, представляет значительный исследовательский интерес и многие вопросы этого феномена еще требуют уточнения и осмысления.

Более убедительным нам показалось выделение С.И. Гарагулей еще одной категории - *антропонимической идентичности литературного персонажа художественного текста*. Последняя рассматривается как «модель языковой личности, которая задается и формируется автором произведения таким образом, чтобы она (модель) могла служить одним

из средств воплощения художественно-эстетической концепции произведения и помогала раскрытию его главной темы и глубинного смысла» [Гарагуля 2012, 145].

В рамках предлагаемой проблематики во главу угла ставится изучение всей функциональной системы именований персонажей в различных речевых ситуациях через призму того, как герои самоидентифицируют себя со своим именем в контексте прошлого, настоящего и будущего; какая жизненная история стоит за ним; какие ассоциации оно вызывает; какие смыслы актуализируются в нем, предопределяя форму речевого поведения персонажа и обуславливая его социальные роли; каким новым содержанием наполняется имя по ходу развития сюжета; как имя, выбранное писателем, интерпретируется другими персонажами и воздействует на них, а также на читателя. При этом максимально учитываются когнитивные, психологические, социальные, этнические, исторические и географические факторы использования имени [Гарагуля 2012, 123-124].

Изучение антропонимической идентичности как индивидуальной, так и коллективной, в том числе и литературного персонажа, по нашему глубокому убеждению, представляет значительный интерес и несомненную актуальность. Не менее интересным представляется и изучение «ключевых имен» как маркеров национальной идентичности в системах различных вариантов английского языка (британском, американском, австралийском, канадском и др.), а также рассмотрение антропонимической идентичности в различных типах дискурса (художественном, криминальном, политическом, молодежном и т.д.).

Роль различных типов дискурса в формировании и конструировании идентичностей, проблемы влияния дискурсивных практик на идентичность индивидов и общностей также представляются перспективным направлением исследований, проводящихся на стыке коммуникативной лингвистики, лингвопрагматики, дискурсологии и лингвистики текста.

Так, украинская исследовательница Г. Яворская подчеркивает, что влияние дискурсивных практик на идентичность общностей осуществляется в трех основных аспектах — генетическом (связанным с возникновением определенной идентичности и ее становлением), структурном (определяет соотношение признаков такой идентичности и

их содержательное наполнение) и функциональном (связанным с формами реализации идентичности). Однако, это комплексное дискурсивное влияние остается практически не исследованным и в настоящее время привлекает все большее внимание лингвистов. Дело осложняется тем, что для достижения достоверных результатов ученым недостает соответствующих инструментов и подходов, а то и просто знаний и лингвистической подготовки [Яворська 2006, 49].

В этой связи Г. Яворская сосредотачивает свое внимание на роли, которую играют различные типы дискурса в формировании, сохранении и создании коллективной идентичности. Ведущая роль здесь принадлежит, согласно ее заключениям, политическому дискурсу и его «...противоположностям: бытовым речевым и социальным практикам, стереотипам, верованиям, мыслям, предубеждениям и т.д., которые реализуются в повседневном неофициальном общении как такие речевые события: слухи, разговоры, дорожные разговоры, анекдоты и т.д.» [Яворська 2006, 49]. Не менее важными видами дискурса также называются «практика образования и академический дискурс» [там же, 49]. Другие дискурсивные разновидности, в частности художественная литература, задействованы в процессах трансляции групповых идентичностей *опосредованно*, главным образом через систему образования в виде «культовых» и прецедентных текстов.

Значимым и перспективным считаем обоснование автором понимания коллективной идентичности как *коммуникативно-дискурсивного* явления, в отличие от социально-психологического. В последнем коллективная идентичность определяется как производная от индивидуальной: основной носитель идентичности здесь - индивид. А в рамках понимания идентичности как коммуникативно- дискурсивного явления коллективная идентичность - производное от общности, которую она представляет. На лингвистическом уровне это подтверждается способом создания соответствующих терминов, производных от того или иного обозначения общности. Если общность - это нация, то говорим о национальной идентичности, если этнос - об этнической. Общие характеристики дискурса проецируются на отдельную личность, ее поведение и чувства, а не наоборот [Яворська 2006, 54, 58]. Такое понимание коллективной идентичности позволяет Г. Яворской прийти к важному заключению - осознание себя как

личности или общности, отличной от других, осуществляется с помощью усвоения определенных дискурсивных практик, а функционирование идентичности, т.е. ее подтверждение, создание, модификации сопровождаются идентификационными актами с применением вербальных способов. Однако, признавая несомненную ценность указанной концепции, позволим себе прокомментировать некоторые её положения.

Ведущая роль политического дискурса среди других разнообразных дискурсивных практик обусловлена, по мнению автора, тем, что политический дискурс не только отображает и нормирует признаки идентичности, но и представляет собой действенный и быстродействующий механизм их воплощения в социальную действительность. Не можем полностью согласиться с такой точкой зрения, поскольку она значительно суживает проблематику идентичности. Ведь, как дальше отмечает сама исследовательница, идентичность изменяется и «динамизируется» вследствие действия различных дискурсивных практик [там же, 54] и выдвижение той или иной практики, типа дискурса зависит от типа общности и многих других факторов.

Можно поэтому говорить о выдвижении какого-либо типа дискурса в зависимости от определенного контекста коммуникации, но все они так или иначе влияют на социальную действительность и формируют ее. Согласимся с тем, что механизмы этого взаимодействия требуют пристального изучения и представляют еще один перспективный вектор изучения проблематики идентичности в коммуникативно-дискурсивном ключе.

Также не совсем убедительным нам представляется тезис об *опосредованной* роли художественного дискурса в процессе трансляции коллективной идентичности. В этом плане нам более близки исследования, которые доказывают обратное. Если коммуникацию рассматривать не в плане просто обмена информацией, но именно как диалог (М. Бахтин; Г. Гадамер; Э. Гофман; Т. Касавин; И. Клюканов, и мн. др.), то можно говорить о ней как о «коллективной рефлексии» [Борботько 2011, 262]¹¹, дающей мощное основание для ин-

¹¹ Подробнее об этом, а также о соотношении индивидуальной и коллективной рефлексии в ходе дискурсивной деятельности см. работы В.Г. Борботько. Приведем

дивидуальной рефлексии, которая разными личностями реализуется в разной степени. И здесь, несомненно, художественный дискурс, концентрирующий рефлексию многих личностей, играет ведущую роль. Несмотря на «имманентный характер его построения» [там же, 262], важной функцией художественного дискурса оказывается «самоотражение общества», коллективная модель мира, «игровое представление» места человека и общности в мире посредством «дискурсивного моделирования квазиреальных и ирреальных ситуаций, расширяющих возможности рефлексии, усиливающих ее креативный потенциал» [там же, 262].

Доказательством изложенного в предыдущем абзаце служат работы, анализирующие проблему отражения и создания идентичности в художественном дискурсе. Такие труды, к сожалению, не очень многочисленны, но также разнообразны. Большая часть из них носит скорее литературоведческий характер и посвящена проблемам национальной идентичности (М. Попова; С. Толкачев; S. Barczewski; A. Easthope; N. Renwick; J. Robertson; J. Taylor; R. Tracey; Th. Turville- Petre и др.). Ученые, с одной стороны, обращаются к литературе как к своеобразной «иллюстрации» тех или иных положений, встречающихся в социогуманитарных теориях идентичности. С другой стороны, они стремятся показать, как литература отражает различные представления об идентичности в диахроническом и синхроническом аспектах и при помощи каких художественных средств, в том числе лингвистических, это достигается.

В этом плане можно отметить фундаментальные монографии, посвященные анализу идентичности нации или этноса с привлечением обширного иллюстративного материала из художественного литературы [Easthope 1999; Tracey 1998]. Также заслуживают упоминания и монографии, где исследуется литература страны в определенный исторический период с точки зрения отражения формирования

еще одну цитату из его монографии: «Рефлексия изначально диалогична: прежде чем стать сознанием сознания, она возникла как расщепление сознания на две инстанции, вступающие между собою в незримый диалог. В ходе этого диалога рефлексия сталкивает противоречащие друг другу в том или ином отношении образы и развивает дискурс, обеспечивающий их интерполяцию» [Борботько 2011, 262].

национальной идентичности [Мариненко 2006; Barczewski 2000; Hoeselaars 1992; Taylor 1997; Turville-Petre 1996]. В других книгах внимание фокусируется на работах одного-двух или нескольких авторов, творчество которых отражает проблему национальной идентичности [Дзяевич, Онуфриенко 2000; Попова 2004; O'Brien 1998; Michelson 1995]. В некоторых изданиях эта проблема рассматривается на примере отдельных произведений или части творческого наследия одного писателя [Barizonzie 1991].

К художественным приемам, используемым писателями для выражения национальной идентичности, обращается автор монографии «Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании» М.К. Попова. Анализируя произведения как русскоязычных, так и англоязычных писателей разных исторических эпох (М. Силко; А. Солженицын; «Хавелок-датчанин» (автор неизвестен); Л. Хьюз; У. Шекспир и др.), ученая выделяет различные средства, в том числе лингвистические, относящиеся к разным уровням художественной формы: образ автора, образ персонажа, тип повествования, название произведения, его символизм, художественная деталь, характерные клише и т.д. Все они, согласно М.К. Поповой, помогают авторам выразить понимание национальной идентичности как сложного, отчасти противоречивого феномена, включающего в себя этнокультурную и гражданско-правовую составляющие.

Упомянутые исследования идентичности, отраженной в художественном тексте, объединяет, по нашему мнению, убеждение в том, что невозможно говорить о проблеме идентичности в литературе в отрыве от художественных приемов и языковых средств их реализации, при помощи которых она (идентичность) воплощается в художественном произведении.

Однако, по справедливому замечанию М.К. Поповой, трудов, которые бы связывали в единое целое проблему национальной идентичности с «художественной архитектурой», практически нет. В разных работах присутствуют отдельные замечания по этому поводу, но целостная картина пока не выстроена [Попова, 2004, 44].

В плане проблематики идентичности перспективным представляется более пристальное обращение к лингвистическому аспекту художественного текста, вернее его роли в отражении и создании раз-

ных видов идентичности. Лишь некоторые ученые обращают свое непосредственное внимание на стилистические и грамматические особенности художественного текста, которые, по их мнению, могут служить средствами выражения национальной идентичности.

Так, Э. Истхоуп в своей монографии «Английскость и национальная культура» (*Englishness and National Culture*, 1999) отмечает, что для анализа национальной идентичности важно не только то, что говорится, но и *как* оно говорится (типичные тропы, изменение тона, концепция истинности, использование различных средств выражения юмора, иронии). Синтаксис также может стать маркером национальной идентичности, что подтверждается ученым на материале глубокого анализа прозы Бэкона, Гоббса и Локка.

Для Э. Истхоупа специфическими формами художественного дискурса, выражающими «английскость» и английскую национальную идентичность являются и «бинарные оппозиции, некая разговорность и эмпирическая ирония» [Easthope 1999, 31]. Последняя возникает в результате игры между явным значением высказывания и его истинным смыслом, который можно обнаружить, только обратившись к «эмпирической реальности, к которой так склоняется английская мысль» [Easthope 1999, 97].

Убедительными также представляются нам и результаты анализа, изложенные в монографии Ю.О' Брайена (O'Brien 1998), который анализирует монолог капитана МакМорриса из исторической хроники У. Шекспира «Генрих V» и выявляет особенности использования языковых средств для выражения национальной идентичности. Согласно автору монографии, неправильное произношение, повторы, нелогичность, особое синтаксическое построение высказывания и т.п., характерные для речи этого ирландца, отражают «неанглийскую природу его дискурса» [O'Brien 1998, 2].

В целом отметим, что результаты этих довольно немногочисленных исследований доказывают, что, с одной стороны, категория «идентичности» является релевантной для понимания лингвистической природы художественного дискурса, а с другой - лингвистический аспект как традиционного, так и постмодернистского художественного дискурса представляет богатый и интересный материал для понимания проблем, связанных с идентичностью и идентификацией.

Как мы уже писали в начале данного раздела, коммуникативно-функциональная научная парадигма включает *социолингвистику* как базовую дисциплину. Проблематика идентичности в социолингвистических исследованиях в большей степени связана с изучением индивидуальной социальной идентичности и представлена в основном в трудах зарубежных социолингвистов (А. Гессер; Дж. Джексон; Д. Камерон; С. ЛаБелль; Н. Мендоза-Дентон; Д. Олссон; Д. Уош-брук; Р. Хадсон; П. Эккерт и др.). При этом отмечается прежде всего деятельностная, интеракциональная сущность идентичности. Идентичность во всех своих разновидностях предстает как активное взаимодействие между личностью и малыми/большими социальными группами, выражающееся с помощью «языкового кода» или других семиотических средств [Mendoza-Denton 2002, 475].

Известный британский социолингвист Р. Хадсон в своей монографии «Социолингвистика» (R.A. Hudson, *Sociolinguistics*, 1996) описывает речь как сигнал социальной идентичности, рассматривая в этом плане разнопорядковые категории, социальные отношения («власть», «солидарность» и т.д.) и «вокабулярный уровень» [Hudson 1996, 120-131]. Мы организуем наши знания об обществе с помощью социальных стереотипов (шахтер, янки, лондонец и т.д.). Эти социальные «типы» (*social types*) позволяют нам составлять представление о людях, которых мы (раньше) никогда не встречали. Давая такие преимущества, стереотипы действуют как коллективный «сгусток» видимой и невидимой информации. Видимое, зримое поведение человека дает ключ к его социальному типу, что, в свою очередь, подсказывает, раскрывает невидимые для других характеристики, чтобы планировать свое поведение и отношение к ним. Еще одно преимущество «социального типизирования» — это помощь в создании/построении ментальной модели общества, в котором мы лично имеем определенное место и без которого мы можем потеряться [Hudson 237-240].

Именно в этом плане «говорение», речь (*speaking*) может рассматриваться как «акт идентичности» (*act of identity*). Последний локализует, размещает (*locate*) говорящего в многомерном социальном пространстве, состоящем из большого количества социальных типов, дифференцированных по возрасту, полу, классу, нации, региону, про-

фессии и т.д. Исследователь приходит к заключению, что различные лингвистические сигналы социальной идентичности во всех языках могут рассматриваться в качестве способов, с помощью которых говорящие показывают другим, как они соотносят себя с социальным миром, и как они себя в нем «размещают». Индивидуумы используют такие лингвистические сигналы, чтобы соотнести себя не только с теми, с кем они говорят, но также и с теми, о ком они говорят [там же, 120-131].

В социолингвистических исследованиях российских и украинских ученых проблематика идентичности, в основном индивидуальной, косвенным образом затрагивается при изучении «речевых портретов» и речевого поведения коммуникантов в описаниях индивидуального или типового поведения представителей социальных групп. Выделяются лингвистические и социокультурные составляющие «речевого портрета»: первые описывают набор фонетических и лексико-семантических единиц, а вторые - их функционирование в речевом поведении: употребление речевых формул, использование прецедентных феноменов и т.д. (Т. Винокур; Е. Земская; М. Китайгородская; А. Костецкая; Н. Розанова и др.). Социолингвистические аспекты речевых характеристик представителей высшего класса Великобритании в произведениях английской художественной литературы анализируются в работах Т. Ивушкиной [Ивушкина 1997, 1998].

В целом, как справедливо отмечает С. ЛаБелль («S". LaBelle) в предисловии к разделу «Язык и идентичность» в сборнике статей авторитетных американских и британских социолингвистов *Language, Society and Power Reader*, современные социолингвистические исследования идентичности описывают два основных аспекта взаимодействия языка и идентичности. В первом из них язык рассматривается как средство *отражения* идентичности и в этом качестве он служит кодом истории (*history*) как индивида, так и группы, к которой этот индивид принадлежит. Во втором - язык изучается как средство *создания* идентичности и его стилистическая вариативность сигнализирует о принадлежности говорящего к различным группам, об отождествлении себя с ними [LaBelle 2011, 291-293].

На основании анализа доступных нам социолингвистических работ можно заключить, что в основе описания идентичности как со-

циолингвистической категории лежат положения социологического и, в большей степени, конструкционистского междисциплинарных общегуманитарных подходов к изучению идентичности. Социолингвистическое направление в исследовании идентичности, хотя и является одним из наиболее «зрелых» среди соответствующих лингвистических направлений, однако все еще находится в стадии становления, особенно в отечественной и российской науке. Сложившиеся в социолингвистике два основных вектора изучения взаимосвязи языка и идентичности задают перспективы дальнейших исследований. В рамках первого из них объясняется, как тесная связь языка и идентичности отражает индивидуальные и групповые особенности само — и мировосприятия в культурах различных общностей, что, в свою очередь, находит применение в криминальной, юридической и этнографической практике (R. Hudson; P. Ingham; G. Jackson; R. Le Page; G. Olsson; A. Tabouret-Keller etc.). В другом рассматривается, как с помощью этой связи можно описать, каким образом мы локализуем себя и других в социуме, как создаются большие и малые социальные группы и весь социальный мир в целом (D. Cameron; P. Eckert; O. Gesser; R. Hudson; D. Lawton; D. Washbrook, etc.).

В рамках коммуникативно-функциональной парадигмы изучения идентичности особое место принадлежит исследованиям, связанным с проблемами взаимопонимания в *межкультурной коммуникации*. Ученые обращаются к вопросам ценностных ориентаций, культурной, этнокультурной и лингвокультурной идентичностей, их сохранению или модификациям в инокультурной среде, преодолению культурного шока и кризиса идентичности (Р. Бенедикт; М. Беннет; Дж. В. Бери; С. Бочнер; М. Мид; Э. Холл и мн. другие). Так, американские ученые Дж. Н. Мартин и Т.К. Накаяма, занимающиеся проблемами межкультурной коммуникации, выделяют три основных подхода к изучению идентичности: социопсихологический (идентичность как самость и как групповая принадлежность), коммуникативный (идентичность как самость, формируемая в результате общения с другими) и критический (формирование идентичности в историческом, экономическом, политическом и дискурсном аспектах) [Martin, Nakayama 2000, 111-116].

На постсоветском пространстве инициаторами изучения проблематики идентичности в межкультурной коммуникации являются Т. Бородина, Л. Гришаева, Т. Грушевицкая, В. Кашкин, М. Попова, А. Садохин, Я. Цурикова, Б. Ярмахов. Достигнуты значительные результаты в этой области, прежде всего благодаря представителям Воронежской школы изучения идентичности.

Идентичность сегодня признается базовым понятием межкультурной коммуникации (в ее лингвистическом аспекте) [Селиванова 2006, 147; Селиванова 2008; Словарь по межкультурной коммуникации 2010]. Последняя рассматривается как взаимоотношение идентичностей, при котором происходит включение идентичностей собеседников друг в друга, что позволяет ожидать от них соответствующих типов поведения. Взаимодействие таких идентичностей, тем самым, определяет вид и механизм коммуникации [Грушевицкая и др. 2003, 58].

Основной проблемой межкультурной коммуникации, как известно, является проблема достижения взаимопонимания, которое детерминировано культурно-историческими, этническими и социокультурными рамками. Ведь коммуникация на практике осуществляется как взаимодействие индивидов, каждый из которых в процессе инкультурации осваивает с той или иной мерой осознанности модели дискурсивной деятельности и таким образом «врастает» в *свою* культуру. Поэтому вопросы сохранения *культурной идентичности* личности в плане успешности межличностного и межкультурного общения, как и вопросы коллективной культурной идентичности и проницаемости самих культур, находятся в фокусе внимания специалистов по межкультурной коммуникации на современном этапе становления этой дисциплины.

Суть культурной идентичности в межкультурной коммуникации нередко толкуется с позиций экзистенциализма, о чем мы уже писали. На фоне таких работ заметно выделяются исследования, где проблемы достижения взаимопонимания трактуются с точки зрения *культурной /лингвокультурной идентичности субъекта коммуникации* и описываются в ракурсе коммуникативно-функциональной дискурсивной парадигмы (Н. Герман; Л. Гришаева; Л. Цурикова; Б. Ярмахов и др.).

Культурная идентичность в таком аспекте изучения основывается на разделении партнеров по коммуникации на «своих» и «чужих», поэтому культурная идентичность субъекта коммуникации является основным фактором, который влияет на достижение взаимопонимания в рамках межкультурного взаимодействия. Результат интерпретации соотношения «своя - иная культура» зависит от того, в какую «модальную рамку восприятия» [Герман 2009, 60] помещается объект коммуникации. Для анализа культурной идентичности выделяются две такие рамки: восприятие с позиции «свой - чужой» и восприятие с позиции «свой — другой». При этом обосновывается, что оппозиции «свой — чужой» и «свой — другой» не являются равнозначными. Различия между ними определяются разной природой, степенью абстрактности или конкретности сведений, местом в иерархии отношений при восприятии индивидом разнообразных объектов действительности, а также сферой приложения соответствующей оппозиции [подробнее об этом см.: Гришаева, Цурикова 2003].

Под культурной идентичностью субъекта коммуникации, таким образом, понимается идентичность, которая устанавливается на основании распознавания и принятия культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, исторически сложившихся в культуре, усвоенных субъектом в процессе инкультурации и воспринимаемых в качестве «своих» [Герман 2009, 12]. Осознание своей идентичности в рамках принадлежности тому или иному лингвокультурному сообществу — лингвокультурная идентичность — побуждает субъекта коммуникации к принятию и использованию адекватных с его точки зрения моделей дискурсивных событий в процессе как внутри-, так и межкультурного взаимодействия. Различия в моделях дискурсивной деятельности в ситуации межкультурного взаимодействия, как показывают исследования [Герман 2007; Герман 2009], вызывают у коммуникантов проблемы в плане когнитивного, аффективного и поведенческого аспектов коммуникации. Такие различия не только приводят к возникновению кризиса идентичности, но и оказываются «движущей силой сознательной трансформации лингвокультурной идентичности субъекта коммуникации» [Герман 2009, 12], стремящегося к пониманию иной культуры.

Одним из интенсивно развивающихся направлений в коммуникативно-функциональной парадигме является также изучение гендерной идентичности и идентификации. В научных работах, относящихся к *гендерной лингвистике*, предложены базирующиеся на конструкционистской методологии приемы и методы идентификации пола автора по письменному анонимному и псевдоанонимному тексту (Е. Гриценко; А. Ермолаев; Е. Ощепкова), а также описаны средства конструирования в устной речи и письменном тексте гендерных ролей, воплощаемых в гендерной идентичности (Е. Горошко; А. Кирилина; О. Козачишина; А. Мартынюк; Л. Маслова; Н. Миронова; D. Cameron; P. Eckert и др.).

В связи с этим ставятся, в частности, задачи создания психолингвистической модели мужского и женского вербального поведения; определения степени влияния параметров личности автора на особенности функционирования этой модели; проведения серии экспериментов по установлению идентификационных характеристик мужской и женской речи; выявления идентификационных признаков текстов при проигрывании автором различных гендерных ролей [Ощепкова 2002, 5-6]. В свете конструкционистского подхода, гендер как фактор переменной интенсивности предлагается рассматривать в ряду других идентификационных параметров, подлежащих выявлению в ходе исследования характеристик коммуниканта на основе его речевого поведения [Миронова 2008].

Лингвокультурологические гендерные исследования демонстрируют различия в создании гендерного конструкта, а следовательно и гендерной идентичности, в зависимости от той или иной культуры (Г. Исмагулова; М. Томская и др.). Эти различия, в свою очередь, подтверждаются научными трудами по *этнопсихолингвистике*, в которых собран ассоциативный материал, отражающий, в том числе, и гендерную составляющую различных языков.

В целом, лингвистические исследования гендерной идентичности продолжают развиваться в междисциплинарном направлении. Несмотря на довольно широкое освещение лингвистических аспектов гендерной проблематики идентичности в научном описании последних десятилетий, методология таких исследований все еще недостаточно четко определена и последовательно применима.

3.3.2. Идентичность как когнитивно-лингвистическая категория

Как уже отмечалось, идентичность все чаще изучается в современной лингвистике на стыке нескольких дисциплин в свете двух основных научных парадигм: коммуникативно-функциональной и когнитивной. Более того, в таких исследованиях наблюдается тенденция не только к междисциплинарности, но и к «межпарадигмальности» рассмотрения идентичности, что позволяет говорить о зарождении и становлении когнитивно-дискурсивного подхода к изучению идентичности в русле наблюдаемого сегодня в лингвистике становления когнитивно-дискурсивной парадигмы.

В предыдущем разделе была описана проблематика изучения идентичности как коммуникативно-функционального (прагматического) феномена. Отметим, что нередко эти исследования так или иначе используют основные положения и когнитивного общегуманитарного междисциплинарного подхода к изучению идентичности, отражая некоторые аспекты специфики идентичности как когнитивного феномена.

В свою очередь исследования идентичности в ракурсе когнитивной научной парадигмы, как показал наш обзор таких работ, зачастую интегрированы с функциональными, в том числе дискурсивными аспектами, представляя идентичность как когнитивно-коммуникативный, когнитивно-дискурсивный феномен: «через дискурс устанавливается множество социально-психологических явлений и это подтверждается примерами конструирования с помощью дискурса индивидуальной идентичности» [Т.Н. Ушакова 2009, 13]. Такое рассмотрение идентичности со всей очевидностью демонстрирует «опосредованность процессов функционирования языка в коммуникации когнитивными операциями сознания, что создает основы для исследования их во взаимодействии» [Селиванова 2008, 18].

Основываясь на *фундаментальной* и *базисной* роли когнитивного и конструкционистского общегуманитарных подходов к изучению идентичности и доминировании соответствующей методологии в таких исследованиях, мы включаем их в наш обзор, представленном в данном разделе, в когнитивную/ когнитивно-дискурсивную парадигмы изучения идентичности; как и те работы, где идентичность

постулируется как объект изучения одной из дисциплин, традиционно входящих в указанную парадигму: *когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, когнитивной семантики, психо- и этнолингвистики*¹², *психосемантики* и т.д.

Прежде всего следует отметить многочисленность, по сравнению с коммуникативно-функциональной парадигмой, лингвистических исследований, так или иначе затрагивающих проблематику идентичности как когнитивного феномена. Это понятно и вполне объяснимо, поскольку в современной общегуманитарной теории идентичности уже укрепилось понимание идентичности как когнитивной сущности, что в свою очередь определило *ведущую* роль двух междисциплинарных подходов - когнитивного и конструкционистского - к ее изучению, о чем мы писали в первой главе.

Однако многочисленность эта, к сожалению, не коррелирует с эффективностью, поскольку идентичность в очень редких случаях оказывается объектом непосредственного изучения. Зачастую проблематика идентичности лишь косвенно затрагивается в фокусе векторных направлений современной когнитивистики, становясь своеобразным «углом зрения», под которым рассматривается то или иное явление.

Одним из таких направлений является изучение *языковой личности*. Это понятие в современной лингвистике все реже рассматривается отдельно от персонального опыта человека и все чаще как составляющая идентичности (С. Гарагуля; Л. Гришаева; В. Карасик; В. Наумов; М. Школова и др.). К сожалению, в связи с множеством подходов к самому понятию «языковая личность» (Г. Богин; Л. Гришаева; В. Карасик; Ю. Караулов; И. Ключанов; В. Красных; В. Маслова; А. Пузырев и мн. др.) и неоправданному его расширению в современном языкознании, усложняется и размывается и без того слаборазработанное в лингвистике определение идентичности и идентификации.

Более того, попытки одновременно учесть групповые (этнические, национальные, гражданские, конфессиональные и т.д.) и собственно индивидуальные черты личности приводят к возникновению

¹² Здесь мы солидарны с мнением Е.А. Селивановой, которая включает современную психолингвистику стран постсоветского пространства в когнитивную (когнитивно-дискурсивную) научную парадигму [Селиванова 2008, 33-34].

терминологической путаницы, и языковая личность нередко отождествляется с понятием личности вообще и идентичности в частности [Леонтович 2005]. Нельзя не признать тесной взаимосвязи этих понятий и, в некоторых контекстах, их взаимопроникновения и взаимосоотнесенности, ибо большая часть социальных взаимодействий осуществляется дискурсивно и некоторая соотносительность понятий «идентичность» и «языковая личность» очевидна.

Кроме того, близость понятий «идентичность» и «языковая личность» основана на признании языка как материальной основы структуры этих двух феноменов, а также его ведущей роли в их конструировании и отражении. Тесная связь наблюдается и между уровнями «речевой личности» [Богин 1984], ее речевыми способностями и успешностью процесса индивидуальной идентификации в ходе коммуникативной интеракции [Наумов 2010]. Именно поэтому в коммуникативно-функциональных и когнитивных исследованиях идентичности в качестве теоретической основы конструирования идентичности в коммуникации, например, берутся модели языковой личности, предложенные Ю. Карауловым и Г. Богиным. В соответствующих этнолингвистических, лингвокультурологических и межкультурнокоммуникативных исследованиях в качестве теоретической базы используется так называемый лингвокультурологический подход к изучению языковой личности (И. Василюк; Л. Гришаева; В. Маслова; В. Тхорик; Цурикова и др.).

Однако, по нашему глубокому убеждению, «человек говорящий» (*Homo Loquens* [Красных 2005, 61]), человек как социально-психолого-языковая сущность, т.е. языковая личность (*Homo Lingualis* [Маслова 2007]) — это хоть и основные, но все же не единственные ипостаси сложной структуры индивидуальной идентичности, не говоря уже о самой идентичности вообще. И поэтому отождествление понятий «языковая личность» и «идентичность» представляется неправомерным и научно бесперспективным. Безусловно, особенности соотношения этих двух понятий ждут своего отражения в современной лингвистике и глубокого лингвокогнитивного, психолингвистического, социолингвистического и лингвокультурологического анализа. По нашему мнению, актуальность и перспективность таких исследований не вызывает сомнения.

В этом плане следует отметить новаторское и серьезное исследование В. Наумова, посвященное лингвистической идентификации личности [Наумов 2010]. Автор рассматривает и анализирует психоэмотивную, социальную, антропологическую, возрастную, гендерную, национальную, параязыковую составляющие языковой личности, характеризует пишущую, читающую языковую личность и особенности диагностики коммуникативного поведения языковой личности. На основании этого междисциплинарного лингвистического подхода разрабатывается и обосновывается методология интерпретации вербальных и невербальных средств коммуникации при идентификации личности по ее речевым (звуковым и письменным) характеристикам.

Важным, по нашему мнению, является заключение о том, что лингвистическая идентификация речевого поведения предполагает анализ не только той части речевой деятельности, которая контролируется психикой и мышлением, *но в большей степени* анализ бессознательных стереотипов, включающих в себя как всю макросистему языка, так и всю совокупность параязыковых явлений, нередко представляющих очень точные сведения о человеке [Наумов 2010, 205]. Работа В. Наумова служит наглядным подтверждением гипотезы (см., например, [Школова 2006]) о том, что чем выше уровень развития языковой личности, тем более развита личность вообще, и тем более сложной и многоаспектной является структура ее идентичности и ее идентификация.

Наряду с изучением языковой личности, еще одним векторным направлением когнитивной лингвистической парадигмы, в котором затрагивается проблематика индивидуальной и коллективной идентичностей, является изучение соотнесенности языка и национального/этнического *сознания* (самосознания), а также соответствующей *ментальности/менталитета*. Заметное место здесь занимает концепция этнической идентичности украинского лингвиста Е.А. Селивановой. Поскольку эта концепция, описанная в нескольких фундаментальных трудах автора [Селиванова 2006; Селиванова 2008; Селиванова 2012], является, по нашему мнению, наиболее полной и целостной моделью этнокультурной идентичности, остановимся подробнее на ее основных положениях.

Автор рассматривает этническую идентичность как базовое понятие этнолингвистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, которое обозначает «осознание человеком своей принадлежности к определенному этносу как результат совместных с членами этнической группы представлений, идей, культуры, истории, верований, языка, коммуникативного поведения и т.д., сформированных в процессе этнокультурной социализации и при взаимодействии с другими народами» [Селиванова 2006, 147].

В концепции обращается внимание на сложность и неоднозначность проблемы этнической идентичности в современной науке, что не в последнюю очередь связано с проблемой дефиниции самого понятия «этнос».

Особого внимания заслуживает глубокий анализ «*психологической составляющей*» этноса как совокупности специфических черт характера, сознания и ментальности. Именно этот параметр считается одним из важнейших *параметров этнической идентичности*. В него входят: *этнический характер, этнический темперамент, этносознание*, факторами самоорганизации которого являются как способы и результаты концептуализации и категоризации мира, так и внутренний рефлексивный опыт представителей этноса, а самым главным экспонентом — язык [Селиванова 2008, 272-274].

Этносознание, в свою очередь, представлено *этническими чувствами и этническим (национальным) менталитетом, или ментальностью*. Последняя включает *константы культуры* — относительно стойкие концептуальные структуры, которые несут культурно-ценностную информацию и которые представлены в знаковых продуктах культур, в частности в текстах. В современной этнолингвистике и лингвокультурологии константы культуры отождествляются с концептами как осмысленными структурами сознания [там же, 275-276].

Рассматривая проблему взаимосвязи языка и культуры в проекции на этносознание, украинская исследовательница вводит понятие *этнокультурной идентичности*, что предполагает выделение в составе этносознания и такого компонента, как *этнокультурная компетенция* — системы знаний этнической культуры, которые обуславливают все виды деятельности человека, в том числе и коммуникативную [там же, 284].

Как справедливо заключает исследовательница, стратификация этнокультурной компетенции в составе этнокультурной идентичности остается дискуссионной и открытой проблемой современной лингвокультурологии, как и некоторые другие, связанные с проблемой этнической идентичности [об этом подробнее см.: Селиванова 2006; 2008].

В целом отметим, что концепция индивидуальной этнической (этнокультурной) идентичности Е.А. Селивановой и очерченные проблематика и перспективы исследований в этом направлении представляют значительный исследовательский интерес, к настоящему времени еще не реализованный в полной мере.

Изучение взаимосвязи языка и ментальности, *языковой картины мира* может также пролить свет и на особенности постижения и конструирования групповой и коллективной идентичностей. Теоретической базой таких исследований являются труды А. Вежбицкой, Г. Гачева, А. Залевской, В. Карасика, О. Корнилова, Е. Кубряковой, З. Поповой, Ю. Степанова, В. Телия, С. Тер-Минасовой, Н. Уфим-цевой, И. Шевченко, и мн. др. Когнитивные процессы категоризации и концептуализации участвуют в формировании картины мира человека и структуры его идентичности, что, в свою очередь, отражается и воплощается в коллективных идентичностях. С этой позиции идентичность трактуется как ментально репрезентированная совокупность ряда фрагментов культурно-детерминированной картины мира [Гришаева, Цурикова 2003, 144; Гришаева 2007, 118].

Изучение языковой картины мира дает ключ к обнаружению сложившегося «типа культурно-национальной / этнической идентичности» [Енина 2010], к пониманию особенностей культуры, менталитета и социокультурного поведения представителей определенной общности, говорящих на одном языке. Несмотря на многочисленные в современной лингвистике исследования языковой картины мира, вопросы соотношения последней и идентичности так и не стали предметом специального рассмотрения и ждут своего решения, а не просто констатации взаимосвязи как само собой разумеющегося факта, что наблюдается в такого рода лингвистических исследованиях.

Перспективными в этом плане нам также видятся исследования *концептов*, принадлежащих коллективному культурному когнитивному

пространству, поскольку они играют определенную роль в ощущении общности как целостности, в осознании собственной и коллективной идентичности в коммуникации. Каким образом происходит это осознание, каков его механизм, какова взаимосвязь между концептами, видами и разновидностями идентичности, как эта взаимосвязь отражается в языке и/или создается языком, - эти и многие другие вопросы также остаются «белым пятном» на «лингвистической карте» идентичности. Позволим себе высказать удивление тем фактом, что, несмотря на огромное количество лингвоконцептологических исследований эти вопросы не были предметом глубокого лингвистического анализа.

Исключение составляют работы (О. Дмитриева, Е. Елина; В. Карасик; А. Коровина; Л. Макарова; И. Мурзинова; И. Щеглова и др.), в которых выделяется и описывается одна из разновидностей концепта — лингвокультурный типаж — «обобщенный узнаваемый образ представителей той или иной культуры» [Карасик 2010, 178]. Как отмечает В. Карасик, инициатор изучения лингвокультурных типажей в российской лингвистике, создавший успешную и продуктивную соответствующую научную школу, лингвокультурные типажы имеют как этнокультурную, так и социокультурную значимость. В первом случае они выражают ценности всего сообщества, подчеркивая национально-культурное своеобразие этноса (например, английский аристократ, американский ковбой, русский интеллигент). Во-втором, они характеризуют особую социальную группу, противопоставленную остальному обществу (социокультурные типажы, например, коллекционер, шпана, разгильдяй) [Карасик 2010, 178].

Лингвокультурный типаж представляет, таким образом, один из сложившихся видов и разновидностей идентичности в социуме. Его моделирование, как отмечается, основывается на признании неоднородности больших социальных групп, что является объектом социолингвистического, лингвокультурного, лингвокогнитивного анализа, а также на понимании изменчивости как базовых, так и сопутствующих характеристик этого типажа при сохранении его самотождественности, т.е. самоидентичности [Енина 2010; Карасик 2005; Карасик 2010].

Тесная связь коллективной идентичности и лингвокультурного типизирования стала объектом непосредственного изучения в дис-

сертации И. Шалиной [Шалина 2009]. В ней анализируются *сигналы* коллективной (региональной) идентичности в речи информантов, составляющих лингвокультурный типаж «носитель городского просторечия». В работе делается ряд выводов, из которых можно выделить два, по нашему мнению, наиболее весомых и важных для разработки лингвистической проблематики идентичности:

1. Означивание культурной идентичности — это признание и добровольное разделение с другими представлений, установок, норм и правил поведения, складывающихся в определенной общности, через *вербализацию* ценностных предпочтений и оценок относительно окружающего мира, себя и других людей.

2. Сигналом идентичности выступает не только идентификационная формула, но и *культурный сценарий* как привычная форма рассказа истории о себе или других [Шалина 2009].

Проблема поиска сигналов/знаков коллективных идентичностей в лингвокультурологическом ключе также разрабатывается в Екатеринбургской школе изучения региональной (уральской) идентичности (И. Вепрева; Н. Купина; О. Михайлова и др.). Анализируются представленные в институциональном пространстве идеи о региональной сплоченности, выявляются распространенные вербальные знаки региональной идентичности. При этом в первую очередь выделяются вербальные сигналы позитивной региональной идентичности (местоимения «мы», «наш»; прилагательные «родной», «народный», «уральский»; обращения, актуализирующие профессиональную принадлежность к рабочим специальностям и т.д.). Делаются выводы о том, что идеологическим основанием для сплоченности уральцев являются идеи профессиональной, конфессиональной, этнической принадлежности, причем сплоченность эта допускает и наличие этнических культурных различий [Вепрева 2009; Михайлова 2005].

Как уже отмечалось, идентичность как многогранный феномен изучается в лингвистике на стыке не только научных дисциплин, но и научных парадигм: когнитивной и коммуникативно-функциональной. Иллюстрацией этому служит диссертационное исследование Е. Катановой, где идентичность анализируется как *когнитивно-дискурсивный феномен* [Катанова 2009]. В этом ключе вводится и обосновывается понятие «самоидентифицирующего высказывания»,

описываются механизмы его вербализации и особенности реализации его потенциала в английских и американских парламентских дискурсах. Выявляются средства и способы выражения оценочных значений, влияющих на выдвижение того или иного «аспекта идентичности».

Основные выводы данной работы вносят определенный вклад в общую лингвистическую теорию идентичности, несмотря на то, что работа грешит недостатками: слабой теоретико-методологической базой исследования и, как следствие, терминологической путаницей в разновидностях и видах идентичности (понятия «индивидуальная, личная, личностная идентичность» отождествляются, как и понятия «коллективная и групповая» идентичности и т.п.). Однако практическое исследование и его результаты, по нашему мнению, заслуживают внимания. Прежде всего, важным нам представляется заключение о том, что выбор языковых средств для обозначения самоидентификации суждения подчиняется реализации *двух номинативных стратегий*: наиболее частотной стратегии прямой идентификации (местоимение *I*) и стратегии дефокусации (местоимение *we*, притяжательные местоимения *my, our* и именная группа *N/Pr and I*).

Самоидентифицирующие высказывания представлены субстантивными адъективными и глагольными конструкциями, каждая из которых «специализируется» на вербализации определенных видов идентичности. Субстантивные предложения (*I am a Democrat*) и адъективные (*I am realistic*) чаще всего репрезентируют сведения о профессиональной идентичности парламентариев, глагольные (*I served in an executive branch in 1960*) — профессиональной и региональной идентичности.

Интересен вывод о том, что наиболее высокая концентрация стилистических средств и приемов наблюдается при репрезентации профессиональной идентичности, реже — при активизации региональной, политической и индивидуальной и достаточно редко — конфессиональной, этнической, гендерной, возрастной и семейно-ролевой.

В условиях парламентских дебатов, согласно результатам исследования, наиболее значимым как для американских, так и для британских парламентариев является профессиональный аспект идентичности и лишь затем национальный (для американцев), причем в американском материале наиболее частотным средством вербализации

высказывания о профессиональной идентичности является адъективная конструкция, а в британском — глагольное предложение.

Примечателен также и тот факт, что чаще всего британские политики используют в самоидентифицирующих высказываниях сведения о профессиональной идентичности (69,5%). Меньше всего — политической (4,5%), региональной (4,5%), национальной (4%), семейно-ролевой (3%), этнической (1,5%), возрастной (1,2%), религиозной (0,7%) и гендерной (0,1%) [Катанова 2009, 76].

Отмечаются также и функции самоидентифицирующих высказываний: когнитивная, номинативная, коммуникативная и их специфика. Самоидентифицирующие высказывания, действующие в политической среде, обладают дополнительным функциональным потенциалом (инструментальная, манипулятивная, персуазивная, оценочная функции социальной идентификации и укрепления имиджа). Этот потенциал дает возможности вербализовывать одно и то же самоидентифицирующее высказывание разнородными способами в сходных дискурсивных условиях суждения о различных аспектах своей личной и социальной идентичности.

Таким образом, заключается в диссертации, самоидентифицирующее высказывание создает когнитивную рамку для восприятия личности адресанта в желательном для него свете, предопределяя, с одной стороны, стратегии самопрезентации адресанта, а, с другой стороны, стратегии взаимодействия с ним как с личностью определенного типа. Анализ дискурсивной деятельности субъекта, в ходе которой вербализуется самоидентифицирующее суждение, характер использования субъектом номинативных и дискурсивных стратегий в конкретной среде открывает доступ к пониманию структуры его идентичности, и особенно ее культурно-специфической составляющей [Катанова 2009].

Вопросы идентичности и идентификации (индивидуальной и коллективной), а также связанные с этим вопросы идентификации значения слова, рассматриваются как значимые, но в то же время и неизмеримо сложные и с *психолингвистической* точки зрения. Сложность заключается, прежде всего, в многомерности самого понятия «идентичность» и в неоднозначности соотносимого с ним в психолингвистике ключевого термина «языковое (этноязыковое) сознание».

Не менее дискуссионным оказывается и определение роли, которую играет в процессе этнической идентификации то, что в психолингвистике обозначается термином «культурная составляющая» [Валуццева, Хухуни 2009, 96]. Здесь, в первую очередь, возникает вопрос о соотношении «культурной составляющей» с собственно языковым аспектом, который также далеко не всегда однозначен. Сложность возникает и в силу уязвимости самого предмета психолингвистики [подробнее об этом см: Седов 2009; Уфимцева 2009; Ушакова 2009 и др.].

Однако, весомые достижения психолингвистики последних десятилетий задают, по нашему глубокому убеждению, перспективы актуальных в этой маргинальной области лингвистики исследований идентичности, которые, к сожалению, все еще довольно малочисленны¹³.

Теоретической базой такого психолингвистического подхода к изучению идентичности и идентификации могут стать психолингвистическая теория слова как средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе человека (памяти), теория внутреннего контекста и концепция специфики функционирования индивидуального и коллективного знания, а также теории, связанные с языковым сознанием и его этнической обусловленностью (А. Залевская; Ю. Караулов; В. Красных; И. Марковина; Ю. Сорокин; Е. Тарасов; А. Уфимцева; Т. Ушакова и мн. др.).

Основными методами такого плана исследований можно считать психолингвистический эксперимент с использованием комплексной методики, включающей метод субъективных суждений, свободный ассоциативный эксперимент, шкалирование, количественный метод обработки экспериментальных данных, смысловой и сопоставительный анализ экспериментальных материалов и т.д.

Психолингвистические методы применяются в комплексе с другими специальными методами при изучении *коммуникативной идентичности*, о которой речь шла в предыдущем разделе. С их помощью анализируются значения слов, которые используются говорящим для вербализации самоидентификационного опыта. Теоретической основой

¹³ Речь идет об исследованиях, где идентичность личности и общности является непосредственным объектом изучения.

для подобных исследований служат «обоснованные и принятые в психолингвистике представления о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отражаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует временные, пространственные, причинные связи явлений, предметов и эмоций, вызываемых их восприятием. В связи с этим определенная совокупность ассоциаций может являться моделью языкового сознания индивида, в котором отражается процесс формирования и его идентичности» [Горошко 2009, 104].

Исследуя коммуникативную виртуальную идентичность с точки зрения гендера, Е.И. Горошко приходит к интересному заключению о том, что гендерная компонента такой идентичности достаточно изменчива и динамична, в отличие от реальной гендерной идентичности, которая является наиболее стабильной среди всех разновидностей социальной идентичности.

В связи с этим перспективным нам видится изучение взаимодействия реальной и виртуальной социальной идентичности человека, включая все её проявления. При этом при исследовании проблематики коммуникативной виртуальной идентичности представляется целесообразным использование проективных психолингвистических методов анализа данных, которые наиболее адекватно раскрывают «социальные смыслы, заложенные в основе формирования идентификационных структур» [Горошко 2009, 105] (см. также [Жичкина и Белинская 1999; Школова 2005]).

Процесс формирования идентичности индивида, как утверждают психолингвисты, неразрывно связан с *проблемой идентификации слова*. Методология анализа идентификации значения слова с использованием специально разработанного комплекса экспериментальных методик и процедур занимает одно из приоритетных мест в работах Тверской научной школы (А. Залевская; И. Лачина; Т. Родионова; Т. Сазонова; О. Шершелина и др.). С помощью психолингвистического подхода исследуются, вырабатываются и верифицируются экспериментальными данными особенности моделирования процессов идентификации слова человеком, стратегия идентификации иноязычных фразеологических единиц, неологизмов, прилагательных, широкозначных слов, а также этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен

носителями языка [Барсук 1991; Виноградова, Хватова 2004; Лачина 1993; Сазонова 1993, 2000; Тогоева 1989; Шумилина 1989].

Данное психолингвистическое направление тесно соприкасается с актуальным в последнее время исследованием особенностей *языкового сознания* представителей различных культур по данным *ассоциативных* «прямых» и «обратных» *словарей* (О. Балясникова; М. Дебрени; А. Залевская; Е. Ощепкова; Е. Тарасов; Н. Уфимцева и мн. др.). Ассоциативные тезаурусы и данные ассоциативных экспериментов довольно наглядно воссоздают этнокультурную специфику определенного этноса, позволяют вскрыть стабильность структуры «ядра языкового сознания» [Уфимцева, Тарасов 2009, 27] и, тем самым, системность образа мира этого этноса как целостности, что в свою очередь показывает уникальность и самобытность каждой этнокультуры. Методология выделения такого ядра, описание его составляющих и особенностей его идентификации носителями языка могут сыграть важную роль в анализе этнической идентичности.

Идентичность (в основном социальная) изучается и с точки зрения *психосемантики* с использованием различных методик, основанных на классических работах по психосемантике Ч. Осгуда, теории семантического пространства В. Петренко и т.д. Так, автор психосемантического исследования социальной идентичности Т. Баранова исследует «семантическое пространство идентичности» используя основной метод экспериментальной психосемантики — метод построения субъективных семантических пространств, в основе которого лежит метод семантического дифференциала Ч. Осгуда. Методика измерения социальной идентичности заключается в психологической расшифровке чувства тождественности индивида с какой-либо социальной общностью и описании этой тождественности с помощью как указанного метода семантического дифференциала, так и психолингвистических методов ассоциативного эксперимента свободных ассоциаций, прямой дефиниции, применяемых при анализе идентификации значения слов. При этом критерием идентичности индивида с общностью является сходство оценок респондентами как самой общности, так и самого себя в семантическом пространстве, образованном эмоциональными составляющими чувства идентичности [Баранова 2001, 77].

Анализ идентичности с точки зрения теоретических и экспериментальных положений психосемантики также представляется нам перспективным вектором исследования идентичности, поскольку построение субъективных семантических пространств выявляет наиболее значимые критерии, с помощью которых индивид осуществляет во многом бессознательный процесс освоения социальной реальности.

Итак, обзор проблематики и перспектив исследования феномена идентичности в когнитивной парадигме дает возможность говорить о зарождении и становлении *когнитивного лингвистического подхода к изучению идентичности*. Этот подход методологически базируется на когнитивном и конструкционистском (с применением психоаналитического и социологического) общегуманитарных междисциплинарных подходах к рассмотрению идентичности. Исследования в рамках когнитивного лингвистического подхода проводятся на стыке таких лингвистических дисциплин и направлений как когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, когнитивная семантика, психо- и этнолингвистика, психосемантика и др. Наблюдаемая также тенденция к межпарадигмальности рассмотрения идентичности позволяет говорить о зарождении когнитивно-дискурсивного подхода к изучению идентичности в лингвистике XXI столетия.

выводы по главе III

В социогуманитарном знании XX века вопросы соотношения идентичности и языка возникли с зарождением самой теории идентичности. Признание определяющей роли языка в формировании и функционировании идентичности, ее качественно новое «языковое» и текстуальное осмысление в контексте антиэкзистенциалистских философско-методологических подходов способствовали активизации исследований этого многогранного феномена в современной лингвистике.

Несмотря на многоплановость и разноречивость лингвистических исследований идентичности, всех их объединяет несколько основополагающих положений. Во-первых, эти исследования объясняют, каким образом язык конструирует различные проявления идентичности и как, в свою очередь, он их отражает. Во-вторых, в них фокусируется внимание на том, как языком создаются и в языке

отражаются большие и малые социальные категории и группы (возраст, гендер, нация, этнос, класс и т.д.). В-третьих, изучение взаимосвязи языка и идентичности также помогает понять, каким образом концептуализируется социальный мир, окружающий человека. И, наконец, все эти исследования стремятся объяснить, как с помощью идентичности человек определяет свою индивидуальную и коллективную «отличность», и как, определив ее, использует язык для того, чтобы занять свое место в социокультурном пространстве, а другим отвести их место.

В то же время анализ лингвистических работ по проблемам идентичности позволяет выявить ряд существенных «сквозных» пробелов, наличие которых очерчивает перспективы дальнейшего комплексного изучения этого многогранного феномена. Во-первых, в работах по идентичности зачастую нет четко выработанной и научно обоснованной методологии лингвистических исследований этого феномена, даже если таковая и декларируется. Причем речь идет об отсутствии методологии как в рамках лингвистики в целом, так и в границах отдельных лингвистических областей и направлений. Во-вторых, в лингвистических работах нередко игнорируются философские и социогуманитарные основы идентичности как феномена индивидуального и коллективного сознания и как соответствующей научной категории. Это проявляется в использовании ложных принципов разграничения видов и разновидностей данного явления, в некорректной трактовке его структурной и системной организации, в смешении понятий «идентичность» и «идентификация» и т.д. Все это приводит к использованию различных по своей сути понятий как взаимозаменяемых, к терминологической неясности и непоследовательности, а в итоге к несостоятельности и неубедительности некоторых заключений и обобщений.

Вместе с тем односторонность и ограниченность исследований идентичности рамками исключительно одной лингвистической области или дисциплины тормозит развитие лингвистического научного дискурса идентичности. Анализ конкретного материала, несомненно, продуктивен и оправдан, особенно в начале становления лингвистической теории идентичности. Но все же законы эволюции современного научного знания, междисциплинарность самого объекта

изучения требуют перехода к следующему этапу — изучению идентичности как междисциплинарной лингвистической категории.

Сложность и многогранность феномена идентичности неизбежно предполагает соответствующий фокус его рассмотрения с применением комплекса различных дисциплинарных подходов. Такие лингвистические научно-методологические подходы находятся в стадии зарождения и становления, в них в разной степени апробируется методика общегуманитарных подходов к изучению идентичности.

Коммуникативно-функциональный (или в другой терминологии - *коммуникативно-дискурсивный*) подход методологически базируется на социологическом и конструкционистском общегуманитарных междисциплинарных подходах к изучению идентичности. Исследования в рамках данного лингвистического подхода проводятся на стыке таких лингвистических дисциплин и направлений, как коммуникативная лингвистика, лингвопрагматика, социолингвистика, гендерная лингвистика, дискурсология, лингвистика текста, лингвокультурология и межкультурная коммуникация.

Идентичность как коммуникативно-функциональная (коммуникативно-дискурсивная) категория рассматривается в качестве коммуникативно-конструируемой сущности, которая возникает и формируется в результате различных коммуникативных процессов в различных типах дискурса, ими же конструируется и в них репрезентируется. Соответственно, подчеркивается ее «языковая», интерсубъектная, интеракциональная, деятельностьная природа.

Другим проявлением общегуманитарных междисциплинарных подходов к рассмотрению идентичности служат исследования в рамках *когнитивного лингвистического подхода*, осуществляемые на стыке таких лингвистических дисциплин, как когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, когнитивная семантика, психо- и этнолингвистика, психосемантика и др.

Значимость изучения феномена идентичности в когнитивном ключе несомненна, так как позволяет выделить его сущностные характеристики и установить закономерности его взаимосвязи с ментальными процессами концептуализации, категоризации, идентификации и т.п. Такие исследования вносят свой вклад в перспективу выработки комплексной лингвистической теории идентичности и за-

дают векторы становления междисциплинарного когнитивного подхода к изучению идентичности.

Исследования идентичности междисциплинарны не только в каждой из двух доминирующих сегодня в лингвистике научных парадигм - коммуникативно-функциональной и когнитивно-лингвистической, но и в рамках их тесной взаимосвязи. Синтез этих двух парадигм в исследованиях идентичности последних десятилетий свидетельствует о том, что в современной лингвистике в русле становления новой когнитивно-дискурсивной парадигмы зарождается межпарадигмальный *когнитивно-дискурсивный лингвистический подход* к изучению феномена идентичности.

ГЛАВА IV. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

4.1. Актуальность лингвокультурологического ракурса рассмотрения идентичности

Когнитивно-дискурсивный междисциплинарный подход, о котором шла речь в предыдущих разделах, является, на наш взгляд, наиболее перспективным в лингвистическом изучении идентичности, поскольку позволяет представить это многогранное явление во всем разнообразии его проявлений. Представление это не исключает множественности научных концепций и теорий, что, опять-таки, обуславливается как многогранностью понятия идентичности, так и, прежде всего, сложностью самого феномена языка, его многосторонними связями с материальной и социальной действительностью, сознанием и культурой.

Однако, наряду с новыми перспективами и возможностями, такая множественность, как мы уже писали, может привести к размыванию предметной сферы и методологических критериев исследования, особенно на текущем этапе становления лингвистической междисциплинарной теории идентичности. Поэтому применение комплекса лингвистических дисциплинарных подходов, на наш взгляд, неизбежно предполагает доминирование одного или двух в рамках их тесной взаимосвязи. Не видим в этом ничего такого, что противоречило бы отстаиваемому в нашей работе принципу широкой

общегуманитарной и специальной междисциплинарности изучения идентичности. При этом неприемлема абсолютизация какой-либо одной теории или одного дисциплинарного фокуса рассмотрения идентичности, их противопоставление всем другим как единственно правильных и необходимых.

Идентичность является не только когнитивно и коммуникативно конструируемой сущностью, но и культурным феноменом [Assman 2000; Stryker 2000], и об этом подробнее мы будем говорить в следующих разделах. Именно вследствие такой культурной обусловленности идентичность в нашей концепции исследуется как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая категория с помощью

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 165 лингвокультурологического метода как особого «подхода к материалу, его систематизации и теоретическому осмыслению» [Селиванова 2008, 13]. Современная лингвокультурология - это научная дисциплина, изучающая взаимосвязь языка, культуры и сознания через способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа и закономерности отображения в семантике языковых единиц «ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2012, 29]. Такой лингвокогнитивный ракурс лингвокультурологии¹⁴, базирующийся на достижениях этнопсихолингвистики, культурологии, когнитивной лингвистики и других наук, позволяет наиболее полно описать идентичность как сложный продукт взаимосвязи языка, культуры и сознания.

Отметим, что лингвокультурологический фокус рассмотрения идентичности используется в основном как «вспомогательный» в некоторых работах по идентичности в рамках описанных нами выше подходов. При этом зачастую слово «идентичность», по нашим наблюдениям, употребляется для придания исследованию броского и современного звучания. В лучшем случае стоящее за этим словом понятие приобретает прикладное значение, становясь своеобразным инструментом исследования или углом зрения, под которым рассма-

¹⁴ Стремительный переход лингвокультурологии с изначально страноведческого базиса к лингвокогнитивному «наполнению» приводит к тому, что сегодня все чаще говорят не просто о лингвокультурологии, а о лингвокогнитивной культурологии (см., например, [Алефиренко 2012]).

160 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
тривается определенное явление или предмет. В худшем - такие работы, претендующие на статус лингвокультурологических, на самом деле нередко носят декларативный характер.

Предлагаемая нами концепция не идеальна, не единственно правильная и возможная. Но мы надеемся, что она, во-первых, сформулирует и очертит базовые представления об идентичности как лингвокультурном когнитивно-дискурсивном феномене; во-вторых, задаст новые перспективы изучения идентичности в этом практически не исследованном направлении. И, наконец, лингвокультурологическое рассмотрение проблемы «язык - культура - сознание - идентичность» на материале английского языка как основного, надеемся, заложит основы целостного лингвокультурологического описания английского языка как особого направления гуманитарных научных исследований чрезвычайно актуальных не только в аспекте успешности межкультурных контактов, но и в аспекте теории и практики его преподавания.

Актуальность лингвокультурологического когнитивно-дискурсивного исследования идентичности, на наш взгляд, очевидна и не вызывает сомнений. Несмотря на то, что описание проблемы «язык — культура — сознание» имеет давнюю традицию, многие аспекты изучения этой триады продолжают оставаться открытыми для научного познания как в общетеоретическом плане, так и в прикладном. Кроме того, все новые обстоятельства развития современных социокультурных процессов задают новые векторы исследований в этом направлении. Этим, в частности, объясняется и небывалое развитие антропологически ориентированных лингвистических наук и областей знания, среди которых ведущие позиции, по признанию многих, занимает лингвокультурология (Н. Алефиренко; С. Воркачëв; В. Воробьев; В. Красных; В. Маслова; Е. Селиванова; В. Телия и мн. др.).

Более того, резко возросшие в наше время глобализационные контакты стран и народов и освещение в гуманитарных науках возникающих в связи с этим проблем обуславливают включение темы «язык — культура — сознание — идентичность» в число важнейших общезыковедческих проблем. Теоретическое осмысление принципов взаимодействия составляющих указанной цепочки приобретает в этой связи немаловажное значение.

Наряду с другими фундаментальными лингвистическими и лингводидактическими направлениями, разрабатывающими данную проблему (этнолингвистика, антропологическая лингвистика, этнопсихоллингвистика, лингвострановедение, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, когнитивная семантика и др.) и в тесном единстве с ними возможен и несколько иной фокус исследования — лингвокультурологический. Его цель — не просто исследование национально-культурной специфики языка, а изучение как механизмов и закономерностей воплощения в семантике языковых единиц *культурной информации*, так и механизмов её извлечения из языковых единиц в речи — *культурной интерпретации*. Последняя тесно связана с когнитивным опосредованием семантики языковых единиц культурно-социальным

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 167
субъектом [Ковшова 2012; Телия 1995; Фрумкина 1995].

Лингвокультурология как «научная дисциплина синтезирующего типа» характеризуется прежде всего «целостным, *паритетным* и системным» рассмотрением взаимосвязи языка и культуры [Воробьев 2008, 6]. Главным здесь является не просто изучение взаимодействия языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов (этнология, этнолингвистика, этнопсихоллингвистика) или опора на предметно-понятийную сферу культуры в учебном описании и преподавании языка (лингвострановедение), а «целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражаемых в языке» [там же, 4].

Зародившаяся в русле коммуникативно-функциональной научной парадигмы, лингвокультурология сегодня сосредоточена на изучении национального самосознания сквозь призму «языковых образов», в которых воплощены базовые концепты культуры [Ковшова 2012, 43].

Описание проблематики идентичности в лингвокультурологическом аспекте предполагает, в первую очередь, рассмотрение самой лингвокультурологии как области гуманитарного знания, истоков её возникновения и развития, места и статуса среди остальных лингвистических дисциплин, предмета, объекта, целей, задач, методов и направлений исследования, а также ключевых терминологических понятий. Остановимся на этом в следующем разделе, обобщая теоретические знания, накопленные к настоящему времени.

Возникновение лингвокультурологии связывают с антропологическим поворотом в гуманитарных науках рубежа XX-XXI веков, ориентированным на глубинное и комплексное исследование взаимосвязи языка, культуры и сознания человека. В основе лингвокультурологического направления лежат положения сравнительно-исторического языкознания (Ф. Буслаев; И. Гердер; Я. Гримм и др.), учение В. фон Гумбольдта, концепция Л. Вейсгербера, гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, идеи психологического направления лингвистики (К. Бюллер; Г. Пауль; А. Потебня; Г. Штейнталь и др.), концепции неогумбольдтианства, австрийской школы слов и вещей, антропологические и культурологические исследования.

Проблемы воплощения культурной информации в языковых знаках привлекали внимание многих представителей различных областей языкознания. Об этом подробно см.: [Алефиренко 2012; Воробьев 2008; Ковшова 2012; Маслова 2004]. В *семиотике* и *философии языка* эти вопросы затрагивались в трудах Ю. Лотмана, В. Постовалова, В. Топорова, Ю. Степанова, Б. Успенского, и др.; в *этнолингвистике* и *этнопсихоллингвистике* - в работах Н. и С. Толстых, Е. Бартминского, Е. Березович, А. Залевской, Ю. Сорокина, Н. Уфимцевой и мн. др.; в *лингвострановедении* — Е. Верещагина, Л. Веденина; В. Костомарова, Ю. Прохорова; в *когнитивной лингвистике* - А. Баранова, Ю. Караулова, Е. Кубряковой, В. Масловой и др.; в *лексической, культурной, когнитивной семантике* и *лингвоконцептологии* - в работах Ю. Апресяна, А. Вежбицкой, С. Воркачева, В. Гака, В. Красных, Г. Слышкина, А. Шмелева и др.; в *лингвистике текста* — И. Арнольд, О. Воробьевой, И. Коллегаевой, В. Кухарепко, З. Тураевой, А. Швейцера и мн. др.; в *фразеологии* и *фразеологической семантике* - в трудах В. Зимина, З. Поповой, В. Телия, Г. Токарева и мн. др.

Именно в связи с работами фразеологической школы, возглавляемой В. Телия (Д. Гудков; И. Захаренко; И. Зыкова; М. Ковшова; В. Красных и др.), а также работами А. Арутюновой, В. Воробьева, В. Масловой, Ю. Степанова, В. Шаклеина и появился, как считается, термин «лингвокультурология» для обозначения нового лингвисти-

ческого направления. Лингвокультурология, оформившаяся как самостоятельное научное направление в 90-е годы XX века, вобрала в себя опыт и серьезные достижения многих научных дисциплин, как общегуманитарных (психологии, культурной психологии, культурной философии, культурной антропологии), так и сугубо лингвистических (психолингвистики, этнолингвистики, этнопсихолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвострановедения и др.).

Некоторые из этих наук имеют с лингвокультурологией «генетическую» [Красных 2002, 14] связь (психология, психолингвистика, этнопсихолингвистика, этнолингвистика), другие связаны с ней

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 169
кругом изучаемых проблем. При этом выделяется и ряд *базисных* для лингвокультурологии наук - культурология, этнолингвистика, социолингвистика, лингвострановедение и когнитивная лингвистика (В. Воробьев; В. Красных; В. Маслова; Е. Селиванова; В. Телия).

Лингвокультурология, основываясь на научном потенциале различных лингвистических дисциплин, имеет по сравнению с ними свою специфику и свой особый «интегративный» [Воробьев 2008, 36] фокус рассмотрения проблемы «язык, культура, сознание».

Так, в отличие от *культурологии*, содержание которой составляют теория и практика системных исследований феномена культуры [Осокин 2007, 1069], лингвокультурология как «металингвистическая наука» дает системное описание фактов языка и культуры в их взаимодействии и взаимосвязи [Воробьев 2008, 36]. Культурология, по мнению Е. Селивановой, является одной из базовых для лингвокультурологии наук [Селиванова 2006, 304], а В. Воробьев пишет о возможности рассмотрения лингвокультурологии как одного из блоков культурологии наряду с культурфилософией, социологией культуры, культурной антропологией, культурпсихологией и историей культуры [Воробьев 2008, 34]. В этой связи отметим, что существует два понимания дисциплинарного статуса лингвокультурологии: а) культурологический и б) лингвистический [Алефиренко 2012, 35]. Согласно первому лингвокультурология рассматривается как раздел культурологии с соответствующей методологией исследований. Сторонники второго, доминирующего сегодня лингвистического подхода, успешно доказывают её общие корни и неразрывную связь с лингвистикой, основываясь на лингвистических учениях В. Вундта, В.

164 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
фон Гумбольдта, А. Потебни, Г. Шухардта и др. и используя лингвистические методы в своих исследованиях.

В отличие от *этнолингвистики*, обращенной к реконструкции этнопредставлений по данным языка в диахронии, лингвокультурология исследует исторические и современные особенности взаимодействия языка и культуры - этнической, мировой, групповой - в «диапазоне (национального) самосознания и его языковой репрезентации» [Ковшова 2012, 54]. Целью и материалом исследования лингвокультурологии являются живые коммуникативные процессы, разные дискурсивные сферы как источники культурной информации [Селиванова 2006, 303-304], и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа (В. Маслова; В. Телия). Если лингвокультурология исследует «фиксацию культуры в языке и проявление её в дискурсе», то этнолингвистика и *этнопсихоллингвистика* основное внимание уделяют этнолингвистической и этнопсихоллингвистической детерминированности речевой деятельности, языкового сознания и общения [Красных 2002, 13]. Кроме того, основным методом исследования в этнопсихоллингвистике является ассоциативный эксперимент. Лингвокультурология же пользуется различными лингвистическими методами, в том числе и психоллингвистическими. Таким образом, лингвокультурология обобщает всю информацию, накопленную этнолингвистикой [Хроленко 2005, 31], которая является её «теоретическим и методологическим фундаментом» [Ковшова 2012, 54], но представляет собой значительно более широкую предметную область языкознания.

Лингвокультурология достаточно тесно связана и с *лингвострановедением*¹⁵, однако имеет ряд принципиальных отличий. Во-первых, лингвокультурология является научной дисциплиной, а не «аспектом преподавания языка» [Верещагин, Костомаров 1990, 37] и ориентирована на полное и объективное системное представление единиц языка и культуры в их взаимодействии. Лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке — безэк-

¹⁵ Лингвострановедение рассматривается В.В. Воробьевым наиболее близким его лингвокультурологической концепции направлением лингвистики [Воробьев 2008, 30]. Для отцов-основателей лингвострановедения Е. Верещагина и В. Костомарова лингвострановедение представляет собой методический, лингводидактический аналог социоллингвистики [Верещагин, Костомаров 1990, 32].

вивалентные языковые единицы — и зачастую характеризуется избирательным, иллюстративным подходом к описанию культурных реалий [Об этом подробнее см.: Верещагин, Костомаров 1990; Воробьев 2008]. Как справедливо отмечает М. Ковшова, в отличие лингвострановедения и *контрастивной лингвистики*, современная лингвокультурология переходит от фиксации в языке этимологической, исторической, культурной информации к исследованию «этнической логики», представленной в образах мира и запечатленной в языке, к описанию языковых фрагментов культурного самосознания и роли языка в категоризации концептосферы культуры [Ковшова 2012, 54].

В методах изучения связи языка, культуры и национального менталитета лингвокультурология также тесно соприкасается и с *когнитивной лингвистикой*, в центре внимания которой находится «язык как общий когнитивный механизм, инструмент, система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова 1996, 53]. Если когнитивная лингвистика пытается установить, как в принципе организовано сознание человека, как он познает мир, как хранятся наши знания о мире и как они структурируются в языке, а также «создать модель языковой коммуникации как основы обмена знаниями» [Красных, 43], то лингвокультурология уделяет основное внимание человеку в культуре и его языку. Она ориентирована на культурный фактор в языке и языковой фактор в человеке [В. Телия 1995] и исследует то «культурное содержание, которое отложилось в значении языкового знака и составляет своего рода культурную память нации» [Красных 2002, 42].

Итак, в лингвокультурологических исследованиях понятия и методы этнолингвистики / этнопсихоллингвистики, социоллингвистики, лингвострановедения, когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии тесно взаимосвязаны, однако лингвокультурология имеет свою специфику и свои теоретико-методологические положения, а также понятийный аппарат. Точки зрения ученых на статус лингвокультурологии варьируются. Она рассматривается как часть этнолингвистики (В. Телия), область языкознания второго уровня маргинальности (Е. Селиванова), а также самостоятельная по своим целям и задачам научная дисциплина (В. Воробьев; В. Маслова). Нам близка точка зрения, согласно которой современный этап лингвокультурологии - это ее самоопределение как *отдельной* научной дисциплины [Ковшова 2012, 56; Красных 2002, 26]. Более того, выскажем убеждение в том, что на сегодняшний день лингвокультурология находится на *завершающей* стадии своего самоопределения, но при этом оказывается действительно *самостоятельной* научной дисциплиной, поскольку имеет свой объект, предмет и методологию исследований, не до конца определенные, но все же очерченные по основной своей сущности и прикладному применению.

Так, *объектом* лингвокультурологии называются «язык как отражение и фиксация культуры и культура сквозь призму языка» [Красных 2002, 12], «взаимодействие языка..., культуры... и человека, который

создает эту культуру, пользуясь языком» [Маслова 2004, 36], «взаимосвязь культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия как единой системной целостности» [Воробьев 2008, 32], языковая/дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения [Алефиренко 2012, 17].¹⁶ Обобщая мнения ученых и учитывая результаты новейших исследований с их пристальным вниманием к проблемам самосознания различных общностей можно заключить, что *объектом* лингвокультурологии является язык как феномен культуры в паритетной целостной взаимосвязи друг с другом и с индивидуальным/коллективным сознанием (ментальностью).

Предмет исследования лингвокультурологии составляют единицы языка и дискурса, обладающие «культурно-значимым смыслом» (В. Красных) или «культурно значимой информацией» (В. Маслова; Е. Селиванова). Такие единицы позволяют «войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002, 12], поскольку «обобщают результаты собственно человеческого сознания — архетипического и прототипического — зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях» [Маслова 2004, 36]. Выделяются девять типов единиц, каждый из которых может быть предметом изучения лингвокультурологии [об этом см.: Маслова 2004, 36-37]), а взятые все вместе — выполнять функцию языка культуры, т.е. отображать культурно-национальную ментальность его носителей: 1) безэквивалентная лексика и лакуны; 2) мифологизированные языковые единицы; 3) паремиологический фонд языка;

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 173 4) фразеологический фонд языка; 5) эталоны, стереотипы, символы; 6)

¹⁶ Ранее считалось, что лингвокультурология должна исследовать только синхронные взаимодействия языка и культуры (В. Воробьев; В. Телия), сегодня все большее количество ученых склоняются к тому, что лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму культуры (Н. Алефиренко; В. Маслова и др). До конца нерешенным является вопрос о «пространстве» объекта исследования: В. Телия и некоторые из ее последователей считают, что объектом лингвокультурологии является не только сугубо национальная, но и общечеловеческая культурная информация (например, закодированная в Библии). В. Маслова настаивает на только той культурной информации, которая присуща конкретному народу либо близкородственным народам.

168 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения* метафоры и образы языка; 7) стилистический уклад языков; 8) речевое поведение; 8) область речевого этикета. Таким образом, считаем, что общим предметом всех *направлений* лингвокультурологии (фразеологического, лингвоконцептологического/логико-лингвистического, лексикографического, лингводидактического, этнопсихологического) и *аспектов* (диахронического, сравнительного, ситуационного, когнитивного, семантического, дискурсивного [Селиванова 2008])¹⁷ является изучение культурной семантики языковых знаков, формирующейся при взаимодействии языка, культуры и сознания.

В плане обсуждения предмета лингвокультурологии позволим себе не согласиться с мнением В. Воробьева, согласно которому предмет этой науки должны составить «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации, основанные на культурных ценностях конкретно-исторического общества» [Воробьев 2008, 32]. Считаем это утверждение не совсем точным для лингвокультурологии (в ее лингвистическом статусе), оно больше подошло бы для «культурной лингвистики», если бы такая существовала или если бы лингвокультурология была разделом культурологии. Более того, по нашему мнению, здесь нарушается принцип паритетности культуры и языка в лингвокультурологических исследованиях, на котором вполне справедливо настаивает сам автор. Кроме того, определение предмета лингвокультурологии одного из основателей этой науки нуждается в корректировке, поскольку оно несколько суживает предметную область этой дисциплины: язык здесь рассматривается только как отражение, фиксация культуры. Важнейшая функция языка как «конструкта и создателя» культуры, таким образом, игнорируется, что несколько идет вразрез с современными представлениями о взаимосвязи языка и культуры.

Специфическая предметная область лингвокультурологии обуславливает *цели и задачи* этой науки. Лингвокультурологи определяют различные цели, которые сводятся к общему постулату - раскрытие культуры и ментальности человека и общности через язык. Так, В. Воробьев целью лингвокультурологии видит «системное представление

¹⁷ Е. Селиванова также выделяет аспекты лингвокультурологии, которые со временем могут стать её направлениями: «менталитетоведение» (реконструкция ментальности), изучение национальной специфики юмора, гендера и др. [Селиванова 2008].

культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии» [Воробьев 2008, 34], В. Маслова - в изучении способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру [Маслова 2004, 30]. Цель лингвокультурологического анализа, согласно Е. Селивановой, заключается в описании картины мира в том виде, в котором она представлена в повседневной речи носителей языка в дискурсах и текстах [Селиванова 2008], согласно В. Красных - в исследовании и описании культурного пространства сквозь призму языка и дискурса и культурного фона коммуникативного пространства [Красных 2002, 13]. *Главной целью* лингвокультурологии, отражающей отличность этой области языкознания от других наук, считаем, опираясь на мнение В.В. Красных, выявление с помощью языковых единиц базовых культурных ценностей и оппозиций культуры, закрепленных в языке (словарь) и проявляющихся в дискурсе, а также представлений об окультуренных человеком сферах (пространственной, временной, деятельностной и т.д.) и древнейших представлений, соотносимых с культурными архетипами. См. также: [Красных 2001, 13].

Анализ языковых единиц в контексте культурного пространства диктует постановку и решение целого ряда задач, как общих для всех антропологически ориентированных лингвистических дисциплин, так и специфических для лингвокультурологии. При всем многообразии выдвигаемых в этом плане задач выделим основные из них:

- определение основной единицы/единиц лингвокультурологии;
- анализ различных видов представления культурно-значимой информации в языковом знаке и механизмов ее «прикрепления» и интерпретации;
- уточнение методологических предпосылок и на этой основе разработка терминологически унифицированного метаязыка лингвокультурологии, ее ключевых понятий с выделением в них существенных именно для данной науки содержательных аспектов (культура, культурные ценности, культурные установки, культурная коннотация, культурная информация, лингвокультурное пространство, лингвокультурная общность, лингвокультурный

лингвокультурема, идентичность, культурная идентичность, лингвокультурная идентичность и др.);

- выявление универсальных и национально-специфических черт дискурса, его национально-культурной составляющей;
- описание базовых культурных оппозиций, ценностных доминант лингвокультурной общности, формирующих национальную/этническую/групповую и т.д. картины мира.

Способом достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи является *методология* как совокупность приемов и/или операций практического и/или теоретического освоения действительности. Развитие *методологии* любой науки определяется потребностью в углубленном и комплексном изучении возможностей того специфического *метода* познания соответствующих сторон реальности, который используется данной научной дисциплиной [Осокин 2007, 1303-1304]. Методология конкретной науки представляет собой систему исследовательских принципов и способов анализа собственного объекта [Селиванова 2008, 13]. Такая методология включает *методы* — определенные подходы к материалу исследования, его систематизации и теоретическому осмыслению и *методику* — комплекс приемов, применение которых дает возможность изучить данное явление [Арнольд 1991; Маслова 2004; Селиванова 2008 и др.].

Методология лингвокультурологических исследований является, по нашему мнению, наиболее проблемной областью лингвокультурологии, ее самым «слабым и больным местом». Учитывая интегративный характер лингвокультурологии в «корзину» ее методов нередко «скидываются» все методы смежных с ней наук. И здесь основная задача видится нам в выработке (насколько это возможно) собственной методологии на основании фундаментально-теоретической методологии и методологии смежных с лингвокультурологией дисциплин.

Признаем, что задача эта непростая и не близкая, ведь в лингвокультурологии, как и в любой другой «молодой» научной дисциплине зачастую весьма сложно четко отделить собственную методологию от фундаментально-теоретических, и потому обычно принято говорить о «теоретико-методологических проблемах» той или иной науки [Осокин 2007, 1303].

Однако задача рассмотрения совокупности теоретико-методологических принципов лингвокультурологии приобретает особую актуальность и значимость в связи с вопросом самоопределения, существования самой лингвокультурологии как самостоятельной и специальной научной дисциплины. Нельзя не признать, что методы лингвокультурологии — «это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры» [Маслова 2004, 34]. Но что же здесь «собственно лингвокультурологического»? Согласны также с тем, что «поскольку лингвокультурология — интегративная область знания, здесь применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура» [там же]. Но это, по нашему мнению, неправомерно расширяет методологию лингвокультурологических исследований.

Тезис В. Масловой о том, что «взаимодействующие язык и культура настолько многоаспектны, что познать их природу, функции, генезис при помощи одного метода невозможно» [там же], представляется достаточно убедительным. Но предложенное далее перечисление множества методов (лингвистических, культурологических, социологических, когнитивно-концептуальных) носит, по нашему мнению, скорее декларативный, чем прикладной характер и неоправданно расширяет методологию лингвокультурологии. Подобная декларативность, как нам представляется, наблюдается и в концепции А. Хроленко, который в качестве методов лингвокультурологии видит дискурсивный анализ, приемы квантитативной лингвистики, корпусной лингвистики, доминантный анализ, кластерный анализ, методику сжатия конкорданса, методику аппликации словарных статей и др. [Хроленко 2005, 151]. При этом, в цитируемом исследовании используются традиционные семантические методы.

Итак, с одной стороны, на современном этапе развития методологии лингвокультурологии наблюдается интегрирование методологии концептологии, культурологии и общей философии в лингвистические методы. В этом плане выделяется ряд методов лингвокультурологии [Алефиренко 2012, 39]:

- 1) Диахронический метод — сравнительный анализ различных лингвокультурологических единиц во времени;
- 2) Синхронический метод - сравнение одновременно существующих лингвокультурных единиц;

3) Структурно-функциональный метод - разделение объекта культуры на части и выявление связей между частями;

4) Историко-генетический метод - изучение лингвокультурного факта с точки зрения его возникновения и развития;

5) Типологический метод - выявление типологической близости различных лингвокультурных единиц историко-культурного процесса;

6) Сравнительно-исторический метод - сравнение самобытных лингвокультурных единиц во времени и проникновение в их сущность.

С другой стороны, в методологию лингвокультурологии тесно «вплетаются» методы когнитивной лингвистики. Иногда переплетение это настолько тесно, что приводит к «растворению» предмета лингвокультурологии в этой смежной с нею лингвистической дисциплине. Однако, лингвокультурология - это наука, базирующаяся на несколько иных, «не формализованных бастионах научности», где, по словам Л. Микешиной, «определенная доля методологизма и аналитики успешно сочетается с *нарративностью*, *«рассказом»* (выделено нами - Е.М.) как свободным размышлением, и происходит это на пересечении различных горизонтов культуры, науки и искусства» [Микешина 2002, 500]. И поэтому такая потребность лингвокультурологии в «неопределенном дискурсивно-мыслительном пространстве между строгой научностью и вольной фантазией» обуславливает, по справедливому утверждению Н.Ф. Алефиренко, необходимость *комбинаторного* лингвокультурологического подхода к объектам исследования [Алефиренко 2012, 38].

В основании лингвокультурологической методологии лежат понятийные средства особого рода: не столько логические понятия, сколько «понятия-ключи» (Э. Ауэрбах), «концепты-словообразы» (Н. Алефиренко). Они представляют собой «культурные концепты»: не абстрактные или взятые по аналогии, а скорее конкретно-образные и точно не определяющие, но схватывающие своеобразие предмета или события. Последние способны актуализироваться в различных «контекстах» и обогащаться (благодаря живому, не «теоретизированному» повествованию) поиском смысла жизни в фактах культуры [там же].

Сегодня в лингвокультурологии по способам репрезентации концептов разрабатываются свои собственные методы и речь идет не столько о разных приемах концептуального анализа, сколько о целесообразности их комплексного применения с доминированием того или

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая. 173-
ного приема, определяющего специфику соответствующей ме-
тодики.¹⁸

Таким образом, в современной лингвокультурологии происходит поиск собственных оптимальных методов, ориентированных на максимальную экспликацию процессов, которые происходят в сознании носителя/носителей определенной культуры и языка. Эти методы тесно соприкасаются с методами культурологии и этнолингвистики (теоретическая основа лингвокультурологии [Ковшова 2012, 68]), а также когнитивной лингвистики и концептуального анализа («методологическое основание» лингвокультурологии [там же]). Однако, лингвокультурология на завершающей стадии своего самоопределения постепенно вырабатывает свои теоретико-методологические позиции и понятийный аппарат. В этой связи отметим определенную научную ценность исследований, авторы которых вырабатывают и апробируют лингвокультурную методику во взаимосвязи с другими теоретико-методологическими приемами анализа: метод лингвокультурологического поля (В. Воробьев), метод макрокомпонентной модели значения (В. Телия), метод культурной интерпретации фразеологизма (лингвокультурный метод во фразеологии) (М. Ковшова) и др. Также выделим важное для нашей концепции положение о двух *основных методах* лингвокультурологических исследований (Н. Алефиренко, Н. Добровольский, А. Седых). Первый — *сравнительный метод*, который предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно так выявляются общие и специфические черты. Второй — *интроспективный* — предполагает текстовый анализ языкового материала с целью выявления национально-культурной специфики языка. Именно последний представляется особо актуальным для нашего исследования.

¹⁸ В этом плане называются следующие методики: «визуальная» методика Р. Лангакера (Ленекера), методика «профилирования» Е. Бартминского и его школы; описания по предикатным связям и моделированию «диагностических контекстов»; описания концепта по его ассоциативному полю; анализа значения по словарным дефинициям; этимологического анализа; изучения концепта через лексико-грамматическое поле лексемы, его репрезентирующей [Алефирен- ко 2012, 40-41].

Итак, что же такое лингвокультурология? Лингвокультурологи сходятся в мнении, что это область языкознания, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке [Алефиренко 2012, 6-10; Красных 2002, 26; Маслова 2004, 28; Селиванова 2006, 303 и др.]. Более детально и развернуто определение, предложенное В. Воробьевым: «лингвокультурология - комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 2008, 37].

По нашему мнению, любое научное определение должно быть оптимальным по объему: не слишком кратким и не слишком развернутым, отражать основной объект исследования, сглаживать «проблемные» положения и учитывать самые современные достижения в определяемой области. Поэтому предлагаем свою рабочую версию определения лингвокультурологии, актуальную для нашего исследования и не претендующую на «истину в последней инстанции». Итак, **лингвокультурология - область языкознания интеграционного характера, находящаяся в завершающей стадии самоопределения как самостоятельная лингвистическая дисциплина, изучающая язык как феномен культуры и культуру как феномен, во многом создаваемый языком, в их тесной взаимосвязи с индивидуальным и коллективным сознанием.**

Как любая наука, лингвокультурология имеет свой понятийный аппарат, базовые «ключевые термины». В этой интеграционной науке много базовых понятий других наук. Сегодня актуально и необходимо уточнить их содержательный аспект в лингвокультурологическом преломлении. Не будем отдельно описывать все эти термины, а остановимся на их сути и интерпретации в процессе дальнейшего изложения нашей концепции.

4.3. культура как ключевое понятие лингвокультурологии

Идентичность, как уже не раз отмечалось, является многосложным и многогранным понятием, интегрирующим культурный, ментальный, социальный, коммуникативный и языковой аспекты. Поэтому представляется целесообразным и логичным рассмотреть особенности

этого тесного взаимодействия, определяющего специфику идентичности в лингвокультурологическом ракурсе.

Понятийный аппарат, базовые термины лингвокультурологии находятся в стадии уточнения содержательных аспектов, релевантных именно для этой науки. Это касается, прежде всего, ключевых понятий — *культура, язык, сознание* — которые, в свою очередь, продуцируют множество остальных (*культурное пространство, культурная общность, лингвокультура, культурные ценности, культурная идентичность, языковое сознание, языковая картина мира, лингвокультурная идентичность, лингвокультурный код, лингвокультурный концепт* и мн. др). О сути этих понятий и особенностях их взаимосвязи написано и сказано немало и, конечно же, в рамках нашей работы невозможно детально описать историю данной проблематики или исчерпывающе охарактеризовать её современное состояние. Поэтому остановимся на прикладных для нашей концепции положениях, которые, надеемся, внесут свой вклад в решение лингвокультурологической проблематики определения как самих понятий, так и описания их взаимодействия. Прежде всего опишем значимые в этом плане характеристики понятия «культура».

Количество определений и подходов к изучению культуры огромно и измеряется сегодня многозначными числами. Представления исследователей, принадлежащих к различным научным направлениям, о том, что такое культура, были — и до сих пор остаются — достаточно разнообразными и труднообозримыми. Многоликость культуры объясняется прежде всего тем, что «культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия» [Гуревич 2008, 18]. Неисчерпаемость и непостижимость человека обуславливает многогранность и многоаспектность как культуры, так и ее понимания.

Действительно, определения культуры «всеохватны» и варьируются *от* понимания культуры как сверхбиологической (Л. Уайт), *Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая...* 181 сверхорганической целостности (А. Крёбер; Г. Спенсер.), научаемого поведения (Р. Бенедикт; К. Гирц; Э. Девис; Д. Стюард и др.), совокупности идей и информации (У. Тейлор; Дж. Форд; К. Уисслер и др.), как феномена исключительно человеческого существования (К. Гирц; К. Дойч; Ю. Ким; А. Кэконен; В. Оствальд) и социального наследия (Р. Линтон; Б. Малиновский; Э. Сепир и др.), имеющего

176 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
символический (знаково-символический) характер (А. Вежбицка; К. Гирц; Ю. Лотман), и представляющего собой нецентрированный текст, фиксируемый в языковых/дискурсивных практиках (В. Абушенко), *до* вариантов, в которых культура является некой неуловимой абстракцией (Р. Билз и Г. Хойджер; К. Клакхон; А. Крёбер; Р. Линтон; А. Радклифф-Браун; М. Херсковиц и др.) *либо* глобальной сущностью, ср.: «Культура - это всё: от простейших навыков поведения, предписаний и запретов до сложных способов мышления и деятельности, нравственных норм, идеалов красоты, всей системы общения с миром; это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире» [Маслова 2007, 162]¹⁹.

Множественность трактовок культуры²⁰ объясняется еще и тем, что ученые, совершенно обосновано и правомерно выделяя в исследовательских целях те или иные основополагающие характеристики или составляющие этого «всеобъемлющего» феномена, рассматривают их как целостно-автономные явления, отождествляя их с культурой в целом. [Об этом см., напр.: Осокин 2003, 2007].

Поэтому, прежде чем обратиться к сущностным характеристикам культуры, актуализируемым в аспекте лингвокультурологии и изучения идентичности, приведем определение культуры, которое, по нашему мнению, представляет культуру как *целостное и системное явление высшего уровня абстрагирования*. Отметим, что оно базируется на воззрениях В. Оствальда и, в большей степени, Л.Э. Уайта, чьи представления о культуре как системе легли в основу зарождения культурологии как отдельной науки.

Итак, культура - это сложная динамическая гомеостатическая («квазиживая») система небιологической природы, содержащая

¹⁹ Исходя из такой широкой трактовки, в какой-то степени отражающей распространенное определение культуры как всего того, что произведено человеком, в отличие от созданного природой, возникает вопрос, следует ли отнести к ней мусор, который человек производит, и другие человеческие отходы. Один из вариантов ответа дается Ю. Осокиным в рамках культурологического подхода: «Мусор, являясь отходами жизнедеятельности человека, не является частью опыта его видового выживания, в то время как выработка представлений о последствиях его беспечного накопления, как и развитие технологии избавления от него, частью этого опыта, безусловно, являются [Осокин 2007, 1047].

²⁰ Обзор и классификацию определений культуры можно найти в [Гудков 2003; Культурология 2011; Культурология. Энциклопедия 2007; Маслова 2004, 2007 и мн. др].

совокупный опыт видowego существования человека и обеспечивающая накопление, воспроизводство, развитие и использование этого опыта (параллельно с воспроизводством видовых признаков самого человека) [Дубенская 2007; Осокин 2007; Уайт 1997 и др.

Исходя из этого определения, одной из главных задач культуры является «построение системы выживания. социума как целостной системы на основании принятой в нем *модели мира*, построенной в *головах* людей» (выделено нами — Е.М.) [Черносвитов 2002]. Отсюда вытекает фундаментальная *связь культуры и сознания* (знания), вернее единовременность существования культуры в двух её формах: объективной и субъективной. На этом положении строятся многие современные концепции культуры как «макроуровневого социопсихологического конструкта» (Д. Мацумото), «коллективного программирования сознания» (Дж. Хофстеде), «формы организации и интерпретации человеческого существования» (В. Гуденаф), «постоянно развивающегося восприятия мира» (А. Какконэн), «работы самоизменения» (М. Бахтин; В. Библер) и т.п.

Такое специфическое «устройство» системы культуры, в свою очередь, обеспечивает процессы её самовоспроизводства и *самоидентификации* с целью сохранения устойчивости и адаптивности. Последние являются основными интегральными свойствами культуры как системы. Многие устные культуры, по наблюдениям ученых [см., напр., Маслова 2007, 236], основаны на интуитивном умопостижении мира, из которого рождаются действия, обеспечивающие сплоченность группы и дающие способы идентификации. Это и есть обряды, ритуалы, традиции и т.д. В них сохраняются важные сведения о народной духовной культуре.

Особенности двух форм существования культуры исследуются давно и весьма плодотворно. При этом подчеркивается, что обозначение форм культуры терминами «объективная» и «субъективная» носит условный характер, поскольку речь не идет о чем-то истинном (объективном) и субъективно интерпретированном (субъективном). Речь идет о «субъективном преломлении в психике отдельного человека объективного для каждой культуры коллективного опыта ориентаций и поведения». Именно такой опыт объективно обеспечивает сохранение человека и его видовых свойств [Осокин 2007 Т. 2, 608].

Субъективная форма культуры - это «слепок» образа мира в сознании конкретного человека, комплекс осознанных и неосознанных представлений о том, как ему следует (и не следует) жить в этом мире. **Объективная форма культуры** - это одобренный человеческим обществом в качестве социально приемлемого опыт восприятия и понимания системной организации мира, зафиксированный как в физически существующих «материальных носителях» (орудия труда, знания, технические устройства, объекты искусства, книги и т.д.), так и в «устойчивых явлениях коллективного сознания» (обычаи, традиции, общественное мнение, общественный вкус, социальные привычки, особенности национального характера и др.) [Осокин 2007, 48, 481, 608].

Культура способна существовать и функционировать только *во взаимодействии* обеих её форм, в которых она представлена. Хотя некоторые исследователи делают акцент на определяющей роли той или иной формы существования культуры²¹, мы склонны принять точку зрения ученых, согласно которой культура существует *одновременно* как форма общественного бытия людей и как форма присвоения личностью коллективного опыта (К. Баркер; В. Библер; Д. Гудков; С. Иконникова и др.)

Форму существования культуры в сознании её носителей принято обозначать в лингвокультурологии термином **культурное пространство** [Гудков 2003, 90; Красных 2002; Маслова 2004, 48 и др.]. Формируется оно феноменами культуры, вернее, представлениями о них,

²¹ Так, для Р. Мерелмэна, Э. Дюркгейма и некоторых представителей так называемой символической антропологии, культура творится не индивидуумом, а общественным сознанием в целом, точнее, бытующими в нем коллективными представлениями, в том числе и об индивидуальном. Ю. Лотман также отмечает, что «культура, прежде всего, - понятие коллективное...» [Лотман 1994, 6].

существующими в сознании. Культурное пространство соотносится с когнитивным пространством (индивидуальным и коллективным), поскольку оно формируется совокупностью индивидуальных и коллективных пространств всех представителей данной культурно-национальной общности (подробнее об этом — в следующих разделах).

Определив культуру как сложную динамическую целостность высшего уровня абстракции и выделив формы её существования в сознании, перейдем к следующему этапу наших рассуждений о культуре. Понятно, что такое широкое определение должно быть уточнено рамками предметной области и проблемного поля *лингвокультурологии*. Из множества существующих сегодня научных трактовок культуры для лингвокультурологии особенно важны и актуальны те, в которых культура представляется как *система духовных ценностей* (М. Вебер; Г. Францев; М. Хайдеггер; Н. Чавчавадзе), *совокупность установок и норм* (Т. Карвер; Ю. Лотман; В. Сагатовский; У. Томас; К. Уислер; Б. Успенский), *«диалог культур»* (С. Аверинцев; В. Би-блер; Б. Успенский и др.), *система знаков, в которой зашифрована социальная информация* (Ю. Лотман; Т. Стефаненко), *знание/информация, закрепленные в сознании людей* (В. Гуденаф; В. Степин). Таким образом, выделяются основные **свойства культуры**, релевантные для лингвокультурологии: её системность, кумулятивность (Культура есть «память» — Ю. Лотман; «архив» — М. Фуко; «библиотека» — У. Эко), знаковосимволический характер, коммуникативность, диалогичность и антиномичность. Все многочисленные определения культуры можно классифицировать по группам: описательные, исторические, нормативные, психологические, структурные, генетические [Н.Ф. Алефиренко 2012, 47-50], или подходам: описательный, ценностный, деятельностьный, функционистский, герменевтический, нормативный, духовный, диалогический, информационный, символический, типологический [Маслова 2004, 13-15].

Позволим себе тезисно выделить из этих определений зарубежных и отечественных ученых квинтэссенцию культуры, релевантную для лингвокультурологии и нашего исследования идентичности.

Культура не природна, но сущностно *духовна*. Главным и основным ее объектом и субъектом выступает человек. Культура представляет собой *Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая...* 185
ставляет собой духовный опыт человека, отдельных человеческих

180. *Идентичность и лингвокультура: методология изучения* сообществ и всего человечества в целом. Содержание такого опыта, передаваемого из поколения в поколение, составляют *ценностные* смыслы вещей, процессов, явлений, норм и идеалов, отношений и действий, идей и мыслей, выраженные в специфических *знаках и знаковых системах* (языках культуры). Культуры «вообще» не бывает, ибо каждая культура как совместно используемая *информация*, носителем которой является *индивид и/или социальная группа*», как «набор способов социальной практики, хранимых в *социальной памяти коллектива*» [Маслова 2004, 17], *конкретна, специфична* и неповторима.

Переход к определению культуры как «*информационной* структуры» [Алефиренко 2012, 55], «социально значимой *информации*, регулирующей деятельность, поведение и общение людей» [Степин, цит. по [Зинченко 2010, 60] в определенной степени характеризует смещение системного подхода к изучению культуры в сторону рассмотрения её как *синергетического явления*.

Начиная с последней трети XX столетия в науке, как известно, начинает формироваться новое «постнеклассическое» научное направление - *синергетика*, благодаря которому происходит обновление социо-гуманитарного знания в целом и формирование новых мировоззренческих установок. Сегодня «экспликация **синергетической парадигмы** как нового методологического и мировоззренческого основания социогуманитарного знания» [Астафьева 2007, 471] приняла устойчивый характер, несмотря на неоднозначную оценку её результатов. Тем не менее мощный потенциал «диалогово-коммуникативной стратегии самоорганизации» [там же], лежащий в основе синергетической парадигмы, охватывает всё большую область междисциплинарных научных исследований, в том числе в культурологии и языкознании.

Исходя из признания синергетики новым научным знанием о строении и функционировании сложных и сверхсложных систем в их развитии, формируется особый **системно-синергетический подход** к изучению культуры (О. Астафьева; Т. Григорьева; М. Каган; А. Назаретян; Б. Пойзнер и многие другие) и зарождается новая **лингвосинергетическая парадигма**, цель которой - представить язык во взаимной детерминации разных суперсистем: культуры, бытия, этносознания, социума и т.д. (Н. Алефиренко; В. Аршинов; Н. Бардина;

Т. Домброван; Г. Москальчук; Р. Пиотровский; Л. Пихтовникова; Я. Свирский; Е. Селиванова и мн. др.).

В синергетике (рефлексии современной культурологической мысли) культуры, при всех ее множественных трактованиях, можно выделить главное — необходимость учитывать в различных формах существования культуры *процесс становления*. Культура предстает как «особая форма *реальности перехода*, существования между границами» [Киященко 2007, 438]: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её» [Бахтин 1975, 56]. **Культура** в таком понимании характеризуется как **сверхсложная, интегративная, неустойчивая система, в которой происходят постоянные флуктуации (колебания, отклонения), в ходе которых в культуре и языке происходит расшатывание прежде сформировавшегося смысла. В точках бифуркации (ветвления путем развития системы) запускаются процессы, разрушающие прежнюю систему и создающие новую** (В. Библер; П. Гуревич; В. Зинченко; М. Каган; Ю. Лотман; И. Пригожин и мн. др.).

Системно-синергетический подход к культуре позволяет, по мнению исследователей, не просто подводить под понятие культуры те сферы человеческой жизни, которые описываются как *результат, процесс, деятельность, отношения, норма или способ жизни*, но и «пропускать» их через понятие идеи или информации (Н. Алефиренко; В. Борботько; Ю. Лотман; Д. Мацумото; В.С. Степин и др.).

Все определения культуры можно свести к четырем основным типам: 1) культура как идеи, 2) культура как идеи и поведение, 3) культура как идеи и материальные артефакты, 4) **культура как информация**. Последний тип определений, по существу включает все предыдущие. Взгляд на культуру как информацию позволяет включить в это понятие оперативные знания и представления, стереотипы поведения, материальные артефакты, выявление особенностей как малых, так и больших социальных групп [подробнее об этом: Алефиренко 2012, 53-56].

Соглашаясь с таким подходом и используя его основные положе-

в наших дальнейших рассуждениях, тем не менее сделаем одну, но важную для нас, оговорку. Говоря о культуре как об информации, мы, конечно же, не ведем речь об их полном отождествлении - такая тенденция наблюдается в некоторых культурологических и лингвокультурологических исследованиях. Культура действительно представляет собой информацию (культурный опыт есть не что иное как информация), но не сводится к ней, поскольку «информация используется системой культуры в своих собственных целях, не определяемых этой информацией, а, наоборот, определяющих её характер» [Осокин 2007, 1047]. Понятие культуры - это понятие более высокого уровня абстракции (о чем мы уже писали), характеризующее культуру как сверхсложную, интегративную, неустойчивую, целостную систему, предстающую в виде информационной структуры в определенных своих проявлениях.

Такое понимание, по нашему мнению, задает новые и перспективные ориентиры изучения не только самого феномена культуры, но и его особой взаимосвязи с языком и сознанием в свете когнитивно-дискурсивной и лингвосинергетической парадигм, определяет соответствующий потенциал развития лингвокультурологии (об этом - в следующих разделах), формирует креативное поле научных описаний идентичности как междисциплинарной категории.

4.4. Культура и идентичность: культурная идентичность

Идентичность неизбежно и безусловно связана с культурой, о чем мы уже писали в нашей работе. Культура как системный феномен высшей степени абстракции имеет сложную специфику актуализации в реально существующих культурных системах, что характеризует одно из проявлений её диалогичности: универсальность/ локальность культуры. Каждая конкретная культура существует в неразрывном взаимодействии двух форм её бытия - объективной и субъективной, что обеспечивает самобытность при всех изменениях в нормативно-ценностной и смысловой сферах. Идентичность здесь выступает как существенное и относительно константное осмысление тех культурно-ценностных доминант данного общества, которые оказываются функционально необходимыми в процессе его развития.

Сегодня, в век единого информационного пространства, когда мир постепенно превращается в «глобальную деревню», и границы перестают иметь значение, как никогда остро актуализируется потребность в анализе таких культурных доминант определенной общности (прежде всего этнической и национальной), с целью выявления существующих идентификаторов, «работающих» в современном глобализированном культурном пространстве. Этой проблеме уделяется огромное внимание на всех уровнях, и ЮНЕСКО официально признала основополагающее значение «принципа идентичности» в культурном самоопределении общества и в международных отношениях. В документах этой надправительственной организации идентичность определяется как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на своё прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения,.. осуществляет процесс постоянного развития» (цит. по [Ерасов 2007, 443]. Очевидно, что речь прежде всего идет о культурной идентичности.

Прежде, чем остановиться на научно-критическом определении сущности этого феномена, позволим себе привести примеры из обычной, «повседневной» жизни, которые описываются в книге «Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему». Автор этой книги, Клотер Рапай — психолог и культуролог, успешный бизнес-консультант с международным именем, чья концепция культурных кодов легла в основу рекламных кампаний самых известных брендов в мире.

Клотер Рапай утверждает, что бренды быстрее достигают международного успеха, когда подчеркивают свое особое происхождение. Когда бренд идентифицирует себя со своей культурой, он подчеркивает мировой вклад этой культуры. Именно поэтому одно из основных правил международного маркетинга гласит: «необходимо, чтобы бренд или продукт, выходя в мир, нес образ того места, откуда он родом» [Рапай 2008, 162].

Автор приводит много примеров из своей многолетней и более чем эффективной практики. Когда австралийские виноградари решили продавать миру свои замечательные, известные многим ценителям вина, они встретили серьезную конкуренцию со стороны таких центров виноделия как Франция, Италия и Америка. Те австралийские бренды, которые в рекламе обратились к образу «родной дерев-

184 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 189 ни», отражавшей и образ самой Австралии, свободной и непокорной, уверенно завоевали свое место в невероятно конкурентном мире. С другой стороны, когда несколько лет назад австралийские виноделы предприняли попытку продавать сортовое вино «Санджовезе», у них ничего не получилось. Оказалось, что вино из винограда «санджо-везе» неразрывно привязано к региону Кьянти, где его производят уже многие столетия и это глубоко запечатлелось в сознании потребителей. Классическое кьянти так интенсивно продвигает свою «деревню» по всему миру, что ценители вина не допускают, что вина «Санджовезе» можно делать где-то еще.

Бренд может по-разному определять место происхождения, которое будет создавать у потребителя неизгладимое впечатление, пишет К. Рапай. Это может быть деревня, как, например, Линчберг в штате Теннесси в рекламе виски *Jack Daniels*²², или крупный город или регион, как, например, в рекламе говядины Кобе²³, или страна, как, например, Англия в рекламе повторного запуска на глобальный рынок Мини-Купера (*Mini Cooper*), авто-идола 60-х годов. Эта модернизированная версия легендарной машины, созданной фирмой *British Motor Corporation* имела и до сих пор имеет огромный успех на мировом рынке во многом благодаря своей рекламной кампании. Несмотря на то, что нынешний владелец *Mini* - немецкий концерн *BMW*, эта машина представляется в рекламе как архетипический британский прогулочный автомобиль. Рекламный призыв слегка меняется от рынка к рынку - в Италии подчеркивается роскошь машины, в Канаде - резвость на дорогах, но везде этот автомобиль продвигают как типично английский. Здесь затрагивается давняя славная традиция британского автомобильного производства.

²² Образ этой деревни, использовавшийся в рекламе бренда, во времена антиамериканских настроений, когда серьезно пострадала международная репутация многих американских компаний, позволил компании даже приумножить свои прибыли.

²³ Говядина Кобе изготавливается из мяса быков *Wagyu*, выращиваемых в японском регионе, столица которого Кобе. Американские скотоводы решили выращивать таких быков и продавать говядину *Wagyu* в качестве эксклюзивного бренда. У них ничего не получилось. Однако та же самая говядина, разрекламированная как «в стиле Кобе» вызвала большой интерес у американских гурманов.

И наоборот, бренды, которые не идентифицируют свой продукт с местом, откуда они родом, зачастую обречены на финансовые неудачи. Так, например, компания *Ford*, купившая английскую автомобильную марку *Jaguar*, решила продвинуть этот автомобиль в Америке и перепроектировала многие модели так, чтобы они напоминали *Lincoln*. Автомобили *Jaguar*, в результате, изменили свой привычный облик и стали выглядеть как американские седаны. Они утратили образ места, из которого происходили и, как показывали продажи, перестали интересовать покупателей роскошных автомобилей.

Приводя эти и многие другие примеры в своей книге, Клотер Рапай высказывает важное с нашей точки зрения замечание: «Когда делается попытка изменить имидж продукта так, чтобы он был всем для всех культур, его уникальность уступает место ультрадоступности. Бренды, которые чужаются собственного происхождения в угоду международному облику, обычно теряют идентичность с той же скоростью, с какой их «деревенское» происхождение перестает упоминаться в их рекламных сообщениях» [Рапай 2008, 164].

Мы не зря уделили столько внимания этим описаниям, поскольку они убедительно, на наш взгляд, показывают, что по мере того, как мы становимся гражданами «глобальной деревни», каждый из нас, каждая социальная группа, к которой мы принадлежим, каждая нация или этнос — как и каждый бренд — должен стараться «не забывать о местечке, откуда он родом» [Рапай 2008, 165], чтобы сохранять свою самобытность, свою уникальность, свою культурную идентичность: «Если мир станет единообразным и все мы начнем существовать как одна планетарная культура, тогда мы утратим культурную идентичность, которая нас сформировала» [там же, 164].

Итак, что же такое «культурная идентичность» и какова её связь с понятием «идентичность» вообще и с видами/разновидностями идентичности, в частности. Обзор разнообразных точек зрения исследователей на сущность культурной идентичности (некоторые из них уже приводились в нашей работе) показывает, что до сих пор единого мнения не выработано.

Так, например, в теории культуры и культурологии культурная идентичность рассматривается как единство, *тождество* культурного мира *человека* с определенной культурой, культурной традицией,

186 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
культурной системой, характеризующееся усвоением и принятием ценностей, норм, содержательного ядра данной культуры и форм её

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 191
выражения [Культурология, 2011; Теория культуры 2008].

С точки зрения ученых, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, культурная идентичность - *это осознанное принятие человеком* соответствующих культурным норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, самоотождествление себя с культурными образцами именно этого общества [Грушевицкая и др. 2003, 54].

Как можно заметить, в этих и многих других определениях культурная идентичность, во-первых, трактуется как феномен исключительно индивидуального сознания. Характеристика культурной идентичности тем самым суживается до определения, приложимого на самом деле только к индивидуальной идентичности: личной или, чаще всего, социальной. Это значительно ограничивает понятийную сферу описываемого феномена, из которой выпадает ее коллективная составляющая. Во-вторых, культурная идентичность описывается либо как результат («тождество»), либо как процесс («осознанное принятие»). В-третьих, слово «осознанное» не совсем точно, поскольку исключает проявление неосознанного, бессознательного, характерного для сущности идентичности. И, наконец, положение об «устойчивости» культурной идентичности в какой-то степени характеризует её с позиций экзистенциализма, которые сегодня подвергаются справедливой критике, о чем мы уже писали.

В антиэкзистенциалистской концепции идентичности культурная идентичность толкуется как система дискурсивных позиций, связанная с «ключевыми узлами культурного значения» (классом, полом, расовой и этнической принадлежностью, возрастом и т.д.). Система эта динамическая и постоянно изменяющаяся, как, в свою очередь, нестабильны и изменчивы каждая из дискурсивных позиций. Последние возникают в результате самоопределения и соотнесения с окружающими - это описание себя, соотнесенное с описанием, которое составляют о нас окружающие (К. Баркер; Д. Келлнер; К. Мерсер и др.).

Важным в этой концепции нам представляется описание культурной идентичности как динамической и изменяющейся системы не

только самоопределения, но и соотнесения с окружающими, поскольку идентичность только тогда бывает действительно идентичностью, когда она подтверждена другими. Однако, на сегодняшний день недостаточно разработанными и теоретическими обоснованными являются термины «культурное значение» и «узлы культурного значения» [Barker 2003], а также остается неясным характер связи между такими узлами и системой дискурсивных позиций, что несколько размывает анализируемое определение культурной идентичности.

В рассматриваемой литературе также представлены, хотя и немногочисленные, определения *социокультурной идентичности*. Так, И. Кон рассматривает её как систему свойств, благодаря которым человек становится социальнокультурным индивидом, членом определенной культуры и общности [Кон 1984; 1999]. Другие подчеркивают, что социокультурная идентичность — это не просто система свойств, а осознание своей принадлежности к социокультурной группе, которое выражается в принятии значимых в данной группе ценностей, установок и стереотипов. Как пишет Я. Ассман, принадлежность индивида к определенному обществу и его культуре может считаться идентичностью в полном смысле этого слова только тогда, когда эта принадлежность порождает осмысленное чувство сопринадлежности, соучастия. Настоящая культурная идентичность достигается только через осознание своей культурной принадлежности и трактуется как причастность к той или иной культуре, ставшая *предметом рефлексии* [Assmann 2000, 130-133].

Исходя из анализа теоретической литературы, посвященной проблематике культурной идентичности, считаем возможным в нашей работе уточнить сущность и статус последней.

Прежде всего, отметим, что идентичность, и в этом наблюдается единство взглядов многих ученых, всегда бывает культурной идентичностью. Культура и общество сообщают или порождают идентичность и она всегда является продуктом социального конструирования [Assmann 2000, 130; Stryker 2000, 22]. Термин «культурная идентичность» относится к осознательному и бессознательному и таким образом психологическому (ставшему предметом рефлексии) членству индивидов в определенной культуре.

Культурную идентичность поэтому И. Кон совершенно справедливо на наш взгляд, называет одной из главных «модальностей иден-

тичности» [Кон, электр. ресурс], в то время как другие исследователи рассматривают её как вид, проявление либо аспект идентичности (Н. Герман; Е. Селиванова; М. Школова и др.). В рамках нашей работы, учитывая предложенную концепцию уровней, видов, подвидов и разновидностей идентичности, будем считать культурную идентичность **модальностью**, необходимой составляющей идентичности вообще, индивидуальной и коллективной, в частности, а также каждого из ее видов и разновидностей.

Несмотря на то, что индивидуально-личная, индивидуально-социальная и коллективная культурные идентичности тесно взаимосвязаны, они не являются абсолютно тождественными и взаимозаменяемыми понятиями и поэтому должны быть методологически чётко разведены. **Индивидуально-личная культурная идентичность** - это, по нашему мнению, **целостный образ самого себя, слитый с культурой в ее универсальной и локальной диалогичности** (Я - культурный человек, в том числе с точки зрения определенной культуры).

Индивидуально-социальная культурная идентичность или социокультурная идентичность - это феномен более широкого социального «охвата». Он формируется в процессе социальной активности личности с помощью идентификации - механизма социализации личности, посредством которого индивид приобретает социальный опыт того общества, к которому он принадлежит, усваивая его культурные ценности, нормы, установки и т.д.

Поскольку культура является социопсихологическим конструктом, информационной структурой, хранящей и сообщаемой общую систему правил, понятно, что люди, одновременно входя в несколько групп, могут обладать не единственной культурной идентичностью, но и двумя или более. Существование мультикультурных идентичностей предполагает наличие множественных социокультурных систем представлений (информационных систем) в сознании мультикультурных индивидов. Отсюда следует возможность выделения этнокультурной, национально-культурной, классокультурной и т.д. видов индивидуальной социокультурной идентичности. Саму социокультурную идентичность можно классифицировать как модальность социальной идентичности.

Индивидуально-социальную или социокультурную идентичность можно, таким образом, описать как динамическую, изменяющуюся, множественную информационную систему знаний и представлений о своей причастности к определенной социокультурной общности. Система эта формируется путем осознанного и неосознанного осмысления своей принадлежности к такой группе на основе усвоения и принятия характерных для этой группы культурных ценностей, установок, стереотипов и норм. Такая причастность, принадлежность не только самоосмысленна (социокультурная самоидентичность), но и соотнесена с окружающими, подтверждена ими (социокультурная идентичность). В результате возникает **тождество** культурного пространства индивида с определенной культурой (Я — представитель определенной культуры, общности, например, английской).

Иными словами, **социокультурная идентичность - это результат когнитивно-эмоционального процесса осмысления и отождествления индивидом себя с социально-одобренной системой культурных ценностей определенной культуры.**

Культурная идентичность существует в двух своих видах — индивидуальная и коллективная. Сущность и статус индивидуальной культурной идентичности мы только что описали. Перейдем к описанию коллективной культурной идентичности — «неопознанному» до сих пор в лингвистике и лингвокультурологии «объекту» исследования. Вопрос о сущности коллективной культурной идентичности, как и коллективной идентичности вообще, является дискуссионным и в других науках, поскольку остаются нерешенными многие проблемы и, прежде всего, проблема соотношения терминов «самосознание», «саморефлексия», «самобытность» и «коллективная идентичность». Еще раз отметим, что в научно-критической литературе коллективная идентичность зачастую трактуется либо как «саморефлексия» или «самосознание» (Т. Водолажская; И. Кондаков), либо как «самобытность» (Б. Ерасов). Именно рассмотрение коллективной идентичности как культурного феномена позволяет, по нашему мнению, соотнести все эти понятия.

И действительно, в процессе *саморефлексии* общность и ее представители отвечают на вопросы: «Что я такое в коллективном отношении? Кто мы такие как представители определенной общности?

190 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения* (например, кто мы такие как украинцы, русские, англичане?). Какие черты/признаки нас объединяют?» Рефлексируя о себе (саморефлексия), определенная общность осознает свою *идентичность*, которая является частью представлений общности о себе, то есть входит в *самосознание* общности. Тем самым, коллективная идентичность очень близка понятию «коллективное самосознание», но не тождественна ему, поскольку включает и коллективное бессознательное.

Самосознание общности, по признанию многих ученых и об этом мы уже писали, - это его «культура, задающая предельные границы возможных для любого «Я» смыслов и координаты для самоидентификаций - культурные ценности и символы» [Абушенко 2003, 345]. Значит, любая коллективная идентичность также является культурной идентичностью. И именно как *коллективная культурная идентичность* она может быть синонимична термину «*самобытность*», особенно если речь идет о её конкретных национально-этнических воплощениях (английскость, русскость, украинскость и т.д.). **Коллективная культурная идентичность как феномен надиндивидуального сознания - это самоосознание общностью своей самобытности в ходе саморефлексии.**

Отметим, что перенос понятия «самобытность» на культурные феномены национального уровня и его отождествление с понятием «идентичность» вызвал немало споров и проблем, связанных с соотношением действительных культурных характеристик и их осознанием, которые (проблемы) остаются дискуссионными и в наше время. Согласимся с Б. Ерасовым, который в этой связи отмечает, что в обоих терминах очень тесно переплетаются объективные и субъективные аспекты и установить их соотношение как абсолютно истинное не представляется возможным. Тем более, что в понятие «самобытность» нередко вкладывается либо самосознание общности, либо, напротив, дорефлексивный смысл бытия, что с трудом поддается аналитическому определению [Ерасов 2007, 443].

Итак, *коллективная культурная идентичность* вырабатывается в ходе *саморефлексии* общности (этноса, нации, класса и т.д.) с помощью механизмов идентификации, отличных от тех, что лежат в основе индивидуальной культурной идентичности. Здесь осуществляется не уподобление и/или отождествление, а *сопоставление, сравнение* одной культурной общности с другими. В результате такого сопоставления

происходит осмысление общностью себя как таковой, как целого, обладающего определенными группоиден-тифицирующими признаками и тем самым формируется представление общности о себе как *самобытной* целостности, с которым идентифицируют себя все её члены. Это представление воплощается в *самосознание* общности наряду с коллективным бессознательным.

Таким образом, **коллективная культурная идентичность — это самосознание общности, выступающее как динамическая информационно-знаковая система, являющаяся результатом саморефлексии общности - конструирования и представления единства общности как самобытного целого на основе культурных ценностей, норм, установок и стереотипов.**

У Гуденаф [Goodenough 1957] в своей идеационной теории культуры выдвинул принципиальный для когнитивной культурной антропологии и нашего исследования тезис: наилучший путь к знаниям, понятиям и суждениям, содержащимся в стандартах культуры (когнитивном коде) лежит через исследование языковых коммуникантов. Только через язык мы можем узнать способы концептуализации мира, при помощи которых представители каждой культуры упорядочивают свои представления о природе и социуме. В следующем разделе мы обратимся к особенностям взаимосвязи культуры и языка и, соответственно, обоснуем понятие «лингвокультурная идентичность».

4.5. Язык, культура и идентичность: лингвокультурная идентичность

Язык, как и культура, в своей сущности до сих пор остается тайной и количество различных подходов и соответствующих толкований как каждого их этих феноменов, так и их взаимосвязи, множится в геометрической прогрессии. В наиболее широкой трактовке язык рассматривается как язык вообще, абстрактный, мыслительный конструкт. В реальной жизни мы имеем дело с конкретными существующими этническими языками. Поэтому для нас важны следующие

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 197 формулировки языка: «язык - это реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве» [Кибрик 1990, 604] и каждый конкретный

192 *Идентичность и лингвокультура: методология изучения*
язык выступает, таким образом, как «реализация инвариантных свойств языка» [Гудков 2003, 11]. В нашем дальнейшем исследовании мы будем обращаться как к широкому определению термина «язык», так и к более узкому - при описании лингвокультурной идентичности.

Изучение проблемы «язык и культура» имеет давнюю историю. Культурологический подход к анализу языка возник, как считают, в эпоху Просвещения наряду с другими новыми подходами, связанными с характерными для того времени гуманистическими идеями. Языки рассматривались как явления духовной культуры человечества, средства познания культуры народов и общения, что помогало раскрыть связь языка с характером народа. Язык трактовался как важнейший фактор формирования и развития нации/этноса. Отсюда и повышенный интерес к национальному языку как наиболее идентичному в противовес господствовавшей латыни. [см. подробнее: Фарман 2007, 1151-1152].

Раскрытие взаимосвязи языка и культуры получило впоследствии глубокое освещение в теории языка В. Гумбольдта, согласно которой язык формирует языковое самосознание человека, способствует его духовному и культурному развитию. Основные положения концепции этого ученого сводятся к следующим: 1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, её национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма; 3) внутренняя форма языка - это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром [Маслова 2004, 55].

Идеи В. Гумбольдта о связи языка и культуры оказали огромное влияние на их дальнейшее развитие в трудах Ш. Балли, И.А. Бодуэна де Куртэне, Ж. Вандриеса, К. Леви-Стросса, А.А. Потебни, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, Р.О. Якобсона. Одной из самых широко обсуждаемых с точки зрения описываемой проблематики является теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа. У неё есть как свои последователи и сторонники, так и критики и даже противники²⁴.

²⁴ Гипотеза Сепира-Уорфа, получившая неоднозначную оценку в научной литературе, вплоть до ее отрицания (Д. Додд; Г. Колшанский; Б. Серебрянников; Р. Уайт; Р. Фрумкина и др.), тем не менее оказала огромное влияние на развитие лингвистической мысли. Подробнее об этой гипотезе и её использовании в

Эта теория, как известно, утверждает, что мышление, мировоззрение и нормы поведения людей детерминированы характером того или иного языка. Выдвигается спорная гипотеза о том, что наличие в разных языках разной лексики, доказывает, что они по-разному отображают реальную действительность в своих «языковых картинах мира».

Такой подход и ракурс рассмотрения взаимосвязи языка, культуры и этноса получил дальнейшее осмысление в трудах Л. Вейсгера (концепция языка как «промежуточного мира»), Дж. Кэрролла, Д. Олфорда, Х. Плеснера, М. Шелера, Д. Хаймса, в этнолингвистических исследованиях школы Н. Толстого, лингвоантропологических трудах школы Е. Бартминского.

В начале XV века представители австрийской школы слов и вещей (Wort und Sachen) фокусируют свое внимание на конкретном изучении составных элементов языка и культуры — «атомов» лингвокультурологии. Тем самым подтверждается важность культурологического подхода ко многим областям языкознания и прежде всего к лексикологии и этимологии [Алефиренко 2012; Маслова 2007].

В современном гуманитарном знании язык рассматривается как важнейшая составляющая широкого социокультурного контекста. Так, например, в экзистенциализме язык понимается как форма и первоэлемент всякой культуры, её носитель (М. Хайдеггер), в герменевтике — как «опыт мира», зафиксированный в тексте и связанный с социальным и духовным опытом (Г. Гадамер). В истории культуры и культурологии акцент делается на том, что история развития языка непосредственно связана с культурой народа, её национальными особенностями, которые и определяют своеобразие каждого языка. Язык самобытен, оригинален и вместе с тем является «инструментом освоения» культурных ценностей и «способом» их передачи. *Взаимодействие языка и культуры проявляется в освоении разного рода текстов, в языковых контактах, в выработке культурных установок, межличностном общении. Особую актуальность приобретает знание и изучение языков культуры, процессов межкультурной коммуникации* [Фарман 2007, 1153].

В последние десятилетия в языкознании язык осмысливается как социокультурный интерсубъектный феномен, основные функции которого состоят в достижении понимания на социальном уровне и в осуществлении социальной коммуникации, как межличностной, так и межкультурной. Возникают новые отрасли лингвистического знания, непосредственно сфокусированные на проблеме «Язык и Культура» – межкультурная коммуникация (60-70-е годы), лингво- страноведение (70-80-е годы) и лингвокультурология (90-е годы). Обосновывается и окончательно утверждается в широком научном дискурсе понятие «лингвокультуры» как неотъемлемой части любой этнокультуры, вернее, своеобразного продукта репрезентации фактов этой культуры в языке.

Многочисленные трактования сложного взаимодействия языка и культуры в лингвистике, как правило, сводятся к формулировкам «Язык есть ... Культуры», например «Язык есть зеркало культуры». Во всяком случае, таких формулировок значительно больше, чем тех, где культура определяется через язык. Язык трактуется как 1) **основа** культуры, её фундамент, строительный материал (В. Топоров; И. Фарман), 2) **продукт** культуры и **условие** её существования (К. Леви-Строс), 3) **компонент**, важная составная часть, естественный субстрат культуры (Вяч. Вс. Иванов; К. Леви-Строс; Н. Толстой), 4) **хранилище**, сокровищница культуры (В. Гумбольдт; С. Тер-Минасова), 5) **зеркало**, отражение культуры (В. Постовалова; С. Тер-Минасова,), 6) **передатчик** культуры (В. Воробьев; В. Маслова,), 7) **инструмент**, орудие культуры (В. Красных; Д. Мацумото) и т.д.

Очевидно, что проблема «Язык и Культура» не может быть описана исключительно в таком однонаправленном векторе, поскольку он отражает сугубо «внешние формы бытования языка, характеризующие его взаимосвязь с культурой лишь в той мере, в какой люди в качестве носителей языка сами зависят от соответствующей культуры» [Пигалев 2007, Т. 2, 1154]. Конечно же, существует и обратная сторона описываемой проблемы и она, хотя и не так часто, тоже привлекает внимание ученых, рассматривающих проблематику взаимодействия языка и культуры комплексно.

В таких исследованиях на уровне сущностного анализа языка доказывается, что не только язык определяется культурой, но и культура во многих своих аспектах определяется языком, вернее «консти-

туируется» под непосредственным его воздействием. Это свойство языка обычно описывается как его «социотворческая функция» [Пигалев 2007, 1154].

Вкратце суть этой функции сводится к следующему. Культура — это «превращение хаоса в космос» (И. Пригожин), т.е. в некую упорядоченность, которая предполагает расстановку границ в пространстве и времени. Жить в общем для всех пространстве-времени — это значит одинаковым для всех образом его конституировать, уметь в нем ориентироваться и создавать общий ритм жизни. Человек, будучи членом общности, существует в таком пространстве-времени, границы которых выходят за пределы возможностей его органов чувств. Ведь пространство в реальности гораздо больше, чем оно доступно человеку, а время длится дольше времени человеческой жизни (от физического рождения до физической смерти). Благодаря языку упорядочивается, расширяется пространство-время отдельного человека, создается **социокультурное** пространство-время: язык — «континуум, растянутый во времени и пространстве», а не собственность отдельного человека [Пигалев 2007, 1155].

Язык изначально обеспечивал единство рода первой человеческой общности — то есть возможность для человека проникнуть за пределы собственного рождения и собственной смерти, стать «наследником умершего предка и предком будущего потомка». И если «имя содержало социальную роль его понятия», то «набор имен данного рода моделировал структуру этого рода в целом», которая и передавалась от поколения к поколению [там же, 1154-1155]. Эта трансляция обеспечивала и обеспечивает самотождественность общности, т.е. её **идентичность**.

Важным для нашей работы, таким образом, является положение о том, что язык не только определяется культурой, но и сам играет определяющую роль в конструировании ее пространства и времени, *Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая...* 201 а значит обеспечивает её самоидентичность. Поэтому осмысление идентичности человеческой общности предполагает осмысление общности её культуры, отраженной в естественном языке и им создаваемой.

Такой комплексный, двусторонний ракурс рассмотрения проблемы «Язык и Культура» лежит в основе лингвокультурологии как науки и

должен быть, по нашему мнению, определяющим методом познания в любом лингвокультурологическом исследовании: «Язык не просто отражает культуру, но интерпретирует её и мир, создавая ещё одну реальность, в которой живет человек» [Маслова 2007, 237]. Культура, как утверждает автор научного бестселлера «Человек, культура, психология» Д. Мацумото, влияет на структуру и функциональное использование языка, а сам язык - как проявление культуры - подкрепляет наши культурные ценности и взгляды на мир, осуществляя, таким образом, обратную связь [Мацумото 2008].

Концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством языка, а «полифункциональное» постижение языка может быть достигнуто только через культуру. Культура - «коррелят» языка и личности [Воробьев 2008], она формирует и организует «мысль языковой личности», языковые категории и концепты [Маслова 2007, 249]. И поскольку культура - это продукт исторического *коллективного сотворчества* прошлых и современных поколений (С. Трубецкой), для её развития необходим общий для них «архив» (М. Фуко) *культурных ценностей*, накопленный в родном языке - тот «инвентарь лингвокультуры», благодаря которому эти ценности передаются от поколения к поколению. Такое «ценностно-смысловое пространство языка» как раз и является предметом лингвокультурологии XXI века, объектом же выступает «языковая/дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения» [Алефиренко 2012, 16-17].

Отсюда вытекает важность изучения *языка культуры*, на чем фокусируется лингвокультурология, а также семиотика и культурная семантика. Языки культуры дифференцируются: 1) по отнесенности к определенной области действительности или человеческой деятельности (язык математики, язык живописи, язык моды и т.д.); 2) по принадлежности определенной этнической, профессиональной, религиозной и т.д. субкультуре, языковому сообществу (язык хиппи и т.д.); 3) по ориентации на определенные коммуникативные и трансляционные ситуации (язык проповеди, политических речей, официальных документов и т.д. [Подробнее об этом см.: Мацумото 2008; Михайлов 1997; Шейкин 2007 и др.]).

В лингвокультурологии язык культуры — это концепты, символы, ритуалы, мифологемы, эталоны, стереотипы, воплощенные в *языковые*

знаки (В. Маслова; Е. Селиванова; В. Телия и др.). Говоря о лингвокультуре как культуре оязыковленной, овнешненной в знаках языка, ученые рассматривают знаки языка (в лингвистическом понимании этого термина) как тела знаков языка культуры (Д. Гудков; В. Красных; Ю. Лотман; В. Маслова; Е. Селиванова; В. Телия и др.). Знаковость, семиотичность является общим категориальным свойством языка и культуры как систем. Знак в качестве «двустороннего идеально-материального образования» выступает как заместитель явлений ментальной и предметной сфер в процессе коммуникации [Зинченко и др. 2010, 31]. Сопряжение языка и культуры, поэтому, невозможно без *коммуникации*. Более того, если язык влияет на наше мышление и взгляды на мир и является основным инструментом, хранителем, передатчиком и т.п. культуры, а культура воздействует на язык и находит своё реальное воплощение в нём, то именно коммуникативная деятельность, по убеждению многих ученых, оказывается тем звеном, в котором пересекаются и взаимодействуют язык и культура. Для этих исследователей совершенно очевидным представляется тот факт, что участники коммуникации выступают как интерпретаторы культурных и языковых знаков, которые используются в различных социальных контекстах — субъект коммуникации всегда есть субъект языка и субъект культуры (М. Бахтин; В. Зинченко; В. Красных; В. Маслова; Ч. Моррис; Ю. Степанов; В. Телия; А. Уфимцева и мн. др.).

Этот постулат считаем одним из фундаментальных для лингвокультурологии в её современной когнитивно-дискурсивной парадигме. *Homo Loquens* (человек говорящий) представляется как единство *Homo Sapiens* (человек разумный, представитель рода человеческого) и «*Homo Litteratus* (человек культурный)» [Красных 2005]. Не менее важным является это положение и для нашего исследования иден-

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 203
тичности. Последняя рассматривается как категория, «соотносительная с объектами коммуникации» (Е. Горошко), поскольку возникает в коммуникации благодаря основным коммуникативным процессам - интеракции, интернализации и идентификации.

Термин «коммуникация», появившийся в научной литературе в начале XX века, практически сразу же приобрел социокультурный смысл, связанный со спецификой обмена информацией в социуме. Именно поэтому коммуникация в современной научной литературе исследуется как социокультурный феномен, авторы все чаще оперируют понятием *социокультурная коммуникация* (В. Борботько; В. Боров; И. Колегаева; В. Красных; Ю.Хабермас; А. Шоц и мн. др.). Они основываются на том, что в определенном плане каждое социальное действие может быть рассмотрено как коммуникативное, как содержащее и выражающее определенную *культурную информацию*.

Различные научно-критические интерпретации как понятия «коммуникация», так и понятия «социокультурная коммуникация» основаны на различных научно-методологических парадигмах, и акцентируют суть с точки зрения различных подходов [об этом более подробно см.: Гудков 2003].

Все особенности коммуникации, её типов и видов, заслуживают отдельного рассмотрения. Мы ограничимся определением, методологически важным для нашего исследования и в наиболее полном, по нашему мнению, виде отражающим суть этого понятия. **Социокультурную коммуникацию** мы рассматриваем как **«процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приемов и средств их использования»** [Быховская, Флиер 2007, Т. I., 959].

Среди всех условно выделяемых типов общения (напр., ритуальная коммуникация, монологическая коммуникация, диалогическая коммуникация [Гудков 2003, 21-23], или моделей коммуникации (напр., информационно-кодовая, инференционная, интеракционная [Макаров 2003, 22-27]), нас прежде всего интересует именно *диалогическая коммуникация*, понимаемая как взаимодействие «говорящих сознаний коммуникантов» [Гудков 2003, 23]. Теоретико- методологическим основанием для подробного рассмотрения является теория диалога

Для того, чтобы социокультурная коммуникация стала возможной, необходимо пересечение индивидуальных/коллективных культурных и, следовательно, когнитивных пространств общающихся. Чем больше зона такого пересечения, тем успешнее коммуникация. «В нормальном человеческом общении и, более того, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной идентичности говорящего и слушающего. В этих условиях нормальной становится ситуация пересечения языкового пространства говорящего и слушающего. В ситуации непересечения общение предполагается невозможным, полное пересечение. делает общение бессодержательным» [Лотман 92, 10].

Диалогичность коммуникации — это не просто «учет присутствия Другого» [Касавин 2008, 416], а его «постоянное вопрошание, спасающее коммуникацию от мании Одного» [Клюканов 2009, 110]. Подчеркнем, что диалог в этом плане понимается не просто как то, что адресант делает по собственному усмотрению, чтобы представить свою точку зрения, а более всего предполагает, что он (адресант, субъект) предстает перед Другим как перед феноменом, отличным от самого себя: Другой — это объект, с которым мы вступаем в диалог, т.е. на который обращаем наше внимание и даем возможность перед нами раскрыться. Тем самым образ такого Другого проявляется в наших действиях и, соответственно, в формировании нашего собственного образа, т.е. нашей *самоидентичности*.

Любое коммуникативное действие предполагает интерпретацию. В связи с этим И. Клюканов вводит понятие «коммуникативной навигации» [Клюканов 2005]. Понимание Другого путем его интерпретации субъект осуществляет приближаясь к нему и, соответственно, удаляясь от себя; и, наоборот, удаляясь от Другого и приближаясь к себе. Каждое подобное движение, — это коммуникативное событие, целью которого является нахождение субъектом наилучшей дистанции между собой и Другим на линии, по краям которой они сами находятся. И основная проблема такой коммуникативной навигации, как нам представляется, заключается в том, чтобы найти, обрести и, главное, не потерять при этом себя, свою *идентичность*.

При рассмотрении основных особенностей взаимосвязи языка и культуры нельзя не упомянуть и ещё одну актуальную для решения задач нашей работы проблему. Эта проблема активно обсуждалась и обсуждается в гуманитарных науках, но так и не получила однозначного решения. Многостороннюю суть её можно выразить простым вопросом: Что первично - язык или культура? Не вдаваясь в подробности, описания которых занимают целые полки библиотек, обратимся к Д. Хаймсу, который систематизировал различные точки зрения по этому поводу и выделил 4 основных подхода: «1) язык первичен; 2) часть культуры первична; 3) ни язык, ни часть культуры не первичны, они рассматриваются как взаимно определяющие; 4) ни язык, ни часть культуры не первичны, и то и другое определяется фактором, лежащим в их основе (таким, как «взгляд на мир», *Volksgeist*, национальный характер и т.п.)» [Хаймс 1975, 238] (цит. по [Гудков 2003, 16-17]).

Созвучна этой проблеме и другая, вытекающая из нее и также не получившая однозначного ответа: как соотносятся язык и культура? Как часть - целое (что тогда из них что?) или как равнозначные части? Большинство ученых склоняются к ответу: язык - это составная часть культуры²⁵. Некоторые пребывают в неопределенности. Так, например, в трудах известного лингвокультуролога В. Масловой можно найти и утверждения о том, что «язык - составная часть культуры и ее орудие» [Маслова 2004, 62], «отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения *части и целого* [там же], и иное мнение. Так, в монографии 2007 года *Homo lingualis в КУЛЬТУРЕ* читаем: «язык, будучи составляющим культуры, все же не соотносится с культурой как часть - целое. Мы понимаем язык как компонент культуры и как орудие культуры (что не одно и то же). Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая семиотическая система, т.е. отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике» [Маслова 2007, 245].

²⁵ Это выражение уже стало клишированным во всех исследованиях соответствующей проблематики. Вспомним К. Леви-Строса, который утверждал, что язык - составная часть культуры (один из её элементов) и экзистенциалистов, которые тоже определяли язык как первоэлемент всякой культуры, её носитель.

Нам близка точка зрения ученых, в том числе и лингвокультурологов, о том, что язык и культура находятся в отношениях двунаправленной, паритетной взаимозависимости и взаимовлияния. Об этом говорил еще К. Леви-Строс, который представлял язык не только как важную составную часть культуры, но одновременно и как продукт культуры (условно специфический способ существования культуры) и как фактор формирования культурных кодов [Леви-Строс 1985]. Ср.: «Бессмысленно спорить о том, что является первичным, это выводит нас к неразрешимому (во всяком случае, на уровне сегодняшнего состояния научных знаний о мире и Человеке) вопросу о происхождении языка. Язык не может существовать вне культуры, как и культура не может существовать вне языка, они представляют собой нерасторжимое целое, любое изменение каждой из частей которого ведет к обязательным изменениям другой его части» [Гудков 2003, 17].

Соглашаясь с вышесказанным, считаем необходимым уточнить и дополнить это важное для лингвокультурологии положение о паритетности языка и культуры в их взаимосвязи. Во-первых, язык как один из видов человеческой деятельности, действительно является составной частью культуры, но как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой. [Об этом см.: Бромлей 1975, 48; Тер-Минасова 2005, 15]. Во-вторых, с точки зрения структуры языка, его функционирования и способа овладения им (как родным, так и иностранным), культура, вернее социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка, или «фоном его реального бытия» [Тер-Минасова 2005, 15].

В этом контексте также отметим, что тесная и неразрывная связь, «сопряжение» языка и культуры не означает их тождественности друг другу, так как это прежде всего, разные семиотические системы. Культура не изоморфна языку, а структурно подобна ему [Маслова 2004, 60]. Конечно же, между ними как семиотическими системами много общего, и эту общность В. Телия лаконично и убедительно сводит к следующим тезисам:

- 1) культура, равно как и язык, — это формы сознания, отображающие мировоззрение человека;
- 2) культура и язык существуют в диалоге между собой;
- 3) субъект культуры и языка — это всегда индивид или социум, личность или общность;

4) нормативность - общая для языка и культуры черта;

5) историзм - одно из сущностных свойств языка и культуры;

6) языку и культуре присуща антиномия «динамика - статика»

[Телия 1996, 225-226].

Тем не менее, разница между языком и культурой как отдельными семиотическими системами существует. Так, например, ее усматривают в следующем: 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура - знаковая система (подобно языку), она не способна самоорганизовываться; 3) язык и культура - разные семиотические системы [Маслова 2004].

Такое объяснение представляется нам недостаточно убедительным, особенно в своем третьем пункте - «различаются, потому что разные». В отношении неспособности культуры к самоорганизации, сошлемся на авторитетный источник «Культурология. Энциклопедия», где отмечается, что «в числе интегральных свойств культуры следует особо выделить такие её свойства, как способность к **самоорганизации** (поскольку процесс интеграции фрагментов социокультурного опыта в систему, направленную на выполнение задач видового выживания человека, не был задан «извне» никем и ничем и осуществлялся спонтанно).» [Осокин 2007, 482]. Элитарность как установка культуры в культурологических студиях XXI столетия перестает быть ведущей, основной и всё чаще уступает место массовости - «культуре аудиовизуальной эры» [Зинченко 2010, 64].

Более точным представляется следующее описание различий языка и культуры: 1) язык как средство коммуникации одинаково принадлежит всему этнокультурному сообществу, культура наиболее полно эксплицируется в элитарном коллективе; 2) язык имеет ярко выраженную синергетику, культура без знаковых опосредователей не способна к самоорганизации (поэтому это разные семиотические системы); 3) эти и другие различия обусловлены их разными системно-функциональными возможностями: лингвосемиотика как система не полностью покрывает предметную область культуры, и этнокультурное пространство многообразнее и богаче культурно значимого пространства языка [Алефиренко 2012, 103-104].

Именно поэтому в современной лингвокультурологии речь идет не столько о подобии или различии обсуждаемых в данном разделе

феноменов, а о «синергетическом континууме», сопряжении языка, сознания и культуры, в котором ведущим механизмом оказывается языковая модель мира. Синергетика видит в языке активную среду порождения культурных универсалий и культурных ценностей. Культура как семиотизированное культурное пространство предполагает именование всему, что входит в этнокультурное пространство. Неотъемлемой частью любой этнокультуры становится **лингвокультура** — **синергетически возникшее сопряжение языка и культуры, зафиксированное и освоенное определенным этноязыковым сознанием.**

И если культуру можно представить в виде информации, а информация, в свою очередь, также может быть описана как множество дискретных единиц, в том числе и в виде языковых, то и **лингвокультуру** можно рассматривать как «комплекс языковых единиц, заполняющих ценностно-смысловое пространство языка в процессе познания действительности» определенным лингвокультурным сообществом. Языковые знаки как средство социализации, инкультурации и идентификации конструируют, создают общее для всех членов данного лингвокультурного сообщества значение, становясь средством коммуникации. С возникновением таких знаковых лингвосистем формируются и «начала» культуры, образующие со временем «ценностно-смысловую доминанту любой дискурсивной деятельности человека» [Алефиренко 2012, 274].

С позиций когнитивно-дискурсивного подхода и лингвосинергетики (здесь привычная дихотомия «язык — культура» преобразуется в трихотомию «язык, культура, сознание») значительно расширяются как задачи, так и предмет и объект исследования лингвокультурологии. *Предметом* когнитивно-дискурсивной лингвокультурологии оказываются языковые механизмы интериоризации знаний, мнений и способов представления объективной действительности о мире (культурной информации), выработанные человечеством в рамках той или иной лингвокультуры, их вербализация в виде конституентов (сем) семантической структуры номинативных единиц языка. *Задачей* лингвокультурологии, таким образом, является изучение этих вербальных механизмов организации, обработки, хранения и пере-

дачи культурно-значимой информации в функциональном единстве языка и речи [Об этом подробнее см.: Алефиренко 2012, 106-108].

Благодаря такой сопряженности языка, культуры и сознания, системности языкового значения возможно познание как языковой модели мира того или иного лингвокультурного сообщества, так и его идентичности.

Как мы уже писали, идентичности создаются, используются и регулируются внутри культуры, в языке и с его помощью. Язык при этом является не столько зеркалом, отражающим независимый и устойчивый материальный мир, сколько средством, помогающим «придать форму и смысл» нам самим и нашему миру. И поэтому идентичность - это не устойчивая истина и неизменная сущность человека или группы, а регулируемый способ высказывания о мире или о нас самих, постоянно изменяющаяся в пространстве и времени система языковых/дискурсивных описаний, точек зрения субъекта (К. Баркер; Ж. Делёз; Ж. Деррида; М. Фуко): «Язык по сути своей играет три роли в связывании (*bonding*) коммуникантов друг с другом и с их культурой: это 1) *символ социальной идентичности*, 2) *средство социального общения* и 3) *хранилище культурного знания* (курсив наш - Е.М.) [Lane 1996, 67].

Язык в этом ракурсе рассматривается группой исследователей в качестве *ключевого символа* идентичности наряду с другими: одеждой, флагами, эмблемами, жестами, артефактами и т.д. [Гарагуля 2012, 13; Леонтович 2005, 147; Woodward 2002, 9]. Такие «символы» идентифицируют индивида со схожей группой людей, их языком и культурой и дифференцируют этого индивида в отношении другой группы и, соответственно, культуры. Всё это дает повод выдвинуть понятие «*языковой идентичности*» - «совокупности языковых характеристик индивида или группы, состоящей из знаний языка (языковая компетенция), употребления языка (речевое поведение) и отношения к языку (языковые установки)» [Губогло 2003, 39].

Определенные языковые знаки (имена, слова, высказывания, тексты), занимая особое место в системе языка и культуры, становятся своего рода «языковыми маркерами» [Гарагуля 2012, 15] или «носителями», «текстами» [Joseph 2004, 13, 176] идентичности. Показательны в этом отношении имена собственные, которые могут

функционировать как «текст» языковой, культурной, национальной, этнической, религиозной, семейной и т.д. принадлежности. В этом плане обратимся к одному из многих примеров, которые приводит и анализирует С. Гарагуля, обосновывая теорию антропонимической идентичности индивида [Гарагуля 2012].

Социолог Фелли Нкуето Симмондс, полное англоязычное имя которой *Félicitas Nora Nkweto Simmonds*, родилась в Замбии в середине прошлого века. По этнической традиции этой страны родители дали ей имя прадеда *Nkweto*. Они также дали ей и английское имя *Nora*, поскольку Замбия в то время была колонией Великобритании. Во время обучения в католической монастырской школе девушке пришлось принять еще одно имя *Felicitas* — в честь покровительницы святой Фелисии. Позднее в знак отказа от католической религии женщина сократила это имя до *Felly* и начала употреблять его в семейном кругу, среди друзей, а затем и официально.

Фелли Симмондс, написавшая о себе статью под названием *Naming and Identity*, отмечает важность сохранения полного набора её личных имен для собственной идентичности. Она использует разные имена своей общей «антропонимической формулы» в зависимости от того, как она воспринимает себя, и как её воспринимают другие (в официальном общении и документах — *Felicitas Nora Nkweto Simmonds*, среди друзей — *Felly*, в Замбии — *Nora*, в семье и неофициальном общении — *Nkweto*).

Имя, таким образом, связывает индивида с культурно-исторической общностью и в то же время делает его уникальным, отличным в этом пространстве [Гарагуля 2012]: «Индивидуальная идентичность начинается с имени личного и желания придать ему значение» [Joseph 2004, 176]. Соответственно, этнонимы (имена этноса/ нации) идентифицируют человека с определенным этносом/ нацией, культурой, социумом, тем самым, определяя его групповую социальную идентичность — украинскую, английскую, русскую и т.д.

В лингвокультурологических исследованиях также отмечается, что культурно-специфичным, относящимся к идентичности субъекта является не сам язык, а особенности его использования для решения разнообразных познавательных, социальных и коммуникативных задач в конкретной культурно-языковой среде в ходе коммуникации.

Идентичность как когнитивно-дискурсивная лингвокультурологическая... 211 В связи с этим такие особенности определяются как основной признак идентичности субъекта коммуникативной деятельности и предлагается понятие «*лингвокультурной идентичности субъекта коммуникации*» [Герман 2009].

Лингвокультурная идентичность представляется нам феноменом более широкой субъектно-объектной отнесённости и понятийной сферы, «приложимым» не только к субъекту коммуникации, но и к человеку как представителю определенной лингвокультуры, а также к самой лингвокультурной общности. Лингвокультурная идентичность при этом представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в постоянном диалоге друг с другом.

В основе предлагаемого в нашей работе понятия «лингвокультурная идентичность» лежат описанные выше положения о языке, культуре, лингвокультуре и культурной идентичности. Исходя из этого **индивидуальную лингвокультурную идентичность можно рассматривать как отождествление, соотнесение индивидом себя со своей лингвокультурой, помогающее ему определить свое место в лингвокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем. Это результат когнитивно-эмоционального осмысления, усвоения и принятия культурнозначимой информации, кодированной языком и им создаваемой в ходе познания действительности индивидом - представителем определенной лингвокультуры.**

Коллективная лингвокультурная идентичность - это многоуровневая ментально-лингвальная динамическая система, возникающая как результат саморефлексии общности в ходе конструирования и представления её единства как самобытного целого на основе культурных ценностей и с помощью языка.

В лингвокультурной идентичности как модальности этнической или национальной идентичностей, язык, культура, ментальность выступают в роли основных группоинтегрирующих признаков, т.е. выполняют ведущую идентифицирующую функцию. Лингвокультурная модальность всегда присутствует во всех проявлениях идентичности, любая идентичность лингвокультурна.

Значимость изучения лингвокультурной идентичности несомненна и актуальна, поскольку серьезных лингвистических исследований такого плана практически нет ни в отечественной, ни в зарубежной

диалогического исследовательских подходов, мы глубоко убеждены в том, что индивидуальное и коллективное сознание как два типа антропной проекции мира неразрывны и взаимосвязаны, и это следует учитывать при исследовании языка и речи. Однако, изучение коллективного сознательного/бессознательного, отраженного в языке и культуре, может дать значительно больше информации про особенности отдельного человека. Именно поэтому, а также в силу полного отсутствия в лингвистике подобных исследований, для нас в первую очередь интересен феномен *коллективной* лингвокультурной идентичности, её сущность, условия сохранения устойчивости и возможности её трансформаций, факторы и языковые механизмы формирования, осознания и отражения такой идентичности и многие другие проблемы. На них мы более подробно остановимся в следующей главе.

Выводы по главе IV

Тема «язык — культура — сознание — идентичность» без сомнений входит в число важнейших общезыковедческих проблем современности. проявлений. Поскольку идентичность является не только когнитивно и коммуникативно конструируемой сущностью, но и, прежде всего, культурным феноменом, в нашей концепции она исследуется как когнитивно-дискурсивная *лингвокультурологическая* категория.

Современную лингвокультурологию определяем как область языкознания интеграционного характера, которая находится в завершающей стадии становления в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины, и изучает язык как феномен культуры и культуру как феномен, создаваемый языком, в их тесной взаимосвязи с индивидуальным и коллективным сознанием. Интегративный характер лингвокультурологии, которая базируется на достижениях психологии, культурологии, психолингвистики, этнопсихолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвострановедения, лингвосинергетики и других наук, позволяет наиболее полно описать идентичность как сложный продукт сопряжения языка, культуры и сознания.

Культура понимается в работе как сверхсложная, интегративная, неустойчивая, целостная система, в определенной своей сущности предстающая в виде информационной структуры. Культура представляет собой духовный опыт человека, отдельных человеческих сообществ и всего человечества в целом. Содержание такого опыта составляют ценностные смыслы вещей, процессов, явлений, отношений и действий, выраженные в специфических знаках и знаковых системах. Культура как системный феномен высшей степени абстракции, как совместно используемая информация имеет сложную специфику актуализации в реально существующих культурных системах.

Каждая конкретная культура существует в неразрывном взаимодействии двух форм ее бытия — объективной и субъективной, что обеспечивает ее идентичность и, значит, самосохранение и самобытность при всех изменениях в нормативно-ценностной и смысловой сферах. Идентичность здесь выступает как существенное и относительно константное проявление и, соответственно, осмысление тех культурно-ценностных доминант данного общества, которые оказываются функционально необходимыми в процессе его развития. Это и есть тот «иммунитет», который вырабатывает каждая из культур в процессе диалога с другими культурами и с «метакультурой» в целом.

Идентичность всегда бывает культурной идентичностью. Исходя из этого неоспоримого постулата культурную идентичность трактуем не как вид идентичности, а как модальность ее существования, необходимую составляющую идентичности вообще, индивидуальной и коллективной, в частности, а также каждого из ее видов и разновидностей.

Несмотря на то, что индивидуально-личная, индивидуально-социальная и коллективная культурные идентичности тесно взаимосвязаны, соответствующие понятия не являются тождественными и взаимозаменяемыми и поэтому должны быть методологически чётко разведены. *Индивидуально-личная культурная идентичность* определяется нами как целостный образ самого себя, слитый с культурой в ее универсальной и локальной диалогичности. *Индивидуально-социальная, или социокультурная идентичность* представляет собой результат когнитивно-эмоционального процесса осмысления индивидом социально-принятой системы культурных ценностей и отождествления себя с этой системой.

общности, которое выступает как динамическая информационно-знаковая система и является результатом саморефлексии общности, т.е. конструирования и представления общности как самобытного целого в единстве культурных ценностей, норм, установок и стереотипов.

В основе предлагаемого в нашей работе понятия «лингвокультурная идентичность» лежит положение о том, что лингвокультурная идентичность представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в постоянном диалоге друг с другом. *Индивидуальную лингвокультурную идентичность* можно рассматривать как результат когнитивно-эмоционального процесса осмысления, усвоения и принятия культурнозначимой информации, кодированной языком и им создаваемой в ходе познания действительности индивидом - представителем определенной лингвокультуры. Такое овладение ценностно-смысловым пространством языка формирует постоянные характеристики языкового сознания и коммуникативного поведения, которые, в свою очередь, определяют тип личности, а значит и идентичность, и в этом смысле выступают как доминанты сознания и поведения, образующие общую систему ценностно-смысловых доминант дискурсивной деятельности человека.

Коллективная лингвокультурная идентичность может рассматриваться как одна из форм коллективной тождественности определенной лингвокультуры. Это многоуровневая ментально-лингвальная динамическая система, возникающая как результат саморефлексии общности в ходе конструирования и представления её единства как самобытного целого на основе культурных ценностей и с помощью языка.

Если рассматривать лингвокультуру как комплекс языковых единиц, заполняющих ценностно-смысловое пространство языка определенного этнокультурного сообщества, то лингвокультурную коллективную идентичность можно представить как систему ценностно-смысловых доминант лингвокультурного пространства соответствующей общности, воплощенных в языке и им создаваемых.

Понятие лингвокультурной идентичности, как и понятие лингвокультурной общности, в значительной степени снимает дискуссионность терминов «этническая (культурная) идентичность» и «национальная (культурная) идентичность», поскольку сосредоточено не столько на географическом, биологическом, генетическом, гражданско-правовом аспектах (связанных с понятиями «этнос», «нация»), а на языковом, ментальном и культурном единстве его членов.

ГЛАВА V. АНГЛИЙСКАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕНТАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕЕ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

5.1. Английская самобытность как объект исследования

Расширение взаимодействия культур и народов делает чрезвычайно актуальным вопрос о культурной самобытности, культурных различиях и культурной идентичности общности. Каждая культура, как известно, формирует свою уникальную систему ценностей, моделей поведения и общения, способов мышления и деятельности. Яркий тому пример — *самобытность английской культуры*, часто обозначаемая в трудах ученых, писателей и журналистов термином *Englishness* («английскость»). При этом широта и объем соответствующего понятия настолько многомерны и всеохватны, что сегодня его можно смело охарактеризовать как понятие высокой степени абстракции. Несмотря на многочисленность исследований феномена «английскости», определение данного понятия, хотя бы в самых общих чертах, все еще не сформировано. Доказательством этому лишний раз служит тот факт, что в большинстве современных толковых, лингвострановедческих и переводных словарей английского языка словарная статья *Englishness* отсутствует [см., напр. Новый большой англо-русский словарь; *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*; *Longman Dictionary of English Language and Culture*; *Oxford Reference Dictionary*; *Dictionary of Great Britain*], само же слово в речевом употреблении почти всегда окавывается как полулитературное, все еще сохраняющее контекстуально-разговорную привязку.

Непрекращающиеся дискуссии по поводу «Самого Наианглийского» (*Quintessences of Englishness*) [Barnes, 1999] связаны как с неопределенностью понятия английскости и ее соотношения с такими понятиями как «английская культура», «английская идентичность»,

«английский культурный мир», «английское самосознание», «английская самобытность» и т.д., так и с количеством и сущностью включаемых в нее явлений, предметов, образов и их иерархию.

Подобная «всеохватность» и неопределенность объема присущи и другому понятию, также используемому для обозначения английской самобытности - *English identity* («английская идентичность»), которое, в свою очередь, зачастую модифицируется такими терминами как «английская национальная идентичность», «английская этническая идентичность» и «английская культурная идентичность». Далее мы подробнее остановимся на размежевании всех этих терминопонятий, здесь же отметим их несомненную тесную взаимосвязь.

Английская коллективная идентичность, рассматриваемая нами как лингвокультурологическая когнитивно-дискурсивная категория, отражает синергетическое сопряжение языка, культуры и коллективного языкового сознания. Представляя, как и «английскость», некий самообраз общности, она тем самым наряду с представлениями о времени, пространстве, богатстве, бедности и т.п., определяет особую *ментальность*²¹ английской лингвокультурной общности.

История изучения английской ментальности насчитывает не один век и представлена многочисленными именами и работами различных по научным направлениям исследователей.

Интерес к изучению английской ментальности (*English mind*) был в значительной степени инспирирован влиянием Вольтера, чьи знаменитые *Lettres Philosophique*, опубликованные в 1734 году и основанные на его не менее знаменитых *Lettres sur les AngMs* (*Letters on England*, 1733), популяризировали интеллектуальные характеристики и достижения нации, связанные с именами И. Ньютона, Ф. Бэкона, Д. Локка и других ее выдающихся представителей.

Вольтер, конечно же, был не первым, кто обратил внимание на уникальность английского образа мышления (*thinking*), образа жизни и поведения (*manners*) и политики (*policy*). В XVII веке наблюдения Жана де Лафонтена о том, что Англия — страна, где хорошо думается (*England was a country where one thinks*), вызвало знаменитую ответную фразу Ш.

Монтескье²⁶: «В Германии хорошо путешествовать, в Италии — временно останавливаться, а в Англии — думать» (*One should travel in Germany, sojourn in Italy, and think in England*»), [цит. по: Langford, 74].

Несмотря на такой давний интерес к английской жизни, следует отметить, что само слово-термин *Englishness* — сравнительно недавнее «изобретение». Его первое употребление приписывается Уильяму Тейлору из Норвича (1765-1836) — английскому ученому-политологу, переводчику и страстному поклоннику литературы германского романтизма. Считается, что именно благодаря увлечению всем немецким, в его трудах появилось новое английское слово *Englishness*, образованное по аналогии с немецким словом *Deutschum*²⁷, суммирующим квинтэссенцию национальности [Kumar 2003; Langford 2011].

На протяжении следующих столетий об английскости писали как английские, так и зарубежные философы, историки, политики, социологи, антропологи, литературоведы (Е. Barker; N. Dennis; F. Hertz; D. Hume; C. Masterman; A. Morton; Н. Карамзин и мн. др.), а также путешественники, опубликовавшие свои путевые заметки (J.C. Beltrami; C. Goede; G. Heriot; E. de Montulé; A. Pichot; N. Scarfe и мн. др.). Проблемы английскости затрагивались в творчестве крупнейших английских писателей: И. Во, П. Вудхауза, У. Голдинга, Дж. Голсуорси, Ч. Диккенса, Р. Киплинга, Дж. Оруэлла, Дж. Остин, Дж. Пристли и мн. др.

Следует отметить особую роль произведений, благодаря которым, по сути дела, началось *скрупулезное* изучение английского национального характера в художественной и документальной литературе: *England and the English* (Е. Bulwer, 1833), *Journeys to England and Ireland* (А. De Tocqueville, written in 1830, published in 1953), *English Traits* (R. Emerson, 1856), *Notes on England* (Н. Taine, 1860), *English Hours* (Н. James, 1905). Книги А. Токвиля, Р. Эмерсона и Г. Джеймса продолжили традицию литературного жанра путевых заметок (*travel literature*), популярного в XVII и XVIII веках. Яркими примерами этого жанра в английской литературе XX века, создающими портреты Англии и англичан, несомненно являются путевые

²⁶ Ш. Монтескье прожил в Англии полтора года, проникшись огромным уважением к этой стране. Общение с местными философами, политиками, юристами в значительной степени определило его идеалы в сфере государства и права.

²⁷ Отцом идеи об исконной немецкой идентичности является Гердер и романтики.

заметки Дж. Пристли, А. Мортон и Дж. Оруэлла: *English Journey* (J. Priestly, 1934), *In Search for England* (A. Morton, 1937), *The Road to Wigan Pier* (G. Orwell, 1937). Образ англичан также раскрывался в юмористических и сатирических произведениях английских и зарубежных авторов: *1066 And All That* (W. Sellar, R. Yeatman, 1930), *The English, Are They Human?* (G. Renier, 1931), *How to be an Alien* (G. Mikes, 1946), *The Amazing English* (R. Shahini, 1948), *England, Their England* (A. Macdonell, 1933). С особой глубиной и достоверностью национальный портрет англичан был описан Дж. Оруэллом в его знаменитой книге *The Lion and the Unicorn* (1941). Именно эти произведения, по нашим наблюдениям, составляют тот «фундамент», на котором строились и продолжают строиться рассуждения об английском национальном характере, английскости и коллективной английской идентичности в научном и документальном дискурсе.

Изучение английскости и английской идентичности гуманитариями разных направлений *последнего полувека* (1960-2014) в основном концентрируется на диахроническом аспекте и касается процесса идентификации в историческом срезе. В этом ракурсе анализируются англо-саксонское, тюдоровское, стюартовское, викторианское, георгианское, эдвардианское и т.д. английское сознание, черты характера, формирующие соответствующие институты или в них отражающиеся (M. Billing; B. Bradshaw; L. Brockliss; J. Campbell; J. Clark; R. Colls; P. Dodd; E. Evans; J. Grieder; R. Helgerson; K. Tidrick, etc). Исследования английской идентичности в диахроническом аспекте фокусируются на выделении идентифицирующих признаков, рассматривая, когда и под воздействием каких факторов сформировался образ английской нации и/ или этноса (S. Barezewski; B. Cottle; R. Davies; J. Giles; J. Gillingham; E. Hobsbawn; A. Murdock).

На фоне указанных работ выделяется фундаментальное исследование известного британского историка Пола Лэнгфорда — *Englishness Identified: Manners and Characters 1650-1850* (Paul Langford, 2001). В отличие от многих исследований подобного плана, автор сосредоточивается не только на самом процессе идентификации английско- сти, сколько на его результате — базовых составляющих английскости того времени, рассматривая последнюю как коллективный феномен и синтезируя точки зрения иностранцев и самих англичан на этот предмет. Под английскостью

автор подразумевает те отличительные черты национальной жизни, которые рассматриваются как типичные или характерные как самими англичанами, так и иностранцами. Внимательно анализируя и сопоставляя различные источники, датируемые обозначенным периодом (1650-1850) — дневники, письма, мемуары, путевые заметки, автобиографии, биографии, т.е. документальную прозу (*non-fiction*), написанную англичанами о своей стране и других народах, а также иностранцами об Англии и англичанах, — П. Лэнгфорд выделяет 31 составляющую английскости. Автор группирует их в шесть основных «черт» (*features*), характеризующих Англию и англичан — *Energy, Candour, Decency, Taciturnity, Reserve, Eccentricity*, формирующихся в течение двух описываемых столетий [Langford 2001].

Ономасиологический выбор именно этих обозначений, по признанию самого автора, носит субъективный характер не просто потому, что они представляют его субъективную оценку и суждение как читателя XXI столетия, читающего произведения, написанные в XVII-XIX ст., но и потому, что слова-термины, включенные в группу и обнаруженные автором в анализируемых источниках легко взаимозаменялись. Например, слово-архаизм *candour* (искренность, откровенность, прямолинейность, непредвзятость, доброжелательность) являлось только одним из семантической группы ассоциатов и синонимов, характеризующих англичан в анализируемом материале: *honesty, simplicity, directness, sincerity* и др. В результате, выделив и описав такие черты английскости, которые можно обозначить как *plainness, openness, separateness, domesticity, honesty, humbug*, автор объединяет их всех в группу под названием CANDOUR.

Большое значение для изучения английской идентичности имеют также литературоведческие исследования, которые рассматривают вопросы, связанные с ее формированием и репрезентацией в англоязычной художественной литературе разных времен (Z.Dergovic-Joksimovic; D. Gervais; A. Hoesedaars; D. Petkovic; J. Taylor; D. Tracey; Th. Turville-Petre и др.). В России в этом направлении плодотворно работают представители Воронежской научной школы и другие исследователи (А. Ботникова; В. Григорьева; Л. Гришаева; В. Ивашева; С. Кончакова; Е. Петросова; М. Попова; Н. Потанина; В. Струков и др.).

Кроме *исторического* взгляда на особенности английского национального характера, английской ментальности, английской само-

бытности, современные ученые обращаются и к *сегодняшним* проблемам английскости и английской идентичности. Среди многих известных работ выделим наиболее значимые: *English and Englishness* (Doyle M. 1989); *Englishness and National Culture* (A. Easthope, 1999); *Citizenship and National Identity* (D. Miller, 2000); *Diana, Self-Interest, and British National Identity* (J. Taylor, 2000); *England in Particular: A Celebration of the Commonplace, the Local, the Vernacular and the Distinctive* (S. Clifford and A. King, 2006); *The Making of English National Identity* (K. Kumar, 2003) и др.

Отметим и современных английских писателей, в произведениях которых так или иначе затрагиваются проблемы сегодняшней английскости и английской идентичности: *Albion: The Origins of the English Imagination* (P. Ackroyd, 2002), *London. The Biography* (P. Ackroyd, 2000), *The Lambs of London* (P. Ackroyd, 2004); *England, England* (J. Barnes, 1999); *Wise Children* (A. Carter, 1991); *Spies* (M. Frayn, 2002); *Waterland* (G. Swift, 1983) и др.

Особый интерес для нашего исследования представляют произведения английской документальной прозы (включая путевые заметки), посвященные этому вопросу и написанные английскими журналистами, публицистами и исследователями. Среди них самыми знаменитыми и серьезными, по признанию английской прессы и критиков, являются следующие работы: *Anyone for England?* (K. Aslet, 1997); *Identity of England* (R. Colls, 2004); *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour* (K. Fox, 2004); *Real England: The Battle Against the Bland* (P. Kingsnorth, 2009); *The English. A Portrait of a Nation* (J. Paxman, 1999); *The English Companion: An idiosyncratic A-Z of England and Englishness* (G. Smith, 2006); *England: An Elegy* (R. Scruton, 2001); *I never knew that about England* (C. Winn, 2005); *I never knew that about English* (C. Winn, 2008) и др.

Интерес лингвистов к проблемам английского национального характера, ментальности и сознания, образа англичан отражен в немногочисленных, но разнообразных концептологических, лингвокультурологических, психолингвистических исследованиях отдельных составляющих этих феноменов (М. Ангелова; Н. Андрейчук; А. Вежицкая; А. Денисенко; Т. Ивушкина; В. Карасик; А. Коровина;

В. Красных; Н. Уфимцева; И. Шевченко; И. Янушкевич; P. Cornfield; P. Ingham; H. Hitchings; J. Toyota и др.).

Среди «констант» (Ю. Степанов), «культурных доминант»/ «этноспецифических концептов» (В. Карасик; О. Прохвачева), ключевых «лингвокультурных концептов» (С. Воркачев), «ментефактов культурного пространства» (В. Красных), «этнокультурных констант»/ «культурных концептов» (Н. Алефиренко; М. Ковшова и др.), символов английской культуры, представленных «культурными ключевыми словами» (A. Wierzbicka), выделяются и исследуются 'accuracy', 'right/wrong', 'reasonable', 'fairness' [Wierzbicka 2006] 'gentleman', 'common sense', 'freedom', 'tradition', 'fair play', 'home', 'privacy', 'stiff upper lip', 'sense of humor' [Цветкова 2000], «приватность, пунктуальность, умение жить» [Карасик 2005], «чистота/грязь, слава» [Карасик 2010], «закон» [Палашевская 2001], «сдержанность, закрытость, замкнутость» [Алефиренко 2012] и т.п.

Однако, комплексного лингвокультурологического исследования современной английской коллективной идентичности, особенностей ее конструирования в определяющих для нее типах дискурса в лингвистике до сих пор не проводилось. И это не случайно — поныне остаются дискуссионными множество вопросов как общегуманитарного плана, так и специального лингвистического.

Все эти вопросы не могут быть однозначно и полностью решены в рамках одного исследования, поэтому в нашей работе представлена концепция английской коллективной идентичности как когнитивно-дискурсивной категории, которая не только разрешает ряд основных проблем теории идентичности, но и намечает перспективные векторы исследований в этом новом направлении.

5.2. Термины, обозначающие английскую самобытность

В современном постсоветском и зарубежном научном дискурсе идентичности такие понятия как «английская идентичность» (*English identity*), «английская национальная идентичность» (*English national identity*), «английская этническая идентичность» (*English ethnic identity*), английскость (*Englishness*), английское национальное самосознание (*English nationalism*) зачастую используются как взаимозаменяемые. Например, в аннотации к книге известного британского социолога К.

Кумара *The Making of English National Identity* отмечается: 'Why is **English national identity** so enigmatic and so elusive? < > This book is a fascinating exploration of **Englishness** and what it means to be English' [Making of English National Identity. Annotation 2003]. В первой главе самой книги читаем: 'To speak of **English nationalism**, or of **English national identity** is to use the language of a flourishing branch of the social and political theory...' [Kumar 2003, 5]. В некоторых работах *Englishness* трактуется как важнейшая часть, квинтэссенция английской национальной идентичности [Кончакова 2011; Денисенко 2005 и др.].

По нашим наблюдениям, в исследуемом английском документальном дискурсе слово *Englishness* также зачастую используется как тождественное словосочетаниям *English identity* и *English national identity*: 'We are constantly being told that the English have lost their **national identity** - that there is no such thing as **Englishness**' [Fox 2005, 1] Вообще, из всех приведенных выше *Englishness* - самое широкое, расплывчатое, наиболее часто употребляемое нетерминологически, склонное к метонимизации и ироническому использованию обозначение. Неслучайно оно в большинстве случаев в тексте окавычивается.

Безусловно, все эти обозначения тесно переплетены и взаимосвязаны, и поэтому в литературе в последнее время конкретные воплощения национальной и/или этнической идентичности все чаще называются «русскостью», «английскостью», и т.д. Английскость при этом превращается в довольно широкое и емкое понятие, которое может ассоциироваться как с этническим, так и национальным аспектом. Такая «растяжимость» и универсальность позволяет некоторым исследователям высказывать мысль о том, что трактование термина зависит от того, в какой контекст оно помещено и какая цель поставлена [см., например, Петросова 2005].

Еще более усугубляет проблему разделения обсуждаемых понятий нерешенность размежевания терминов «национальная» и «этническая идентичность», вызванная, в свою очередь, более глобальной проблемой дискуссионности понятий «нация» и «этнос»²⁸ [Об этом подробнее см.:

²⁸ Рамки работы не позволяют дать подробный обзор теоретических источников по этой проблеме. Отметим, что в настоящее время, по мнению А. Садохина, под влиянием философии постмодернизма наиболее распространенной дефиницией этноса является так называемая «субъективистская» дефиниция. Этнос в ней определяется как группа,

Бромлей 1973; Козловец и Ковтун 2010; Нагорна 2002; Попова 2004; Селиванова 2008; Смит 2006; Стефаненко 1999; Хабермас 2005 и мн. др.]. Подчеркнем, что национальная идентичность имеет сложную структуру, включающую в себя как национально-государственный, или гражданско-правовой элемент, так и элемент культурно-этнический, разделяемые в некоторых источниках как гражданско-государственная (политическая) и этническая (этносоциальная) идентичности. Понятие *Englishness*, если и близко понятию национальной идентичности, то скорее в «примордиалистском» толковании последней, где особое значение придается не столько гражданско-правовому началу, сколько этнокультурной ипостаси идентичности — общему языку, культуре, истории, территории и т.п.

В наших работах, основываясь на анализе научного дискурса идентичности, мы уже излагали свою точку зрения на особенности соотношения понятий «идентичность» и «самобытность» [Матузкова 2013; Матузкова 2013д; Матузкова 2013ж].

Напомним, что термин «идентичность» пришел из социальной психологии, где он обозначал внутреннюю определенность и самосознание личности и общности. Перенос этого понятия на культурные феномены позволил некоторым культурологам заменить английско-немецкий термин «идентичность» русским «самобытность» и использовать его в значении первого при описании социокультурных процессов. В самом, пожалуй, авторитетном на сегодняшний день англо-русском словаре под редакцией Ю.Д. Апресяна слово *identity* в одном из своих значений переводится как «национальная самобытность» [Новый большой англо-русский словарь

члены которой имеют общее название (этноним), комплекс определённых общих черт, миф об общем происхождении, коллективную историческую память и связывают себя с определённой территорией и чувством солидарности [Садохин 2002]. Как справедливо отмечает Е. Селиванова, этнос может квалифицироваться «в идеале», поскольку реальная жизнь этноса нередко меняет его инвариантные признаки. Этнос в идеале исследовательница трактует как исторически сформировавшуюся, объединённую общим этнонимом совокупность носителей одного языка, которые осознают себя как целостность на основе психологического склада, общности культурных традиций и норм, опыта, сформировавшихся в процессе этнокультурной социализации и при взаимодействии с другими народами. Язык, таким образом, выступает одним из ведущих группинтегрирующих признаков [подробнее об этом см.: Селиванова 2008; Селиванова 2012]

2001]. Обосновывая введение понятия «коллективная культурная идентичность», в четвертой главе нашего исследования мы отмечали, что любая коллективная идентичность является культурной идентичностью, последняя всегда выступает как неотъемлемая составляющая, модальность национальной и этнической коллективной идентичности. И именно термин «коллективная культурная идентичность» может быть синонимичен термину «самобытность», особенно если речь идет о ее конкретных национально-этнических воплощениях (например, английскости). Коллективная культурная идентичность как феномен надындивидуального сознания - это «самоосознание общностью своей самобытности в ходе саморефлексии» [Матузкова 2014].

Привлечение тех немногих современных лексикографических источников (в основном электронных словарей), где все-таки присутствует словарная статья *Englishness*, косвенно подтверждает наши теоретические постулаты. *Free (on-line) Dictionary* регистрирует два значения лексемы: 1) *of, relating to or characteristic of England or its people*; 2) *of, or relating to the English language (n. used with a plural verb)* [freedictionary]. Другой электронный словарь в статье *Englishness* сообщает об истории англов, саксов и готов, о появлении оного *Englaland - the land of the strongest of the three - Engles*, а также приводит обозначение коренного населения после победы норманнов - *Englishry*. Дефиниции *Englishness* в словарной статье нет [Merriam-Webster Online].

И, наконец, еще один электронный словарь дает следующую дефиницию: "*Englishness is a cultural identity*" [opendemocracy].

Нашу гипотезу об определенной синонимичности терминов *English identity* и *Englishness* также подтверждает и анализ исследуемого материала английского документального дискурса идентичности (об этом ниже), выявивший ведущие идентифицирующие признаки современной английской идентичности — **язык и менталь- ность с ее особым ценностным содержанием**. Современное понятие *English identity* — это не столько национально-этнический конструкт, обеспечивающий тождественность общности на основе географических, генетических, биологических, гражданско-правовых, исторических, расовых (этнических) идентифицирующих признаков (что связано с понятием «этнoса» или «нации»), сколько лингвокульту- рный, основанный на языковом, ментальном и культурном единстве ее членoв: *The English are*

*simultaneously rediscovering the past that was buried when "Britain" was creating, and inventing a new future. <... > The new nationalism is less likely to be based on flags and anthems. It is modest, individualistic, ironic, solipsistic, concerned as much with cities and regions as with counties and countries. It is based on **values** that are so deeply embedded in the culture as to be almost unconscious...* ' [Paxman 1999, 265-266].

С этой точки зрения, современная английская идентичность — *English identity* — может быть определена в рамках нашей классификации идентичности как **«английская коллективная лингвокультурная идентичность»** (определение коллективной лингвокультурной идентичности было введено в четвертой главе диссертации). Данное терминопонятие, как и терминопонятие «лингвокультурная общность» в значительной степени снимает дискуссионность дефиниций и употребления терминов «английская национальная идентичность» и «английская этническая идентичность».

Понятие *English identity* в его сегодняшнем лингвокультурном ценностно-смысловом измерении и трактовании в качестве английской лингвокультурной идентичности не может, таким образом, полностью отождествляться с понятием *Englishness*. Как нам представляется, оно более широко по объему. Это не просто отличительные типичные характеристики культуры Англии, английского национального характера, ментальности, поведения - того, что обычно включается в понятие «английскость». Это не столько общность знаний и представлений, воплощенных в образе Родины и самих себя (англичан), сколько квинтэссенция сопряжения образа Англии и самих англичан (себя), образа других (отличных от англичан), а также образа Англии и англичан в глазах других в ценностном и языковом измерениях. И если рассматривать лингвокультуру как «комплекс языковых единиц, заполняющих ценностно-смысловое пространство языка» [Алефиренко 2012, 53] определенного этнокультурного сообщества, **то английскую лингвокультурную коллективную идентичность (*English identity*) можно гипотетически представить как систему ценностно-смысловых доминант лингвокультурного пространства английской общности, воплощенных в языке и им создаваемых.**

Предметом изучения английской коллективной идентичности как лингвокультурологической категории должны стать языковые средства и

механизмы интериоризации знаний и представлений, т.е. культурной информации о своем единстве как самобытном целом, выработанные английской общностью в рамках своей культуры.

При исследовании английской коллективной идентичности вопрос о том, является ли язык ее стойким маркером, ведущим идентифицирующим признаком, не актуален: здесь не рассматривается языковая (в некоторых источниках лингвистическая) индивидуальная идентичность (я - англичанин, потому что английский язык для меня родной). Задачей изучения английской идентичности является выделение и анализ вербальных единиц конструирования (организации, хранения и передачи) ценностно-смысловых доминант английской лингвокультурной общности, для членов которой английский язык четко определен как родной. Поэтому ответ на вопрос «Кто мы?» будет гипотетически звучать примерно так: «Мы - англичане, владеющие английским языком как родным (языковая/лингвистическая идентичность) и добровольно разделяющие ценности английской культуры (культурная идентичность). Для нас эти ценности формируются посредством определенных языковых единиц, что способствует формированию английской лингвокультурной общности и помогает категоризировать, соотносить, отделять нашу общность от других (лингвокультурная идентичность)».

В данной работе, таким образом, для изучения особенностей воплощения и представления современной английской идентичности в документальном дискурсе, используются два термина — *English identity* и *Englishness* в зависимости от предпочтительного их употребления в исследуемом источнике. Оба термина передают понятийный, ценностный и образный смыслы лингвокультурного конструкта «английская идентичность».

Прежде чем приступить к анализу лингвального воплощения английской идентичности в документальном дискурсе следует также объяснить, почему объектом нашего исследования выбрана английская, а не британская идентичность. Корреляция терминов *English identity* и *British identity*, равно как и терминов *Englishness* и *Britishness* является фокусом многочисленных, до сих пор не прекращающихся дискуссий во всех областях зарубежного гуманитарного знания [см., например, I. Baucom; G. Bauman; R. Cohen; B.Crick; E. Evans; R. Langlands; K. Robbins, etc], что

представляет собою еще одну проблемную область дискурса современной английской идентичности.

Так, П. Акройд в своей книге «Альбион: Истоки английского воображения» (*Albion: The Origins of the English Imagination*, 2004) связывает понятие *Englishness* с развитием языка, культуры, образа мысли и воображения англичан. Писатель-документалист различает британскость и английскость, обуславливая истоки английскости *англо-саксонским* путем развития, а британскости — *кельтским* вариантом эволюции. При этом автор приходит к выводу о том, что невозможно с определенностью вычленить кельтское, англо-саксонское и другие влияния на развитие английской общности [Ackroyd 2004].

Отметим, что слова *British identity* и *Britishness* практически не зафиксированы в современной англоязычной лексикографии. Слово *Britishness* в авторитетном словаре *Oxford English Reference Dictionary* подается как один из дериватов слова *British* без толкования [Oxford Reference Dictionary 1995, 182]. В современном on-line dictionary *Britishness* определяется следующим образом: '*Britishness is the state of quality of being British or of embodying British characteristics*' [Merriam-Webster Online].

С конца XVIII столетия слова *Britishness* и *Englishness* во многих контекстах использовались как взаимозаменяемые синонимы [MacPhee and Poddar 2007, 1-25], хотя термин *Britishness* охватывает, по сути, несколько идентичностей, которые отличаются идентифицирующими признаками, обычно считающимися ведущими в определении данного явления. В 2007 году исполнилось 10 лет со дня избрания собственного Парламента Шотландией и собственной Ассамблеи Уэльсом. По этому поводу проходило много устных и письменных дебатов, значительная часть материалов которых была издана в 2009 году под красноречивым заголовком: *Breaking Up Britain: Four Nations after a Union*, где Великобритания была названа пазлом, сложенным из разных кусков [Perriman 2009, 3]. Целый выпуск журнала *British Politics Review*, вышедший в том же году, был посвящен одной теме: *The Britishness Debate. Identity issues in a constituted United Kingdom* [British Political Review].

Иными словами, *Britishness* как обозначение самобытности начало терять свою актуальность с развалом империи, в конце 1940-х годов. Процесс этот, как мы видим на примере требующих независимости Шотландии и Уэльса и отстаивающей свою целостность Ирландии,

продолжается, и термин все больше приобретает темпорально маркированный характер: активный в Викторианскую эпоху, он не так часто используется в документальной прозе сегодня.

Еще сложнее в разрешении представляется проблема разделения понятий *English identity* и *British identity*. В одном из самых авторитетных на сегодняшний день трудов по английской идентичности *The Making of English National Identity* (2003) ее автор, известный британский социолог К. Кумар отмечает, что книгу можно также было назвать «Загадка (*Enigma*) английской национальной идентичности», поскольку ответ на вопрос «Что такое английская идентичность?» предполагает, в свою очередь, решение, по крайней мере, пяти основных вопросов, каждый из которых до сих пор еще не получил однозначного ответа: *'Why does 'English nationalism ' sound so strange to English ears? Why is it - more than in most other cases - so elusive, so difficult to pin down? When - if at all - did it emerge? What is the relation of English national identity to the national identities of those other peoples - the Welsh, Scots and Irish - who share with the English the two islands off the northwestern coast of Europe? Can we separate English from British national identity and, if so, how?' [Kumar 2003, ix].*

Сравнение, противопоставление, обособленность и исключительность (*contrast, opposition, and exclusion*), общие для формирования любой национальной идентичности, скорее всего характерны для британской национальной идентичности, но не английской, утверждают социологи (L. Colley; E. Evans; K. Kumar). В содержании последней на протяжении нескольких веков наблюдалось противоположное явление: не обособленность и противопоставление, а включение и расширение, не замкнутость, а устремленность за пределы острова. Англичане идентифицировали себя как строители Великой Британии, создатели Британской Империи, пионеры первой мировой промышленной цивилизации: *'British national identity was forged through a series of powerful contrasts with Britain's continental neighbours, particularly but not only France. But the English case shows almost the opposite phenomenon. Not exclusion and opposition, but inclusion and expansion, not inwardness but outwardness,, mark the English way of conceiving themselves. The English saw themselves in the mirror of the larger enterprises in which they were engaged for most of their history. They found their identity as*

constructors of Great Britain, creators of the British Empire, pioneers of the world's first industrial civilization ' [Kumar 2003, ix].

Вне всякого сомнения, элемент контраста, сравнения также присутствовал и присутствует в английской национальной идентичности: англичане видели и продолжают видеть себя отличными от «кельтов», которых они завоевали и колонизировали, и в, большей степени, они отличали себя от не-европейцев, которые населяли Империю.

Кроме того, англичане идентифицировали себя не столько с конкретными задачами (*projects*), сколько с «высокой миссией» - они были избраны и призваны, по воле провидения, довести до совершенства этот мир (*they were called upon to carry out in the world* [Kumar 2003, x]). Эта особенность дала повод английским социологам (К. Кумар) и публицистам (Дж. Паксмен) типизировать английский патриотизм и английскую идентичность как «миссионерские» (*missionary*). Вспомним ключевое для английского самосознания выражение «певца английского империализма» Р. Киплинга - «несите бремя белых». И еще раньше - знаменитые слова Генриха V, произнесенные перед решающей битвой англичан с французами при Азенкуре (*Battle of Agincourt*) и увековеченные Шекспиром: *'We few, we happy few, we band of brothers'*, которые, по мнению Д. Паксмена, стали воплощением английского героизма и национал-патриотизма и для последующих поколений: *'The idea of the 'Few' occurs time and again through popular accounts of English history* ' [Paxman 1999, 87].

Загадка английской идентичности, как уже было сказано, заключается и в определении исторических рамок ее возникновения - когда она появилась, когда возникло английское национальное самосознание? Одни историки и социологи указывают на XVIII век (А. Hastings; P. Wormald), другие — на XIV (B. Cottle), третьи — на XVI (L. Greenfeld), четвертые на — XVII (H. Kohn), пятые — на вторую половину XVIII века (G. Newman) и, наконец, некоторые — на конец XIX века (L. Colley; K. Kumar). Последние утверждают, что английскость и английская идентичность приобрели в этот период «культурную окраску», связанную с упадком империи и ярким выражением этнического и культурного национализма в других частях Британских Островов и на европейском континенте: *If this was English*

nationalism - for the first time ever - it took cultural, not political, form [Kumar 2003, xii].

Особенно сложной представляется исследователям разгадка «тайны» английской идентичности/английскости и ее соотношения с британской идентичностью/британскостью в условиях современности: что происходит с ними, когда приходит конец империи, когда глобальное могущество и промышленное господство исчезают, когда распадается и дезинтегрируется самое значительное и долговременное образование — Великая Британия, когда все громче звучат голоса о присоединении к Европейскому Союзу, радикальной плюрализации и многообразии (*diversification*) английского общества? Британскость, по мнению многих, находится в состоянии упадка, а традиционные представления об английскости все больше подвергаются пересмотру из-за возрождения «кельтского» национализма, масштабной иммиграции и возрастающей интеграции Европы.

Еще более усугубляют «загадочность» соотношения английскости и британскости и многочисленные справедливые замечания о том, что ни одно из известных обозначений Соединенного Королевства сегодня по разным причинам не является подходящим: *'I am a citizen of a country with no agreed colloquial name'*, пишет Б. Крик [Crick 1990, 90], а Т. Нэрн утверждает: *'We live in a State with a variety of titles having different functions and nuances - the U.K. (or "Yookay", as Raymond Williams relabelled it), Great Britain (imperial robes), Britain (boring lounge-suit), England (poetic but troublesome), the British Isles (too geographical), "This Country" (all purpose within the Family), or "This Small Country of Ours" (defensively-Shakespearian)*²⁹ [Nairn 1994, 93].

Известный английский историк А. Тэйлор, в предисловии к знаменитому труду *The Oxford History of England* отмечает, что в 30-х годах XX века, когда была опубликована *Oxford History of England*, под словом «Англия» подразумевались такие понятия, как «Англия и Уэльс», «Великобритания», «Объединенное Королевство» и даже «Британская

²⁹ Т. Нэрн предлагает, с присущей ему злорадной иронией, свое название — *Ukania* — производное от UK и созвучное популярному названию *Kakania*, фигурирующему в известном романе-сатире на империю Габсбургов австрийского писателя П. Музиля — P. Musil, *The Man Without Qualities* (1930).

империя». Сегодня использование этого термина в столь широком контексте вызывает протест. Шотландцы, например, настаивают на том, что с 1707 года корректным является термин «Великобритания». Следует, однако, отличать его от термина «Объединенное королевство», который, в свою очередь, не включает такие политические образования, как Содружество наций, Британская империя и Индия: *'When the Oxford History of England was launched a generation ago, England was still an all-embracing word. It meant indiscriminately England and Wales; Great Britain; the United Kingdom; and even the British Empire. Now terms have become more rigorous. The use of England except for a geographic area brings protests, especially from the Scotch. They seek to impose Britain - the name of Roman province which perished in the fifth century and which included none of Scotland nor, indeed, all of England. I never use this incorrect term. Great Britain is correct and has been since 1707. It is not, however, synonymous with the United Kingdom, as the Scotch, forgetting the Irish (or, since 1922, the Northern Irish), seem to think. Again the United Kingdom does not cover the Commonwealth, the colonial empire, or India. Whatever word we use lands us in a tangle'* [Taylor 1965, v]³⁰.

Конечно, в рамках одной работы невозможно перечислить и подробно описать все «проблемные точки» содержания и соотношения понятий «английская идентичность» и «британская идентичность». Поскольку материалом нашего дальнейшего исследования является современный англоязычный документальный (*non-fiction*) дискурс, кратко суммируем точки зрения авторов, которые выбрали объектом своего описания именно английскую, а не британскую идентичность (К. Фокс; Д. Паксмен; Г. Смит и др.). Во-первых, Англия - это отдельная страна, имеющая свою, отличительную культуру и свой характер, в то время как Великобритания - это сугубо политическое образование, состоящее из нескольких стран, каждая из которых обладает собственной культурой: *'Britain also has the advantage of being inclusive. You don't need to be a white Anglo-Saxon to be*

³⁰ Приведем в качестве иллюстрации и словарную статью слова *Britain* в словаре *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*: *Britain. An anglicized form of Britannia, the Roman name for what is now England, Wales and Scotland. In the 4th century BC the inhabitants were known as Prettanoi, and under the Roman occupation they were known as Brittani. The name Great Britain was first officially used in 1604, when James I was proclaimed 'Kings of Great Britain'. It had been used earlier by some writers, however, to distinguish Britain from Britannia Minor, or Brittany, in France* [Brewer 2001, 170].

British. It seems that you can be Nigerian, Moslem, Jewish, Chinese, Bangladeshi, Indian or Sikh British, a great deal more easily than you can be English and any of those things. Precisely because 'Britain' is a political invention, it allows diversity [Paxman 1999, 240].

Во-вторых, так называемые «кельтские культуры» (валлийская, ирландская, шотландская), имея точки соприкосновения, не идентичны и не должны рассматриваться как единое целое, объединенное понятием «британская идентичность»: *'although there may be a great deal of overlap between these cultures, they are clearly not identical and should not be treated as such by being lumped together under 'Britishness'* [Fox 2005, 21].

В-третьих, потому, что термин «британская идентичность» представляется нечетким и расплывчатым: действительно, люди использующие это словосочетание, почти всегда имеют в виду английскую идентичность и/или английскость.

И, наконец, по нашему мнению, следует учитывать исторический аспект обоих понятий: если «валлийскость», «шотландскость», «ирландскость» и пр. сохранили основные признаки своей самобытности и их представители настаивают на возвращении к истокам несмотря на более чем тысячелетнюю (с девиациями) «британскость», значит «коллективная идентичность» - это не фантом, а передающаяся из века в век культура жизни общества, и «английскость» - ее пример.

Эти основные аргументы обосновывают наш выбор рассмотрения именно английской, а не британской идентичности в качестве объекта исследования.

5.3. Английская коллективная идентичность как лингвокультурный гиперконцепт

С развитием и усложнением жизненного пространства человека классификация объектов и явлений этого пространства естественно усложнялась, усложнялись и ментальные единицы их представляющие — концепты.

Латинское слово *conceptus* (исходно «воспламенение», «зачатие») в эпоху Средневековья претерпело изменения в значении и превратилось в «понятие» и как таковое пришло в наше время. Дальнейшая эволюция имени «концепт», как отмечает С. Воркачёв, происходила за счёт его атрибутивного расширения, когда «концепт» сначала стал «культурным

концептом» (история становления этого понятия подробно описана в работах Н. Алефиренко; Л. Микешиной и др.), а затем и «лингвокультурным» [Воркачев 2013,40-41].

В лингвистике XXI века можно четко обозначить три сформировавшихся ракурса рассмотрения концепта: лингвокогнитивный (А. Бабушкин; Н. Болдырев; Е. Кубрякова; З. Попова; И. Стернин и мн.др.), психолингвистический (Н. Жинкин; А. Залевская и др.) и лингвокультурологический (Н. Алефиренко; С. Воркачев; В. Карасик; В.Красных; М. Полюжин; А. Приходько; Г. Слышкин и др.)³¹. Для нашего исследования важным представляется тот факт, что значительная часть исследователей подчёркивают связь концепта с культурой этноса. Ср.: «Концепт — это ментальный конструкт, отражающийся в представлениях и знаниях, связанный с этнической культурой, хранимый в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде и определяющий национальное своеобразие картины мира [Вежбицкая, электр. ресурс].

А. Приходько выводит общую типологию концептов, разбивая их на типы и классы, и, в частности, выделяя раздел «Культурные константы»: базовые и символьные концепты» [Приходько 2013, 158-161], где поддерживает идею Ю. Степанова о том, что концепты - индикаторы культуры, культура - среда их бытования [Степанов 2001,38]. Среди них различаются *базовые* (еда, питьё, дом, одежда, специфика межличностных отношений и т. п.) и *символьные* - концепты более высокого уровня абстракции, природа которых раскрывается в иерархии «слово - образ - символ - смысл - концепт», т.е. предполагает ассоциативное наложение культурных смыслов (коннотаций) на основное (словарное) значение. К концептосимволам исследователь относит различные валоративно значимые ментальные образования [Приходько 2013,161]. В качестве примеров приводятся онимы различных категорий. Для английского языка, например, это *Hyde park*, *Westminster Abbey*, *Robin Hood* и др. При этом отмечается, что «культурные константы представляют наибольший интерес для концептологии потому, что они наделены способностью квантировать соответствующие культурно-семантические пространства» [там же].

³¹ Заслуживает внимания более детальная классификация различных направлений и подходов, представленная А. Мартынюк в её словаре основных терминов когнитивно-дискурсивной лингвистики [Мартынюк 2012, 38-74].

Неслучайно поэтому лингвокультурный концепт, как «квант переживаемого знания» [Карасик 2013, 536] привлекает внимание немалого числа исследователей, при том, что осмысление концепта в рамках лингвокогнитологического и лингвокультурологического подходов различаются противоположными векторами: направлением от индивидуального сознания к культуре (лингвокогнитивный концепт) и от культуры к индивидуальному сознанию (лингвокультурный концепт) [Карасик, Слышкин 2001]. Однако отнюдь не все концептологи признают «легитимность» лингвокультурного концепта и науки, им занимающейся. Так, например, И. Стернин посвящает дискуссионным проблемам лингвокультурологии обширную статью, в которой претензии автора в основном связаны с нечёткостью употребления термина и подведения под лингвокультурологию слишком широкого спектра вопросов [Стернин 2013, 138-149].

Многие сомнения И. Стернина (например, проблема отграничения системно-языковой от лингвокультурной специфики языка, а также когнитивной семантики языка от лингвокультурной специфики [там же, 144-145]) базируются на анализе недостаточно чётких научных материалов, «отправляющих в лингвокультурологию» любые «ментефакты» (термин В.Красных). С другой стороны, нечёткость определения самого понятия «культура» и целей, преследуемых лингвокультурологией, а также всеохватность понятия «концепт» на современном этапе его «номинативного апогея» [Воркачёв 2013, 8], когда концептом называют всё, что угодно, действительно тормозят развитие перспективного направления лингвистических исследований.

Несмотря на имеющиеся «ошибки роста» большинство исследователей всё же признают непосредственную связь языка (факта языковой культуры) и языкового сознания (национальной картины мира), представляя концепт как ментальное образование, определённое лингвокультурной спецификой. Концепт — «сгусток культурной среды в сознании человека» [Степанов 2001, 43] — рассматривается в качестве основной единицы лингвокультурологии и описывается как многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме [Карасик 1996; Ляпин 1996; Привалова 2005 и др.].

Лингвокультурологический подход основан на признании концепта этносоциокультурным фактом, отраженным в сознании языковой личности — индивида, члена социальной группы, представителя этноса и человечества. Лингвокультурный концепт, таким образом, определяется как «ментальное образование синтезирующего типа, пришедшее на смену представлению, понятию, значению и включившее их в себя в форме соответствующих составляющих — понятийной, образной, ценностной и значимостной, каждая из которых соотносится по-своему со «знаковым телом» концепта» [Воркачёв 2013, 42]. Характерной чертой лингвокультурного концепта является то, что он сохраняется в памяти носителей языка и занимает соответствующую нишу в национально обусловленной концептосфере, отражающей культурный опыт, запас знаний, умений и навыков личности и народа в целом [Ольшанский 2001, 30]. Лингвокультурный концепт — это всегда результат концептуализации, необходимой человеку для осуществления всех аспектов его политической, социальной, религиозной и бытовой жизнедеятельности, в которой культура — т.е. всё то, что создала не природа, а человек, занимает важнейшую позицию.

Большинство исследователей культурных концептов указывают на наличие среди них основополагающих для исследуемой культуры. Их называют «ключевыми (слова-ключи, закрепляющие в языке базовые понятия духовной жизни общества) константами» [Вежбицкая 1999], базовыми [Степанов 2001], инвариантными [Алефиренко 2012], этноспецифичными [Карасик, Прохвачёва 2005], национально-культурными концептами [Нерознак 1998] и т.п. Знаменитый словарь констант русской культуры Ю. Степанова можно рассматривать как лексикографическую фиксацию именно таких национальных концептов.

Внимание исследователей обращается и к аксиологическому концепту — как одному из видов национально-культурных концептов. Аксиологический концепт является продуктом культуры с её стереотипами, установками и системой ценностей. Различают виды таких концептов в зависимости от эксплицирующих их понятий — универсально-базовых («страх», «голод»), этико-философских («грех-добродетель», «правда-ложь»), а также социальных и национальных. Последние отмечаются только в одной отдельно взятой лингвокультуре.

Работая с разной вербализацией предположительно одного лингвокультурного концепта в разных языках, исследователи пришли к выводу о том, что абсолютного совпадения двух материализаций одного концепта не бывает никогда, что вызвано «встроенностью» каждого в разные культуры [см. подробно Wierzbicka 2006]. Например, такие концепты как «душа», «грех», «тоска», «воля», «авось» «судьба», «простор», «даль», «ширь», «приволье» маркируют русскую ментальность (согласно А. Вежбицкой; Ю. Степанову; А. Шмелёву); *fair, right, wrong*, etc [Wierzbicka 2006, 311] - английскую, *challenge, privacy, diversity, efficiency, fun, self* [Carbaugh 1993; Lourie; Mikhalev 1989; Poltavski 1998; Snipier 1989] - американскую. Интересны наблюдения над различиями этносемантики русских и английских коррелятивных понятий «душа», «враньё», «друг» [Richmond 1996], русских и американских «ключевых концептов-аналогов» - *challenge, privacy, efficiency, materialistic, self-righteous, self-made, competitive, cooperative, pluralism* и т.д. [Леонтович 2002].

К одному из таких ключевых национально-культурных концептов, по нашему глубокому убеждению, относится и лингвокультурный концепт *English Identity*. Для лингвистического исследования как сама ментальная константа, так и языковая единица, его номинирующая, представляют особенный интерес в силу своей крайней информативной и семантической ёмкости и неопределённости, мно-гослойности и многозначности, а также «матрёшечной» [Воркачёв 2013а, 5] организации семантики.

«Идентичность» — лат. *identitas* (от *item* — так же, *idem* — тот же самый) — тождественность, впервые обнаружена в латинском переводе Ветхого Завета, в книге, предположительно написанной царем Соломоном — «Екклесиасте». В английском языке, в форме *idemitee* зарегистрирована в 1560 году. В настоящее время *Merriam-Webster Online dictionary*, например, предлагает такую дефиницию: *sameness of essential or genetic character, the qualities, beliefs, etc, that make a particular person or group different from others* <...> и продолжает: *identity* -(social science) in psychology and sociology is a person's conception of individuality or group affiliations (such as national identity, and cultural identity [Merriam Webster Online]. В современных авторитетных англоязычных словарных источниках выделяются несколько основных дефиниционных признаков в семантике *identity*: *the quality or condition of being a specified person, group or thing (who or what a particular person, group or thing is); individuality,*

personality; sameness of qualities, that make a particular person or group different from others [Oxford English Reference Dictionary; Longman Dictionary of English Language and Culture; Merriam-Webster Online Dictionary, etc].

Концепт *English Identity* рассматривается в нашем исследовании как единица коллективного знания. Феномен «коллективного знания», как мы уже писали, представляет дополнительные трудности для изучения, ибо, как и «индивидуальное знание», не наблюдаем ни в процессе его формирования, ни в процессе его закрепления [Залевская 1996, 2003], хотя коллективное знание базируется на процессе категоризации, свойственной каждому сознанию. Ср.: «В процессе категоризации человек оперирует концептами, которые возникают благодаря способности выделять стойкие, типичные признаки явлений из общего фона информации о мире и группировать их соответствующим образом. Следовательно, концепты формируются в процессе отождествления или размежевания объектов, выделения их характеристик. При этнической номинации имеет место отождествление или отчуждение себя говорящим относительно определенного этнического сообщества [Святюк 2013, 422], т.е. в процессе соответствующей категоризации обязательно проявляются «свои» и «чужие»³².

В. Карасик, анализируя процесс концептуализации социального равенства, отмечает, что в Англии рефлексy выделения своих прослеживаются с древнейших времен до нашего времени. Так, например, применительно к дворянским титулам слова *sir* и *lady* сочетаются только с именами, а не с фамилиями. Подразумевается, что все дворяне образуют большую семью, сообщество равных, и поэтому достаточно упоминания имени, чтобы стало ясно, о ком идет речь [Карасик 2013, 540]. «Свой» в противоположность «чужому», иному, другому, иностранцу входит в поле совпадения определенных признаков, качеств: *identic, identical, closely resembling each other in behavior, traditions, manners*. В качестве дифференциальных признаков здесь выступают *same, equivalent, equal, similar, akin*. Чужой, наоборот, находится в поле несовпадения определенных признаков, качеств [там же, 537-540].

³² Ю.Степанов не случайно поместил их в разряд базовых концептов культуры

Лингвокультурный концепт *English identity* - многоуровневая ментальная константа, комплексность которой обусловлена многогранностью самого феномена английской коллективной идентичности. Последняя, как мы уже писали, представляет собой квинтэссенцию образов Англии и англичан в представлении самих англичан и иных этнических общностей. Это вызывает необходимость обозначения описываемого сложного ментального образования дисциплинарным термином более объёмным, чем концепт, позволяющим включить в сферу исследования целые смысловые группы, которые сами состоят из концептов. Поэтому мы рассматриваем лингвокультурный концепт *English identity* как **гиперконцепт, сложное семантическое образование гиперонимического типа, включающее в себя концепты и их антиподы - «бинарные, или оппозитивные концепты»** [Пименова 2013, 9] («свой» vs «чужое», *England vs America/ France/ Germany, etc; the English vs American / French/ German, etc;*

и т.п.). Для адекватного рассмотрения подобных лингвокультурных концептов высшей степени абстракции одних только схем, фреймов, сценариев недостаточно: очевидная этнокультурная концентрация концептуальной семантики здесь, по нашему убеждению, «когнитивными картинками» не описывается.

Лингвокультурный гиперконцепт *English identity* обладает всеми признаками лингвокультурного концепта, которые выделяют исследователи: *высокой номинативной плотностью* (его семантика передаётся целым рядом вербализаторов), *эмоциогенностью*, *аксиологичностью*, *сложностью* (многомерностью и иерархичностью), *включенностью его имени в сеть ассоциативных связей, сложившихся в лексической системе языка*. Как и в любом лингвоконцепте высшего уровня, где отражаются представления о ценностях, *в его семантическом составе выделяются «понятийная, метафорически-образная, значимостная и аксиологическая составляющие»* [Воркачёв 2013, 5]. Можно также утверждать, что описываемый гиперконцепт *предельно этнонимичен*: в нём отражаются представления этноса о самом себе как носителе определенной культуры и уникальных черт национального характера.

Лингвокультурный гиперконцепт *English identity* — закреплённое в культуре и воплощённое в языке ментальное образование, выражающее в концентрированной форме ценности лингвокультуры и характер народа ,

несомненно относится к этноспецифическим концептам. *Этномаркированность* является одним из его базовых признаков, что даёт основания рассматривать его как единицу национального менталитета, отличного от ментальности как «общей совокупности черт национального характера» [Воркачёв 2001].

Описываемый гиперконцепт *English identity*, помимо ярко выраженной этнокультурной маркированности, имеет и ещё один обязательный для любого лингвокультурного концепта (что отличает его от лингвокогнитивного) базовый признак — «полиапеллируемость» [Карасик 2002; Мартынюк 2012, 56 и др.], т.е. он реализуется с помощью целого ряда языковых единиц разного уровня. Как и всё идеальное, такой концепт нуждается в своей материальной репрезентации с помощью слов (лексем), словосочетаний, фразеологизмов, предложений, микротекстов и даже стихотворений. Так, концепт

The English, входящий в структуру лингвокультурного гиперконцепта *English identity*, можно выразить словом (*the English*), словосочетанием (*the people of England*), микротекстом (*The English are best explained in terms of tea, roast beef and rain. A person is what he eats, drinks and gets pelted with. Pierre Daninos [Ledger 2006, 13]*) и стихотворением, которое так и называется '*The English*': *The English are a funny bunch All charm and manners and tea, But cross them in their little games And they'll crunch you like a flea. They're all upper case and pronunciation And croquet on the lawn, But whether upper or lower, they know Just where they, and you were born. They ruled the seas, and ran the world, And painted the empire pink, But language does not conquer people, It's the violence that makes you think. Sherlock Gardens, цит. по [Ledger 2006, 4].*

Отметим, что относя лингвокультурный гиперконцепт *English Identity* к когнитивному пространству, мы тем самым подчеркиваем его ментальную сущность как информационной единицы, принадлежащей концептуальной системе. При анализе концепта мы оперируем вербальными репрезентантами ментальных сущностей, совокупность которых можно классифицировать как «лингвистический конструкт» [Залевская 1996; Привалова 2005]. Фонд лингвистических конструктов лингвокультурного гиперконцепта *English identity* - это отраженная в языке ценностная картина не только «своих» и «чужих», но и картины мира вообще. Стоящие за конструктами ментальные сущности представлены

концептами, совокупность которых образует имеющую свои закономерности организации концептуальную систему - лингвокультурный гиперконцепт *English Identity*. В этой системе макроконцепты высшего уровня абстракции (*England*, *The English*, *Englishness*, etc) не только модифицируются сами, обогащаясь новыми характеристиками, но и в результате дискурсивного развёртывания генерируют развитие

новых концептов более низкой степени абстракции (об этом ниже).

Лингвистический конструкт такого гиперконцепта выступает квинтэссенцией ценностей, норм, оценок и установок английской лингвокультуры, он «объективирует понятия, эксплицирующие аксиологическую составляющую этнолингвокультуры» [Привалова 2005, 201]. Ю. Степанов, классифицируя аксиологические концепты, относит концепт *identity* к односторонне представленным, или лаку- низированным концептам (наряду с концептами *privacy*, *self-made man*, *challenge*, «соборность») , в противоположность ложно-идентичным концептам («труд», «друг», «дружба», «дом» и т.д.) и концептам с нетождественными концептосферами [Степанов 2004, 552]. Лингвистические конструкты лакунизированных аксиологических концептов наиболее очевидно, по нашему убеждению, репрезентируют систему национально-культурных ценностей, закреплённых в языковом сознании представителей этнолингвокультурного сообщества.

Итак, в семиотическом плане структура лингвокультурного гиперконцепта *English identity* разнородна и многослойна. Используя прототипный подход к категоризации субъекта познания (А. Вежбицкая; Дж. Лакофф; Э. Рош; Дж. Тейлор и др.), а также идею С.Воркачёва о том, что в основу типологии лингвокультурных концептов может быть положен уровень абстракции их имён [Воркачёв 2013а, 14], выделенные нами в результате исследования ментальные образования, так или иначе конструирующие английскую коллективную идентичность, с большой долей условности можно расположить на нескольких уровнях, исходя из разницы в степени информационной насыщенности их имён.

К *суперординатному уровню*, который включает единицы самой высокой степени абстракции и информации можно отнести макро-

концепты: *Englishness, the English (English people), English culture*, «свой» и их антиподы. Сюда же включаем концепты *Britain, the British (Brits, Britons)*, но только в тех случаях, когда их языковые репрезентанты использовались для идентификации английскости, поскольку политическая корректность, особенно в произведениях американских авторов, обязывает последних употреблять эти лексемы. Лингвоконцепты-абстракции этого уровня, вербализуемые одноимёнными номинантами и их дискурсивными вариативами, составляют ядро семантической области лингвокультурного гиперконцепта *English identity* (в примерах выделяем их одной чертой).

Базисный уровень объединяет концепты с высокой степенью информационной насыщенности, которые содержат более конкретные концептуальные признаки функциональной и описательной направленности. Концепты базисного уровня конкретизируют, раскрывают или комментируют информацию, заложенную в единицах суперординатного уровня (в примерах имена базисных концептов выделяем двойным подчёркиванием): *The English are really modest... The English women are modest., The English countryside is modest., The English food is modest., etc.* К ним относятся: *Englishman, English woman, English children, English girls, English boys* (гендерная и возрастная конкретизация); *English aristocracy, English upper/middle/working classes, English gentry, etc* (сословно-классовая конкретизация); *English reporters, English journalists, English legislators, English politicians, English businessmen, etc* (профессиональная конкретизация), *English parents, English husbands, English wives* (семейная конкретизация). Здесь же располагаем концепты *English character, English mentality, English (national) mood, English life, English press (tabloids, newspapers, magazines), English countryside (villages), English houses (homes), English youth culture, English schools, English weather (climate), English politics, English literature, English language, English music, English pubs, English weddings, etc.* Этот обширный список остаётся открытым, упомянуты только наиболее частотные объективаторы английской коллективной идентичности в исследуемых произведениях, написанных как англичанами, так и иностранцами.

К *субординатному уровню* относим субконцепты, вербализаторы которых многократно повторённые в дискурсе как концептуальные признаки и качества суперординатных и базисных концептов, раскрывают

и конкретизируют содержание последних, например (выделяем пунктиром) : *The English* (имя суперординатного концепта) *are often admired for our **courtesy*** (вербализатор концептуального признака[^] *but condemned for our **reserve**, which is seen as arrogant, cold and unfriendly... but the English courtesy.* (имя субординатного концепта) *seems to be almost entirely **the matter of form, of obedience to a set of rules rather than expression of genuine concern*** (концептуальные признаки субординатного концепта) [Fox 2005, 408]. На субординатном уровне расположены такие концепты как *English stoicism, English patience, English modesty, English moderation, English tolerance, English eccentricity, English humour* и многие другие. Все они, среди которых выделяются ключевые, доминантные, эксплицируют план содержания концептов базисного и суперординатного уровней и, соответственно, всего лингвокультурного гиперконцепта *English identity*, отражая таким образом план содержания английской коллективной идентичности как когнитивно-дискурсивной категории и феномена субъективной реальности.

Лингвокультурный гиперконцепт *English Identity*, таким образом, рассматривается нами как **производная многомерная информационная структура, возникшая в результате генезиса и сопряжения ряда взаимодействующих концептов, имеющих различный статус в её иерархии. Это многогранная, многоуровневая и открытая концептуальная система, являющаяся единицей лингвокультурного пространства английской общности и имеющая широкое поле вербальных репрезентантов.**

Выделяя лингвокультурные концепты, исследователи исходят, по большей части, из их частотности в пространстве разных видов коммуникативной деятельности. Для самого пространства вербализации наиболее часто используется термин «дискурс» и дискурсивный анализ представляется продуктивным методом для исследования «идентичности» как одного из основополагающих лингвокультурных концептов.

5.4. Английская коллективная идентичность и дискурс

Доминирование в современной лингвистике когнитивно-дискурсивной и активизация синергетической парадигм диктуют новые исследовательские подходы к языку и его «текстово-дискурсивным продуктам» [Селиванова 2013,10]. Методологической основой изучения

природы и характера взаимоотношения лингвокультурного концепта и языкового знака, как отмечает Н. Алефиренко, служит создаваемая усилиями исследователей разных направлений синергетическая теория речемыслительной деятельности, базовыми категориями которой выступают «синергетика слова», «культурный концепт» и «когнитивно-дискурсивное пространство языка и текста» [Алефиренко 2010, 214]. Анализ дискурса, знаковым посредником которого является текст, представляется продуктивным методом для исследования идентичности как концептуальной структуры, несущей значимую культурно-ценностную информацию.

Понимание идентичности как дискурсивно конструируемой категории сложилось, как мы уже писали в третьей главе, в постструктуралистских теориях и сегодня активно разрабатывается в конструкционистских антиэкзистенциалистских концепциях (главным образом, в культурологии). Предположение о том, что различные проявления идентичности являются не универсальными и устойчивыми сущностями, а «дискурсивными конструкциями» (М. Фуко), «языковыми описаниями» (К. Баркер), созданными в определенном месте и определенном времени, основывается на понимании языка не просто как *зеркала отражения*, но и как *средства создания* окружающего нас мира. С этих позиций антиэкзистенциалистская концепция идентичности как дискурсивной модели определяет идентичность как динамическую систему дискурсивных описаний субъекта (К. Баркер; Д. Келлнер; К. Мерсер и др.).

В современной лингвистике делаются немногочисленные попытки исследовать влияние «дискурсивных практик» на идентичность общности и роль различных типов дискурса в формировании коллективной идентичности. Так, например, в концепции Г. Яворской выдвигается предположение о том, что осознание себя как общности, отличной от других, осуществляется с помощью усвоения определенных дискурсивных способов, а функционирование идентичности сопровождается идентификационными актами с использованием вербальных средств. Идентичность можно изучать в типах дискурса, связанных с жанрами и /или социокультурными характеристиками общности. Соответственно, выделяются художественный, научный, политический, академический и т.п. дискурсы идентичности [Яворская 2006]. Описание идентичности как когнитивно-дискурсивного феномена методологически целесообразно

прежде всего базировать на определении самого понятия «дискурс», о чем пойдет речь ниже.

5.4.1. «Дискурс» и «дискурс идентичности»: к определению понятий

Латинская многозначная лексема *discursus* отличалась значением акциональности своих составляющих: *discursus*, *m* - 1) беготня туда и сюда, беготня в разные стороны; 2) воен. маневр; 3) набег; 4) движение, круговорот; 5) непрерывное мелькание; 6) бестолковая беготня, суета; 7) барахтанье, метание во все стороны (о пойманной рыбе); 8) *Codex Theodosianus*³⁵ - беседа, разговор [Дворецкий 1976, 335].

Во времена схоластических диспутов всё поле военного состязания (маневры, передвижения) было наложено на поле состязания словесного и эта метафоризация окончательно закрепились в «диалогах» первых университетов. Примерно в это же время *discursus* в значении «разговор» появляется в поэзии Э. Спенсера (1552-1599). Однако, ни университетские диспуты на латинском языке, называемые «дискурсом», ни единичное употребление термина «дискурс» Э. Спенсером не закрепили значение надолго.

В сочетаниях «прямая речь» (*le discours direct*), «косвенная речь» (*le discours indirect*), «части речи» (*partie du discours*), термин «дискурс» появляется во французских грамматиках [Manie, электр. ресурс]. Вскоре слово «дискурс» стало употребляться во французском языке также в значении «церковного слова, проповеди». Именно в этом значении данное слово проникло в английский язык и закрепились в нем на несколько столетий. Ф. де Соссюр в начале XX века пользовался термином «дискурс», но в русскоязычных переводах оно получило обозначение «речевой поток». Термин и понятие были забыты до появления статьи З. Харриса «Дискурс-анализ» (*Discourse Analysis*, 1952), в которой учёный ввёл понятие дискурс-анализа как метода изучения движения информации в дискурсе. Последний рассматривался как одна из сторон дистрибуции на базе эквивалентности между фразами и цепочками фраз, а также как высказывание, сверхфразовое единство в контексте других еди

¹ Кодекс Феодосия - первое собрание римских законов, датированное 438 годом. ниц и связанной с ними ситуации. Дискурс-анализ соответственно понимался как любой анализ связной речи (устной и письменной), в

котором основное внимание обращено не на то, что говорится, а на то, как оно говорится. Как отмечается в Энциклопедии Кругосвет, современный дискурс-анализ ушел от первых разработок З. Харриса достаточно далеко, но авторство термина и ряда базовых идей несомненно и общепризнано [Энциклопедия Кругосвет, электр. ресурс].

Вскоре термин «дискурс» перешел в социологию и благодаря М. Фуко и его «Археологии знаний» (1969) прочно в ней закрепился. Представители социокультурного направления критического дискурсивного анализа (*critical discourse analysis*) развивают концепцию дискурсивных практик М. Фуко и определяют дискурс как форму социальной практики — он конституирует ситуации, объекты знаний, социальные идентичности и отношения между людьми и группами людей (З. Водак; Т. ван Дейк; Н. Фэркло и др.). После публикации знаменитого труда Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия» (1981) термин « дискурс» активно входит в широкий общенаучный обиход.

Среди многочисленных научных трактований дискурса можно выделить три наиболее распространённых в конце XX века:

— (по М. Фуко) как общение, характеризующееся в качестве реализации определенных дискурсивных практик (в социологии, социальной семиотике и политологии);

— (по Ю.Хабермасу) как вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни (в логике, философии, социологии и социальной семиотике);

— как совокупность текстов с учётом их экстралингвистических параметров (в лингвистике).[Об этом подробно см.: Миронова 1997, 42].

В лингвистике XXI столетия термин «дискурс» располагает почти 250-ью дефинициями [Кубрякова 2004] и имеет весьма широкий спектр употребления для обозначения феноменов разного порядка. Определения дискурса многократно варьируются исходя из его понимания как связной речи (Г. Почепцов); сложного синтаксического целого, текста (В. Борботько); текста в ситуации реального общения, осуществляемого коммуникативными личностями (В. Карасик); коммуникативной ситуации, включающей сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст (А. Кибрик); сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его

производство и восприятие (Т. ван Дейк); вербализованного работающего сознания (О. Ревзина) и т.п. Широко известен и афоризм Н. Арутюновой: «Дискурс - это текст, погруженный в жизнь» [Арутюнова 1999].

Дискурс в лингвистической терминологии наиболее часто, как можно заметить, отождествляется с текстом, высказыванием, устной речью, даже со стилем. С другой стороны, дискурс определяется как самостоятельное явление. Так, помимо категорий текста, по-разному выделяемых рядом авторов (И. Гальперин; З. Тураева; И. Чернухина и др.) и в отличие от них, выделяются тексто-дис- курсивные категории - «сверхпарадигмальные свойства множества текстов и их текстом в разных дискурсах» [Габидуллина 2009, 86]. Пишут о типах категорий дискурса как базовых характеристиках текста в коммуникативной ситуации, а также о функциях бытового дискурса [об этом подробнее см.: Кар 2008, 6].

В целом выделяется узкое и широкое использование термина «дискурс» (В. Борботько; В. Красных; М. Макаров; Н. Миронова и др.). Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла (О. Сиротинина). Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речевой деятельности отдельных языковой личности (П. Зернецкий), как система коммуникации (В. Сергеев; Ю. Шрейдер).

Итак, множественность определений дискурса и подходов к его изучению в современной лингвистике общеизвестна и даже их краткий обзор может занять не один десяток страниц. [Обзор определений и подходов см.: Андрейчук 2011; Бацевич 2004; Борботько 2010; Карасик 2002; Красных 2003; Макаров 2003; Морозова 2005; Потапенко 2004; Селиванова 2006; Чернявская 2001 и др.]. Согласно недавно вышедшему «Словарю основных терминов когнитивно- дискурсивной лингвистики» авторитетной украинской исследовательницы А. Мартынюк, трактование дискурса определяется:

- стилем мышления (репрезентативный и деятельностный);
- направлениями исследования (формальным и функциональным в рамках репрезентативного и деятельностным в рамках деятельностного стилей мышления);
- подходами в пределах функционального направления (ситуативным и семиотическим) [Об этом подробнее см.: Мартынюк 2012, 11-21].

В нашем исследовании мы опираемся на когнитивный и конструкционистский общегуманитарные подходы к изучению идентичности как динамической системы и базируемся на *деятельност- ном определении дискурса*. Последнее, в свою очередь, зиждется на интерактивной модели коммуникации и деятельностном понимании языкового знака и активно разрабатывается в трудах известных лингвистов [Архипов 2006; Залевская 2005; Кравченко 2009; Мартынюк 2012; Морозова 2008, 2010; Clark 1981; Macdonnell 1986 и др]. Дискурс с позиций деятельностного подхода трактуется как «ситуативно обусловленная intersubъектная речемыслительная деятельность, направленная на взаимную ориентацию в жизненном пространстве на основе придания языковой форме семиотической значимости» [Мартынюк 2012, 11].

Деятельностное трактование дискурса нам близко ещё и потому, что в нем наиболее четко отражается «двуплановость» дискурса как процесса и результата, на которую справедливо указывает В. Красных: «Дискурс имеет два плана — собственно-лингвистический и лингво- когнитивный» [Красных 2003, 114]. Лингвокогнитивный план связан с *языковым сознанием*, обуславливает *выбор языковых средств*, влияет на *порождение и восприятие текстов*, проявляясь в *контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)*. Собственно-лингвистический план связан с *языком*, манифестирует себя в *используемых языковых средствах* и проявляется в *совокупности порожденных текстов (дискурс как результат)*. Дискурс, таким образом, есть « вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно-лингвистическим, так и экстралингвистическим планами [там же, 113].

Дискурс представляет собой *открытое* множество текстов разного объёма, либо в процессе их формирования, либо в завершённом виде. Их может объединять тема/ направление речевого произведения (тематический дискурс) или порождающая их институция (институциональный дискурс). При определении статуса дискурса в современной лингвистике мы также солидарны с В. Чернявской, В. Кухаренко и другими исследователями, которые отграничивают дискурс как лингвистический феномен от понимания термина в прочих гуманитарных науках и сохраняют основной принцип дискурсивного анализа: использование собственно языкового с внешними коммуникативными факторами. « В случае дискурса возникает

не новый и не особый лингвистический объект, а новый ракурс изучения языка. Изменяется не объект описания, а модус описания - это не язык в себе и не язык для себя, а язык в его соотношении с речью» [Золян 2009, 14] . Сравнительно с анализом текста дискурсивный анализ выигрывает, работая с рядом текстов, множество которых открыто и организовано единым тематическим/институциональным направлением.

Размежевание дискурса и функционального стиля также представляется основополагающим для нашего исследования. Стилисты, занимавшиеся исследованием и описанием функциональных стилей языка (напр., И. Гальперин; М. Кожина; Э. Ризель и др.) представляли конечное число функциональных стилей языка, вертикально прорезавших его тело. Дискурсы, в отличие от стилей - фундаментальных, онтологически заданных форм познания - представляют собой особый модус описания, горизонтально проходящий сквозь языковые стили [Чернявская 2011, 86-95]. Поэтому в одном дискурсе могут сосуществовать тексты разных стилей, если он представляет собой одно тематическое пространство - например, экономический дискурс (научный, публицистический, даже художественный стили). Отметим, что дискурс в указанном «горизонтально-проникающем естестве» упоминается и/или разрабатывается и в зарубежной социологии и культурологии. Так, видный американский социолог, теоретик современной культуры Р.Мерелмэн (*R.Merelman*) и представители символической антропологии (К. Гирц; М. Дуглас; Э. Дюркгейм; М. Сэлинг; В.Тэрнер и др.) настаивают на трактовке культуры как дискурса, имеющего знаковые эквиваленты системы взаимоотношений, потенциально пронизывающей все слои общества.

Итак, дискурс характеризуется как сложный, неоднозначный феномен, что задает множественность его узких и широких трактовок и невозможность единого определения. С точки зрения лингвистики, дискурс является единым целым, в котором одновременно реализуются самые разнообразные аспекты языка (собственно-лингвистический план) и языкового мышления (лингвокогнитивный план). **Дискурс идентичности поэтому представляет собой вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата. При анализе дискурса идентичности как процесса дискурс предстаёт как вербализуемая (здесь и сейчас) речемыслительная деятельность, при рассмотрении с точки зрения результата — как совокупность**

текстов, порожденных в процессе коммуникации. Текст как феномен, стоящий в центре коммуникативного акта, тесно связанный с экстралингвистической реальностью (в том числе — с когнитивными явлениями) и поддающийся непосредственному лингвистическому анализу, рассматривается как реализация дискурса идентичности.

5.4.2. Дискурс английской коллективной идентичности: типы и модификации

Описанная двуплановость дискурса идентичности задает основной вектор исследования английской коллективной идентичности как дискурсивно-когнитивного конструкта: от собственно-лингвистического плана, т.е. анализа совокупности текстов, в которых функционируют данные в непосредственном наблюдении языковые средства манифестации дискурса английской коллективной идентичности до лингвокогнитивного плана, который представляет последнюю как дискурсивно конструируемый гиперконцепт.

Типология дискурса английской коллективной идентичности тесно связана с нерешённостью проблемы типологии дискурса вообще и типологии идентичности, в частности. Дифференциация типов дискурса представлена в работах многих лингвистов и варьируется в зависимости от разнообразных параметров (Ф. Бацевич; Г. Почепцов; И. Шевченко; О. Шейгал и др.). Наиболее часто выделяются тематический, институциональный, **неинституциональный** (личностно-ориентированный) и др. типы. В лингвокультурологическом аспекте изучения дискурса коллективной идентичности актуально выделение так называемых «национальных» [Красных 2003; Миронова 1997 и др.] дискурсов (русский, английский, испанский), а в рамках каждого из них - дискурса поэтического, эстетического, научного, критического, юридического, политического.

Дискурс идентичности, особенно коллективной, также может быть представлен национально-этническими типами: дискурс русской, английской, немецкой и т.д. идентичностей. Что касается выделения типов дискурса в рамках одного национального дискурса (политический, поэтический, научный и т.д.), то согласимся с исследователями, которые утверждают, что это не есть отдельные *типы* (в строгом смысле) дискурса, но лишь «*модификации*» последнего, определенным образом

«адаптированные» в соответствии с той сферой, в которой он функционирует [Красных 2003, 114]. Поэтический дискурс, например, есть дискурс поэтических текстов, принадлежащих представителям конкретного этнолингвокультурного сообщества и для них же предназначенных. В контексте изучения дискурса английской идентичности целесообразно рассматривать подобные вариации дискурса не как его типы или подтипы, а как его модификации; документальный дискурс английской идентичности в строгом терминологическом употреблении является на самом деле дискурсом документальных текстов.

Итак, в нашей работе дискурс английской коллективной идентичности рассматривается как один из *типов дискурса коллективной идентичности вообще*. При этом дискурс английской коллективной идентичности, строго говоря, не является мононациональным: коммуникация в нем осуществляется на английском языке представителями не только английской лингвокультурной общности, но и представителями других общностей, идентифицирующих англичан. Исходя из этого и описанных выше теоретических положений,

дискурс английской коллективной идентичности можно определить как вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата, обладающую лингвистическим и экстралингвистическим планами и осуществляемую на английском языке представителями английской и других лингвокультурных общностей.

Предложенная нами в предыдущих главах структурно-системная классификация идентичности позволяет выделить два основных **типа дискурса английской коллективной идентичности**: *самоидентифицирующий* и *внешнеидентифицирующий*. *Самоидентифицирующий дискурс английской коллективной идентичности* представляет самообраз себя и Англии, то, как англичане описывают себя и свою страну. С другой стороны, это образ других, то, как англичане описывают других, в отличие от себя, что можно условно обозначить как сравнительно-самоидентифицирующий дискурс. *Внешнеидентифицирующий дискурс английской коллективной идентичности* отражает образ англичан в глазах других общностей, это то, как другие представляют и описывают Англию и англичан.

Дискурс английской коллективной идентичности включает в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты и реализуется в тексте, поддающемся непосредственному лингвистическому анализу, своеобразной «единице» дискурса [Красных 2003, 114]. Дискурс этот может быть представлен не только спонтанными речевыми текстами, которыми обмениваются коммуниканты в процессе общения, но и совокупностью письменных текстов разных стилей: научным, художественным, документальным, поэтическим. Они определяются как **модификации дискурса английской коллективной идентичности**.

Значительный интерес для нашего исследования представляет изучение реализации дискурса английской идентичности в одной из его **модификаций - документальном дискурсе (*non-fiction*)**. Документальный дискурс английской коллективной идентичности есть дискурс англоязычных документальных текстов, принадлежащих представителям конкретных лингвокультурных общностей. Его можно охарактеризовать как фактографическое, моносубъектное, документированное описание англичан в ситуациях, варьирующихся от официально-деловой до сниженно-бытовой. Эта модификация дискурса английской коллективной идентичности представляется оптимальной для анализа языковых средств, которые выполняют своеобразную «моделирующую функцию» [Борботько 2012, 58] при создании её дискурсивных образов и, соответственно, для выявления признаков и качеств, входящих в структуру гиперконцепта «английская идентичность» (*English identity*): здесь нет художественного вымысла, здесь умеренно используется терминология, личное (эмоционально-оценочное) отношение автора к наблюдаемым фактам либо отсутствует, либо объясняется в самом описании и оценка описанного зачастую остается за читателем.

Самоидентифицирующий документальный дискурс английской коллективной идентичности в нашем исследовании представлен самыми популярными, заметными и серьёзными, по признанию английских критиков, источниками литературы *non-fiction*, вышедшими за последние 20 лет. Авторами этих произведений являются не британцы, а именно англичане. Это книги: журналиста и издателя «очень английского» журнала 'Country Life' К. Асле- та 'Anyone for England?' (C. Aslet, 1997); публициста и журналиста Дж. Паксмена 'The English. A Portrait of a Nation' (J. Paxman, 1999); философа и писателя Р. Скратона 'England: An Elegy '

(R. Scruton, 2001); антрополога **К. Фокс** 'Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour' (K. Fox, 2004); журналиста **Р. Коллза** 'Identity of England' (R. Colls, 2004); журналиста, редактора и писателя **Г. Смита** 'The English Companion: An Idiosyncratic A - Z of England and Englishness' (G. Smith, 2006); дизайнера и писателя **Ф. Леджер** 'Fiona's Very Large Handbook of Englishness' (F. Ledger, 2006); журналистов **Э. Майола и Д. Милстеда** 'Xenophobe's Guide to the English' (A. Miall & D. Milsted, 2008).

Сравнительно-самоидентифицирующий документальный дискурс представлен произведениями, авторами которых являются англичане, работавшие и/или жившие (либо до сих пор живущие) в Америке и во Франции. Это — книга журналиста **Т. Янга** 'How to Lose Friends and Alienate People' (T. Young, 2002) и книга банкира и журналиста **Р. Келси** 'The Pursuit of Happiness: Overpaid, Oversexed and Over There' (R. Kelsey, 2002), в которых авторы-англичане описывают непривычную для них американскую культурную среду, а также бестселлер англичанина, живущего в Париже, **С. Кларка** '1000 Years of Annoying the French' (S. Clarke, 2010), где описывается история непростых англо-французских отношений.

Внешидентифицирующий документальный дискурс английской коллективной идентичности в нашей работе представлен наиболее точными и яркими, по признанию самих англичан, книгами иностранных авторов. Знаменитый американский журналист **Б. Брайсон**, женившийся на англичанке и переехавший в Англию, написал путевые заметки (*travelogue*) о своей жизни и путешествиях по Англии — 'Notes from a Small Island' (B. Bryson, 1996). Известная американская журналистка **С. Лайалл**, вышедшая замуж за англичанина и переехавшая жить в Англию, также описала свои впечатления в бестселлере 'The Anglo-Files: A Field Guide to the British' (S. Lyall, 2008). Привлекалась в качестве материала исследования и «лучшая книга об англичанах» (по оценке Википедии) французского журналиста, писателя, издателя и бизнесмена, переехавшего в Англию, **ф. Дауди** 'Les Anglais: Portrait of a People' (P. Daudy, 1992).

Документальный дискурс английской коллективной идентичности можно рассматривать в диахроническом и синхроническом аспектах. Вертикальный, диахронический срез дискурса содержит набор представлений английской лингвокультурной общности о себе и других,

складывающихся в разные исторические эпохи существования народа. При диахроническом анализе в центре внимания оказывается процесс формирования образа общности через осознание ею своей этнокультурной специфики и своего «согражданства» [Шибут 2003, 162]. Мы сосредоточимся на синхроническом срезе, исследуя особенности манифестации дискурса английской идентичности на материале документальной литературы *последних двух десятилетий*, ибо сегодня как никогда актуализируется потребность в анализе базовых «скреп» лингвокультурных общностей современного динамичного лингвокультурного пространства. Такой подход даёт возможность представить горизонтальный срез дискурса английской коллективной идентичности, показать каким является образ английской лингвокультурной общности в данный момент её развития.

В нашем исследовании мы не фокусируем внимание на диахроническом аспекте, но все же используем имеющиеся факты и рассуждения о формировании английской идентичности в разные времена для сравнения с результатами нашего анализа. Обнаруженные таким образом общие доминанты смогут составить ядро концептуальной структуры английской коллективной идентичности, расхождения — её периферию в динамике становления.

Английская коллективная идентичность формировалась под воздействием многих факторов: географических, исторических, геополитических, экономических, социокультурных и т.д., каждый из которых или их определенная совокупность могут быть ведущими идентифицирующими признаками в конкретный период времени. При этом в ней есть некие «константные составляющие, существующие в самосознании общности» и представленные в её культуре на протяжении многих веков [Попова 2004, 24]. Совокупность таких *неизменных* представлений английской лингвокультурной общности о себе (а также то, как её видят другие), выраженных в определенных языковых знаках, функционирующих в документальных текстах, даёт возможность более полно судить об английской коллективной идентичности как когнитивно-дискурсивном конструкте.

5.4.3. Конституенты документального дискурса английской коллективной идентичности

Проблема выделения единицы документального дискурса английской коллективной идентичности неразрывно связана со сложной и пока ещё нерешённой проблемой определения единицы дискурса вообще. Структурирование единиц дискурса как его элементарных конститuentов определяется методологическим подходом к толкованию самого дискурса. В репрезентативном стиле мышления как «философско-методологическом основании научных исследований дискурса» [Мартынюк 2012, 115] в рамках формального направления предлагается иерархия единиц дискурса, соотносимых с фонетико-просодическими и лексико-грамматическими единицами языка. В русле функционального направления на базе таксономии системно-структурного языкознания разрабатывается таксономия единиц дискурса: предикативная единица — речевой акт; предложение — высказывание; сложное синтаксическое целое — диалогическое единство; текст — дискурс. Чаще всего статус единицы дискурса приписывается высказыванию (Н. Арутюнова; Э. Бенвенист; А. Леонтьев; А.Скгк; D. Schiffrin и др.), речевому акту (Дж. Серль; И. Сусов; И. Шевченко; J. Austin и др.), а также интеракциональному, коммуникативному или дискурсивному актам (Т.ван Дейк; М. Макаров; W.Edmonson; Н. Henne и др.). Подробнее об этих и других единицах дискурса см. в обзорах: [Андрейчук 2011; Борботько 2011; Макаров 2003; Мартынюк 2012; Селиванова 2008 и др.].

Однако с позиций деятельностного направления анализа дискурса описанные выше единицы не являются безоговорочно приемлемыми, поскольку не отражают конститутивных особенностей дискурса и поэтому не способны раскрыть его природу [Мартынюк 2012, 98-99]. В деятельностном подходе к анализу дискурса *определение формально-структурных границ вообще не является принципиальным*. Единица дискурса может равняться любому предикативному фрагменту дискурса (предельными случаями будут высказывание, которое формально равняется предложению и текст (серия текстов)). Отметим, что выделение единицы дискурса на деятельностных основаниях всё ещё находится на начальном этапе. К решению этой проблематики приближаются предлагаемые понятия дискурсемы [Морозова 2008] и дискурсивного контекста [Мартынюк 2010].

Понятие *дискурсемы*, введённое для анализа НЕПРАВДЫ как когнитивно-коммуникативного феномена, определяется как фрагмент

дискурса, который содержит неправдивое высказывание - ядро дискурсеми и метаязыковое наслоение - экспликаторную часть, где освещаются ситуативные факторы, которые субъект рефлексии считает релевантными для интерпретации ситуации [Морозова 2008, 13].

Понятие *дискурсивного контекста* используется для анализа концептов и определяется как фрагмент дискурса, который включает языковые способы эксплицитной или имплицитной актуализации концепта и вовлекает продуцента и интерпретатора речи, которые определяют понятийное и аксиологическое содержание концепта [Мартынюк 2012, 99].

Сложной описываемая проблема предстаёт и при анализе идентичности как когнитивно-дискурсивного конструкта. Единицей дискурса индивидуальной идентичности, где дискурс представлен спонтанными речевыми текстами, предлагается считать дискурсивное событие (Н. Герман, М. Макаров), дискурсивные практики (М. Школова) и акт идентичности/идентификационный акт (R.Hudson).

Дискурсивное событие определяется как совокупность коммуникативно значимых, прагматически связанных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели [Герман 2009; Макаров 2003]. *Дискурсивная практика* трактуется как принятый типичный сценарий выражения определенного значения в данном сообществе в условиях данной социокультурной сцены, следствие наиболее типичного выбора тех или иных стратегий в данном социокультурном контексте [Школова 2005]. *Идентификационный акт* предлагается рассматривать как речевой акт, лингвистический сигнал социальной идентичности, соотносящий говорящих с многомерным социальным миром [Hudson 1996].

В пространстве документального дискурса английской коллективной идентичности с его моносубъектностью, категориальностью, нарративностью, где объектом идентификации выступает не индивидуальная языковая идентичность, а коллективная лингвокультурная идентичность (не «говорящая», а «озвученная», «языковлённая» множеством говорящих сознаний), для её анализа можно выделить некоторый фрагмент дискурса. Это смысловой блок с разветвляющейся, разветвляющейся (дискурсивной) структурой, который

включает языковые способы актуализации английской коллективной идентичности как ментального конструкта. Приведём примеры:

...when dealing with intangible forces such as national identity, it is their obviousness that makes them matter. At the heart of this obviousness in England is the authority and durability of the state. For over a thousand years state institutions have been absolutely critical to the identity of England. Kings and their agents built a central state which not only taxed and coined, made wars, and left records, but also claimed to be based on laws common to the kingdom. If the English nation was made anywhere, it was made here, at the centre, in London, and across the axes of law and law-enforcement that ran out across the country right up to the military- juridical edge [Colls 2004, 3].

The identity of England never rested solely on what statesmen said. From early times, there is evidence of the country demanding the right of reply. Sometimes, though not very often, this could sprout as a version of popular sovereignty. That both state and nation could claim sovereignty called forth a political rhetoric of remarkable adaptability: the state was elite, but the people were born free; parliament and the courts made laws, but the people's ancient laws and liberties were intact; everyone was subject to the constitution, but it was not one you could inspect. Paradox allowed for a national identity of strength and suppleness. Only the history of the constitution tied both sides together. Yet constitutional issues were secondary to the fact that this was a state that worked... In England the state came first, and the rest, whatever we call them - 'nation', 'people', 'land', 'country', 'territory', 'identity'- came second. So close has this institution been to the identification of our lives and who we are, from birth to death, that to see it as anything other than obvious, natural, or given, is very hard [Colls 2004, 4].

Подобные дискурсивные отрезки, длина которых может многократно варьироваться (от одного-двух предложений до нескольких страниц), можно определить как *макрофрагменты документального дискурса английской коллективной идентичности, своеобразные дискурсивные идентифицирующие контексты*. Для нашего исследования, базирующегося на материале документальной литературы, именно это структурное измерение из описанных выше двух базовых единиц дискурса (в рамках деятельностного подхода) представляется наиболее близким и продуктивным. Дискурсема, в отличие от дискурсивного контекста, более

эффективна для анализа когнитивно-коммуникативных феноменов полисубъектной, диалогической, речевой ситуативной деятельности с привлечением ситуативных фильмов.

Дискурсивные макрофрагменты документального дискурса английской коллективной идентичности довольно разнообразны и множественны по всем параметрам, что значительно усложняет, во-первых, формальное выделение их границ и, во-вторых, их систематизацию. По нашим наблюдениям, типология таких макрофрагментов во многом определяется характером их ядерных компонентов - смысловых блоков, *дискурсивных идентифицирующих высказываний*, с помощью которых вербализуются суждения о различных аспектах английской коллективной идентичности. Такие *дискурсивные фрагменты* зачастую служат граничными маркерами макрофрагментов: они либо «открывают», либо «закрывают», либо «обрамляют»

их. Дискурсивные идентифицирующие высказывания в сжатом виде несут основную информацию о концептуальном содержании английской коллективной идентичности, раскрываемую, иллюстрируемую и интерпретируемую в дискурсивном макрофрагменте. Последний может включать как одно, так и несколько подобных высказываний (в примерах выделяем их жирным шрифтом):

*In private, among people we know very well **the English are quite capable of warmth, openness, intimacy and the full gamut of human emotions associated with friendship and family ties.** Some of us are more warm and open than others, but that is a matter of individual differences in personality, and has little or nothing to do with national character* [Fox 2005, 392].

*Team spirit, in short, has become a rather private matter, in England, referred to allusively, almost apologetically. The only exception to this rule of modern English life occurs in the 'team talk', a dire American importation in which international teams are worked into a state of perfervid excitement by an impassioned address just before the game. The Welsh, with their passion for the hwl, are past masters at the team talk and it is said that an address by the former rugby star turned BBC boss, Cliff Morgan, in which the welfare of wives and families was invoked, would cause men to try to break down the doors to get at the opposition. However, **the English are shy about such***

naked displays of emotion, and reluctant to talk about either 'team spirit' or the 'team talk' which is said to engender it [Smith 2003, 247].

Villages are what inspire in us the love of England. And - as always in love - we idealise indiscriminately. We see only the impeccable lawns and forget the rain that makes them so green. We are blind to the pettiness, the poverty and the violence that sometimes underlie the beauty that overwhelms us. But how can we resist the comforting good cheer of these low-slung houses, with roofs tilted like hats to protect us from the weather, their doors and windows twisted with age but always fresh painted? **The English themselves are the first to succumb to their charms, attributed to them all the virtues forsworn by the cities.** Not all English villages are idyllic, nor are they equally well-preserved. **Yet most of them have retained an individualism that goes beyond their regional characteristics, to be the basic characteristics of the English society** [Daudy 1992, 15-16].

Итак, лингвокультурный гиперконцепт *English identity* материализуется в дискурсивных макрофрагментах, включающих дискурсивные фрагменты - идентифицирующие высказывания. Последние, в свою очередь, также можно структурировать на более дробные *дискурсивные микрофрагменты*. Первый такой дискурсивный микрофрагмент включает лингвистические «сигналы» лингвокультурного гиперконцепта *English identity* - имена концептов, «слова-концепты - тот речемыслительный эпицентр, вокруг которого порождается дискурс» [Алефиренко 2012, 126]. Их называем **идентемами** (*English identity, Identity of England, the English, England, etc*) и рассматриваем как дискурсивные микрофрагменты, сигналы дискурса идентичности. Они вводят и «развёртывают» следующий микрофрагмент, содержащий сущностные концептуальные признаки гиперконцепта *English identity*, отражающие в свою очередь характеристики английской коллективной идентичности как феномена. Приведём пример дискурсивного идентифицирующего высказывания с идентемой (ключевой вербализатор последней выделяем квадратными скобками):

[The English] are known for their peculiar people, be they fictional, as in the work of Dickens or Trollope, or real, as in the House of Lords [Lyll 2008, 169].

Идентемы также могут быть выражены дискурсивными вариативными номинативного поля гиперконцепта *English Identity*, например: *English identity - English national identity, English ethnic identity; England - our (СИД)* либо *their (ВИД) nation/land/country; The English - we, they* и т.п. Причём

такие местоимения-заместители в зависимости от типа документального дискурса идентичности могут нести ярко выраженный характер субъективной оценки, например: *[The English] are really reserved. [They] do say 'sorry ' every now and then* (позитивная в самоидентифицирующем дискурсе, возможно негативная во внешнеидентифицирующем):

Call me a perennial Iowa farmboy, but I never fail to be impressed by how densely packed with worthies is[this little island] [Bryson 1999, 160].

Выделяем также квантитативные идентемы, дополненные словами *many, a lot of* (*many English people, a lot of English values, etc*) и типологизирующие, относящие большинство сообщества или феноменов английской жизни к указанному признаку благодаря словам и выражениям *most, all, most part of, the most characteristic feature, typical(ly), etc* (*most English people, English of all classes and ages, the most characteristic feature of England, etc*):

[Most peculiarities of English behavior] are traceable to this unfortunate affliction -social dis-ease [Fox 2005, 402].

I am[typically, squeamishly English]about money, and when negotiating fees for consultancy work or trying to get research funding I will always try to put all those dirty words - money, cost, price, fees, payment, etc - in writing rather than say them face to face or even on the telephone [Fox 2005,187].

Как уже отмечалось, в идентифицирующих дискурсивных высказываниях, кроме идентем — дискурсивных микрофрагментов, содержащих языковые сигналы, номинанты лингвокультурного гиперконцепта *English identity*, выделяется ещё одна составляющая. Это — дискурсивный микрофрагмент, в котором вербализуются сущностные концептуальные признаки описываемого гиперконцепта, «маркеры» английской идентичности. Такой ключевой, по нашему мнению, дискурсивный микрофрагмент можно обозначить как *идентификатор*, например (ключевой вербализатор идентификатора выделяем курсивным подчёркиванием):

It is not that [the English] can't feel -it is that he is afraid to feel. He has been taught at his public school that feeling is a badform. He must not express great joy or sorrow, or even open his mouth too wide when he talks - his pipe might fall out if he did [Ledger 2006, 13].

Дискурсивный идентификатор может быть объективирован словом, словосочетанием, фразой, предложением, идентифицирующим:

[The English] have the opportunity to indulge their phenomenal

— несколько синонимичных (синонимичная идентификация):

- несколько разных (разнопорядковая идентификация):

liable to fade in post-modern times. Nor is it always what statesmen, mass communicators, or intellectuals say it is; but there again, neither is it beyond our powers [Colls 2004, 378].

В целом, ещё раз отметим, что как дискурсивные макрофрагменты, так и дискурсивные фрагменты «бесконечно» разнообразны по своим структурным характеристикам, что значительно затрудняет их классификацию. Среди них можно выделить *простые и развёрнутые* единицы. Первые малочисленны в документальном дискурсе и представлены номинативными, адъективными, адвербиальными и глагольными прототипными дискурсивными идентифицирующими высказываниями:

The English are, of course, class-obsessed and intensely nosy [Paxman 1999, 154] (адъективное).

It sometimes occurs to me that the English have more heritage than is good for them. In a country where there is so astonishingly much of

everything, it is easy to look on it as a kind of inexhaustible resource [Bryson 1996, 103] (глагольное и адвербиальное).

The English persist in the belief that they owe their singularity and tranquility to the arm of the sea that separates their island from the continent [Daudy 1992, 301] (глагольное).

Развёрнутые дискурсивные макрофрагменты наиболее частотны во всех типах документального дискурса английской коллективной идентичности, могут включать несколько дискурсивных идентифицирующих высказываний и, соответственно, идентификаторов и идентем, а также конструкции, в которых вербализуются сущностные признаки базисных и субординатных концептов, входящих в гиперконцепт *English identity* (т.н. субидентификаторы):

[The English]do not have any sort of global monopoly on humour, but what is distinctive is the sheer pervasiveness and supreme importance of humour in [English everyday life and culture]. [In other cultures], there is a 'time and space 'for humour; among [the English] it is a^constant, a given - there is always an undercurrent of humour [Fox 2005, 402].

Размытость, неопределённость подобных развёрнутых фрагментов затрудняет их классификацию и моделирование. Тем не менее, мы убеждены, что описание и анализ подобных конститuentов дискурса английской коллективной идентичности представляет значительный интерес для лингвистической теории идентичности и, безусловно, должно стать предметом специальных практических исследований.

По принципу развёртывания подобные дискурсивные фрагменты можно условно разделить на два типа: *основанные на рекурсии* и *основанные на дискурсии* [см.: Борботько 2011]. В первом случае развёртывание дискурсивного фрагмента идёт путём развёртывания идентемы (т.н. «рекурсивное самоподобие» [там же, 220]) : от номинантов суперординатного к номинантам базисного и субординатного уровней. К вариативной лексической базе объекта идентификации — идентеме применяется один оператор-идентификатор, например: *The English are modest* (ядерный дискурсивный фрагмент). *The English girls are modest. The English villages are modest. , etc* (вариативные дискурсивные фрагменты).

Второй тип, дискурсивное развёртывание (разветвление) идёт путём развёртывания идентификатора: к базовой рекурсивно повторяемой

величине применяются разные идентификаторы (синонимичные, либо разнопорядковые), например: *The English are reserved. The English are eccentric...The English are vocal., etc.* В противоположность линейному рекурсивному развёртыванию, дискурсия действует нелинейно, создавая разветвления, «расщепления фазовой траектории речи». Если рекурсия определяет «самоуподобление языковых сущностей», то дискурсия создаёт их «саморасподобление» [Борботько 2011, 221]. Изучение особенностей самоорганизации дискурсивных фрагментов документального дискурса английской коллективной идентичности также представляется важным и перспективным направлением изучения идентичности как когнитивно- дискурсивной категории.

Также перспективным нам представляется и рассмотрение функциональных характеристик дискурсивных идентифицирующих структурных единиц. По нашим наблюдениям, подобные фрагменты выполняют когнитивную, характеризующую, типологическую, сравнительно-дифференцирующую, оценочную функции и, зачастую, это — комплекс указанных функций:

The back-garden formula, as well as dispelling a few rose-tinted myths about the English Garden highlights the quiet, restrained aspects of [Englishness], our dislike of flashy extremes, our predilection for moderation, for domesticity, for the comfortingly tame and familiar [Fox 2005,136] (когнитивная, характеризующая, субъективно-оценочная функции).

Во внешнеидентифицирующем дискурсе английской коллективной идентичности, значительно чаще (более 60 %), чем в самоидентифицирующем дискурсе используются дискурсивные фрагменты, которые (наряду с типологизирующей и характеризующей функцией) выполняют сравнительно-дифференцирующую и оценочную функции, то есть аксиологическая и дифференцирующая составляющие гиперконцепта *English identity* в данном типе дискурса выражены более ярко:

What a wondrous place [England] is - crazy as fuck, of course, but adorable to the tiniest degree. What other country, after all, could possibly have come up with place names like Tooting Bec and Farleigh Wallop, or a game like cricket that goes on for three days and never seems to start? Who else would think it not the least odd to make their judges wear little mops on their heads, compel the Lord-Chancellor to sit on something called the Woolsack, or take pride in naval hero whose dying wish was to be kissed by a fellow named Hardy?

('Please, Hardy, full on the lips, with just a bit of tongue.') What other nation in the world could have given us William Shakespeare, pork pies, Christopher Wren, Windsor Great Park, the Open University, Gardener's question Time, and the chocolate digestive biscuit? None, of course [Bryson 1996, 351-352]
 (когнитивная, характеризующая, сравнительно-дифференцирующая, субъективно- оценочная функции).

В качестве средств вербализации оценочности в дискурсивных фрагментах могут выступать лексемы с положительной или отрицательной эмоционально-оценочной или оценочной семой в своей структуре; контекстозависимые единицы, то есть лексемы, словосочетания или высказывания, реализующие значение оценочности в контексте; лексико-стилистические средства (метафора, метонимия) и т.д.

Итак, дискурс, как известно, это не только закреплённый в языке способ упорядочения действительности и видения мира, но и в определённой мере способ его конструирования [см.: Алефиренко 2012; Миллер 1997; Мнацаканян 2004; Потапенко 2009]. Дискурс английской коллективной идентичности, как подтвердило наше исследование, не только воспроизводит содержание и многогранность своего базового понятия «английская коллективная идентичность», но и создаёт, конструирует его - наполняет новым смыслом, выступая тем самым уже в качестве «социальной практики» [Воркачёв 2013б; Яворская 2005]. Соответственно, «деконструкция» этого понятия состоит в описании содержательного наполнения одноименного гиперконцепта, выявлении его сущностных семантических признаков, моделей, аксиологической окраски и других значимых характеристик. В этом нам видятся перспективы дальнейшего изучения английской коллективной идентичности.

Выводы по главе V

Для обозначения английской самобытности в современной научной и документальной литературе используются как взаимозаменяемые несколько понятий - «английскость», «английское национальное самосознание», «английская идентичность», «английская национальная идентичность», «английская культурная идентичность», «английская этническая идентичность» и т.д.

Современная английская коллективная идентичность - *English Identity* - в рамках нашей классификации идентичности рассматривается как английская коллективная лингвокультурная идентичность. Это не только типичные характеристики Англии, её культуры и английского национального характера, не просто общность знаний и представлений, воплощённых в образе Родины и самих себя, сколько квинтэссенция сопряжения образа Англии и самих себя, образа других (отличных от англичан) и образа Англии и англичан в глазах других в ценностном и языковом измерениях. Современную английскую лингвокультурную идентичность поэтому можно представить как систему ценностно-смысловых доминант лингвокультурного пространства английской общности, воплощённых в языке и им создаваемых.

За единицу лингвокультурологического описания английской идентичности в нашем исследовании принимается лингвокультурный концепт как многомерное культурномаркированное социопсихическое образование в коллективном сознании, объективированное в дискурсе разнообразием языковых форм. Лингвокультурный концепт *English identity* в силу своей высокой информативной ёмкости рассматривается как гиперконцепт - многогранная, многоуровневая и открытая концептуальная система, являющаяся единицей лингвокультурного пространства и имеющая широкое поле вербальных репрезентантов.

Лингвокультурный гиперконцепт *English identity* обладает всеми признаками лингвокультурного концепта, среди которых основными являются: высокая номинативная плотность, полиапеллируемость, предельная этнонимичность, этномаркированность, эмоциогенность, аксиологичность, сложность, включенность его имени в сеть ассоциативных связей, сложившихся в лексической системе языка. Как и в любом лингвоконцепте высшего уровня, где отражаются представления о ценностях, в его семантическом составе выделяются понятийная, метафорически-образная, значимостная и аксиологическая составляющие.

Пространством вербализации лингвокультурного гиперконцепта *English identity* является дискурс идентичности, который представляет собой вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата, обладающую лингвистическим и экстралингвистическим планами и осуществляемую на английском языке представителями английской и других лингвокультурных общностей.

Выделяются два основных типа дискурса английской коллективной идентичности : самоидентифицирующий и внешнеидентифицирующий. *Самоидентифицирующий дискурс* представляет самообраз себя и Англии, то, как англичане описывают себя и свою страну. С другой стороны, это образ других, то, как англичане описывают других, в отличие от себя, что можно условно обозначить как сравнительно-самоидентифицирующий дискурс. *Внешнеидентифицирующий дискурс* отражает образ англичан в глазах других общностей, это то, как другие представляют и описывают Англию и англичан.

Дискурс английской коллективной идентичности реализуется в тексте, поддающемся непосредственному лингвистическому анализу. Значительный интерес в этом плане представляет изучение реализации указанного дискурса в одной из его модификаций - документальном дискурсе (*non-fiction*).

Для обозначения результатов вербальной материализации лингвокультурного национально-маркированного гиперконцепта *English identity* в документальном дискурсе мы предлагаем термины *идентификатор*, *идентема*, *идентифицирующее высказывание* и *идентифицирующий контекст*, которым соответствуют лексические и лексико-синтаксические единицы разного формата: слова, словосочетания, предикативные высказывания, предложения, микротексты.

При разных типах самоорганизации выделенных нами дискурсивных структур каждый новый сегмент является фазой в составе более крупного сегмента, что в итоге даёт фрактальную структуру документального дискурса английской коллективной идентичности, состоящую из «вложений» одних дискурсивных фрагментов в другие. Телескопичность, самоподобное строение дискурса английской идентичности позволяет легко свёртывать дискурсивную структуру в «ретракты» [Борботько 2011,220] разного объёма, вплоть до отдельного слова.

С помощью дискурсивных идентифицирующих фрагментов, сигналами которых являются идентемы, включающие имена концептов суперординатного уровней (*English identity, England, the English, Englishness, etc*) и их вариативы (*English cultural identity, English national identity, people of England, this little island, etc*) во всех типах документального дискурса английской коллективной идентичности конструируются образы Англии, англичан и английской культуры в целом.

Причём, наиболее иллюстративными в этом плане являются дискурсивные идентифицирующие высказывания и контексты с квантитативными (*many English people*) и типологизирующими (*most characteristic feature of the English, England is typically seen as, the typical image of the English identity, etc*) *идентемами*.

Дискурсивные фрагменты с идентемами, включающими имена концептов базисного (*English women, English character, English weather, etc*) и субординатного (*English reserve, English moderation, English modesty, English eccentricity, etc*) уровней, конструируют образы различных представителей английской лингвокультурной общности и образы различных составляющих английской жизни и культуры. Подобные фрагменты, таким образом, дополняют, конкретизируют, «развёртывают» информацию, заложенную в идентифицирующих фрагментах первого уровня.

Дискурс английской коллективной идентичности не только воспроизводит содержание и многогранность своего базового понятия «английская коллективная идентичность», но и создаёт, конструирует его, наполняя новым смыслом. Соответственно, «деконструкция» этого понятия состоит в описании содержательного наполнения одноименного гиперконцепта, выявлении его сущностных семантических признаков, моделей, аксиологической окраски и других значимых характеристик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введение термина «идентичность» в широкий междисциплинарный научный обиход и актуальность проблематики идентичности в социогуманитарном знании XX-XXI веков были обусловлены потерей кредитоспособности традиционных терминов «тождество», «самость», «самосознание», «самоопределение», «бессознательное», «подсознание» и кризисом экзистенциального подхода к изучению личности. Обращение к проблематике идентичности также связано и с изменением социокультурной реальности в постмодернистских обществах второй половины XX века с их постсовременной культурой и особым, уникальным мировосприятием постмодернистского типа личности.

Включение дискурса идентичности в сферу социогуманитарного знания обуславливается, помимо прочего, и усилением интегративных тенденций в научном познании, его гуманитаризацией и антро-

поцентризмом. Идентичность из узкодисциплинарного понятия постепенно превращается в междисциплинарную категорию, получая в XXI веке новый понятийный статус. В эволюции идентичности как научного понятия на протяжении XX-XXI веков прослеживаются четыре этапа: артикуляция понятия (1900-1950), актуализация понятия (1960-1980), универсализация понятия (1990-2000); категоризация понятия (2000 - по настоящее время).

Идентичность как сложный и многогранный феномен получает многочисленные и разнообразные интерпретации в различных теориях, гуманитарных дисциплинах и ведущих общегуманитарных междисциплинарных подходах - психоаналитическом, социологическом, когнитивном и конструкционистском.

В нашей работе идентичность определяется как результат осведомленности и эмоционального оценивания (когнитивно-эмоциональный уровень) субъектом индивидуально-групповых и коллективных характеристик (индивидуально-коллективный уровень), подтвержденных (или нет) значимыми другими (субъектно-объектный уровень) в итоге конструирования образа себя, группы, окружающего мира (конструкционистский подход) на основе определенных идентифицирующих признаков, как группоинтегрирующих, так и групподифференцирующих. Идентичность в итоге является результатом когнитивно-эмоционального конструирования субъектом (индивидом или коллективом) своей тождественности на основе идентифицирующих признаков.

Все виды (индивидуальная и коллективная), подвиды (личная и социальная) и разновидности (этническая, национальная, политическая, классовая, религиозная и т.д.) идентичности находятся в неразрывной взаимосвязи и поэтому идентичность предстает как динамическая система с иерархически организованной структурой.

Идентификация служит основанием для формирования идентичности, и соотносятся они как механизм и результат действия такого механизма (процесса) в самосознании определенного субъекта. Результатом идентификации являются множественные идентичности, актуальность и значимость которых варьируется в зависимости от времени и ситуации. Их общая совокупность составляет целостную и

динамичную индивидуальную идентичность и целостную, но более фиксированную коллективную идентичность.

Сложность и многогранность феномена идентичности неизбежно предполагает соответствующий фокус его лингвистического рассмотрения с применением междисциплинарных подходов: коммуникативно-функционального, когнитивно-лингвистического и когнитивно-дискурсивного. Такие лингвистические научно-методологические подходы находятся в стадии зарождения и становления, в них в разной степени апробируется методика общегуманитарных подходов к изучению идентичности. Наиболее перспективным и научнозначимым способом изучения идентичности в современной лингвистике считаем когнитивно-дискурсивный междисциплинарный подход, поскольку он позволяет представить феномен идентичности во всей многомерности его сущности и многообразии проявлений.

Культура как семиотизированное культурное пространство предполагает именование всего, что входит в этнокультурное пространство. Неотъемлемой частью любой этнокультуры является лингвокультура - синергетически возникшее сопряжение языка и культуры, зафиксированное и освоенное определенным этноязыковым сознанием. Благодаря такой сопряженности возможно познание идентичности как лингвокультурного феномена, как когнитивно-дискурсивной лингвокультурологической научной категории.

Лингвокультурная идентичность представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в постоянном диалоге друг с другом. Индивидуальная лингвокультурная идентичность является результатом когнитивно-эмоционального процесса осмысления, усвоения и принятия культурнозначимой информации, кодированной языком и им создаваемой в ходе познания действительности индивидом — представителем определенной лингвокультуры. Коллективная лингвокультурная идентичность рассматривается как многоуровневая ментально-лингвальная динамическая система, возникающая как результат саморефлексии общности в ходе конструирования и представления её единства как самобытного целого на основе культурных ценностей и с помощью языка.

Современная коллективная английская идентичность — *English Identity* — в рамках нашей теории классифицируется как лингвокультурная идентичность и определяется как система ценностно-смысловых доминант лингвокультурного пространства английской общности, воплощенных в языке и создаваемых языком. Это не столько национально-этнический конструкт, обеспечивающий тождественность английской общности на основе географических, исторических, гражданско-правовых, расовых идентифицирующих признаков, сколько лингвокультурный, основанный на языковом, ментальном и культурном единстве его членов.

Единицей лингвокультурологического описания английской коллективной идентичности служит лингвокультурный гиперконцепт *English identity* - иерархически организованная многоуровневая концептуальная система гиперонимического типа, объективируемая в дискурсе разнообразием языковых форм, в которой макроконцепты высшего уровня абстракции в результате дискурсивного развёртывания не только модифицируются сами, но и генерируют развитие концептов и субконцептов более низкой степени абстракции. Основными признаками лингвокультурного гиперконцепта *English identity* являются предельная этнонимичность и этномаркированность, ярко выраженная аксиологичность и эмоциогенность, высокая номинативная плотность и полиапеллируемость.

Пространством вербализации лингвокультурного гиперконцепта *English identity* является дискурс английской коллективной идентичности, который классифицируется как один из видов дискурса идентичности и рассматривается как вербализованная речемыслительная деятельность, обладающая лингвистическим и экстралингвистическим планами и осуществляемая на английском языке представителями английской (самоидентифицирующий дискурс) и других (внешнеидентифицирующий дискурс) лингвокультурных общностей.

Исследуемый гиперконцепт объективируется в англоязычном документальном дискурсе идентичности с помощью идентификаторов и идентем (дискурсивные микрофрагменты), идентифицирующих высказываний (дискурсивные фрагменты) и идентифицирующих контекстов (дискурсивные макрофрагменты), представленных словами, словосочетаниями, предикативными высказываниями, предложениями,

микротекстами. Анализ предложенных конститuentов дискурса, которые вербализуются лексическими и лексико-синтаксическими единицами разного формата, позволяет выделить и описать особенности конструирования в современном документальном дискурсе главных сущностных признаков лингвокультурного гиперконцепта *English identity* и, соответственно, основные черты и доминирующие идентифицирующие признаки английской коллективной идентичности как феномена субъективной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абушенко В.Л. Идентичность / В.Л. Абушенко // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. — Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. — С. 400-404.
2. Абушенко В.Л. Идентичность / В.Л. Абушенко // Социология. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко и др. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. — С. 344-349.
3. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. — М.: МГУ 1990. — 240 с.
4. Агеев В.С., Толмасова А.К. Теория социальной идентификации и ее эмпирические вариации / В.С. Агеев, А.К. Толмасова // Психология самосознания. — Самара, 2000. — С. 624-641.
5. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. — Волгоград, 2005. — 340 с.
6. Алавердоев А.Л. Этнокультурный менталитет и идентичность в условиях модернизации современной России / А.Л. Алавердоев: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 (религиоведение, философская антропология и философия культуры). — Белгород, 2009. — 145 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2012. — 288 с.
8. Андреева Г.М. Психология социального познания / Г.М. Андреева. — М., 2000. — 216 с.
9. Андрейчук Н.І. Семіотика лінгвокультурного простору Англії кінця XV — початку XVII століття: Монографія / Н.І. Андрейчук. — Львів: Видавництво Львівської політехніки, 2011. — 280 с.

10. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов и другие. — Новосибирск: Наука, 1989. — 194 с.
11. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н.В. Антонова // Вопросы психологии. — 1996. — № 1. — С. 131-143.
12. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. — М.: Высш. шк., 1991. — 140 с.
13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Изд. 2-ое, испр. / Н.Д. Арутюнова. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 896 с.
14. Архипов И. К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания / И. К. Архипов // *Studia Linguistica Cognitiva*. - М.: Гнозис, 2006. - Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. - С. 157-171.
15. Бабаков В.Г., Семенов В.М. Национальное сознание и национальная культура: Методологические проблемы / В.Г. Бабаков, В.М. Семенов. - М.: РАН. Институт философии, 1996. - 70 с.
16. Бадмаев В.Н. Национальная идентификация как философская проблема (по материалам наследия российского зарубежья) / В.Н. Бадмаев: автореф. дис.... канд. философ. наук: 09.00.11 - социальная философия. - М., 1996. - 24 с.
17. Бадмаев В.Н. Феномен национальной идентичности: Социально-философский анализ / В.Н. Бадмаев: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 - социальная философия. - Волгоград, 2005. - 292 с.
18. Баклушинский С.А., Белинская Е.П. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» / С.А. Баклушинский, Е.П. Белинская // Социальная психология. Хрестоматия. - М., 1990. - С. 356-364.
19. Балыкова А.А. Этнокультурная идентичность как социально-философская проблема / А.А. Балыкова: дис. ... канд философ. наук. 09.00.11 - социальная философия. - Улан-Удэ, 2001. - 191 с.
20. Баранова Т.С. Теоретические модели социальной идентичности личности / Т.С. Баранова // Психология самосознания. Хрестоматия. - Самара, 2000. - 672 с.

21. Баранова Т.С. Эмоциональное «Я - Мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентификации) / Т.С. Баранова // Социология: НМ, 2001. - № 14. - С. 70-101.

22. Баронин А.С. Этническая психология / А.С. Баронин. - К.: Тандем, 2000. - 264 с.

23. Барсук Л.В. Психолінгвістическе дослідження особливостей ідентифікації значень широкозначних слів (на матеріалі іменників) / Л.В. Барсук: автореф. дис. канд. філол. наук. - Саратов, 1991. - 16 с.

24. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2002. — 325 с.

25. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. — М. — 1975. — 504 с.

26. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. — М.: Просвещение, 1986. — 541 с.

27. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. — М., 1972. — 464 с.

28. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф.С. Бацевич. — К.: Академія, 2004. — 344 с.

29. Белинская Е.П. Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности / Е.П. Белинская // Идентичность: хрестоматия. — М., Воронеж: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та: МОДЭК, 2003. — С. 6-20.

30. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. — М.: Аспект-Пресс, 2001. — 301 с.

31. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистические перспективы / П. Бергер. Пер. с англ. Г.А. Батыгин. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — 166 с.

32. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; перевод Е. Руткевич; Моск. философский фонд "Academia-Центр". — М.: МБ-ДИУМ, 1995. — 253 с.

33. Берн Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб.: Прайм-Еврознак. — 2001. — 320 с.

34. Бессонова О. Л. Вербалізація концепту ХАРАКТЕР образними найменуваннями особи в англійській мові / О. Л. Бессонова, О. Ф.

Педтієва // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. — 2010. — № 897. — С. 11-18.

35. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти: монографія / О. Л. Бессонова. — Донецьк : Дон-НУ, 2002. — 362 с.

36. Бовкунова Ю.В. Культурная идентификация как языковая проблема / Ю.В. Бовкунова // Социокультурная динамика региона: Сб. научн. трудов участников V межрег. научно-практ. конференции (Белгород, 27-28 апреля 2005). — Белгород: БелГИК, 2005. — С. 198-199.

37. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г.И. Богин: автореф. дис. .доктора филол. наук: 10.02.19 - теория языка. - Л., 1984. - 35 с.

38. Бойко В. Ідентифікація / В. Бойко // Соціологічна енциклопедія / Укладач В.Г. Городянко. - К.: Академвидав, 2008. - С. 147.

39. Бойко В. Ідентичність соціальна / В. Бойко // Соціологічна енциклопедія / Укладач В.Г. Городенко. - К.: Академвидав, 2008. - С. 148-149.

40. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. - 123 с.

41. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. - Изд. 4-е. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. - 288 с.

42. Бородин Т.А. Идентифицирующее высказывание: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале немецких художественных текстов) / Т.А. Бородин: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.04 - германские языки. - Воронеж, 2008. - 23 с.

43. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. - М.: Наука, 1973. - 283 с.

44. Брудный А.А. Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности) / А.А. Брудный. - Фрунзе: Илим, 1972. - 234 с.

45. Булыгина Т.Е., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.Е. Булыгина, А.Д. Шмелев. - М.: Языки русской культуры, 1997. - 420 с.

46. Бурда-Лассен О.В. Перевод как процесс декодирования ментальной идентичности нации (на материале украинских и немецких этнолексем мифологического происхождения) / О.В. Бурда-Лассен: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.16 - переводоведение. - К., 2004. - 18 с.

47. Буянова Л.Ю. Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации / Л.Ю. Буянова // Этика и социология текста. - Вып. 10. - СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. - С. 265-269.

48. Быков П. Самоидентификация автора: голос писателя эпохи «Пост» / П. Быков // Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций / Ред. М.К. Попова и В.В. Струнов. - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. - С. 202-208 (Серия «Монография; Вып. 11).

49. Быховская И.М., Флиер А.Я. Коммуникация социокультурная / И.М. Быховская, А.Я. Флиер // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 1. / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. - С. 959960.

50. Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. О языковых и культурных аспектах этнической идентификации / И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. - М. - Калуга: Эйдос, 2009. - С. 95-99.

51. Василенко И.В. Идентичность в условиях глобализации / И.В. Василенко // Человек в современных философских концепциях: Материалы третьей международной научной конференции. - Т. 1. - С. 708-711.

52. Вахромов Е.Е. Проблема человека: самость и Я в психологии / Е.Е. Вахромов // Мир психологии. - 2002. - №2. - С. 30-44.

53. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.

54. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах / А. Вежбицкая [Электрон. ресурс] - Режим доступа: <http://www.phililigy.ru/linguistics1/wierzbicka-93.htm>.

55. Вежицкая А. Семантические сценарии и описание языков / А. Вежицкая. Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. - М.: «Языки русской культуры», 1999. - 776 с.
56. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежицкая. Пер. с англ. А.Д. Шмелева. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - 272 с.
57. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. - М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
58. Вендина Т.И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков / Т.И. Вендина // Славянский альманах 1998. — М., 1999. — С. 287-300.
59. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1990. — 246 с.
60. Виноградов В.А. Структурная лингвистика / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
61. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека / Т.Г. Винокур // Человек в системе наук. — М., 1989. — С. 361-370.
62. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская / Т.В. Водолажская // Социология: Энциклопедия / Сост. А. Грицанов, В. Абушенко и др. — Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2003. — С. 349-350.
63. Воркачев С.Г. Знаковая сущность лингвокультурного концепта / С.Г. Воркачев // Человек. Язык. Культура: сб. науч. статей, посв. 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика в 2 ч. — Киев: Изд. дом Д.Бурого, 2013. — Изд. 2-ое, испр. — Часть I. — С. 39 — 47.
64. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография / С.Г. Воркачев. — Краснодар: Изд-во Техн. ун-та Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. — 142 с.
65. Воркачев С.Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии / С.Г. Воркачев // Vita in lingua: к юбилею проф. С.Г. Воркачева: сб.ст / Отв. ред. В.И. Карасик. — Краснодар: Атриум, 2007. — С. 39 — 60.

66. Воркачев С.Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре: Монография / С.Г. Воркачев. — М.: ИНФРА-М, 2013. — 151 с.
67. Воркачев С.Г. *Singularia tantum*: идеологема "народ" в русской лингвокультуре: Монография / С.Г. Воркачев. — Волгоград: Парадигма, 2013б. — 254 с.
68. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография / В.В. Воробьев. — М.: РУДН, 2008. — 336 с.
69. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: Монография / А.Р. Габидуллина. — Горловка: ГПИИЯ, 2009. — 292 с.
70. Галустян М. Ідентичність гендерна / М. Галустян // Соціологічна енциклопедія / Укладач В.Г. Городенко. — К.: Академвидав, 2008. — С. 148.
71. Галушко К. Ідентичність / К. Галушко / Соціологічна енциклопедія / Укладач В.Г. Городенко. — К.: Академвидав, 2008. — С. 147-148.
72. Гарагуля С.И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США) / С.И. Гарагуля: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04. — германские языки — М., 2009. — 418 с.
73. Гарагуля С.И. Языковая личность: Индивид и его имя в иноязычной среде / С.И. Гарагуля. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 160 с.
74. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Гачев. — М.: Прогресс, 1995. — 480 с.
75. Герман Н.Ф. Изучение феномена лингвокультурной идентичности языковой личности / Герман Н.Ф. // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. — Вып. 6 (Часть II). Междун. сб. научных трудов. — Москва-Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингв. ун-та, 2007. — С. 265-270.
76. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации / Н.Ф. Герман: дис.. канд. культурологии: 24.00.01 — теория и история культуры. — Челябинск, 2009. — 159 с.

77. Глотов Б. Культурна — цивілізаційна ідентифікація українського народу: Монографія / Б. Глотов. — Д.: Дніпропетр. Регіон. ін-т держ. управ. УАДУ при Президентіві України, 2002. — 216 с.

78. Гозман Л., Эткинд А. Идентичность, культурное самосознание / Л. Гозман, А. Эткинд // 50/50: Опыт словаря нового мышления. — М.: Прогресс, 1989. — С. 30-34.

79. Головахина Е.И., Кроник А.А. Конструктивные функции психологии / Е.И. Головахина, А.А. Кроник // Психологический журнал. — 1989. — Т. 10. - № 6. — С. 24-33.

80. Головахина Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика / Е.И. Головахина, Н.В. Панина. - К.: Абрис, 1994. - 168 с.

81. Голенкова З.Т. Идентификация социальная / З.Т. Голенкова / Политическая энциклопедия в 2 т. - Т. 1. - М.: Мысль, 2000. - С. 415-416.

82. Головнева И.В. Тенденции изменений гендерной идентичности взрослых / И.В. Головнева // Вісник Одеського національного університету. - Том. - Вип., 2001. - С. 34-37.

83. Горошко Е.И. Коммуникативная виртуальная идентичность: гендерный анализ / Е.И. Горошко // Филологические заметки. - Пермь, Скопье, Любляна, Загреб. - 2009. - Перм. гос. ун-т, Вып. 7. - Ч. 2. - С. 93-105.

84. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. Пер. с англ. А.Д. Ковалева. - М.: Директ-Медиа, 2007. - 546 с.

85. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс / Е.С. Гриценко. - Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.А. Лобачевского, 2005. - 267 с.

86. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов / Л.И. Гришаева. - Воронеж: ВГУ, 2007. - 262 с.

87. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. - Воронеж: ВГУ, 2003. - 368 с.

88. Грищенко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс / Е.С. Грищенко. - Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.А. Лобачевского, 2005. - 267 с.

89. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая и др.: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - 352 с.

90. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло. - М.: Наука, 2003. - 764 с.
91. Гудков Д. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Гудков. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. - 288 с.
92. Гуревич П.С. Культурология. 3-е изд. - М.: Омега, 2012. - 427с.
93. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. - СПб.: Петрополис, 1998. - 384 с.
94. Дёмина А.В. Номинация чужих этнических групп в английском языке новоанглийского периода / А.В. Демина: дис... канд. фи- лол. наук: 10.02.04 — германские языки. — Санкт-Петербург, 2001. — 155 с.
95. Денисенко А.О. Образ «себя» и «других» в языковом сознании англичан / А.О. Денисенко: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 — теория языка. — М., 2005. — 220 с.
96. Деррида Ж. Избранное: Тотальность и бесконечное /Ж. Деррида, Э. Левинас. — СПб.: Культур-инициатива, 2000. — 415 с.
97. Джеймс У. Психология / У. Джеймс. — М.: Педагогика, 1991. — 368 с.
98. Дзядевич Т.М. Формування національної ідентичності в літературі слов'янського романтизму: на мат-лі творчості А. Міцкевича, О. Пушкіна та Т.Г. Шевченка / Т.М. Дзядевич. — К., 2004.
99. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира / Е.В. Добровольская: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. — Томск: Изд-во ТГУ, 2005. — 24 с.
100. Домброван Т.И. Язык в контексте синергетики: Монография / Т.И. Домброван — Одесса: КП ОГТ, 2013. — 346 с.
101. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности / А.И. Донцов и др. // Вопросы психологии. — 1997. — № 4. — С. 75-85.
102. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л.М. Дробижева // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. — М.: Изд-во ин-та социологии РАН, 2006. — С. 10-30.
103. Енина Л.В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход / Л.В. Енина // Известия Уральского государственного университета. — № 4 (81), 2010. — С. 162-168.

104. Ерасов Б.С. Самобытность / Б.С. Ерасов // Культурология. Энциклопедия. В 2-х томах. Том 2. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 443.

105. Ермолаев А.К. Моделирование личности по тексту (обобщение опыта оперативно-розыскной работы) / А.К. Ермолаев: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 — теория языка. — Барнаул, 1999. — 22 с.

106. Жаде З. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации / З. Жаде: автореф. дис. . д-ра полит. наук: 23.00.02. - Краснодар, 2007. - 50 с.

107. Жимбаева Ц.И. Подростковая субкультура: Специфика идентичности / Ц.И. Жимбаева. - М.: КРАСАНД, 2010. - 160 с.

108. Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Стратегии самопрезентации и их связь с реальной идентичностью [Электрон. ресурс] / А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская // Флошстон: Психология из первых рук. Интернет-публикация. - 1999. - Режим доступа http://flogiston.ru/articles/list/self_1st/.

109. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М.В. Заковоротная. - Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШД, 1999. - 200 с.

110. Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход. - Калинин: Калинин, гос. ун-т, 1988. - 95 с.

111. Залевская А.А. Проблема признака как основание взаимопонимания и расхождений для межэтнических контактов / А.А. Залевская // Этно - и психолингвистические проблемы языкового сознания. - М.: URSS, 1996. - С. 163-175.

112. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: [избранные труды] / А. А. Залевская. - М.: Гнозис, 2005. - 543 с.

113. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. - 2003. - № 1. - С.30- 35.

114. Земская Е.А. Речевой портрет ребенка / Е.А. Земская // Язык: система и подсистемы. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. - С. 243-260.

115. Зернецька О. Культурна ідентичність і глобальна культура в добу глобалізації / О. Зернецька // Політика і час. - 2003. - № 11. - С. 83-88.

116. Зинченко В.Г. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятие и персоналии / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе, Г.П. Рябов. - М.: Флинта: Наука, 2010. - 136 с.

117. Золян С.Т. Язык и дискурс: что нового в «новой» дискурсивной парадигме? / С.Т. Золян // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. - СПб-Ереван: СПбГУЭФ, 2009. - С. 12-22.

118. Иванова В.Н. Идентичность политическая / В.Н. Иванова // Политическая энциклопедия в 2 т. Т. 1. / Нац.-обществ.-научн. Фонд. — М.: Мысль, 2000. — С. 416.

119. Иванова Н.Л. Качественный анализ: репертуарные личностные методики / Н.Л. Иванова. — Ярославль, 1999. — 90 с.

120. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности / Н.Л. Иванова: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 — социальная психология. — Ярославль: ЯГУ им. П.Г. Демидова, 2003. — 339 с.

121. Иванова Н.Л. Социальная идентичность в различных социокультурных условиях / Н.Л. Иванова // Вопросы психологии. — 2004. — № 4. — С. 65-95.

122. Иванова Н.Л. Социальная идентичность и профессиональное становление личности: Монография / Н.Л. Иванова. — Ярославль: Изд-во МАПН, «Аспект-Пресс», 2005. — 135 с.

123. Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности личности: Проблема анализа / Н.Л. Иванова // Психологический журнал. — 2004а. — Т. 25. - № 1. — С. 52-60.

124. Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика / Н.Л. Иванова, Т.В. Румянцева. — М: Изд-во СГУ, 2009. — 453 с.

125. Иващенко А.Н., Агапов В.С., Барышникова И.В. Проблемы Я-концепции личности в отечественной психологии / А.Н. Иващенко, В.С. Агапов, И.В. Барышников // Мир психологии. — 2002. — № 2. — С. 17-30.

126. Ивушкина Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи: на материале речевых характеристик представителей высшего класса Великобритании в произведениях английской художественной литературы / Т.А. Ивушкина. — М., 1998. — 295 с.

127. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект / Т.А. Ивушкина. — Волгоград: Перемена, 1997.

— 157 с.

128. Исаев Б.А. Социология. Краткий курс / Б.А. Исаев. — СПб.: Питер, 2008. — 224 с.

129. Исагулова Г.К. Лингвокультурологический аспект гендерных отношений: сопоставительный аспект: на материале русского, немецкого и казахского языков / Г.К. Исагулова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 — сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание. - Казань, 2005. - 23 с.

130. Карасик В.И. Концептуализация социального равенства / В.И. Карасик // Лингвоконцептология. Перспективные направления: Колл. Монография. - Луганск: ЛГУ «ЛНУ» им.Т. Шевченко, 2013. - С. 536-570.

131. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч.тр. / ВГПУ, ПМПУ. - Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. - С. 3-16.

132. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В.И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. - Волгоград, 2005. - С. 25-62.

133. Карасик В.И. О категориях дискурса [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://homepages.tversu/-ips/jubkaras.html>

134. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И.Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. - Сб. науч. трудов. - Волгоград: Перемена, 2000. - С. 5 - 20.

135. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. - М.: Гнозис, 2010. - 351 с.

136. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. - Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.

137. Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.: Гнозис, 2002а. - 333 с.

138. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. - Волгоград, 2005.

139. Карасик В.И., Прохвачева О.Г. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева. - М.: Гнозис, 2005. - 352 с.

140. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А.Стернина. - Воронеж: ВГУ, 2001. - С. 75 - 80.

141. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. - М., 1989. - С. 3-8.

142. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. - М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2008. - 437 с.

143. Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. — 367 с.

144. Катанова Е.Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на м-ле амер. и брит. парлам. дебатов) / Е.Н. Катанова: дис. .канд. фил. наук: 10.02.04 — германские языки. — Воронеж, 2009. — 224 с.

145. Качанов Ю.Л. Базовая метафора рефлексивного жизнеописания интеллигентов, предпринимателей и политиков: социальная идентичность и жизненные стратегии / Ю.Л. Качанов, Н.А. Шматко // Идентичность: Хрестоматия. — М., Воронеж: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та: МОДЭК, 2003. — С. 144-153.

146. Качанов Ю.Л. Проблема ситуационной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений / Ю.Л. Качанов // Психология самосознания: хрестоматия. — Самара: БАХ-РАХ. — М: БАХРАХ-М, М, 2003. — С. 613-623.

147. Келли Д. Теория личности. Психология личностных кон-структов / Д. Келли. Перевод и научная редакция А.А. Алексеева. — СПб, 2000. — 104 с.

148. Кибрик А. Язык / А.Е.Кибрик // Лингвистический Энциклопедический Словарь. Гл. редактор В.Н.Ярцева. — М.: "Советская энциклопедия", 1990. — С. 604 — 606.

149. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Формирование идентичности в российской провинции / И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова. — М., Ярославль: Институт психологии РАН, 2001. — 152 с.

150. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. — М.: Научный мир, 2005. — 494 с.

151. Киященко Л.П. Синергетика языков культуры / Л.П. Киященко // Культурология. Энциклопедия. В 2-х томах. Т. II. — М.: РОСС-ПЭН, 2007. — С. 476-479.

152. Клюканов И.Э. О диалогичности коммуникации / И.Э. Клюканов // Вопросы психолингвистики. — М.: ИЯ РАН, 2009. — № 2 (10). — С. 110-114.

153. Клюканов И.Э. Языковая навигация: природа и перспективы исследования / И.Э. Клюканов // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Вып. 4. — Курск: Курский гос. ун-т, 2005.

154. Ковалёв Г.Ф. Ономастические единицы как фактор идентичности / Г.Ф. Ковалев // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. - Воронеж, 2000. - Т. I. - С. 134-143.

155. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М.Л. Ковшова. - М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. - 456 с.

156. Козлова И.Н. Личность как система конструкторов / И.Н. Козлова // Системные исследования. Ежегодник. - М., 1976. - С. 128-146.

157. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове / В.В. Колесов // Человек в зеркале наук. - Л.: ЛГУ, 1991. - С. 106-124.

158. Колесов В.В. Язык, речь, ментальность в XVIII веке / В.В. Колесов // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч. - К.: Издательский дом Д. Бураго, 2013. - Част. 1. - С. 7-15.

159. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова / В.В. Колесов, М.В. Пименова. - изд. 3-е, доп. - Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. - 136 с.

160. Колегаева І.М. Текст і мегатекст як члени єдиної комунікативної родини / І.М. Колегаєва // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи / НАН України, Центр наукових досліджень і викладання іноземних мов; редкол.: А.Д. Белова (голов. ред.) та ін. - К., 2012. - С 170-178.

161. Кон И. Введение в сексологию. Курс лекций / И. Кон. - М.: Олимп, Инфра-М, 1999. - 288 с.

162. Кон И. В поисках себя: личность и ее самосознание / И. Кон. - М.: Политиздат, 1984. - 336 с.

163. Кон И. Идентичность / И. Кон // Онлайн Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye-nauki/sociologia/IDENTICHNOST.htm1>.

164. Кондаков И.В. Евроидентичность / И.В. Кондаков // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том I. / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. - С. 625-628.

165. Кончакова С.В. Проблема национальной идентичности в позднем творчестве Ч. Диккенса («Большие надежды», «Наш общий друг», «Тайна Эдвина Друда») / С.В. Кончакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 — литература народов стран зарубежья. — Воронеж, 2011. — 23 с.

166. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб» / А.Ю. Коровина: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 — теория языка. — Волгоград, 2008. — 20 с.

167. Королева Л.Г. Культурно-цивилизационная идентичность России (история, сущность, перспективы) / Л.Г. Королева. — М.: Союз, 2005. — 424 с.

168. Королева Л.Г. Цивилизационная идентичность России в русской философии культуры / Л.Г. Королева: дис. ... доктора философ. наук: 09.00.13 — религиоведение, философская антропология и философия культуры. — Курск: КГУ, 2006. — 366 с.

169. Костенко Н. Культурні ідентичності: перетворення і визнання / Н. Костенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 69-88.

170. Костецкая А.Г. Социолингвистические характеристики речи образованной молодежи Великобритании и США / А.Г. Костецкая: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 — общее языкознание, социолингвистика. — Волгоград, 2001. — 19 с.

171. Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А.В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 51 - 65.

172. Кравченко А.И., Анурин В.Ф. Социология: Учебник для вузов / А.И. Кравченко, В.Ф. Анурин. — СПб.: Питер, 2006. — 432 с.

173. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / Красных В.В. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 375 с.

174. Красных В.В. Система координат лингвокультуры сквозь призму НОМО LOQUENS / В.В. Красных // Язык. Культура. Сознание. — 2005. — С. 61-69.

175. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.

176. Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний / С. Кратохвил. Пер. с чешск. — М.: Медицина, 1991. — 336 с.

177. Кубрякова Е.С. Концептуализация / Е.С.Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. - М.: Изд-во МГУ, 1996. - С. 93 - 94.

178. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч.Х. Кули. Пер. А. Толстова.- М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. - 312 с.

179. Культурна-цивілізаційна ідентифікація українського народу: Монографія. - Д: Дніпропетр. регіон. ін-т держ. упр. УАДУ при Президентові України, 2002. - 216 с.

180. Культурология: учебник / В.П. Большаков, Е.П. Борзова, С.Н. Иконникова [и др.]; науч. ред. С.Н. Иконникова, В.П. Большаков. - Москва: Проспект, 2011. - 528 с.

181. Культурология: учебное пособие / Составитель и ответственный редактор А.А. Радугин. - М.: Центр, 1999. - 304 с.

182. Купина Н.А. Вербальные знаки идентичности в идеологическом пространстве Урала / Н.А. Купина // Славянские языки: аспекты исследования: сб. научн. ст. - Минск, 2009. - С. 142-147.

183. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. 3-е изд., испр. - Одесса: Латстар, 2002. - 292 с.

184. Лаков Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. - Изд. 2. / Дж.Лаков, М.Джонсон. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008. - 256 с.

185. Лачина И.С. Особенности идентификации прилагательных / И.С. Лачина: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 - теория языка. - Тверь, 1993. - 16 с.

186. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедев. - М.: Ключ-С, 1999. - 224 с.

187. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечность. - М.: Культурная инициатива, 2000. - 425 с.

188. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. Пер. с франц. под ред. В.В. Иванова. - М.: Наука, 1985 - 535с.

189. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. - М.: Гносис, 2005. - 352 с.

190. Леонтович О.А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами / О.А. Леонтович: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. - Волгоград, 2002. - 673 с.

191. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста. — М., 1979. — С. 18-36.

192. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. — М.: Эдиториал УРСС, 2003. — 307 с.

193. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993. — С. 16-21.

194. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к теории текста: антология; [под. ред. В. П. Нерознака]. — М., 1997. — С. 280-289.

195. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 1994. — 758 с.

196. Ляпин С.Х. Факт в пространстве бытия (опыт концептологического понимания) / С.Х. Ляпин. — Архангельск: Изд-во Поморск. пед. ун-та, 1996. — 123 с.

197. Ляшенко И.В. Языковая сущность и прагматические функции этнических прозвищ: на материале английского языка / И.В. Ляшенко: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 — германские языки. — Пятигорск, 2003. — 207 с.

198. Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане = The Xenophobic Guide to the English / Э. Майол, Д. Милстед. — М.: Эгмонт Россия ЛТД, 2001. — 72 с.

199. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.

200. Макаров М.Л. Речевая коммуникация в группе: дискурсивное конструирование социальной идентичности / М.Л. Макаров // Эссе о социальной власти языка / Под общ. ред. М.И. Гришаевой. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 30-36.

201. Малахов Ю.С. Идентичность / Ю.С. Малахов // Новая философская энциклопедия в 4 т. Институт философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Стенин. — М.: Мысль. — Т. II. — 2011. — С. 78-79.

202. Малахов Ю. Идентичность / Ю. Малахов // Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — С. 299-300.

203. Малахов Ю.С. Неудобства с идентичностью / Ю.С. Малахов // Вопросы философии. - 1998. - № 2. - С. 43-53.

204. Мариненко Ю.В. Проблеми національної ідентичності в українській прозі 40-50 років ХХ ст. / Ю.В. Мариненко: дис. ... докт. філол. наук: 10.01.01 - українська література. - Кіровоград, 2006. - 417 с.

205. Мартынюк А.П. Опыт модусного моделирования концепта (на примере концепта celebrity / знаменитость, актуализированного в англоязычном газетном дискурсе) // Когниция, коммуникация, дискурс. - 2010. - №1. - С. 93 - 100.

206. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики. - Харків: Видавництво ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2012. - 194 с.

207. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: Монография / В.А. Маслова. - М.: Гнозис, 2007. - 320 с.

208. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Изд. центр «Академия», 2004. - 208 с.

209. Маслова Л.Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной дискуссии (гендерный аспект) / Л.Н. Маслова: автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.19 - теория языка. - М., 2007. - 26 с.

210. Маслова Л.Н., Кирилина А.В. Гендерные аспекты авторитетности / Л.Н. Маслова, А.В. Кирилина // Авторитетность и коммуни-

кация: коллективная монография; серия «аспекты языка и коммуникации»; Вып. 4. - Воронеж: Изд. дом Алейниковых, 2008. - С. 52-74.

211. Маслоу А. Теория человеческой мотивации / А. Маслоу // Мотивация и личность. - СПб.: Евразия, 1999. - С. 77-105.

212. Матузкова Е.П. Актуализация понятия "идентичность" в социогуманитарном знании XX века / Е.П. Матузкова // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. - Одеса: Астропринт, 2012. - Вип. 18. - С. 10 - 13.

213. Матузкова Е.П. Актуальность исследования идентичности в современном научном знании / Е.П. Матузкова // Записки з ономастики. Opera in onomastica: збірник наукових праць. - Одеса: Астро-принт, 2012а. - Вип. 15. - С. 91 - 98.

214. Матузкова Е.П. Английская самобытность как объект исследования / Е.П. Матузкова // Записки з романо-германської філології. / [ред. ГМ.Колегаєва]. Одеський національний університет імені Б.Мечникова: факультет романо-германської філології. — Одеса: КП ОМД, 2013. — Вип. 2(31). — С. 80 - 86.

215. Матузкова Е.П. Антиэкзистенциалистская концепция идентичности как дискурсивной модели / Е.П. Матузкова // Міжнародна науково-практична інтернет-конференція "ФБЮЛОБІЯ XX! СТОЛІТТЯ: теорія, практика, перспектива" — Одеса, Національний університет "Одеська юридична академія", 2012б.

216. Матузкова Е.П. Идентичность в лингвокультурологии XXI века: на подступах к изучению / Е.П. Матузкова // Записки з романо-германської філології. / [ред. ГМ.Колегаєва]. Одеський національний університет імені Б.Мечникова: факультет романо-германської філології. — Одеса: КП ОМД, 2012в. — Вип. 2(29). — С. 102 - 110.

217. Матузкова Е.П. Идентичность в свете прагматической научной парадигмы / Е.П. Матузкова // Збірник наукових праць Всеукраїнської наукової конференції "Сучасна германістика: теорія і практика". — Днепропетровськ, 2012г. — С. 80-81.

218. Матузкова Е.П. Идентичность и язык: проблематика изучения / Е.П. Матузкова // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященный 60-летию юбилею проф. В.И.Карасика: в 2-х ч.; отв. ред. В.В.Колесов, М.В.Пименова, В.И.Теркулов. — Киев: Изд. дом Д.Бурого, 2013а. — Изд. 2-е, испр. — Часть 1. — С. 343 — 351.

219. Матузкова Е.П. Идентичность как коммуникативно-функциональная категория / Е.П. Матузкова // Теоретична і дидактична філологія: Збірник наукових праць. — Випуск 16. — Переяслав-Хмельницький: ФОП Лукашевич, 2013б. — С. 189 — 201.

220. Матузкова Е.П. Идентичность как междисциплинарная категория в социогуманитарном знании XXI века / Е.П. Матузкова // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: "Лінгвістика": збірник наукових праць. Випуск XVI. — Херсон: ХДУ, 2012д. — С. 10 — 13.

221. Матузкова Е.П. Идентичность как междисциплинарная лингвистическая категория / Е.П. Матузкова // Каразинські читання: Людина. Мова. Комунікація: тези доповідей XII наукової конференції з міжнародною участю. — Х.: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2013в. — С. 214 — 215.

222. Матузкова Е.П. Идентичность как объект изучения гуманитарных наук / Е.П. Матузкова // Науковий вісник Волинського національного університету імені Л. Українки. Серія "Філологічні науки" - № 23 (248). - Л., 2012е. - С. 186 - 191.

223. Матузкова Е.П. Идентичность как объект изучения культурологических студий / Е.П. Матузкова // Наукові записки. Серія «Філологічна». Острог: Видавництво Національного університету «Острозька академія». - Вип. 23. - 2012ж. - С. 89-91.

224. Матузкова Е.П. Идентичность как объект изучения лингвистики: проблематика и перспективы / Е.П. Матузкова // Записки з романо-германської філології. / [ред. І.М.Колегаєва]. Одеський національний університет імені І.І.Мечникова: факультет романо-германської філології. - Одеса: КП ОГТ, 2012з. - Вип. 28. - С. 90-97.

225. Матузкова Е.П. Идентичность как продукт взаимосвязи языка, культуры и коммуникации / Е.П. Матузкова // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. - Кемерово, 2013г. - Вып. 2. - С. 39 - 41.

226. Матузкова Е.П. Идентичность, культура, язык: лингвокультурная идентичность / Е.П. Матузкова // Актуальные лингвистические исследования: Коллект. Монография (под ред. А.Т. Бердникова). - Новосибирск: Изд. СибАК, 2013д. - С. 10-16.

227. Матузкова Е.П. Какую культуру мы изучаем? / Е.П. Матузкова // Записки з романо-германської філології. ОДУ ім. І.І.Мечникова - Вип. 7. - Одеса: Латстар, 2000. - С. 183 - 191.

228. Матузкова Е.П. Культура как ключевое понятие лингво-культурологии XXI века / Е.П. Матузкова // Наукові записки. Серія „Філологічна”. - Острог: Видавництво національного університету „Острозька академія”. - Вип. 21. - 2013е.

229. Матузкова Е.П. Культурная идентичность: к определению понятия / Е.П. Матузкова // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта, 2014. - №2. - С. 62 - 68.

230. Матузкова Е.П. Культурно-антропологические основы идентичности / Е.П. Матузкова // Нова філологія. Збірник наукових праць. - Запоріжжя.: ЗНУ, 2011. - № 46. - С. 43-46.

231. Матузкова Е.П. Междисциплинарные научные подходы к изучению идентичности / Е.П. Матузкова // М 74 Мова і культура (Науковий журнал). — К.: Видавничий дім Д. Бурого, 2012и. — Вип. 15. — Т. I (155). — С. 79-86.

232. Матузкова Е.П. Основные направления изучения идентичности в современной лингвистике / Е.П. Матузкова // Наукові записки. Серія «Філологічна». Острог: Видавництво Національного університету «Острозька академія». — Вип. 19. — 2011а. — С. 81-85.

233. Матузкова Е.П. Проблематика идентичности в когнитивно-дискурсивной парадигме / Е.П. Матузкова // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи / НАН України, Центр наукових досліджень і викладання іноземних мов; редкол.: А.Д. Белова (голов. ред.) та ін. — К., 2012и. — С 170-178.

234. Матузкова Е.П. Проблематика идентичности в социолингвистике / Е.П. Матузкова // Матеріали за 8-а міжнародна научна-практична конференція "Образованието и науката на ХХІ век". — Том 32. Филологични науки. — София: "Бял ГРАД-БГ" ООД, 2012к. — С. 82 — 84.

235. Матузкова Е.П. Проблематика изучения идентичности в межкультурной коммуникации / Е.П. Матузкова // Перспективы развития современной филологии: материалы VI международной конференции. — Петрозаводск: ПетроПресс, 2012л. — С. 79 — 82.

236. Матузкова Е.П. Проблематика и перспективы изучения идентичности в психолингвистике / Е.П. Матузкова // Актуальные проблемы искусствovedения, филологии и культурологии: материалы международной заочной научно-практической конференции (18.02.2013). — Новосибирск: Изд-во "СибАК", 2013ж. — С. 30 — 35.

237. Матузкова Е.П. Родное-иностранное: особенности русского и английского менталитетов и их отражения в языке / Е.П. Матузкова // Записки з романо-германської філології. — Вип. 14. — Одеса: Фенікс, 2003. — С. 110 — 121.

238. Матузкова Е.П. Средства выражения концепта "ИНОСТРАННОЕ" в английском языке: словарь и текст / Е.П. Матузкова // Мова і культура. — К.: Видавничий дім Д. Бураго, 2003. — Вип.6. — Т.Ш. (4.2. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту). — С. 44 — 51.

239. Матузкова Е.П. Универсализация понятия "идентичность" в социогуманитарном знании XX века / Е.П. Матузкова // Диалог: Медиа-студії: збірник наукових праць / ред.кол.: О.Александров (відп. ред.) [та ін.]. - Одеса: Астропринт, 2012м. - Вип. 15. - С. 165 - 174.

240. Матузкова Е.П. Этапы становления историко-понятийной проблематики идентичности в социогуманитарном знании XX века / Е.П. Матузкова // Нова філологія. Збірник наукових праць. - За-ПОРІЖЖЯ: ЗНУ, 2012н. - № 54. - С. 63-68.

241. Матузкова Е.П. Язык, культура, идентичность: лингвокультурологический поход / Е.П. Матузкова // Наука, образование, бизнес: проблемы, перспективы, интеграция: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (28.02.2013). В 4 частях. - Часть III. Мин-во обр. и науки. - М.: "АР-Консалт", 2013з. - С. 74 - 79.

242. Матузкова О.П. Ідентичність у соціогуманітарному знанні першої половини XX століття: історія становлення поняття / О.П. Матузкова // Записки з романо-германської філології. - Вип. 27. - Одеса: КП ОМД, 2011б. - С. 151-156.

243. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия / Д. Мацумото. - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. - 668 с.

244. Медведева А.В. Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах / А.В. Медведева // Методологические проблемы когни-

тивной лингвистики. - Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 2001. - С. 102-106.

245. Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской культурах / Ю.В. Мещерякова // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. научн. тр. - Волгоград: Перемена, 1999. - С. 209- 215.

246. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности / Ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова. - Воронеж: ВГУ, 2002. - 647 с.

247. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы / Л.А. Микешина. - М.: Прогресс - Традиция, 2002. - 624 с.

248. Миронова Н.И. Отражение характеристик коммуниканта в речевом поведении (когнитивный анализ) / Н.И. Миронова. - М., 2008. - 307 с.

249. Миронова Н.Н. Политический дискурс vs. оценочный дискурс / Н.Н. Миронова // Политический дискурс в России. - М., 1997. - С.41-50.

250. Михайлов А.В. Языки культуры / А.В. Михайлов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 912 с.

251. Михайлова О.А. Вербализация региональной идентичности в культурном пространстве современного уральского города / О.А. Михайлова // Язык. Система. Личность. — Екатеринбург, 2005. — С. 105-111.

252. Морозов В. Понятие государственной идентичности в современной теории дискурса / В. Морозов // Международные процессы, 4(1), 2006. — С. 82-94.

253. Морозова Е.И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект: Монография / Е. И. Морозова. — Харьков: Экограф, 2005. — 300 с.

254. Морозова Е.И. Мировоззренческие параллели в трактовке терминов «дискурс», «контекст», «ситуация» / Е.И. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2010. — № 897. — С. 99 - 105.

255. Морозова О.І. Діяльнісний стиль мислення у лінгвістичних дослідженнях / О.І. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2008. — № 811. — С. 41 - 45.

256. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд / С. Московичи // Психологический журнал. — 1985. — Т. 16. - № 1-2. — С. 3-18.

257. Мухина В.С. Возрастная психология / В.С. Мухина. — М., 2000. — 456 с.

258. Науменко Л.И. Идентификация / Л.И. Науменко // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов и др. — Минск: Интерпрес-сервис; Книжный дом, 2003. — С. 344.

259. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. Изд. 3-е, исп. и доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРО- КОМ», 2010. — 240 с.

260. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. — К.: Институт социологии НАН Украины, 2007. — 280 с.

261. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. научн. тр. Моск. гос лингв. ун-та. - Вып. 426. - М., 1996. - С. 112-166.

262. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. - Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1998. - С.80-85.

263. Нойманн И. Использование «Другого», образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. Пер. с англ. И. Нойманн. - М.: Новое издательство, 2004. - 336 с.

264. Ожигова Л.И. Исследование гендерной идентичности и тендерных стереотипов личности / Л.И. Ожигова // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. - СПб.: Питер, 2003. - С. 131 - 140.

265. Ольшанский И.Г. Концепт - значение - межкультурная коммуникация / И.Г.Ольшанский // Филология и культура: III междун. науч. конф. май 2001, тезисы докл. - Тамбов: ТГУ, 2001. - Часть 2. - С. 27 - 30.

266. Онуфрієнко О.П. Дискурс національної ідентичності у творчому надбанні Лесі Українки / О.П. Онуфрієнко: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.01 - русская література. - Д., 2000 - 16 с.

267. Омельчук О.Р. Національна ідентичність літератури у трактуванні Євгена Маланюка / О.Р. Омельчук: дис. ...канд. філол. наук: 10.01.16 / НАН України; Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. - К., 2002. - 200 с.

268. Осокин Ю.В. Культура / Ю.В. Осокин // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. I. / Гл. редактор и автор проекта С.Я. Левит. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. - С. 1042.

269. Осокин Ю.В. Система культуры / Ю.В. Осокин // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. II / Гл. редактор и автор проекта С.Я. Левит. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. - С. 479-483.

270. Остапенко И.А. Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет-коммуникации (социально-философский анализ) / И.А. Остапенко: дис.. канд. философ. наук: 09.00.11 - сравнительная философия. - Ростов-на-Дону, 2004. - 196 с.

271. Ощепкова В.В. Культурогические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения / В.В. Ощепкова: автореф. дис....д-ра филол. наук: 10.02.19 — общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. — М., 1995. — 35 с.

272. Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект) / Е.С. Ощепкова: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 — общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. — М., 2003. — 24 с.

273. Павленко В.И. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В.И. Павленко // Вопросы психологии. — 2000. — № 1. — С. 135-142.

274. Павленко В.И. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине / В.И. Павленко // Этническая психология и общество. — М., 1997. — С. 88-96.

275. Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности / О.Н. Павлова. — М., 2001. — 211 с.

276. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой. Вступ. статья / Е.В. Падучева / А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. — С. 5-32.

277. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах / И.В. Палашевская: автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. — Волгоград, 2001. — 23 с.

278. Панарин А. Культура, человек и картина мира / А. Панарин. — М.: Издат. центр «Академия», 1987. — 496 с.

279. Панченко Н.Н. Средства объективизации концепта «обман» (на материале английского и русского языков) / Н.Н. Панченко: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. — Волгоград, 1999. — 23 с.

280. Пахльовська О. Ave, Europe! — Київ: Пульсари, 2008. — 654 с.

281. Петросова Е.Г. Концепция «английскости» в современном постмодернистском романе: Г. Свифт, П. Акройд / Е.Г. Петросова: дис. . канд. филол. наук: 10.01.03 — литература народов стран зарубежья. — М., 2005. — 146 с.

282. Пигалев А.И. Язык и культура // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 2. / Гл. редактор и автор проекта С.Я. Левит. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. - С. 1154-1157.

283. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. - М.: Флинта: Наука, 2011. - 176 с.

284. Писаренко Н.В. Идентичность как социально-психологическая проблема / Н.В. Писаренко: дис. канд. . психол. наук: 19.00.05 - социальная психология. - М., 2006. - 159 с.

285. Полежаева Н.П. Идентификация как фактор становления и функционирования личности / Н.П. Полежаева: дис. .канд. философ. наук: 09.00.11 - социальная философия. - Омск, 2000. - 140 с.

286. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж: Истоки, 2002. - 190 с.

287. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании / М.К. Попова. - Воронеж: ВГУ, 2004. - 170 с. (Серия «Монография»; Вып. 5).

288. Попова М.К. «Нестабильная идентичность» как феномен культуры «Пост» («Черная белая и еврейка Р. Уокер») / М.К. Попова //

Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций / Ред. М.К. Попова и В.В. Струков. - Воронеж: ВГУ, 2005. - С. 202-208. (Серия «Монография»; Вып.11).

289. Попова М.К., Струков В.В. Национальная идентичность в литературоведении / М.К. Попова, В.В. Струков // Филологические записки: Вестник литературоведения. - Вып. 15. - Воронеж: ВГУ, 2000. - С. 244 - 252.

290. Потапенко С.И. Концепт как объект когнитивно-дискурсивных студий / С.И.Потапенко // Лингвоконцептология. Перспективные направления: Колл. монография. - Луганск: ГУ "ЛНУ им. Т.Шевченко", 2013. - С. 117 - 143.

291. Потапенко С. І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу): Монографія / С. І. Потапенко. - К.: КНЛУ, 2004. - 360 с.

292. Похилько В.И., Федотова Е.О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии / В.И. Похилько, Е.О. Федотова // Вопросы психологии. - 1984. - № 3. - С. 151-157.

293. Почепцов Г.Г. (мл) Коммуникативные технологии XX века / Г.Г.Почепцов. — М.: Рефа-бук, К.: Ваклер, 1999. — 352 с.

294. Почепцов Г. Г. (мол.) Теорія комунікації / Г. Г. Почепцов (мол.). - К.: Наукова думка, 1996. - 175 с.

295. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингво-когнитивные основы межкультурной коммуникации) / И.В. Привалова: Монография. — М.: Гнозис, 2005. — 472 с.

296. Прилуцька А.Є., Корабльова Є.М. Культурологія. Модульний курс: навч. посібник / А.Є. Прилуцька, Є.М. Корабльова. — Х.: Тор-сінг плюс, 2009. — 288 с.

297. Присяжнюк Л. Ф. СВІШ / ЧУЖИЙ в образній системі романів Г. Гріна: семантико-когнітивний аспект / Л. Ф. Присяжнюк: автореф. дис. канд. філол. наук: 10.02.04 — германські мови. — К., 2007. — 20 с.

298. Приходько А. М. Концепти і концептосфери в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. — Запоріжжя: Прем'єр, 2008. — 332 с.

299. Приходько А.Н. Таксономия концептов / А.Н.Приходько // Лингвоконцептология. Перспективные направления: Коллект. монография. — Луганск: ГУ "ЛНУ им. Т.Шевченко", 2013. — С. 117 — 143.

300. Проблемы культурной идентичности: Материалы международного теоретического семинара / Отв. редактор Т.М. Шатунова. — Казань, 1998. — 402 с.

301. Проблеми культурної ідентичності та культурний проект Європи: Матеріали міжнародної наукової конференції 24-25 квітня, Острог, 2009 // Наукові записки. Серія „Культурологія”. — Острог: Видавництво Національного університету „Острозька Академія”, 2009. — Вип.. 4. — 266 с.

302. Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада в 2-х т. — Воронеж: ЦЧКИ, 2000.

303. Проблема национальной идентичности в литературах Старого и Нового Света: материалы международной научной конференции, Минск 17-19 сентября 2002 г. / Под ред. Ю. Стулова. — Минск: ЕГУ, 2002. — 156 с.

304. Проблема национальной идентичности и принципы МАК: Материалы школы-семинара в 2-х т. (Воронеж, 25-30 июня 2001 г.). — Воронеж, 2001. - Т.1. - 147 с.; Т.2. - 164 с.

305. Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка) / О.Г. Прохвачева: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 - общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика. - Волгоград, 2000. - 24 с.

306. Рапай К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай. Пер. с англ. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. - 167 с.

307. Рикер П. Повествовательная идентичность / П. Рикер [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://lib.prometey.org/looks/2782/rikertrudy.txt>

308. Робин Ж.М. Быть в присутствии Другого: этюды по психотерапии / Ж.М. Робин. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. - 288 с.

309. Румянцева Т.В. Перспективы и основные направления изучения социально-психологических аспектов идентичности в современной психологии / Т.В. Румянцева // Ярославский психологический вестник. - Вып. 13. - 2004. - С. 78-81.

310. Савченко В.В. Этнокультурная идентичность русских в современной России / В.В. Савченко: дисс. .канд. филос. наук: 09.00.13 - социология. - Ставрополь, 2009. - 160 с.

311. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход / Т.Ю. Сазонова: Монография. - Тверь: Тверской гос. университет, 2000. - 134 с.

312. Сазонова Т.Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных) / Т.Ю. Сазонова: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 - теория языка. - Тверь, 1993. - 15 с.

313. Саракуева Э.А., Крысько В.Г. Введение в этнопсихологию / Э.А. Саракуева, В.Г. Крысько. - М., 1996. - 362 с.

314. Святюк Ю.В. Концепт ИНОСТРАНЕЦ в английской картине мира / Ю.В.Святюк // Лингвоконцептология. Перспективные направления: Колл. монография. - Луганск: ГУ "ЛНУ им. Т.Шевченко", 2013.- С. 117 - 143.

315. Седов К.Ф. Отечественная психолингвистика: структура и перспективы развития / К.Ф. Седов // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. - М. - Калуга: Изд-во «Эйдос», 2009. - С. 41-51.

316. Селиванова Е.А. Модель дискурса в аспекте диалогичности / Селиванова Е.А. // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. — Кемерово, 2013. — Вып. 2. — С. 10-18.

317. Селіванова О.О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке. Монографічне видання / О.О. Селіванова. — Черкаси: Ю. Чабаненко, 2012. — 488 с.

318. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О.О. Селіванова. — Полтава: Довкілля-К, 2008. — 712 с.

319. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986(В). — Вып. 17: Теория речевых актов. — С. 151-169.

320. Сизова О.Ф. Особливості відтворення в перекладі гендерної ідентичності суб'єкта жіночого поетичного дискурсу (на матеріалі англomовних перекладів з української) / Сизова О.Ф.: дис.. канд.. філол. наук: 10.02.16 — переводоведение. — К., 2004. — 242 с.

321. Силичев Д.А. Фуко М. // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 2 / Гл. Ред. и автор проекта С.Я. Левит. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. — С. 860-861.

322. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь/ О.Б. Сиротинина.

- М.: Просвещение, 1983. — 80 с.
323. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин.
- М.: Academia, 2000. — 128 с.
324. Смирнова Ю.В. Онтологический аспект гендерной идентичности (на материале анализа отрицания в детской речи) / Ю.В. Смирнова: дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 — теория языка. — Ярославль, 2009. — 178 с.
325. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. — М.: Смысл, 1998. — 386 с.
326. Солдатова Г. Этническая идентичность / Г. Солдатова // Психология самосознания. — Самара: Бахрус, 2000. — С. 656-667.
327. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
328. Соснин В.А. Я-концепция как социально-психологический феномен / В.А. Соснин // Социальная психология. — М.: МЭРСЭ, 2002. — С. 94-102.
329. Спиро В.Н. Человеческая идентичность / В.Н. Спиро. - М.: Наука, 1990. - 212 с.
330. Спицина Т.В. Национальная идентичность в контексте социокультурного кризиса в России (конец XIX - начало XX века) / Т.В. Спицина: автореф. дис. канд. философ. наук: 24.00.01 - теория и история культуры. - Белгород: БелГУ, 2005. - 24 с.
331. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. - 824 с.
332. Степанов Ю.С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике / Ю. С. Степанов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. - М.; Калуга: Эйдос, 2007. - С. 19-26.
333. Степанов Ю.С. Характеры народов в зеркале их собственных языков (Юбилейные заметки к 70-летию факультета иностранных языков Харьковского национального университета) / Ю.С.Степанов // Вісник Харківського національного університету ім.. В. Н. Каразі- на. -№ 471. - 2000. - С. 250-254.

334. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. - М., 1998.

335. Стернин И.А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии / И.А.Стернин // Человек, язык, культура: Сб. науч. тр. Вып. 2. - Киев, 2013. - С. 138 - 149.

336. Стефаненко Т.Г. Социальная и этническая идентичность / Т.Г. Стефаненко // Идентичность: хрестоматия. - Воронеж: Изд-во Моск. психол-социал. института: МОДЭК, 2003. - С. 196-220.

337. Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности / Т.Г. Стефаненко: дисс. д-ра психол. наук: 19.00.05 - социальная психология. - М.: МГУ, 1999. - 529 с.

338. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. - М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. - 320 с.

339. Сусов И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И. П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. - Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1984. - С. 3-12.

340. Татаренко И.В. Национальная идентификация в переходных обществах / И.В. Татаренко: автореф. дис. . канд. философ. наук: 09.00.11 — социальная философия. — М., 2003. — 23 с.

341. Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В.Н. Телия // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. — М. — Обнинск, 1995. — С. 102-104.

342. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 228 с.

343. Теория культуры: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2008. — 592 с.

344. Тернер Дж. С., Оукс П. Дж., Хеслем С.А., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа / Дж. Тернер и др. // Иностранная психология. — 1994. — № 2. — С. 8-17.

345. Тогоева С.И. Психолингвистическое исследование стратегий идентификации значения словесного новообразования / С.И. Тогоева: автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.19 — теория языка. — Саратов, 1989. — 16 с.

346. Токарев Г.В. Лингвокультурологическая интерпретация концепта / Г.В. Токарев // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2010. — № 2. — С. 51-61.

347. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа / С.П. Толкачев: автореф. дис.. д-ра филол. наук: 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература). — М., 2003. — 56 с.

348. Глостанова М.В. «Культурные исследования» / М.В. Глостанова // Культурология. Энциклопедия. В 2-х томах. Т.1 / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 1065-1068.

349. Томская М.В. О конструировании социальной идентичности в межкультурной научной коммуникации / М.В. Томская // Общество — Язык — Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. — М.: МИЛ, 2009. — Т.1.

350. Трач Н. Національна ідентичність як основа для ефективної мовної політики / Н. Трач // Мова і суспільство / Гол. ред. Г. Мацюк. — Львів: ЛНУ імені Бана Франка, 2012. — № 3. — С. 189-195.

351. Трусов В.П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов / В.П. Трусов. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. — 143 с.

352. Уайт Л.А. Наука Культуры / Л.А. Уайт // Антология исследований культуры. - Т.І. - СПб.: Университетская книга, 1997. - С. 17 - 48.

353. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - С. 108-140.

354. Уфимцева Н.В. Психолингвистика в XXI веке / Н.В. Уфимцева // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. - М. - Калуга: Изд-во «Эйдос», 2009. - С. 21-31.

355. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование. - М., 1998. - С. 135-170.

356. Уфимцева Н.В. Этнокультурные исследования языкового сознания / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв.ред. Н.В. Уфимцева. - М.: Изд. 2-е. - 2000. - С.135-170.

357. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. - М.: ИЯ РАН, 2000а. - С. 207-219.

358. Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания / Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. - М.: Институт языкознания РАН, 2009. - № 2 (10). - С. 22-29.

359. Ушакова Т.Н. Существует ли общий и неизменный предмет психолингвистики // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. - М. - Калуга: Изд-во «Эйдос», 2009. - С. 5-20.

360. Фарман И.П. Язык / И.П. Фарман // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. II. / Гл. редактор и автор проекта С.Я. Левит. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. - С. 1150-1154.

361. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. Пер. с нем., ком. М.Г. Ярошевского. - М.: Наука, 1989. - 455 с.

362. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд / «Я» и «Оно». Труды разных лет. Пер. Н. Вульф, Л. Голлер-бах, Я. Коган. — Том 1. Тбилиси: Мерани. — 1991. — 746 с.

363. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / З. Фрейд. Пер., сост., научн. ред., авт. вступ. ст. М.Я. Ярошевский. — М.: Просвещение, 1990. — 447 с.

364. Фрейд З. Психология «Я» и защитные механизмы / З. Фрейд. Пер с англ. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 140 с.

365. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. Перевод П.С. Гуревич. — М.: АСТ, 2007. — 624 с.

366. Фромм Э. Бегство свободы / Э. Фромм. Пер. Г.Ф. Швейкина. — М.: Аст, 2011. — 288 с.

367. Фромм Э. Пути из больного общества / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии: Переводы. — М.: Прогресс, 1988. — С. 443-482.

368. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности / Ф. Франселла, Д. Баннистер. — М.: Прогресс, 1997. — 236 с.

369. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца 20 века. — М.: изд-во РГГУ, 1995. — С. 74-117.

370. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты / Л.А.Фурс: автореф. дисс. . докт. филол. наук: 10.02.04 — германские языки и 10.02.19 — теория языка. — Тамбов: ТГУ, 2004. — 36 с.

371. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи / Ю.В. Хабермас. Перевод с немецкого. — Донецк: Издательство «Донбасс», 1999. — 123 с.

372. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — Харьков: Фолио, 2003. — 503 с.

373. Хащенко В.А. Экономическая идентичность личности: Психологические детерминанты формирования / В.А. Хащенко // Психологический журнал. — 2004. — Т. 25. -№ 5. — С. 32-43.

374. Хватова С.С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка / С.С. Хватова: дис.. канд. фил. наук: 10.02.19 — теория языка. — Тверь 2004. — 149 с.

375. Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание / В.Ю. Хотинец // Социологические исследования, 1999. — № 9. — С. 67-74.

376. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность / В.Ю. Хотинец. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. - 121 с.

377. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание / В.Ю. Хотинец. - СПб.: Изд-во Алетейя, 2000. - 235 с.

378. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии / А.Т. Хроленко. - М.: Флинта: Наука, 2005. - 184 с.

379. Хьелл Л., Зимер Д. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зимер. - Спб.: Питер, 2001. - 608 с.

380. Цветкова М.В. Концепт Englishness: основные константы / М.В. Цветкова // Проблемы национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Материалы научной конференции в 2-х т. - Воронеж: ЦЧКИ, 2000. - Т. 2. - С. 87-93.

381. Цымбурский В.Л. Идентичность геополитическая / В.Л. Цымбурский // Новая философская энциклопедия, 2011. - С. 7980.

382. Черниш Н. Мова та ідентичність у сучасному світі / Н. Черниш // Мова і суспільство / Гол. ред. Г. Мацюк. - Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2012. - № 3. - С. 13-22.

383. Черносвитов П.Ю. Эволюция картины мира как адаптационный процесс / П.Ю. Черносвитов. - М. - 2002.

384. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. - Направление «Филология». - Междунар. электрон. сб. науч. трудов. - ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. - С. 86-95.

385. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие / В.Е. Чернявская. - М.: Книжн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 248 с.

386. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс. Интертекстуальность - дискурсивность - интердискурсивность / В.Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы / Отв. ред. В.Е. Чернявская. - СПб, 2007. - С.23-42.

387. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста В.М. Шаклеин. - М.: Об-во любителей рос. словесности, 1997. - 184 с.

388. Шалина И.В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии / И.В. Шалина. - Екатеринбург, 2009. - 443 с.

389. Шапар В.Б. Ідентичність / В.Б. Шапар // Психологічний тлумачний словник. — Х.: Прапор, 2004. — С. 169-170.

390. Шевченко ГС. Проблеми типології дискурсу / ГС. Шевченко, О.І. Морозова// Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен: Кол. монографія / [за загальн. ред. Шевченко І. С.]. — Харків: Константа, 2005. — С. 233-236.

391. Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, — 2003. — №586. — С. 33-38.

392. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с.

393. Шейкин А.Г. Постструктурализм, неоструктурализм / А.Г. Шейкин // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2 / Гл. ред. и автор

проекта С.Я. Левит. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. — С. 242-242.

394. Шен Д.А. Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка / Л.А. Шен: дис. . канд. филол. наук: 10.02.04 — германские языки. — Н. Новгород, 2009. — 160 с.

395. Щербаков М.А. Модель уровней самоидентификации личности. [Электронный ресурс]. — 2001. — Режим доступа: <http://vmv.ipd.ru/articles/identarticle.shtml>.

396. Шихирев П.Н. Современная социальная психология / П.Н. Шихирев. — М.: ИПРАН; КСП; Академический проспект, 1999. — 448 с.

397. Школовая М.С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации / М.С. Школовая: дис.. канд. филол. наук: 10.02.19 — теория языка. — Тверь, 2005. — 150 с.

398. Шмелев А.Д. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди / А.Д. Шмелев // Вежибская А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 9-13.

399. Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация / А.Д. Шмелев // Коммуникация: Концептуальные и прикладные аспекты: Тез. докл. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 2-4.

400. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. - М.: Языки славянской культуры, 2002. - 224 с.

401. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг / Л.Б. Шнейдер. - М.; Воронеж: Изд-во Моск. психол.- социал. ин-та: МОДЭК, 2004. - 599 с.

402. Шрейдер Ю.А. Семантическая информация и принцип фокализации / Ю.А. Шрейдер // Общение в свете теории отражения. - Фрунзе, 1980. - С. 32-48.

403. Шумилина О.С. Стратегия идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами) / О.С. Шумилина: автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.19 - теория языка. - Тверь, 1997. - 16 с.

404. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис / Э.Г. Эриксон. - М.: Издат. группа «Прогресс». - 1996. - 344 с.
405. Яворська Г.М. Лінгвістика в дослідженні міждисциплінарних об'єктів (до аналізу колективних ідентичностей) / Г.М. Яворська // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя професора М. Кочергана. Збірник наукових статей. - Вид. центр КНЛУ, 2006. - С. 46-59.
406. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности / В.А. Ядов // Психология самосознания: хрестоматия. - Самара: БАХРАХ-М, 2003. - С. 589-601.
407. Язык, коммуникация и социальная среда: сб. научн. тр. - Вып. 3. - Воронеж: ВГУ, 2004.
408. Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М.: ИЯ РАН, 2000. - 320 с.
409. Язык. Сознание. Культура. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.В. Ушаковой. - М.- Калуга: ИП Кошелев А.Б., 2005. - 400с.
410. Якимова Е.В. Идентичность психосоциальная / Е.В. Якимова // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 1 / Гл. редактор и автор проекта С.Я. Левит. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. - С. 726-728.
411. Ярмахов Б.В. Межкультурная коммуникация: аспект социальной идентичности // Материалы межд. научно-практической конференции «Коммуникация: Теория и практика в различных социальных контекстах». — «Коммуникация — 2002». — Ч. 1. — Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. — С. 183-185.
412. Abrams D., Hogg M.A. An introduction to the social identity approach / D. Abrams, M.A. Hogg // Social identity theory. — NY., 1990. — P. 1-10.
413. Ackroyd P. Albion: The Origins of the English Imagination / P. Ackroyd. — Anchor, 2004. — 560 p.
414. Adler P. S. Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man / P.S. Adler. — Honolulu: East - West Center, 1974. — 120 p.
415. Alibhai-Brown Y. Who Do We Think We Are? Imagining the New Britain, with a new foreword / Y. Alibhai-Brown. — London: Penguin Books, 2001. — 336 p.

416. Altarriba J. (Ed). *Cognition and culture: A cross-cultural approach to cognitive psychology* / J. Altarriba. — Amsterdam, Netherlands: North-Holland / Elsevier Science Publishers, 1993. — 405 p.

417. Appiah K. *African Identity* / K. Appiah // L. Nikolson, S. Seidman (eds). *Social Postmodernism*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — P. 103-115.

418. *Analysing identity: cross-cultural, social, and clinical contexts* / edited by P. Weinreich, W. Sauderson. — London — New York: Routledge, 2003. — 387 p.

419. Assmann, J. *Das Kulturelle Gedachtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identitat in fruhen Hochkulturen* / J. Assmann. — Verlag Beck Munchen, 2000. — 344 p.

420. Augoustinos M., Walker I. *Social cognition* / M. Augoustinos, I. Walker. — London — New Delhi: SAGE Publications, 1995. — 346 p.

421. Austin J. L. *How to Do Things with Words* / J. L. Austin. — Oxford: Clarendon Press, 1962. — 167 p.

422. Babad E. *The social self: Group influence on personal identity* / E. Babad, M. Birnbaum, K. Benne. — Beverly Hills: Sage, Cop., 1983. — 267 p.

423. Barczewski S. *Myth and National Identity in XIXth Century Britain: the Legends of King Arthur and Robin Hood* / S. Barczewski. — Oxford: University Press, 2000. - 251 p.

424. Barizonzie J.A. *Black Identity in the Poetry of L. Hughes* / J.A. Barizonzie. - Wisconsin, 1971. - 205 p.

425. Barker C. *Cultural Studies. Theory and Practice* / C. Barker. - SAGE Publications, London-Thousand Oaks - New Delhi, 2003. - 484 p.

426. Barnes J. *England, England* / J. Barnes. - Picador, 1999. - 266 p.

427. Bar-Tal D. *Group beliefs as an expression of social identity* / D. Bar-Tal // *Social identity: International perspectives*. - London: Academic Press, 1998. - P. 93-113.

428. Baucom I. *Out of Place: Englishness, Empire and the Locations of Identity* / I. Baucom. - Princeton: Princeton University Press, 1999. - 260 p.

429. Bauman Z. *Identity. Conversations with Benedetto Vecchi* / Z. Bauman. - Polity Press, Cambridge. - 2010. - 104 p.

430. Baumann G. *Contesting Culture: Discourses of Identity in Multiethnic London* / G. Baumann. - Cambridge: CUP, 1996. - 216 p.

431. Berger Peter L. Invitation to sociology: a humanistic perspective / L. Peter Berger. - Harmondsworth: Penguin, 1966. - 219 p.

432. Berger P., Berger B. Sociology: A Biographical Approach / P. Berger, B. Berger. - London: Middlesex: Penguin, 1981. - P. 102.

433. Berry J.W., Poortinga J.H., Segall M.H., Dasen PR. Cross- cultural psychology: Research and applications / J.W. Berry and others. - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. - 459 p.

434. Boerner P. (ed) Concepts of National Identity. An Interdisciplinary Dialogue / P. Boerner. - Baden-Baden, 1986. - P. 31-43.

435. Bradshaw B., Roberts P. (eds.) British Consciousness and Identity: The Making of Britain, 1533-1707 / B. Bradshaw, P. Roberts . - Cambridge: CUP, 2003 - 368 p.

436. Breakwell G.M. Coping with threatened identities / G.M. Breakwell. - London; New York: Methuen, 1986. - 222 p.

437. British Politics Review. - 2009. - Vol. 4. - № 3. - 82 p.

438. Brockliss L., Eastwood D. (eds.) A Union of Multiple Identities: The British Isles, c. 1750-1850 / L. Brockliss, D. Eastwood. - Manchester and New York: Manchester University Press, 1997. - 267p.

439. Brown R. Group process: Dynamics within and between groups / R. Brown. - Oxford: B. Blackwell, 1998. - 297 p.

440. Bulwer E. L. England and the English (1833) / E.L. Bulwer, ed. and introduced Standish Meacham. — Chicago and London: University of Chicago Press, 1970. — 436 p.

441. Cameron D. Performing gender identity: young men's talk and the construction of heterosexual masculinity / D. Cameron // The Language, Society and Power Reader. Ed. by A. Mooney and others. — London and New York: Routledge, 2011. — P. 179-191.

442. Campbell D.T. Stereotypes and the perception of group differences / D.T. Campbell // American Psychologist. — 1967. — № 22. — P. 17-29.

443. Carbaugh, Donal A. Situating selves: the communication of social identities in American scenes / Carbfugh, A. Donal. — Albang, NY: State University of New York Press, 1996. — 238 p.

444. Carbaugh D. «Soul» and «self»: Soviet and American Cultures in Conversation / D. Carbaugh // Quarterly Journal of Speech. — 1993. — Vol. 79. — P. 182-200.

445. Chamberlin R. The Idea of England / R. Chamberlin. — London: Thames and Hudson, 1986. — 240 p.

446. Clark H.H. Definite reference and mutual knowledge / H.H. Clark, C. Marshall // Elements of discourse understanding. — Cambridge: CUP, 1981. — P. 10 - 63.

447. Clark J.C.D. Protestantism, Nationalism and National Identity, 1660-1832 / J.C. Clark // The Historical Journal. — 43(1). — 2000. — P. 249-276.

448. Clifford S., King A. England in Particular: A Celebration of the commonplace, the Local, the Vernacular and the Distinctive / S. Clifford, A. King. — Saltyard Books, 2006. — 528 p.

449. Cohen, Phil. Home Rules: Some Reflections on Racism and Nationalism in Everyday Life / P. Cohen. — London: New Ethnicities Unit. University of East London, 1993. — 51 p.

450. Colley L. Britishness and Otherness: An Argument / L. Colley // Journal of British Studies. - № 31. — 1992. — P. 309-329.

451. Colls R. Dodd P. (eds.). Englishness: Politics and Culture 1880/1920 / R. Colls, P. Dodd. — London: Croom Helm, 1986. — 378 p.

452. Cooley Ch.H. Human Nature and Social order / Ch.H. Cooley. — NY.: Transaction Publishers. — 1964. — 144 p.

453. Corfield P.J. Class by name and number in eighteenth-century Britain / P.J. Corfield // Language, History and Class. Ed. by P.J. Corfield. - Oxford and Cambridge: Basic Blackwell, 1991. - P. 101-130.

454. Cottle, B. The Triumph of English 1350-1400 / B. Cottle . - London: Blandford Press, 1969. - 318 p.

455. Crick B. The English and the British / Crick B. // National Identities: The Constitution of the United Kingdom. - Oxford: Blackwell, 1991. - P. 90-104.

456. Crick B. The Sense of Identity of the Indigenous British / B. Crick // New Community 21 (2), 1995. - P. 167-182.

457. Davies R. R. The First English Empire: Power and Identities in the British Isles 1093-1343 / R.R. Davies. - Oxford: OUP, 2000. - 64 p.

458. Dennis N. Cards of Identity / N. Dennis. - Harmondsworth: Penguin Books, 1960. - 301 p.

459. Bergovic-Joksimovic Z. Identity, Intimacy, and History in Ian McEwan's On Chesil Beach / Z. Bergovic-Joksimovic // V. Lopicic and B/

Misic Ilic(eds) *Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes* - Cambridge Scholars Press, 2010. - P. 23 - 31.

460. Dijk T.A. van. *Studies in the Pragmatics of Discourse* / T.A. Dijk. - The Hague, N.Y.: Mouton, 1981. - 331 p.

461. *Discourse, the body, and identity*. - Basingstoke (Hants); New York: Palgrave MacMillan, 2003. - 275 p.

462. Doise W. *Individuals and groups: Explanations in social psychology* / W. Doise. - Cambridge: Cambridge University Press, 1978. - 230 p.

463. Doise W. *Social Representations in Personal Identity* / W. Doise // *Social Identity (international perspectives)*. - London - New Delhi, 1998. - P. 13-24.

464. Donath J.S. *Identity and Deception in the Virtual Community* / J.S. Donath. [Electronic Resource]. - 1996. - Mode of Access <http://smg.media.mit.edu/people/Judish/Identity/IdentityDeception.html>

465. Doyle B. *English and Englishness* / B. Doyle. - L., NY: Routledge, 1989. - 177 p.

466. Easthope E. *Englishness as National Culture*. - New York: Routledge, 1999. - 251 p.

467. Eckert P. *The Meaning of Style* / P. Eckert // *The Language, Society and Power Reader*. Ed. by A. Mooney and others. - London and New York: Routledge, 2011. - P. 295-307.

468. Edmondson W. J. *On saying you're sorry* / W. J. Edmondson // *Conversation* / Ed. by F. Coulmas. — The Hague: Mouton, 1981. — P. 273-288.

469. Elton G. *The English (The Peoples of Europe)* / G. Elton. — Wiley-Blackwell, 1995. — 264 p.

470. Emerson R. W. *English Traits* (1856) / R.W. Emerson, ed. H.M. Jones. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. — 267 p.

471. Erikson E.N. *Identity, Youth and Crisis* / E.N. Erikson. — N.Y.: Norton & co, 1969. — 336 p.

472. Evans E. *Englishness and Britishness: National Identities* / E. Evans // *Uniting the Kingdom?: the making of British history*. — A. Grant and K. Stringer (eds). — London: Routledge, 1995. — P. 223-243.

473. Evans N. (ed.). *National Identity in the British Isles* / N. Evans.

- Harlech, Gwynedd: Centre for Welsh Studies, Coleg Harlech, 1989.
- 96 p.
- 474. Fairclough N. Critical discourse analysis: The critical study of language / N. Fairclough. — L., N.Y.: Longman, 1995. — 265 p.
- 475. Festinger L.A. A Theory of Cognitive Dissonance / L.A. Festinger.
- Stanford: Stanford University Press, 1957. — 291 p.
- 476. Fishman J.A. Handbook of Language and Ethnic Identity / J.A. Fishman. — Oxford: Oxford University Press, 1999. — 468 p.
- 477. Foucault M. The Archaeology of Knowledge / M. Foucault. — New York: Pantheon Books, 1972. — 245 p.
- 478. Foucault M. Discipline and Punish / M. Foucault. — London: Allen Lane, 1977. — 194 p.
- 479. The Foucault Reader, ed. P. Rabinow. — New York: Pantheon, 1984. — 390 p.
- 480. Friedman J. Cultural Identity and Global Process / J. Friedman. — London: Sage, 1994. — 288 p.
- 481. Fromm E. The Sane Society. — London, New York: Routledge 1991. — 421 p.
- 482. Garumovicz M. Self-We-Others schemata and Social identifications / M. Garumovicz // Social Identity (international perspectives). — London — New Delhi, 1998. — P. 44-53.
- 483. Gecas V. Value Identities, Self-Motives, and Social Movements / V. Gecas // Self, identity, and social movements. — P. 93-107.
- 484. Gellner E. Thought and Change / E. Gellner. - L., 1964.
- 485. Gervais D. Literary Englands: Versions of Englishness in Modern Writing, 1993. - 280 p.
- 486. Gesser A. Learning about hearing people in the land of the deaf: an ethnographic account / A. Gesser // The Language Society and Power Reader. Ed. by A. Mooney and others. - London, New York: Routledge, 2011. - P. 312-321.
- 487. Getten G. Dimensions of distinctiveness. Intergroup discrimination and social identity / G. Getten. - Amsterdam: University van Amsterdam, 1997. - 452 p.
- 488. Giddens A. Modernity and Self-Identity / A. Giddens. - Cambridge: Polity Press, 1991. - 256 p.

489. Giles J., Middleton N. (eds.). *Writing Englishness 1900-1950: An Introductory Sourcebook on National Identity* / J. Giles, N. Middleton. - London and New York: Routledge, 1995. - 285 p.

490. Gillingham G. *The English in the Twelfth Century: Imperialism, National Identity and Political Values* / G. Gillingham. - Woodbridge: The Boydell Press, 2000. - 289 p.

491. Glaser B., Strauss A. *Awareness of Dying* / B. Glaser, A. Strauss. - Chicago: Aldine Pub. Co, 1965. - 307 p.

492. Glover F. *Men are from Earth, and so are women* / F. Glover // *How Rude! Modern Manners defined.* - Collection of essays. - L., 2012. - P. 92 - 106.

493. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life* / E. Goffman. - Garden City, N.Y., 1959. - 255 p.

494. Goodenough W. *Cultural Anthropology and Linguistics* / W. Goodenough // *Report of the 7th Round Table Meeting on Linguistics and Language Study.* Ed. by P. Garvin. - Washington: Georgetown University Press, 1957. - C. 167-173.

495. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity* / L. Greenfeld. - Cambridge, MA: Harvard University Press. - 1992. - 581 p.

496. Gullberg T. *State, Territory and Identity: The Principle of National Self-Determination, the Question of Territorial Sovereignty in Carinthia and other Post-Habsburg Territories after the First World War* / T. Gullberg. - Abo: AboAkad. Univ. Press, 2000. - 217 p.

497. Hall S. *Cultural Identity and Diaspora* / S. Hall // *Identity: Community, Culture, Difference* (ed. by J. Rutherford). — London: Laurence and Wishart, 1990. — P. 222-237.

498. Hall S. *Fantasy, Identity, Politics* / S. Hall // E. Carter, J. Donald and J. Squires (eds). *Cultural Remix: Theories of Politics and the Popular.* — London: Laurence and Wishart, 1995.

499. Hall S. *The Question of Cultural Identity* / S. Hall / S. Hall, D. Held, T. McGrew (eds) *Modernity and its Futures.* — Cambridge: Polity Press, 1992. — P. 274-323.

500. Hall S. *Who needs Identity?* // S. Hall and P. Du Gay (eds). *Questions of Cultural Identity.* — London: Sage, 1996. — P 1-17.

501. Hall S., Hobson D., Lowe A. and Willis P. (eds). *Culture, Media, Language* / S. Hall and others. — London: Hutchinson, 1981. — 298 p.

502. Harre R. Pronouns and people: The linguistic construction of social and personal identity / R. Harre. — Oxford: Blackwell, 1990. — 330 p.

503. Harris Z. S. Discourse analysis / Z. Harris // *Language*. — 1952. — Vol. 28. — P. 1-30; 474-494.

504. Haser B., Strauss A. Awareness of Dying Chicago / B. Hassser, A. Strauss: Aldine Pub. Co; 1965. — 307 p.

505. Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism / A. Hastings. — Cambridge: CUP, 1997. — 235 p.

506. Helgerson, R. Forms of Nationhood: The Elizabethan Writing of England / R. Helgerson. — Chicago and London: University of Chicago Press, 1994. — 367 p.

507. Henne H. Einfuhrung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehock. — [2., verb. u erw. Aufl.] — Berlin; New York, 1982. — 336 p.

508. Hertz F. Nationality in History and Politics / F. Hertz. — London: Routledge & K. Paul, 1957. — 417 p.

509. Hoeselaars A.G. Images of Englishmen and Foreigners in the Drama of Shakespeare and His Contemporaries: A Study of Stage Characters and National Identity in English Renaissance Drama 1558-1642 / A.G. Hoeselaars. — L.; Toronto: Associated Univ. Press, 1992. — 325 p.

510. Hudson R.A. Sociolinguistics / R.A. Hudson. — Cambridge University Press. — 1996. — 279 p.

511. Hume D. Of National Character // *Essays, Moral, Political and Literary*, ed. Eugene F. Miller. — Indianapolis: Liberty Classics, 1987. — P. 120 — 126.

512. Hunsaken S.V. Autobiography and National Identity in the Americas / S.V. Hunsaken. - London: University press of Virginia, 1999.

513. Identity / Transl. by A. Hirsch and R. Mitten. - Edinburgh: UP, 1999. - 226 p.

514. Ingham P. The language of gender and class. Transformation in the Victorian novel / P. Ingham. - London and New York: Routledge, 1996. - 197 c.

515. Ingrams R. England, An Anthology. - London: HarperCollins Publishers, 1990 - 240 p.

516. Jackson J. Language Identity of the Colombbian Vaupes Indians / J. Jackson // *Bauman and Sherrer. Issue 2*. - Cambridge University Press, 1974. - P. 50-64.

517. Johnson M. *The Body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination and reason* / M. Johnson. - Chicago: University of Chicago Press, 1987. - 233 p.

518. Jones E. *The English Nation: The Great Myth* / E. Jones. - Sutton Publishing Ltd, 2003 - 456 p.

519. Joseph John. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious* / John Joseph. - N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. - 268 p.

520. Kawakami K., Dion K.L. *The impact of salient self-identities on relative deprivation and action interpretations* / K. Kawakami, K.L. Dion // *European Journal of Social Psychology*. - 1993. - 23. - P. 525-540.

521. Kelly G. *A Theory of Personality: The Psychology of Personal Constructs* / G. Kelly. - NY: Norton, 1963. - 316 p.

522. Kingsnorth P. *Real England: The Battle Against the Bland* / P. Kingsnorth. - L.: Portobello Books Ltd, 2009. - 320 p.

523. Kohn H. *Nationalism: Its Meaning and History* / H. Kohn. - Princeton, NJ: D.Van Nostrand Company, 1955. - 192 p.

524. Kumar K. *The Making of English National Identity* / K. Kumar. - Cambridge University Press, 2003. - 367 p.

525. Kwiatkowska A. *Torsamosc a spoleczne Kategorie* / A. Kwiatkowska. - Warszawa, 1999. - 227 p.

526. LaBelle S. *Language and Identity. Introduction* / S. LaBelle// *The language, Society and Power Reader*. Ed. by A. Mooney and others. - London and New York: Routledge, 2011. - C. 291-293.

527. Lane H. *The Mask of Benevolence: Disabling Deaf Community* / H. Lane. — San Diego, CA: DawnSign, 1992. — 148 p.

528. Langacker R.W. *Cognitive Grammar* / R.W. Langacker // *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. — Monton de Gruyter, 2006. — P. 29 — 68.

529. Langford P. *Englishness Identified. Manners and Characters 1650-1850* / P. Langford. — Oxford: OUP, 2001. — 389 p.

530. Langlands R. *Britishness or Englishness? The Historical Problem of National Identity in Britain* / R. Langlands // *Nations and Nationalism* 5(1). — 1999. — P 53 — 69.

531. *The Language, Society and Power Reader*. Ed. by A. Mooney and others. — London and New York: Routledge, 2011. — 374 p.

532. Leach C. *English Literature A: The Struggle for Identity in Modern Literature* / C. Leach. — UK: Nelson Thornes LTD, 2008. — 144 p.

533. Lenman B. *England's Colonial Wars 1550-1668: Conflicts, Empire and National Identity*. — L., N.Y.: Longman, 2001. — 310 p.

534. Le Page R. and Tabouret-Keller A. *Acts of Identity. Creole-Based Approaches to Language and Ethnicity* / R. Le Page and Tabouret-Keller. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — 275 p.

535. Lopicic V. *Why Has Identity Become an Issue?* / V. Lopicic // V. Lopicic and B. Misic Ilic (eds). *Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes*. — Cambridge Scholars Press, 2010. — P. 1 — 9.

536. Lorie R., Mikhalev A. *Why You'll Never Have Fun in Russian* / R. Lorie et al // *New York Times Book Review*. — 1989. — P. 1- 38.

537. Lucas J. *England and Englishness: Ideas of Nationhood in English Poetry, 1688-1900* / J. Lucas. — London: The Hogarth Press, 1990 — 227 p.

538. Macdonnell A.G. *England, Their England* / A.G. Macdonnell. — Pan Macmillan, 1995. — 208 p.

539. Macdonnell D. *Theories of discourse: An introduction* / D. Macdonnell. — Oxford: OUP, 1986. — 156 p.

540. MacPhee Gr. and Poddar (eds). *Empire and after: Englishness in postcolonial perspective* / Gr. MacPhee and Poddar (eds). — NY: Berghahn books, 2007. — 218 p.

541. Mandler P. *"In the Olden Time": Romantic History and English National Identity, 1820 — 50* / P. Mandler // L. Brockliss, D. Eastwood (eds.) *A Union of Multiple Identities: The British Isles, c.1750-1850*. — Manchester and New York: Manchester University press — P. 78 — 92.

542. Marcia J.E. *Identity in adolescence* / J.E. Marcia // *Handbook of adolescent psychology*. - N: Wiley, 1980. - P. 159-186.

543. Martin J.N., Nakayama T.K. *Intercultural Communication in Contexts* / J.N. Martin, T.K. Nakayama. - California: Mayfield Publishing Company, 2000. - 364 p.

544. Masterman C.F.G. *The Condition of England* / C.F.G. Masterman - London: Methuen, 1960. - 255 p.

545. Matsumoto D. *Culture and Psychology. People around the World* / D. Matsumoto. - Wadsworth, Thomson Learning, 2000. - 570 p.

546. Matuzkova E.P. *Culture as a Language Learning Resource* / E. P. Matuzkova // III Міжнародна науково-практична конференція з питань методики викладання іноземної мови, присвячена пам'яті проф.

В.Л.Скалкіна: Збірник наукових праць. - Одеса: Астропринт, 2002.- С. 39 - 44.

547. Matuzkova E.P. Language and Culture (Cognitive aspect) / E.P. Matuzkova // International USSE Conference "Cognitive \ Communicative Aspects of English". Cherkassy State University, Cherkassy, Ukraine, 1999. - p. 95 - 96.

548. McCrone D. National Identity// D.McCrone // G. Payne (ed.) Social Divisions. - London: Macmillian, 2000. - P. 115 - 132.

549. McIlvenny P. Cultural Identity at Speaker's Corner / P. McIlvenny // Discourse and Society. - 1996. - Vol. 7. - №1. - P. 6-37.

550. Mendoza Denton N. Language and identity / N. Mendoza Denton // The handbook of language variation and change. - Malden; MA; Oxford, UK: Blackwell, 2002. - 807 p.

551. Merton R.K. Social Theory and Social Structure / R.K. Merton. - New York: Free Press, 1968. - 702 p.

552. Michelson B. Mark Twain on the Loose: A Comic Writer and the American Self / B. Michelson. - Amherst: Univ. of Massachusetts Press, 1995. - 281 p.

553. Miller D. Citizenship and National Identity / D. Miller. - Cambridge: Polity Press, 2000. - 221 p.

554. Miller D. Reflections on British National Identity / D.Miller // New Community. - 21 (2). - 1995. - P. 153 - 166.

555. Misić Ilić B.I., Lopčić V. Exploring Identity // V. Lopčić and B. Misić (eds) Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes . - Cambridge Scholars Press, 2010. - P. ix - xvii.

556. Morley D., Robins K. (eds.). British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity. — Oxford: OUP, 2001. — 544 p.

557. Murdock A. British History 1660-1832: National Identity and Local Culture / A. Murdock. — L.: MacMillan Press; N.Y.: St. Martin's Press, 1998. — 199 p.

558. Nairn T. The Enchanted Glass: Britain and its Monarchy / T. Nairn. — 2-nd. edn. — New York: Vintage, 1984. — 272 p.

559. Newman G. The rise of English Nationalism: A Cultural History 1740 — 1830 / G. Newman. — London: Weidenfeld and Nicolson, 1987. — 294 p.

560. Nicolson C. Towards an "Other Sense" of Identity: Political Subjectivity in Margaret Atwood's Poetry / C. Nicolson. // V. Lopicic and B. Mistic Ilic (eds.) *Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes*. — Cambridge Scholars Press, 2010. — P. 71 — 94.

561. Noonan H. *Personal Identity* / H. Noonan. — London: Routledge, 1989. — 262 p.

562. Oakes P.G., Haslam S.A., Turner G.C. *Stereotyping and Social reality* / P.J. Oakes et al. — Oxford: Blackwell, 1994. — 255 p.

563. O'Brien E. *The Question of Irish Identity in the Writings of William Butler Yeats and James Joyce*. — Lewiston Queenston Lampeter: The Ewin Mellen Press, 1998. — 283 p.

564. Olson Eric T. *Personal Identity* / T. Eric Olson. — [Electronic Resource]. — 2002. — Mode of Access <http://plato.stanford.edu/entries/identity-personal>

565. Olsson Gohery. *The man with the baseball bat* / G. Olsson // *The Language, Society and Power Reader*. Ed. by A. Mooney and others. — London and New York: Routledge, 2011. — P. 308-311.

566. Petkovic D. "Kim Could Lie Like an Oriental": Imperialism and Identity in Rudyard Kipling's *Kim* / D. Petkovic // (V. Lopicic and B. Mistic Ilic (eds.) *Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes*— Cambridge Scholars Press, 2010. — P. 33 — 50.

567. Perriman M. (ed) *Breaking up Britain: Four Nations after a Union* / M. Perriman. — NY: Lawrence and Wishart Ltd, 2009. — 254 p.

568. Pittock M.G.H. *Inventing and Resisting Britain: Cultural Identities in Britain and Ireland, 1685 — 1789* / M.G.H. Pittock. — London: St. Martin's Press, 1997. — 189 p.

569. Porter R. E., Samovar L.A. (Eds.) *Intercultural Communication: A Reader*. - 5th ed / R.E. Porter et al. - Belmont. Calif.: Wadsworth Pub. Co., 1988. - 329 p.

570. Raagma G. *Regional Identity and Public Leaders in Regional Economic Development: Towards the New Approach in Regional Policy: Cultural Geography Theories in Explaining Economic Growth* / G. Raagma. - Tartu: Tartu University Press, 2000. - 361 p.

571. Raven B.H. *Social Psychology: People in Groups* / B.H. Raven. - New York etc: Wiles, 1976. - 591 p.

572. Renwick N. *America's World Identity: The Politics of Exclusion* / N. Renwick. - L.N.Y.: Mac-Millan Press, 2000. - 255 p.

573. Richmond Y. *From Nyet to Da: Understanding the Russians* / Y. Richmond. - Yarmouth, Me: Intercultural press. Inc., 1996. - 192 p.

574. Robbins K. *Great Britain: Identities, Institutions and the Idea of Britishness* / K. Robbins. - London and New York: Longman, 1998. - 377 p.

575. Robbins K. *History, Religion and Identity in Modern Britain* / K. Robbins. - London and Rio-Grande: The Hambledon Press, 1993. - 336 p.

576. Robertson J.O. *American Myth, American Reality* / O.J. Robertson. - N.Y.: Hill and Wang, 1980. - 390 p.

577. Rosch E. *Principles of Categorization* / E. Rosch // *Cognition and Categorization*. - Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. - P. 27 - 48.

578. Schiffrin D. *Approaches to discourse* / D. Schiffrin. - Oxford; Cambridge: Blackwell, 1994. - 470 p.

579. Schiffrin D. *Introduction* / D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton *The handbook of discourse analysis* / [Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton]. - Oxford: Blackwell, 2001. - P. 1-10.

580. Sellar W.C., Yeatman R.J. *1066 and All That* / W.C. Sellar, R.J. Yeatman. - Harmondsworth: Penguin Book, 1960. - 124 p.

581. *Self, Identity and Social Movements*. - Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2000.

582. Sherif M. *In common predicament: Social psychology of intergroup conflict and cooperation* / M. Sherif. - Boston, 1966. - 234 p.

583. Shipler D. K. *Russia: Broken Idols, Solemn Dreams* / D.K. Shipler. - N.Y.: Penguin Books, 1989. - 462 p.

584. Shneider S. *Identity Theory*. [Electronic Resource]. — 2005. — Mode of Access <http://www.rep.utm.eduMidentity.htm>

585. Smart J.J.C. *The Identity Theory*. [Electronic Resource]. — 2004. — Mode of Access <http://plato.stanford.edu/entries/mind-identity>

586. Smith A.D. *National Identity* / A.D. Smith. — London: GRADIVA, 1997. — 252 p.

587. Smith Anthony D. *The Problem of National Identity: Ancient, Medieval and Modern* / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. — 17 (3). — P. 375 — 399.

588. Smyth A. P. *The Emergence of English Identity, 700-1000* /

A. P. Smyth // *Medieval European: Studies in Ethnic Identity and National Perspectives in Medieval Europe*. — New York: St. Martin's Press, 1998.

— P. 24 — 52.

589. Snow D.A. *Identity Work Process in the Context of Social Movements: Clarifying the Identity / Movement Nexus* / D.A. Snow, D. McAdam // *Self, Identity, and Social Movements*. — P 41-90.

590. Song M. *Choosing ethnic identity* / M. Song. — Cambridge: Polity, 2003. — 183 p.

591. Stojkovic N. *Interdependence of Language and Identity: Perspectives of the Globalising World* / N. Stojkovic // V. Lopicic and B. Misic Ilic (eds.) *Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes*— Cambridge Scholars Press, 2010. — P. 157 — 162.

592. Straus A. *Language and Identity* / A. Straus // *Language in Education. A Source Book*. — USA: The Open University, 1972.

593. Stryker Sh. *Identity Competition: Key to Differential Social movement Participation* / Sh. Stryker // *Self, identity and social movements*.

— Mineapolis; London: University of Minesota Press, 2000. — P. 21-40.

594. Stryker Sh. *Identity theory: Developments and extensions* / Sh. Stryker // *Self and Identity*. — NY, 1986. — P. 89-104.

595. Suler J. *Identity Management in Cyberspace*. [Electronic Resource]. — 2002. — Mode of Access <http://www.rider.edu/suler/ssyccyber/identityymanage.html>

596. Suttles G. *The Social Construction of Community* / G. Suttles. — Chicago; London: University of Chicago Press, 1972. — 278 p.

597. Taint H. *Notes on England* [trans. and introduced Edward Hyams, Fair Lawn] / H. Taint. - NJ: Essential Books, 1958. — 296 p.

598. H. Tajfel. *Human groups and social categories* / H. Tajfel. - Cambridge, 1981. - 369 p.

599. Tajfel H. *Social identity and intergroup relations* / H. Tajfel. - Cambridge and Paris, 1982. - 546 p.

600. Tajfel H., Turner J. C. *The social identity theory of intergroup behavior* / H. Tajfel, J.C. Turner // *Psychology of Intergroup relations*. - Chicago, 1986. - P. 7-24.

601. Taylor A. P. J. The English and their Englishness: A Curiously Mysterious, Elusive and little Understood People / A.J.P. Taylor // *Scottish Geographical Magazine* 107 (3). - 1991. - P. 146-161.

602. Taylor A. J. P. *English History 1914-1945* / A.J.P. Taylor - Oxford: Clarendon Press, 1965. - 752 p.

603. Taylor Ch. *Sources of the Self: the Making of Modern Identity* / Ch. Taylor. - Cambridge: Harvard University Press, 1989. - 608 p.

604. Taylor J.A. *Diana, Self-Interest, and British National Identity* / J.A. Taylor. - Westport, Connecticut; L.: Praeger, 2000. - 169 p.

605. Taylor J.A. *Popular Literature and the Construction of British National Identity 1707-1850* / J.A. Taylor. - San Francisco; L.: International Scholars Publications, 1997. - 210 p.

606. Taylor P.J. Which Britain? Which England? Which North? / P.J. Taylor // Morley D., Robins K. (eds.). *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity*. - Oxford: OUP, 2001. - P. 127-144.

607. Tidrick K. *Empire and the English Character* / K. Tidrick. - London: I.B.Tauris, 1990. - 338 p.

608. Tocqueville Alexis de. *Journeys to England and Ireland* [trans. George Lawrence and K.P. Mayer, ed. J.P. Mayer]. - London: Faber and Faber, 1958. - 255 p.

609. Toyota J. Identity-related Issues in Contact-induced Historical Changes / J.Toyota // V. Lopicic and B. Misic Ilic (eds.) *Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes* - Cambridge Scholars Press, 2010. - P. 127 - 138.

610. Tracey R. *The Unappeasable Host: Studies in Irish Identities* / R. Tracey. - Dublin: Univ. of Dublin Press, 1998. - 281 p.

611. Truss L. *An Introduction* / L. Truss // *How Rude! Modern Manners defined*. - Collection of essays. - L., 2012. - P. 13 - 16.

612. Turner G.C. *Henry Tajfel: In introduction* / G.C. Turner / *Social Groups and Identities: Developing the Legacy of Henry Tajfel*. — Oxford, 1996. — P. 1-25.

613. Turner G.C., Hogg M.A., Oakes P.G., Reicher S.D., Wetherell M. *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory* / G.C. Turner. — Oxford: Basil Blackwell, 1987. — 239 p.

614. Turner G.C., Oakes P.G. Self-categorization theory and social influence / Psychology of group influence / G.C. Turner, P.G. Oakes. — Hillsdale, New Jersey, 1989. — P. 233-275.

615. Turville-Petre Th. England the Nation: Language, Literature and National Identity 1290-1340 / Th. Turville-Petre. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — 241 p.

616. Washbrook D. 'To each a language of his own': language, culture, and society in colonial India / D. Washbrook // Language, History and Class. Ed. by P.J. Corfield. — Basic Blackwell, 1991. — P. 179-203.

617. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review / A.S. Waterman // Developmental Psychology. — 1982. — Vol. 18. 3. — P. 341-358.

618. Waterman A.S. Identity in Adolescence: Processes and Contents / A.S. Waterman. — San-Francisco, 1985. — 105 p.

619. Webster Wendy. Englishness and Empire 1939-1965 / W. Webster. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 264 p.

620. Wheeler L. A brief history of social comparison theory / Social comparison: Contemporary theory and research / L. Wheeler. — Hillsdale, 1991. — P. 3-21.

621. White L.A. The Science of Culture: A Study of Man and Civilization / L.A. White. — Farrar, Straus, 1949. — 444 p.

622. Wierzbicka A. English. Meaning and Culture / A. Wierzbicka. — Oxford: OUP, 2006. — 352 p.

623. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture Specific Configurations / A. Wierzbicka. — N.Y.: OUP, 1992. - 487 p.

624. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words / A. Wierzbicka. — OUP, 1997. — 317 p.

625. Wilkes K. Real people: personal identity without thought experiments / K. Wilkes. — Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1988. — 249 p.

626. Williams R.L. Russia Imagined: Art, Culture and National Identity, 1840-1955 / R.L. Williams. - N.Y.: Peter Lang, 1997. - 343 p.

627. Wilpert C. Ethnic and Cultural Identity: Ethnicity and the Second Generation in the Context of European Migration / C. Wilpert // New Identities in Europe, Aldershot. UK, 1989. - P. 6-24.

628. Wodak R., Ciltia de R., Reisig M. and Liebhart K. The Discursive Connection of National Identity / R. Wodak et al. / Translated by A. Hitsch and R. Mitten. - Edinburgh: UP, 1999. - 226 p.

629. Wodak R. et al. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak et al. - Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. - 226 p.

630. Wood M. In Search of England: Journeys Into the English past / M. Wood. - London: Penguin Books, 2000. - 352 p.

631. Woodward K. Identity and Difference / K. Woodward. - L.: SAYE Publications, 1997. - 358 p.

632. Woodward K. Understanding Identity / K. Woodward. - L.: Arnold, 2002. - 184 p.

633. Wormald P. Bede, the Bretwaldas and the Origins of the Gens Anglorum // P. Wormald, D. Bullough and R. Collins (eds.) Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society. - Oxford: Dasil Blackwell, 1983. - P. 99 - 129.

634. Wormald P. The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century / P.Wormald. - Oxford: Blackwell, 2001. - 574 p.

635. Zavalloni M. Cognitive process and social identity through introspection / M/ Zavalloni // European Journal of Social Psychology. - 1971. - № 1. - P. 235-260.

636. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. - 672 с.

637. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-ое, пере- раб. / И.Х.Дворецкий. - И.: Изд. «Русский язык», 1976. - 1096 с.

638. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / - М.: Филол. фак-т МГУ, 1996. - 245 с.

639. Краткий словарь по философии. - М.: Изд-во политической литературы, 1982. - 431 с.

640. Крысько В.Г. Социальная психология: словарь-справочник. - Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. - 688 с.

641. Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 1. / Главный редактор и автор проекта С.Я. Левит. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. — 1392 с.

642. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, нац. общ-научн. фонд; научн.-ред. совет: председ. В.С. Стенин. — М.: Мысль, 2010. — Т. 2. — 2011. — 634 с.

643. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. — Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. — 896 с.

644. Новый Большой Англо-Русский Словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. — 6-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001. — 832 с. (Т. 3), 823 с. (Т. 2), 828 с. (Т. 1).

645. Политическая энциклопедия в 2 т. Т. 1. / Нац. обществ.-научн. фонд; Рук. Проекта Г.Ю. Селишин; Научн.-редак. совет. — М.: Мысль, 2000. — 750 с.

646. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Педагогика-Пресс, 1996. — 440 с.

647. Психологічний енциклопедичний словник / Упорядник В.П. Горбатенко. — 2-е вид., доп. і перероб. — К.: Генеза, 2004. — 736 с.

648. Психологічна енциклопедія / Автор-упорядник О.М. Степанов. — К.: Академвидав, 2006. — 424 с.

649. Соціологічна енциклопедія / Укладач В.Г. Городянко. — К.: Академвидав, 2008. — 456 с.

650. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. — Минск: Ин-терпрессервис; Книжный Дом, 2003. — 1312 с.

651. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивгина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.

652. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1987. — 590 с.

653. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. — М.: Политиздат, 1991. — 560 с.

654. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

655. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 576 с.

656. Шапар В.Б. Психологічний тлумачний словник. - Х.: Прапор, 2004. - 640 с.

657. Энциклопедия мудрости. Литературно-художественное издание. - Издательство «Буколика»; издательство «РООССА», 2007. - 814 с.

658. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. - Millenium Edition. - Revised by A. Room. - London: Cassell and Co, 2001. - 1298 p.

659. A Dictionary of Sociology. Ed. by G. Scott and G. Marshall. Third Edition Revised. - Oxford: OUP, 2009. - 816 p.

660. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. - 2-nd edn, [revised Sir Ernest Gowers]. - Oxford: Oxford University Press, 1983. - 1234 p.

661. Free (on-line) Dictionary. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.thefreedictionary.com

662. Longman Dictionary of English Language and Culture. - Longman, 1998. - 1569 p.

663. Manie de francais [Электрон. Ресурс]. - Режим доступа: [french-films.my.l.ru / kratkij_spravochnik_po_grammatike/10](http://french-films.my.l.ru/kratkij_spravochnik_po_grammatike/10)

664. Merriam-Webster Online [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.merriam-webster.com

665. Open Democracy [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.opendemocracy.net/ok-tags/englishness

666. The Oxford English Reference Dictionary. Edited by J. Pearsall and B. Trumble. - Oxford, New York: Oxford University Press, 1995. - 1764 p.

667. Room A.R.W. Dictionary of Great Britain. - Moscow: Russky Yazyk Publishers, 1999. - 559 p.

668. Aslet C. Anyone for England? / C.Aslet. - Little, Brown, 1997. - 253 p.

669. Bryson B. Notes from a Small Island / B.Bryson. - L.: Black Swan, 1996. - 352 p.

670. Clarke S. 1000 years of Annoying the French / S.Clarke. - L.: Black Swan, 2011. - 686 p.

671. Colls R. Identity of England / R.Colls. - Oxford: OUP, 2004. - 426 p.

672. Daudy Ph. Les Anglais: Portrait of a People / Ph.Daudy. - L.: Headline Book Publishing PLC, 1992. - 424 p.

673. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K.Fox. — London: Hedder, 2005. — 424 p.

674. Kelsey R. The Pursuit of Happiness: Overpaid, Oversexed and Over There / R.Kelsey. — Bantam Books, 2000. — 352 p.

675. Ledger F. Fiona's Very Large Handbook of Englishness / F.Ledger. — L.: Lidane Press, 2006. — 79 p.

676. Lyall S. The Anglo-Files: A Field Guide to the British / S.Lyall. — New York, London: W.W.Norton and Company Inc., 2008. — 289 p.

677. Miall A., Milsted D. Xenophobe's Guide to the British / A.Miall, D.Milsted. — Oval Book, 2003. — 340 p.

678. Paxman J. The English: A Portrait of a People / J.Paxman. — L.: Penguin Books, 1999. — 308 p.

679. Scruton R. England: An Elegy / R.Scruton. — Continuum International Publishing group Ltd., 2006. — 270 p.

680. Smith G. The English Companion: An idiosyncratic A to Z of England and Englishness / G.Smith. — Old House Books, 2006. — 283 p.

681. Young T. How to Lose Friends and Alienate People / T.Young. — Da Capo Press, 2003. — 340 p.

УДК 811.111'42.001.361

ББК 81.432.1 - 3 М 348

Научное издание

Матузкова Елена Прокофьевна

**ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЛИНГВОКУЛЬТУРА:
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ**

Монография

В оформлении обложки использована фоторабота британских художников-авангардистов Гилберта и Джорджа, «Англия, 80» (Gilbert and George: «England, 80»).

Підписано до друку 25.06.2014 р. Формат 60х84/16. Гарнітура Times.
Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк.арк. 19,41. Зам. 3945 Тираж 300 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.) Надруковано в
КП «Одеська міська друкарня» 65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17

²⁷ Попытки разграничения понятий, обозначающих особенности мыслительных процессов и детерминирующихся терминами «мышление», «менталитет», «ментальность» и т.п. все еще не привели к ожидаемому результату. Не вдаваясь в полемику относительно вышеуказанных понятий [см.: Гачев 1995; Колесов 2013; Пименова 2011; Привалова 2005; Селиванова 2008 и мн. др], отметим, что ментальность в более широкой трактовке понимается в работе как «осознанная духовность» [Колесов 2013, 8], «процесс мирозерцания, мировидения, способ постижения мира, в результате которого формируются образы и представления» [Привалова 2005, 22], в более узкой, лингвокультурологической - как «совокупность типичных проявлений в категориях родного языка, сознательного и бессознательного восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое

проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества» [Алефиренко 2012, 109]. В современной лингвокультурологии понятие «ментальность» используется при обосновании этнической обусловленности сознания и истоков целостности народа; именно в ее глубинах рождаются и развиваются культурные феномены, определяющие менталитет коллективной общности и ее представителей. Менталитет, тем самым, преимущественно связан с ценностным аспектом сознания и может быть определен в широком смысле как специфический способ восприятия и понимания действительности, детерминируемый «совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы» [Попова, Стернин 2002, 8]. В лингвокультурологическом ракурсе изучения, менталитет - это, по сути, сама наивная картина мира в ценностной прагматичности этнокультурного сознания, он состоит не столько из идей, сколько из чувств, настроений, мнений, впечатлений, подсознательно управляющих человеком (Н. Алефиренко, А. Хроленко и др.). .